

Том 18, № 5, 2025 год

Экономика. Налоги. Право

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google
Scholar

WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

Vol. 18, No. 5, 2025

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

Экономика. Налоги. Право

Научно-практический журнал

Том 18, № 5, 2025

Издается с 2007 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 1999-849X (Print)

ISSN 2619-1474 (Online)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России»: 81303**Свидетельство о регистрации:**

ПИ № ФС77-67075 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:

Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации, 125167, Российская
Федерация Москва, Ленинградский
проспект, 49
8(499) 553-10-71
vashadrin@fa.ru
etl.fa.ru

«Экономика. Налоги. Право» –
рецензируемый научно-практический
журнал, на страницах которого
публикуются оригинальные научные
статьи, обзоры, аналитические
материалы по актуальным вопросам
права, налогов и налогообложения,
мировой, региональной и отраслевой
экономики, государственного
и муниципального управления,
финансовой и инвестиционной
политики, менеджмента.

Журнал «Экономика. Налоги. Право»
индексируется в базах данных: Ebsco,
RePec, eLibrary.ru, Russian Index
of Science Citation

Специальности ВАК:5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки5.2.3. Региональная и отраслевая
экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика
(экономические науки)5.2.6. Менеджмент (экономические
науки)5.2.7. Государственное и муниципальное
управление (экономические науки)**Главный редактор:** Гончаренко Л.И.**Выпускающий редактор:** Шадрин В.А.**Переводчик:** Оберемко Т.Н.**Корректор:** Колобова Н.В.**Верстальщик:** Ветров С.М.

Формат 60×84 1/8.

Подписано в печать: 21.10.2025

Заказ № 2506948

Отпечатано в ООО «СТ», г. Воронеж

Дата выхода в свет: 21.11.2025

© Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, Заслуженный
работник высшей школы РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского
дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

АДВОКАТОВА А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового
администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

БЕРНС У., доктор права, профессор школы имени
Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

ВИНИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового
права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Российская Федерация
ГОЛОВНЕНКОВ П.В., доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета,
Потсдам, Германия

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга
и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг
и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ИВАНОВ Ю.Б., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе
Научно-исследовательского центра промышленных проблем развития НАН Украины,
Харьков, Украина

КИРЕЕВА Е.Ф., доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный
экономический университет, Минск, Республика Беларусь

КРАСЮКОВА Н.Л., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное
и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов
и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук,
профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового
и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник
кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург,
Владивосток, Российская Федерация

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ПАНСКОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового
администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

ПИНСКАЯ М.Р., доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-
исследовательского финансового института Минфина России, Москва, Российская Федерация
ПОГОРЕЛЬСКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой
политической экономики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

ПОПОВА А.В., доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры
международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика
и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская
Федерация

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, декан юридического факультета, профессор
кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

СОЛЯНИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская
Федерация

ХЕЛЬМАНН У., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических
преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов,
Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Head of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ADVOKATOVA A.S., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

BYRNES W., Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

GOLOVNEKOV P.V., Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russian Federation

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

IVANOV YU.B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

KIREEVA E.F., Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

KRASYUKOVA N.L., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

KUNITSYNA N. N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MAYBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

PINSKAYA M.R., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Russian Federation

POPOVA A.V., Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. (Econ.), Associate Professor, Vice-rector for scientific work, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

HELLMANN U., Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russian Federation

Economics, Taxes & Law

Scientific and Practical Journal

Volume 18, No. 5, 2025

Published Since 2007

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 1999-849X (Print)

ISNN 2619-1474 (Online)

Founder and Publisher: Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation

8(499) 553-10-71

vashadrin@fa.ru

etl.fa.ru

Aims and Scope: Economics, Taxes & Law is a peer reviewed academic journal that publishes original research, reviews, and analytics on law, taxes, global and regional economics, public administration, financial policy, and management.

The journal Finance:

Economics, Taxes & Law is indexed in the following databases: Ebsco, RePEc, eLibrary.ru, Russian Index of Science Citation

Editor-in-chief: Goncharenko L.I.

Senior editor: Shadrin V.A.

Translator: Oberemko T.N.

Proofreader: Kolobova N.V.

Design and layout: Vetrov S.M.

Format 60×84 1/8.

Passed for printing: 21.10.2025

Order № 2506948

Printed in ST LLC, Voronezh

Issue Date: 21.11.2025

© Financial University under the Government of the Russian Federation

ТЕМА НОМЕРА*О.С. Сухарев***Государство в экономической науке: поляриность взглядов и современная повестка** 6**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ***И.А. Соколов, Ю.Е. Казакова***Федеральный бюджет 2025 г.: риски несбалансированности и меры их нейтрализации** 20*В.А. Чернов***Роль государственного регулирования в достижении экономического роста и укреплении
производственного суверенитета.** 32*С.В. Криворучко, И.А. Ризванова***Развитие национальной платежной инфраструктуры в условиях цифровизации** 51*Е.Р. Безсмертная***Российские инициативы в области устойчивого развития агломераций и территорий:
работа над ошибками ESG.** 60*Н.В. Сергеева***Совместные предприятия как инструмент повышения занятости населения
в условиях трансформации экономики.** 69**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ***К.В. Харченко***Рейтинг умных территорий: методологические основы и ключевые показатели** 79**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА***Е.С. Цепилова, О.И. Беляева***Малые города как объекты региональной политики в контексте бюджетного федерализма** 91**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА***Е.Ф. Киреева***Обеспечение фискальной устойчивости на территории Евразийского экономического союза:
интеграционный подход** 102*Ю.Н. Шедько, И.Ю. Ильина, И.А. Квасов***Использование китайского опыта в управлении здравоохранением России** 112**НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ***Н.В. Рубан-Лазарева***Налогообложение юридических лиц и его влияние на финансовые результаты
хозяйственной деятельности** 122*Л.А. Дьячкина, А.И. Кожаккина***Налоговые льготы как инструмент стимулирования развития ИТ-отрасли** 133**ОБЗОР***И.А. Майбуров, Д.В. Куницын, Ю.В. Леонтьева***XVII международный симпозиум «Теория и практика налоговых реформ.** 146**ПРАВО***С.В. Шурина***Государственное регулирование рынка цифровых активов: подходы и практика** 154*Л.С. Ревенко, Н.С. Ревенко***Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию** 165*Д.В. Шахов***Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации** 178

TOPIC OF THE ISSUE*O.S. Sukharev***The State in Economics: The Polarity of Views and the Modern Agenda 6****ECONOMICS AND MANAGEMENT***I.A. Sokolov, Yu.E. Kazakova***The 2025 Federal Budget: Risks of Imbalance and Measures to Neutralize Them 20***V.A. Chernov***The Role of Government Regulation in Achieving Economic Growth and Strengthening****Industrial Sovereignty 32***S.V. Krivoruchko, I.A. Rizvanova***The Development of the National Payment Infrastructure****in the Context of Digitalization. 51***E.R. Bezsmertnaya***Russian Initiatives in the Field of Sustainable Development of Agglomerations and Territories:****Working on the Mistakes of ESG 60***N.V. Sergeeva***Joint Ventures as a Tool to Increase Employment in the Context of Economic Transformation 69****STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION***K.V. Kharchenko***Smart Territories Rating: Methodological Foundations and Key Indicators 79****REGIONAL ECONOMY***E.S. Tsepilova, O.I. Belyaeva***Small Towns as Objects of Regional Policy in the Context of Fiscal Federalism 91****WORLD ECONOMY***E.F. Kireeva***Ensuring Fiscal Sustainability in the Territory of the Eurasian Economic Union: An Integration Approach. 102***Yu.N. Shedko, I. Yu. Ilyina, I.A. Kvasov***Using Chinese Experience in Russian Healthcare Management 112****TAXES AND TAXATION***N.V. Ruban-Lazareva***Taxation of Legal Entities and its Impact on Financial Performance. 122***L.A. Dyachkina, A.I. Kozhakina***Tax Incentives as a Tool to Stimulate the Development of the IT Industry. 133****REVIEW***I.A. Mayburov, D.V. Kunitsyn, Yu.V. Leontieva***XVII International Symposium "Theory and Practice of Tax Reforms". 146****LAW***S.V. Shchurina***Government Regulation of the Digital Asset Market: Approaches and Practice. 154***L.S. Revenko, N.S. Revenko***Artificial Intelligence: Modern Approaches to Multilateral Regulation 165***D.V. Shakhov***Introduction of Experimental Legal Regimes in the Context of Digital Transformation 178**

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19
УДК 330.101(045)
JEL B41, H40, P16

Государство в экономической науке: полярность взглядов и современная повестка

О.С. Сухарев

Российская академия наук, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — роль государства в экономической науке в полярной системе координат «неолиберализм — дирижизм» с выделением его системообразующей сущности в современную эпоху. **Цель** работы — доказательство неадекватности нарочитого идеологически детерминированного подхода к оценке государства в экономической науке с точек зрения минимизации его значения и доктрины «вмешательства — невмешательства», которые порождают оторванные от жизни интеллектуальные конструкции в экономической науке, экономические модели и аналитические рекомендации. **Методологию** настоящего исследования составляют теории государства в экономической науке, «системная экономика» и концепция, базирующаяся на отношении к государству как системообразующей основе современного развития. Основным результатом исследования состоит в установлении того, что современная повестка дня в экономической науке требует системного рассмотрения процесса развития государства с отказом от применения неадекватных терминов и строящихся на них моделей, когда оно вмешивается или не вмешивается в рыночные отношения. Тем самым обосновывается необходимость исключения противопоставления государства и рынка с целью преодоления самой важной методологической проблемы экономического знания и получения наиболее адекватных моделей развития и инструментов управления экономикой и обществом. Сделан **вывод** о том, что в отношении российской экономики частично подтверждается действие закона Вагнера, описывающего расширение государственного сектора в ситуации, при которой соотношение между его долей и оптимальным темпом роста ВВП не является незыблемой закономерностью, так же как ориентация экономической политики на его поиск или учет. **Ключевые слова:** экономическая наука; государство; либеральная парадигма; дирижистская парадигма; доктрина «вмешательства»; закон Вагнера; институциональное планирование

Для цитирования: Сухарев О.С. Государство в экономической науке: полярность взглядов и современная повестка. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):6-19. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19

ORIGINAL PAPER

The State in Economics: The Polarity of Views and the Modern Agenda

O.S. Sukharev

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the research is the role of the state in economics in the polar coordinate system “neoliberalism — dirigisme” with the allocation of its system-forming essence in the modern era. **The purpose** of the work is to prove the inadequacy of a deliberate ideologically determined approach to assessing the state in economics from the point of view of minimizing its importance and the doctrine of “intervention — non-interference”, which generate intellectual constructions in economics, economic models and analytical recommendations that are out of touch with life. **The methodology** of this research consists of theories of the state in economics, “systemic economics” and a concept based on the attitude towards the state as the system-forming basis of modern development. The main result of the research is to establish that the modern agenda in economics requires a systematic review of the development process of the state, rejecting the use of inappropriate terms and models based on them when it intervenes or does not interfere in market relations. This substantiates the need to eliminate the opposition between the state and the market in order to overcome the most important methodological problem of economic knowledge and obtain the most adequate development models and management tools for the economy and society. **It is concluded** that the Wagner law partially

© Сухарев О.С., 2025

confirms the effect of the Russian economy, which describes the expansion of the public sector in a situation in which the ratio between its share and the optimal rate of GDP growth is not an unshakable pattern, as well as the orientation of economic policy towards its search or accounting.

Keywords: economics; government; liberal paradigm; dirigiste paradigm; the doctrine of “intervention”; Wagner’s law; institutional planning

For citation: Sukharev O.S. The state in economics: The polarity of views and the modern agenda. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние экономической науки не назовешь безоблачным¹ [1], сильно отличающимся от доминирования известных стереотипов «минимального государства» либо «государства всеобщего благосостояния», не отрицающего, кстати, общего капиталистического построения хозяйственной системы со всеми вытекающими последствиями².

Возникла парадоксальная ситуация — происходят масштабные изменения в мирохозяйственном укладе, явно увеличивается конфликтность с обострением судьбоносных проблем выживания человеческого общества и закономерным расширением государственного управления без изменения десятилетиями подходов к экономической науке [2]. Более того, даже происходят отдельные случаи либерального реванша на идейном уровне, по крайней мере в России, когда

оправдывается и предлагается для текущего момента следование принципам «рейганомики», которая российскими адептами [3] бездоказательно признается успешной в деле борьбы со stagflation³. Неолиберальная глобализация отдельными неоклассическими экономистами, в частности Морисом Аллее, рассматривалась как угроза экономическому росту и занятости во Франции [9], тем самым подтверждая неоднозначность экономической доктрины «невмешательства государства» [от фр. *laissez-faire* (в переводе — «позвольте делать»)], согласно которой государственное регулирование экономики и экономическое вмешательство должны быть минимальными в формировании моделей в экономической науке, где государство выглядит экзогенным фактором либо «ночным сторожем», единственными функциями которого являются обеспечение граждан армией, полицией и судами для защиты от агрессии, краж, мошенничества. Это, конечно, более мягкий

¹ Это особенно значимо относительно современной российской школы, поскольку за три десятилетия были сформированы ярые адепты неоклассических рецептов регулирования развитием экономики, конкурентных начал при устранении участия государства, а также масштабной приватизации. Идейная основа в нелиберальных доктринах минимального государства, отстаиваемых Р. Нозиком, Дж. Миллем, Л. Мизесом, Ф. Хайеком [4; 5] и другими экономистами, поборниками общества Монт-Перелин — влиятельного аналитического центра, основанного в 1947 г. с целью навязывания либерализма и приватизации, снижения налогов и сокращения социального государства, В. Ойкенем — одним из основателей ордолиберализма (от лат. *ordo* — «порядок»)[6; 7], отражая взгляды представителей этого направления на проблемы порядка в экономике и обществе. Все усилия показать конкурентный капитализм высокoeffективным и самосовершенствующимся, заложить научные основы его дальнейшего существования, нашли также отражение в доводах Дж. Стиглица, показавшего, что посредством «прогрессивного капитализма» состояние текущего капитализма можно якобы поправить, хотя на самом деле это сделать невозможно, особенно, если отрицать или из экономических моделей и даже анализа исключать государство [8].

² В то время как всеобщее благосостояние может быть обеспечено в рамках социалистической системы построения общества (причем при однопартийной системе управления) и соответствующего государства, что показывают Китай, Вьетнам и Куба даже в XXI в., не говоря уже о XX в.

³ Станным образом в отдельных (близоруких, на наш взгляд, и поверхностных) публикациях прогнозируется stagflation для России в 2025 (за 9 месяцев 2025 г. она так и не наблюдается) или 2026 гг. Даже в 2024 г. современное состояние экономики якобы называлось предтечей stagflation, хотя никаких симптомов не просматривалось, и не видно их было и в начале 2025 г., хотя ресурсы в существенном объеме вовлечены в производство, которое росло (хотя по итогу 1 полугодия 2025 г. имеется сильное и закономерное, по причине монетарной политики, торможение), сопровождаясь высокой инфляцией и низкой безработицей. Stagflation — это явление относительно высокой инфляции и высокой безработицы, которая может со временем затормозить рост России (ключевая ставка и жесткая монетарная политика также работают на это), что увеличит безработицу, вернув ее к прежним 4, а может быть, и 5–6%. Но именно такие эффекты (торможения) в затратной системе, генерирующей рост цен, способны усилить инфляцию. Поэтому stagflationное проявление (не измеряемое исключительно темпом роста ВВП, который может быть небольшим, но не означающим stagflation, когда речь идет о stagflationном росте) возможно и будет вызвано возвратом по уровню безработицы, который, вероятно, немного замедлит цены. Следовательно, это не будет классической stagflation. Однако со временем проводимая монетарная политика (подвигающая к девальвации) по новому кругу запустит ускорение инфляции.

вариант, нежели представлять государство «Левиафаном» — библейским огнедышащим и многоголовым морским змеем в фантастическом сериале «На краю Вселенной», как было длительное время принято в неолиберальных экономических кругах Запада, сохраняясь до сих пор, с некоторыми оговорками. Но такие умозрительные построения не работают со дня их ввода в экономический анализ [10], однако были удобны для большей части аналитического сообщества и правящего истеблишмента, отражающего интересы правящего буржуазного (праздного) класса [11] — значит, меньше административной власти, следовательно, слабее уровень контроля, больше возможностей для собственных решений в угоду личным интересам.

Кстати, представления о роли индивида в экономике, идущие еще от А. Смита и Д. Рикардо, а также многих философов (включая специалистов по теории познания — в частности, К. Поппера), подхваченные и вознесенные на небывалую высоту абсолютизации австрийской школой неоклассиков, сыграли в экономическом анализе «злую шутку», противопоставив индивида и государство как по целям, так и по назначению. Искусственно разводя и манипулируя понятиями «общественный» и «индивидуальный» интерес, выстраивая на этой основе искусственные «методологические измы».

Абсолютизация индивида автоматически приводила к идеализации рынка как некой субстанции, как будто функционирующей без государства или вне его, что фактически неверно и не соответствует действительности. Таким образом, выстраиваемые модели сразу выводили влияние государства на рынок вне действия системы перекрещивающихся кривых спроса и предложения, исключая государство из соддержательной стороны спроса и предложения, что также не отвечало реальности.

Возникшие в работах А. С. Пигу «внешние эффекты» как «провалы рынка» и «провалы государства» уже стали следствием появившихся до него и укорененных в экономической науке противопоставлений индивида и государства, рынка и государства. Но вводя корректирующие налоги, А. Пигу [12] не мог подозревать, насколько сильны либеральные устои нарочитой минимизации государства и что появится совершенно неживая конструкция Коуза, гласящая: «Если права собственности четко определены и трансакционные издержки равны нулю, размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо

от изменений в распределении прав собственности» (одноименная «теорема» с легкой руки Дж. Стиглера⁴), выводящая государство из сделки и фактически отрицающая «пигувианские» налоги, которые увеличат частные издержки объекта производства до предельных общественных издержек, чтобы он производил социально оптимальное количество товара, лишь бы убрать государство с его налогами из контекста экономического (теоретического) анализа⁵ [10].

Дихотомия «рынок — государство» автоматически порождает дихотомию провалов, якобы правдоподобно выделяя те узкие места, где одно работает, а другое — нет. Тем самым фокусируется перечень задач для одной субстанции — рынка и другой — государства, но при этом упускается из виду то, что эти субстанции отнюдь не равнозначны даже в некотором приближении, а так называемые «провалы» искусственно сформулированы. Причем государство, будучи субстанцией более высокого порядка, нежели рынок, в организационном и управленческом, и даже идеологическом смыслах не может не отвечать за все разновидности «провалов», как их не определяй. Его устранение или минимизация, либо рассмотрение власти как политического рынка в рамках конституционной политической экономии Бьюкенена — Таллока [13–15] сужает значение государства, никак не объясняя повышение его роли в плане увеличения государственного сектора.

⁴ Международная оценка (см. формулировку Нобелевской премии) его трудов содержит указание на вклад и в освещение вопросов государственного регулирования. Однако правительственные меры рассматриваются экзогенно относительно промышленных рынков, коим отдается больший приоритет в его работах. Тем самым он несколько не выходит из общих, созданных до него границ развития экономической науки и знания неолиберального и прокапиталистического контекста.

⁵ В многочисленных авторских работах в период 2001–2023 гг. (см. www.osukharev.com) подробно разбирается и опровергается теорема Р. Коуза, которая не работает даже по своей фабуле при нулевых трансакционных издержках (хотя обмен прав в таком случае на практике невозможен), при ненулевых трансакционных издержках теорема не соблюдается в принципе. А при нулевых издержках она не работает, если учесть функциональное распределение между агентами, которое меняется при обмене прав, даже если предположить, что издержки равны нулю. Возникает функциональное изменение, не учитываемое Коузом и его последователями, которое не может не влиять на ценность производства и его структуру, что утверждает теорема, показывая обмен прав между фермерами и скотоводами. Функционал и знания агентов различны, в связи с чем перемещение прав не может не затронуть реализацию этого функционала, обеспечивающего производство, с его влиянием на ценность и его структуру.

Проблему противопоставления частного и государственного секторов давно снял Джон Гэлбрейт, что зафиксировано в его трудах еще в XX в. и получило определенную по точности трактовку в «Экономике невинного обмана» [16], которая фактически является его завещанием. Он справедливо констатировал сращивание двух этих секторов в решении вопросов совместного развития, сильную взаимную зависимость по линии бюджета, налогов, институциональных коррекций, административных решений, проектов и т.д., а также сращивание владений в акционерном управлении и пр. Это сращивание составляет прочную основу для коррупционных схем, что объясняет рост расходов на борьбу с организованной преступностью, не приводящую к ее сокращению как доли от создаваемого ВВП.

Наблюдается очевидный «провал теорий» в силу их дисфункций (инструменты, аппарат и методология являются устаревшими и/или не пригодными), а также их абсолютно неадекватного применения. Однако российские адепты, воспитанные в либеральном экономическом духе, не сдаются, и предлагают России следовать правилам «рейганомии» в борьбе с ожидаемой стагфляцией [3], а оценку государства низводят до термина «вмешательство» и дерегулирования, т.е. обеспечения невмешательства. В связи с этим предлагается осуществление срочной приватизации для сокращения государственного сектора и уменьшения контроля, которые не соответствуют объективным процессам концентрации и централизации управления в условиях повышения конфликтности и обострения борьбы за ресурсы. Это объективизирует государственное расширение, хотя в таких терминах не следует оценивать объективный процесс, ибо уже в такой оценке неявно заложено противопоставление рынка и государства, индивида и государства, являющееся по своей фабуле и назначению неадекватным и необъективным [10].

Целью настоящей статьи является демонстрация неадекватности полярных взглядов на государство в экономической науке до сегодняшнего дня (в терминах «вмешательство — невмешательство»), когда системные представления и объяснения объективных процессов централизации управления требуют выхода из устаревших философско-экономических догм, кстати, вводимых в интеллектуальный континуум экономической науки нормативным образом — без доказательств.

Сложившийся устаревший подход приводит к кризису экономической науки, неспособной не только

объяснить многие современные процессы, начиная от глобализации и деглобализации, но и многие аспекты национального развития и общественно-политического устройства, его изменения и перспектив, например движения к социализму, что предполагал Шумпетер, считая этот процесс объективным [17].

Рассмотрим несколько обстоятельств, приведших к возникновению полярности взглядов на государство в экономической науке, которые сильны до сих пор, хотя и вводят экономический анализ в кризис, часто не замечаемый подавляющим большинством экономистов-исследователей, поскольку они не выходят за рамки заданной им парадигмы. Далее кратко изложим содержание доктрины «невмешательства», с вытекающим акцентом на государство как создателя «всеобщего благосостояния», но в капиталистической системе (без учета социалистического варианта), с проверкой закона Вагнера, а также теории порядков. Завершим анализ изложением современного взгляда на государство в экономической науке как систему, определяющую хозяйственное и научное развитие, уклад жизни людей и их возможности⁶.

ДОКТРИНЫ «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА — ВМЕШАТЕЛЬСТВА», «ЕСТЕСТВЕННОГО — НЕ ЕСТЕСТВЕННОГО» ПРАВА И ЗАКОН ВАГНЕРА

Представление о «невмешательстве» государства в экономику сложилось в экономической науке под сильным влиянием идей, превозносящих роль

⁶ Вследствие обширности и масштабности темы, вынесенной ниже в подзаголовок статьи, пришлось ограничить исследование показом неадекватности неоклассических либеральных трактовок государства и возникающих на их базе теорий, противопоставляющих государство и индивидов, истоком которых является философская доктрина «естественного права», основывающаяся на объективной природе человека и общества и берущая начало из трудов знаменитых философов прошлого, но никак не пригодная к объяснению государства и построению адекватных экономических моделей, описывающих экономическое развитие прошлого и современной эпохи. Многочисленные трактаты весьма подробно расписывают функции государства, его патерналистскую роль особенно в решении «социального вопроса». Существует также множество теоретических трактовок и теорий государства. Их подавляющее большинство, за исключением марксистской теории государства, исключают такое свойство, как системность государства, делая акцент либо на его функциональном предназначении, либо на его регулирующей роли, противопоставляя государство индивидуальным свободам, даже не задумываясь над тем, что они также обеспечиваются государством.

и значение индивида, его выбора и предпочтений. Именно люди образуют государство и ведут хозяйственную деятельность, реализуя собственную функцию полезности, которую в экономической науке абсолютизировали со времен «невидимой руки» Адама Смита, явно пренебрегая тем, что вне режима установления правил поведения, реализации власти и управления государственное образование и функционирование невозможны. Более того, во многом формирование функций индивидуальной полезности происходит благодаря реализации власти и с учетом иерархических цепочек управления обществом и государством. При рассмотрении всего одного объекта экономики — рынка из анализа уходило представление о том, что спрос и предложение — это две компоненты, причем детерминирующие друг друга по нелинейным связям и включающие значительный набор субъектов, включая государство. Кроме этого, хозяйственная система сформирована из многочисленных пересекающихся и никак напрямую не связанных рынков. Но даже в отсутствии прямой связи между субъектами спроса и предложения таких рынков может происходить конкуренция за ресурсы как общего, так и специфического назначения (интеллектуальные ресурсы).

Согласно Шумпетеру деятельность предпринимателей-новаторов порождает неустойчивое развитие, отклоняя систему из точки равновесия (совокупный спрос равен совокупному предложению⁷), а И. Кирцнер отстаивал противоположную точку зрения, полагая, что предприниматели (новаторы), наоборот, стремятся делать систему равновесной, обеспечивая ее устойчивость [10; 17]. Оба подхода не предусматривают, что равновесие в указанной точке возникает редко и длится неопределенное время (крайне малое), а понятие устойчивости развития вряд ли может быть сведено к попаданию в такую точку без учета прочих релевантных условий и параметров динамики. В подобных стереотипах и клише экономическая наука давно запуталась.

И наиболее важным методологическим пороком выступает представление о невмешательстве государства в работу рынка, базирующееся на том, что нельзя вмешиваться в функцию индивидуальной полезности и ее изменять. При этом не принимается во внимание, что корпорации и частная инициатива программи-

руют спрос [16], разрушая принцип «независимости потребителя», так что кривые совокупного спроса и предложения не могут рассматриваться изолированно, так же как функции государства, экзогенно относительно указанных и прочих экономических параметров.

Доктрина «естественного права», развиваемая социальными философами и правоведами, абсолютизирует индивида, рассматривая его права в отрыве от общественной функции и государственной принадлежности самого индивида. В этом и состоит абсолютизация представлений. Право на жизнь, вероисповедание, свободу, частную собственность признается священным, имманентным (естественным) правом человека. Причем согласно данной доктрине их не следует нарушать, ущемлять, иначе это можно рассматривать как лишение индивида его естественных прав.

Кстати, современное международное право также отталкивается в своей идейной основе от указанной доктрины и вытекающих из нее положений (представлений). Опуская такие экзистенциальные права, как право на жизнь и свободу, включая веру, в экономическом смысле представляет интерес для исследователей право на частную собственность или на владение. Именно оно лежит в основе объяснения целевой функции полезности каждого агента, стремящегося максимизировать свои удовольствия, что составляет базу современного методологического индивидуализма, положенного в основу большинства современных моделей экономического развития и роста, составившего каркас современной экономической науки, так же как и ее идейного и инструментального кризиса, вместе с тем обеспечивавшего по большей части неадекватность многих моделей и интеллектуальных конструкций экономической науки, в том числе направленных на подтверждение давно изживших себя априорных установок и нормативных позиций (размножение различных видов «методологического индивидуализма» или «релятивизма» в этом плане ничего не решает).

Так, из рассмотрения «дилеммы заключенного» — ситуации, когда решение индивида о максимизации полезности оборачивается вредом для него самого и/или для другого индивида — следует, что стремление агентов к получению своей выгоды может не обеспечивать индивидуального результата с точки зрения его полезности и дивиденда. Это зависит от того, как настроены правила осуществления выбора

⁷ Это условие в неоклассической модели экономики признается наиболее эффективным, дающим лучшее распределение ресурсов и доходов.

и распределения наказания для заключенных в рамках рассматриваемой дилеммы.

Институциональные изменения, генерируемые государством, обычно влияют не только на распределение дохода и благосостояние, так же как ресурсов между агентами, но и видоизменяют сам их выбор, функции полезности и, что еще важнее, применение критериев благосостояния (согласно критериям Парето, Калдора — Хикса и др.), которые обычно считаются статичными в экономической науке и неизменными, так же как и эффективными на уровне применения. Однако это в условиях конкретных институциональных изменений может не подтверждаться [10; 18], поскольку применимость критериев изменяется. К тому же они получены исходя из оценок индивидуальной выгоды и таких же функций полезности, т.е. в условиях, когда индивид намеренно и искусственно выведен из общественной функции полезности, и такого рода выгоды от принадлежности государству и служению ему не включаются в неоклассический вариант функции индивидуальной полезности.

Право на владение, причисляемое к «естественным правам», действительно является таковым, когда оно приложимо к своему жилищу, предметам личного пользования, автомобилю, даче, одежде и т.д. Но если речь идет о значительном объеме средств производства (заводы, фабрики, корпорации), то это право уже не является естественным. Вводимые институты, защищающие право на владение, обеспечивают более высокое вознаграждение и уровень жизни для владельцев средств производства. В таком случае право на невладение дает более низкий уровень дохода, жизни и возможностей, а само это право по указанной причине является «худшим» институтом относительно права на владение⁸, которое всячески поощряется, в том числе на уровне «либерального» государства.

Однако доказать, что право на невладение хуже, чем право на владение, логическим путем проблематично, если не абсолютизировать критерий дохода. Таким образом, право служить государству и не владеть средствами производства, право не реализовывать инициативу бизнес-характера не могут признаваться худшими относительно права на владение как приносящими меньший доход и уровень жизни. Именно такой ракурс проблемы приводит к новой институциональной функции и конструкции современного государства, которое

должно уйти от сугубо капиталистических институтов, построенных на «естественном праве», инициируя возникновение «экономики знаний». Ценность естественного права (права на невладение средствами производства) как антитезы естественному праву состоит в служении обществу, государству и реализации права на невладение, которое должно приносить не меньший уровень дохода, нежели капиталистическое право на владение (в смысле значительных объемов средств производства и соответствующей собственности⁹). Все люди не могут быть равнозначными владельцами, а само это право — «священной коровой» современного общества.

Из доктрины «естественного права» следует своеобразная индульгенция институтам современного капитализма с акцентом на его эволюцию. Общественные интересы и ценности рассматриваются как будто противоречащими этим институтам и индивидуальным целям, так же, как и групповым интересам [19; 20], что в дальнейшем позволяет строить анализ на рассмотрении вмешательства государства в индивидуальные ценности, проектируя необходимый для развития режим «невмешательства». Однако все эти дискуссии и умозрительные построения в экономической науке XIX–XX вв.¹⁰ как будто специально не исходили из увеличения роли государства — расширения границ государственного сектора, бюрократии, расходов в ВВП на функции государственного обеспечения. Известный закон А. Вагнера, сформулированный в конце XIX в., гласил, что государственные расходы растут быстрее по сравнению с ростом национального производства, величина государственных расходов растёт быстрее объема промышленного производства. Тем самым исходная формулировка закона делала акцент на соотносимость темпов роста с явным превосходством по государственным расходам относительно объема выпуска (дохода). Однако понятно, что такое превосходство по темпам, как имманентная закономерность развития, не могло сохраняться долго по времени. В связи с этим формулировки этого закона позже модифицировались в части не-

⁸ Это право на владение к тому же обеспечивает еще и праздный капиталистический образ жизни. См.: Т. Веблен [11].

⁹ Речь здесь не идет о личной собственности и праве на частную собственность (дом, дача, машина, одежда), способных принадлежать одному индивиду, который ими и распоряжается.

¹⁰ На немецком языке формулировка закона была дана в 1883 г. Подробнее см.: Сухарев О.С. Приватизация, национализация и экономическая реформа. М.: Финансы и статистика; 2013. С. 86–94.

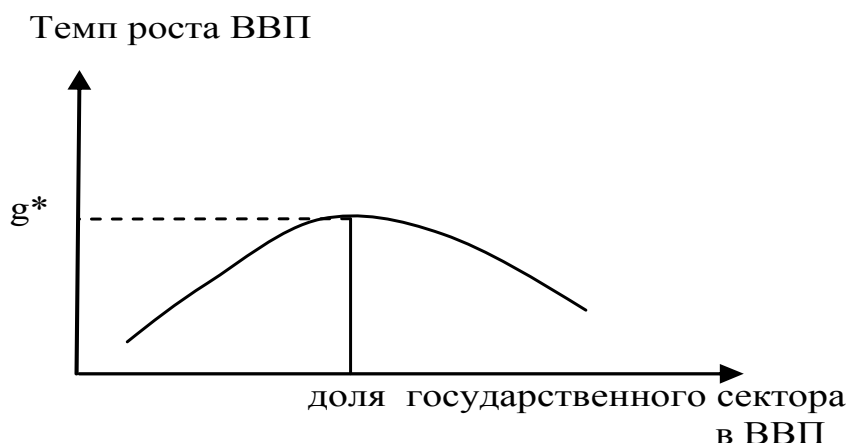

Рис. 1 / Fig. 1. Темп роста и доля государственного сектора в ВВП (общая схема) / Growth rate and share of the public sector in GDP (general scheme)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

уклонного роста общественного (государственного) сектора в экономике (по Р. Масгрейву).

Накопленные данные позволили некоторым исследователям ввести следующее представление о вкладе государственного сектора (как доли в ВВП) в темп экономического роста: с ростом этой доли увеличивается темп роста ВВП, достигая некоего наибольшего своего значения, но при дальнейшем увеличении госсектора этот темп может понижаться.

Исходя из рис. 1 закон Вагнера соблюдается отнюдь не в классической своей формулировке, поскольку рисунок не отражает динамику самих государственных расходов, которая может тормозиться при увеличении темпа роста ВВП и дохода. В этом случае в классическом виде закон Вагнера не соблюдается, но с точки зрения расширения государства он находит подтверждение на всем участке рис. 1, поскольку даже снижение темпа роста ВВП отражается в положительной области рис. 1 (исключая кризис и соответствующий ему отрицательный темп роста). Далее приведем расчет доли государственных расходов в ВВП США и России в период 2000–2023 гг., показав, насколько эмпирические данные (рис. 2) отвечают вышеприведенной теоретической схеме.

Рис. 3¹¹ показывает темп роста государственных расходов и увеличения ВВП указанных стран.

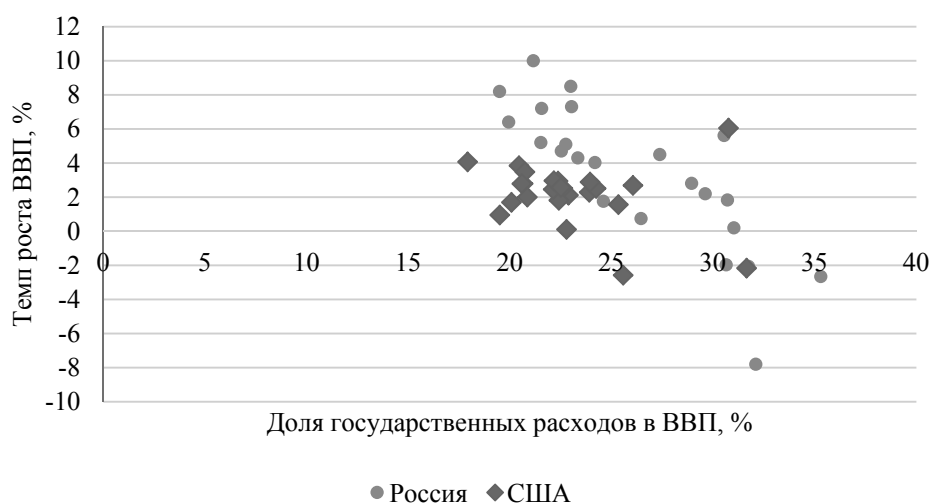
Для США доля государственных расходов в 22% отвечает наибольшему темпу роста экономики на рассматриваемом интервале времени (хотя имеется точка с темпом роста ВВП в 6% и долей госсектора около 30% — рис. 2). Для России рис. 2 отвечает как будто нисходящей ветви рис. 1, когда рост доли государственных расходов соответствует понижению темпа роста. Но отрицательный темп роста при высокой доле госрасходов не означает, что эта доля стала причиной такого снижения, скорее всего, наоборот, противодействуя кризису 2020 и 2022 гг., России приходилось наращивать долю государственных расходов для поддержки экономики и выполнения социальных обязательств. Следовательно, очевидно, логика нисходящей кривой рис. 1 не подтверждается на практике эмпирическими данными, хотя с ростом ВВП возрастают государственные расходы, причем на отдельных интервалах опережающим темпом, на иных — без опережения. Это можно считать частичным подтверждением закона Вагнера (либо современной формулировкой) даже в его классической (первоначальной формулировке 1883 г.). Принято представлять закон Вагнера в следующей математической форме:

$$G = a * Y^b,$$

где G — госрасходы; Y — ВВП; a, b — коэффициенты модели.

Такая связь подтверждается как для России, так и для США.

¹¹ Источник / Source: составлено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>. / compiled by the author according to data World Bank <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.

**Рис. 2 / Fig 2. Доля госрасходов в ВВП и темп роста в России, 2000–2022 гг., США, 2000–2023 гг./
Share of government spending in GDP and growth rate in Russia, 2000–2022, USA, 2000–2023**

Источник / Source: составлено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>. / compiled by the author according to data World Bank <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.

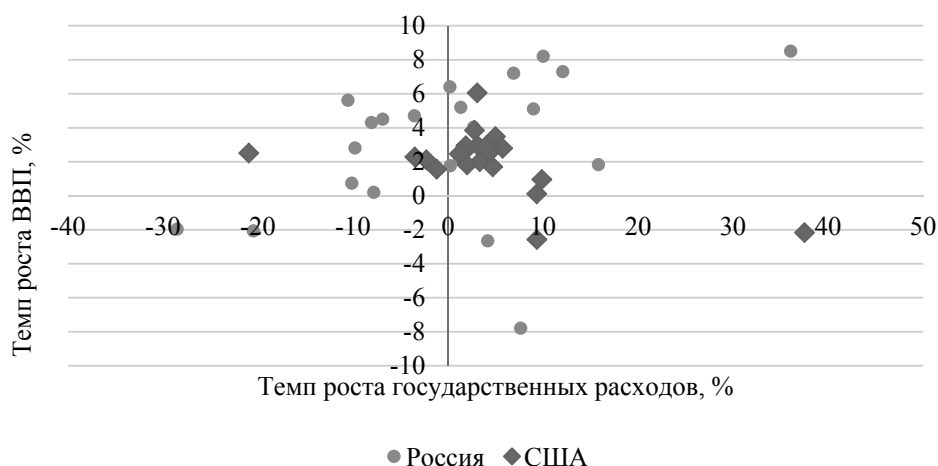

Рис. 3 / Fig 3. Темп роста ВВП и государственных расходов в России и США, 2000–2023 гг. / GDP and government spending growth rates in Russia and the US, 2000–2023

Источник / Source: составлено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>. / compiled by the author according to data World Bank <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.

Для России регрессия имеет вид: $G = 1,4 * Y^{0,7}$,
 R^2 (коэффициент детерминации) = 0,71,
 $R^2_{adj} = 0,7$, F-критерий Фишера = 53,2;
D-Врасчет (расчетный критерий Дарбина — Уотсона) = 1,51 € [1,44; 2,56];
тест Уайта: χ^2 расчет = 3,33; χ^2 крит = 3,84.
Для экономики США регрессия имеет следующий вид:

$G = 0,0002 * Y^{1,8}$, $R^2 = 0,76$, $R^2_{adj} = 0,75$,
F-критерий = 70,8; D-Врасчет = 1,42 € [1,41; 2,55];
тест Уайта: χ^2 расчет = 3,46; χ^2 крит = 3,84.
Такой вид регрессий подтверждает, что в России темп роста государственных расходов отстает от темпа роста ВВП, а для США опережает темп роста ВВП. Иными словами, в классической формулировке закон

Вагнера, скорее, (в большей степени) подтверждается в стране с неолиберальными традициями, нежели в стране, где длительное время проводится неолиберальная политика. Вероятно, это в каком-то смысле парадоксальный результат, но его подтверждают данные *рис. 2, 3*. Что точно не подтверждается в России — это то, что повышение доли государственного сектора вызывало понижение темпа роста. Скорее, это расширение сопровождалось снижением темпа, либо было вызвано отрицательным темпом роста — кризисом, что подтверждает *рис. 2*, тогда как причиной высокого роста при малой доле государственных расходов была ценовая динамика на энергоносители и продовольствие, а отнюдь не масштабы государственного и частного секторов в России.

Следует отметить, что общий рост государственных расходов происходит соразмерно с увеличением ВВП. Конечно, размер государственного сектора ограничивает процесс приватизации, который иницируется благодаря довлеющим доктринам невмешательства и естественных прав, выступающих генераторами индивидуальной инициативы и превозносящих ее в экономическом анализе и проектируемых моделях, включая управленческие.

Рост государственного сектора порождает проблему обеспечения эффективности его функционирования, как и оценки его вклада в темп экономического развития.

ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА

Экономическая теория благосостояния, основоположником которой был А. С. Пигу [12], в первоначальном своем варианте рассматривала порядок решения задачи максимизации общественного благосостояния методами государственного воздействия. Именно в рамках этой теории возникли термины «вмешательство или невмешательство» (что не исключает и более раннего применения), в связи с чем ее определенно можно отнести к классической либеральной теории. Однако представители теории общественного выбора (конституционной политической экономии) [13–15] всегда критиковали данную теоретическую концепцию за излишнюю самонадеянность в части государственного регулирования. Теория общественного договора, к которой были склонны еще со времен Т. Гоббса и Дж. Локка, трактовала государство как некий контракт либо набор контрактов, заключенных

между индивидами для повышения уровня благосостояния. Государство как некий «абсолют» критиковалось; более того, весьма часто анализ сводился к оценке государства в виде Левиафана.

Конституционная политическая экономия¹² фактически низводит поле деятельности государства только до выполнения рамочных условий в виде создаваемых правил, отдавая приоритет договорной основе между индивидами, а принимаемые решения рассматриваются в контексте политического рынка, регулируемого договорами, заключенными между заинтересованными сторонами [13]. В соответствии с теорией шведского экономиста Кнута Викселя (1851–1926) политика государства — это сложный обмен между индивидами и политическими структурами в рамках проектируемых ими правил. Этот подход сохраняется и сегодня.

В противоположность договорной теории государства, взятой на вооружение поборниками невмешательства и либеральных идей, развивалась так называемая органическая доктрина государства¹³, объясняющая высокий уровень общественных целей развития, включающих индивидуальные предпочтения как своеобразные частные случаи системной функции полезности. Тем самым признавались общественные, надиндивидуальные цели развития, которых не всегда можно достичь, если прибегать к максимизации индивидуальных функций полезности отдельных агентов или групп особых интересов [19; 20].

Современное государство, помимо выполнения функций обороны, координации развития, социальной защиты, является производителем многих видов благ и услуг. Многофункциональное назначение государства в нашу эпоху и расширение его значения при создании ВВП и обеспечении темпов развития низводит на нет либеральные установки и противопоставления индивида и государства, так же как терминологию в виде «вмешательства — невмешательства». Даже такой сторонник мейнстрима,

¹² Обычно в нее согласно Дж. Бьюкенену [13] включают набор направлений в рамках нового институционализма (теорию общественного выбора, прав собственности, новую экономическую историю, «экономику права», политэкономию регулирования, теорию контрактов и трансакционных издержек, институциональных изменений и др.), который наиболее близок неоклассическому либеральному «мэйнстриму», абсолютизирующему роль индивида и приносящему роль государства, которая объективно растет.

¹³ Отцами-основателями этого направления на значение государства были Платон и Ж. Руссо.

как Р. Майерсон, внесший вклад в математическую теорию игр, изучающую поведение участников конфликтной ситуации и вырабатывающую оптимальные стратегии выбора наилучшего решения для каждой из сторон, рассматривает вопросы обеспечения стандартов интервенций с целью государственного строительства. Тем самым придается большое значение нерыночным, сугубо институциональным решениям, сводимым к построению государственности и оправдывающим интервенции под флагом демократии [21]. Несмотря на ангажированность и оправдание интервенций, тем не менее признается значимость государственного строительства и возводимых институтов и правил регуляции дальнейшего развития (оккупируемой страны). Конечно, это явно противоречит позиции и тезисам, отстаиваемым Милтоном Фридманом в ряде своих работ, в частности в «Капитализме и свободе» [22]. Однако либералы часто не учитывают, что капиталистические институты, предполагающие эксплуатацию и сильно зависящие от денежного обеспечения [10;11], работают на снижение значения государства, причем на уровне идейных конструкций: государственные решения признаются априорно неэффективными, в то время как работа рынка абсолютизируется, как и индивидуальные функции полезности, которые он якобы призван максимизировать. Однако компоненты рынка в виде спроса и предложения представлены группами агентов, взаимодействие которых может не приводить к наилучшему результату.

Однако проблема сводится к определению экономической свободы и несвободы, а также к вводу критерия эффективности функционирования различных субстанций — рынка и государства. Следует заметить, что такой критерий вряд ли может и должен быть одним-единственным и применимым для различных объектов, хотя бы потому, что второй объект вбирает в себя первый, а не наоборот. Но и в компонентах первого объекта содержится деятельность второго. Эти системные связи делают задачу оценки эффективности совсем не тривиальной, как это находит место в неоклассических трудах экономистов, абсолютизирующих как экономическую индивидуальную свободу, так и показатели эффективности экономического функционирования.

Представляется, что неверно трактовать услуги государства как ограничители свободы индивида или некой латентной группы, как считал Мансур Олсон [19, с. 87–89]. Утверждается, что эти услуги подменяют индивидуальные решения без рассмотрения того, что

целые совокупности индивидуальных решений по набору благ являются невозможными в силу специфики создания самих благ. Они просто не входят как компоненты в функции индивидуальной полезности и отсутствуют в них. Поэтому дальнейшие аналитические нагромождения становятся бессмысленными и неверными. Создание обороны, правопорядка почему-то рассматривается и подается как ограничение, а не расширение свободы граждан. Это явно предвзятая логически неверная конструкция, которая длительное время довлела и продолжает доминировать в экономической науке, уводя ее от реалий и подлинного смысла, делая создаваемые экономические модели заведомо «мертвыми» и ангажированными. Сила принуждения со стороны государства рассматривалась в многочисленных работах, причем именно наличие и изучение этой силы позволило создать марксистскую теорию государства, трактующую государство с позиции общественно-политического строя — базовых институтов и защиты интересов, в частности, буржуазии как ведущего класса, кстати, обладающего такой силой по причине денежного обеспечения и владения средствами производства. Это была логически безупречная теория государства с весьма низкой нормативной компонентной интерпретацией его деятельности, поскольку базировалась на открытых и подтверждаемых законах эволюции капиталистической системы институтов и общества.

В то время как неоклассические теории выделяли отдельные аспекты государства (договор, индивидуальные свободы) и не могли интегрально представлять значение государства, ограничивая его функции якобы возникающими для индивида помехами («методологический индивидуализм» и «индивидуалистический детерминизм», «методологический релятивизм» — различные его виды), марксистская теория сформировала полноценный взгляд на государство как силу, проводящую интересы выделяемого класса, которому присущи групповые и индивидуальные наклонности, который формирует и поддерживает общественные ценности.

Появившаяся в XX в. теория порядков [6;7] в рамках ордолиберальной традиции в Германии, которую часто рассматривают как некую базу для «экономики всеобщего благосостояния», давала тем не менее лишь эклектичное представление о государстве как интердепенденции (термин Вальтера Ойкена [7]) — порядков (хозяйственного и политико-правового). Такая дихотомия, несмотря на привлекательность интеллектуальной конструкции, не давала тем не

менее убедительных объяснений и моделей развитию, тем более в долгосрочном аспекте. Не предотвращала она и кризис «государства всеобщего благосостояния» в силу накапливаемых капиталистических противоречий и конкуренции как «процедуры закрытия» [10]. Теория порядков, критикующая централизованное управление и отстаивающая идею децентрализации, не создала полноценной теории государства, не объяснила расширение функционала и масштаба государственного сектора, не говоря о том, чтобы создать основу для подлинной оценки эффективности его функционирования. Теории рейнского капитализма в Германии после Второй мировой войны и государства всеобщего благоденствия в странах Европы возникли на конкретном интервале времени в силу применяемой координации всех усилий и ресурсов по развитию экономики. Дальнейшее накопление противоречий обострило проблемы функционирования этой «системы благоденствия», поскольку абсолютизировало конкурентные основы капитализма, не учитывало процедуры закрытия и игру с нулевой суммой, а значение государства сводило до общей функции регуляции и координации в части правил и настройки конкурентного процесса.

Это была система, вытекающая или опирающаяся на взгляды Ф. Хайека и немецкой ордолиберальной школы во главе с В. Ойкеном. Эти подходы не предполагали ни планирования (индикативного, развитого во Франции в виде «дирижизма» [23], и тем более стратегического), ни расширенной функции организации деятельности со стороны государства. Они не учитывали усложнение экономики, развитие технологий и науки, конкуренцию на уровне стандартов в области образования с долгосрочными последствиями, увеличение капиталоемкости науки и техники, а также трансформацию самого капитализма и его институтов, которые рассматривались исследователями различных направлений и теорий государства как стабильные, имманентно присущие капитализму признаки. Однако капиталистические институты подвергаются изменениям, хотя суть и целевая функция агентов в капитализме сохраняются.

Формируемые в экономической науке представления об эффективности [23] не позволяли правильно оценивать действенность государственного сектора, который рос как по объему и вкладу в развитие, так и по своему функционалу и возможностям влиять на частные сделки. Эти процессы потребовали сегодня изменения доктрины государства в экономической науке. Прежние представления уже не могут считаться

удовлетворительными, адекватными нынешнему дню, даже в условиях сохраняющихся базовых институтов капитализма, хотя марксистские теории государства наиболее точно отражают суть решений правительств современных буржуазных стран, даже если отдельные из них ставят социальные задачи развития в центр своей политики.

Государственный сектор выполняет целый набор задач, которые не требуют от него наиболее высокой отдачи или рентабельности. Это принципиально важное условие оценки эффективности функционирования объекта в экономике. Иными словами, нужны отличающиеся критерии, которые детерминируются самим объектом оценки. Один критерий может не работать вследствие кардинально отличающегося содержания, цели, области приложения и функционала объектов — частного и государственного секторов. Поскольку функции в государственном секторе содержат значимую социальную компоненту, важно оценивать их состояние, степень и глубину дисфункции [18], применяемые технологии, в частности электронные (цифровые), которые могут повышать либо не повышать производительность труда и оказание услуг. Изменяется формат работы государства с расширением его функционала, и это обстоятельство не может не учитываться в рамках методологии современной экономической науки, если имеется желание у исследователей делать свою науку адекватной изменениям.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ: СИСТЕМНОСТЬ — «ОРГАНИКА» ГОСУДАРСТВА

Современная повестка дня — это органическая теория государства системного уровня, отражающая не только отдельные аспекты функционирования собой организации общества, располагающей специальными механизмами управления и принуждения, устанавливающей правовой порядок на определенной территории и обладающей суверенитетом, но и вопросы управления, планирования, организации, контроля, мотивации и координации рынков. Главная задача государства — выстроить хозяйственную систему, предполагая реализацию критерия справедливости и эффективности функционирования. Прежние подходы, обозначенные Морисом Алле в работе «Условия эффективности экономики» в виде набора правил институционального планирования, уже являются усеченными и недостаточными для функционирования современного государства [23].

Рыночная эффективность или эффективность «экономики рынков» не могут рассматриваться без анализа эффективности функций государства. Поэтому абсолютизация неоклассической теории эффективности, описывающей ее как максимальный излишек на рынке и точку равновесия, крайне далека от правдоподобия и является умозрительной теоретической конструкцией. Некорректно также сводить государство только к институциональному планированию и созданию неких рамок для рынков, абсолютизируя последние и не раскрывая их подлинной природы.

В частности, к основным неизбежным задачам правительства относились [23, с. 144–145]:

- удовлетворение потребностей агентов и их финансирование;
- ввод институциональных рамок «экономики рынков»;
- монетарная политика;
- назначение трансфертов, финансирование;
- обеспечение эффективности рынков.

Однако этих позиций крайне недостаточно и они не отражают подлинного назначения и системной роли государства в нашу эпоху¹⁴. К тому же достижение некоего критерия эффективности либо максимальной эффективности не учитывает понижение «эффективности выживания», а это и создает оторванные от реальности позиции в экономическом анализе.

Перспектива видится в создании структурно-функциональной (системной) теории государства. Это предполагает оценку силовой компоненты — принуждения государства и эффектов эксплуатации — частной и государственной, для достижения уровня благополучия и развития, а также ввод экзистенциальных критериев оценки государственной организации современных человеческих обществ с учетом «глобальной эффективности». Это и будет новая системная и органическая теория государства, не искажающая экономические модели и инструменты регулирования. Функциональное назначение государства, которое предполагает анализ дисфункций, выступает важным добавочным критерием оценки эффективности, помимо сугубо экономических показателей.

¹⁴ Системный подход развивает в России член-корр. РАН Г.Б. Клейнер применительно к предприятиям и экономике, но он вполне может быть применим к построению государства и его функций, для формирования системной (структурно-функциональной) теории государства. При этом марксистским подходом не стоит пренебрегать.

ВЫВОДЫ

1. Пришло время изменения позиций в экономической науке в части трактовки государства как органического, системообразующего субъекта, управляющего, планирующего и организующего развитие и функционирование рынков, их работу и эффективность использования ресурсов различного назначения на основе знаний культурных ценностей и принципов справедливости.

2. Действие закона Вагнера подтверждается отчасти для России, но он не определяет оптимальное соотношение между долей государственного сектора и темпом роста ВВП, что является ограничивающим обстоятельством для обоснования якобы необходимости лимитирования неэффективного государственного сектора (и оправдания приватизации) с тем, чтобы придать экономике больший динамизм. Можно считать отсутствующими доказательства того, что такой вариант сработает, не говоря о том, что соотношение между долей государственного сектора и темпом роста ВВП, если его попытаться установить, будет индивидуальным для каждой страны.

3. Эффективность государственного сектора может быть обеспечена не только по его рентбельности или иным экономическим показателям общего назначения, которые справедливы в применении и для частного сектора, но и по величине дисфункций [18]. Это означает совсем иные для государства и государственного сектора целевые установки, нежели для частных секторов и сделок. Пропаганда приватизации как способа повышения эффективности государственного сектора не обоснована, поскольку существует множество ограничителей обеспечения эффективности самого этого процесса и его дальнейшего развертывания в экономике¹⁵.

Таким образом, фетиши антигосударственных оценок в экономической науке должны отпасть за неадекватностью и ненужностью. На смену им должна прийти системная парадигма оценки значения государства, предполагающая гашение негативных бюрократических эффектов и повышение эффективности принятия управленческих и регуляторных решений.

¹⁵ Подробнее теория приватизации и национализации, типизация и теория институциональных реформ создана автором в ряде его работ 2011–2013 гг. и вышедшей по их итогу книге: Сухарев О.С. Приватизация, национализация и экономическая реформа. М.: Финансы и статистика; 2013. 352 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. М.: Наука; 2005. 464 с.
2. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир; 2018. 768 с.
3. Аганбегян А.Г. Две главные макроэкономические теории Д. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России. *Проблемы прогнозирования*. 2022;(5): 9–20.
4. Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб: Пневма; 1999. 288 с.
5. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; 2000. 256 с.
6. Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика; 1996. 351 с.
7. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс; 1995. 496 с.
8. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер; 2020. 430 с.
9. Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М.: Теис; 2003. 314 с.
10. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. Методологический эскиз. Книга 1. М.: ИЭ РАН; 2001. 576 с.
11. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Либроком; 2010. 368 с.
12. Пигу А.С. Экономика благосостояния. М.: Прогресс; 1985.
13. Бьюкенен Дж. Сочинения. Нобелевские лауреаты по экономике. Том 1. М.: Фонд экономической инициативы, «Таурис-Альфа»; 1997. 560 с.
14. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб: Экономическая школа; 2005. 272 с.
15. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Издательство института Гайдара; 2011. 224 с.
16. Гэлбрейт Дж.К. Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М.: Издательство «Европа»; 2009. 88 с.
17. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо; 2007. 864 с.
18. Сухарев О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). М.: Финансы и статистика; 2011. 432 с.
19. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы; 1995. 174 с.
20. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство; 2012. 212 с.
21. Myerson R. Standards for State Building Intervention. Economics for the curious. What Nobel laureates think about. М.: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241.
22. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство. Фонд либеральная миссия; 2006. 240 с.
23. Алле М. Условия эффективности в экономике. М.: Наука для общества; 1998. 304 с.

REFERENCES

1. Abalkin L.I. Russia: the search for self-determination. Moscow: Nauka; 2005. 464 p. (In Russ.).
2. Glazyev S. Yu. A Leap into the Future. Russia in the New Technological and World Economic Order. Moscow: Knizhny Mir; 2018. 768 p. (In Russ.).
3. Aganbegyan A. G. Two main macroeconomic theories of J. Keynes and M. Friedman and their use in the economic policy of large countries of the world and Russia. *Problems of Forecasting*. 2022;(5):9–20. (In Russ.).
4. Hayek F. Cognition, competition and freedom. St. Petersburg: Pnevma; 1999. 288 p. (In Russ.).
5. Hayek F. Individualism and economic order. Moscow: Izograf; 2000. 256 p. (In Russ.).
6. Eucken W. Fundamentals of the national economy. Moscow: Economy; 1996. 351 p. (In Russ.).
7. Eucken W. Basic principles of economic policy. Moscow: Progress; 1995. 496 p. (In Russ.).
8. Stiglitz J. People, power and profit. Progressive capitalism in the era of mass discontent. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 430 p. (In Russ.).

9. Alle M. Globalization: the destruction of employment and economic growth. Empirical evidence. Moscow: Theis; 2003. 314 p. (In Russ.).
10. Sukharev O.S. Institutional theory and economic policy. Methodological sketch. Book 1. Moscow: IE RAS; 2001. 576 p. (In Russ.).
11. Veblen T. Theory of the leisure class. Moscow: Librocom; 2010. 368 p. (In Russ.).
12. Pigou A.S. Welfare Economics. In 2 volumes. Moscow: Progress; 1985. (In Russ.).
13. Buchanan J. Works. Nobel laureates in economics. Volume 1. Moscow: Economic Initiative Foundation, Taurus-Alpha; 1997. 560 p. (In Russ.).
14. Brennan J., Buchanan J. The reason for rules. Constitutional political economy. St. Petersburg: Economic School; 2005. 272 p. (In Russ.).
15. Tullock G. Public goods, redistribution, and rent seeking. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2011. 224 p. (In Russ.).
16. Galbraith J.K. The economics of innocent deception. The truth of our time. Moscow: Europe Publishing House; 2009. 88 p. (In Russ.).
17. Schumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, socialism, and democracy. Moscow: Eksmo; 2007. 864 p. (In Russ.).
18. Sukharev O.S. Economy of the future: Theory of institutional changes (new evolutionary approach). Moscow: Finance and Statistics; 2011. 432 p. (In Russ.).
19. Olson M. The logic of collective action. public goods and group theory. Moscow: Economic Initiative Foundation; 1995. 174 p. (In Russ.).
20. Olson M. Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships. Moscow: New Publishing House; 2012. 212 p. (In Russ.).
21. Myerson R. Standards for state building intervention. economics for the curious. what nobel laureates think about. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241. (In Russ.).
22. Friedman M. Capitalism and freedom. Moscow: New Publishing House. Liberal Mission Foundation; 2006. 240 p. (In Russ.).
23. Alle M. Conditions of efficiency in the economy. Moscow: Science for Society; 1998. 304 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олег Сергеевич Сухарев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики, Российская академия наук, Москва, Российская Федерация

Oleg S. Sukharev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

<http://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

o_sukharev@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.05.2025; принята к публикации 27.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 09.05.2025; accepted for publication 27.08.2025

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-20-31

УДК 336.1(045)

JEL H61, H62, H63, H68

Федеральный бюджет 2025 г.: риски несбалансированности и меры их нейтрализации

И.А. Соколов, Ю.Е. Казакова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – исполнение федерального бюджета в I полугодии текущего года, а также принятые в июне 2025 г. изменения в закон о федеральном бюджете. **Цель и научная новизна** работы состоят в выявлении рисков и причин несбалансированности федерального бюджета, а также выработке превентивных мер по их уменьшению и нейтрализации. **Актуальность** исследования предопределила ситуация с кассовым исполнением федерального бюджета по итогам I полугодия 2025 г. и характер июньских поправок в закон о бюджете, что, по мнению авторов, свидетельствует в пользу продолжения Правительством РФ политики бюджетного доминирования. При этом стала усиливаться разнонаправленность в динамике основных параметров бюджета: планы по расходам продолжают увеличиваться в ответ на современные вызовы российской экономики и с учетом национальных интересов в целом, а ожидания по доходам официально пересматриваются в сторону более скромных прогнозов. Установлено, что несмотря на рост дефицита бюджета, его высокую устойчивость к различного рода внешним шокам по-прежнему обуславливают низкий уровень государственного долга и наличие суверенных резервов. В то же время авторы признают: риски хронической несбалансированности бюджета неуклонно возрастают, что в условиях сохраняющейся высокой геополитической неопределенности и ценовой волатильности требует от финансового руководства страны более жесткой политики в отношении расходов, которые должны соотноситься с доходными возможностями страны. В **результате** исследования сделан **вывод** о том, что основные трудности со «сведением» бюджета следует ожидать не столько в 2025 г., сколько в последующие годы по мере дальнейшего сжатия налогооблагаемой базы, в первую очередь, по нефтегазовым доходам, а также постепенного «проедания» ликвидной части фонда национального благосостояния и наращивания внутреннего долга через механизм «завуалированного» эмиссионного финансирования.

Ключевые слова: федеральный бюджет; бюджетная несбалансированность; бюджетный процесс; налоговая нагрузка; дефицит; государственный долг

Для цитирования: Соколов И.А., Казакова Ю.Е. Федеральный бюджет 2025 г.: риски несбалансированности и меры их нейтрализации. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):20-31. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-20-31

ORIGINAL PAPER

The 2025 Federal Budget: Risks of Imbalance and Measures to Neutralize Them

I.A. Sokolov, Yu.E. Kazakova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the study is the execution of the federal budget in the first half of this year, as well as amendments to the Federal Budget law adopted in June 2025. **The purpose and scientific novelty** of the work is to identify the risks and causes of the imbalance of the federal budget, as well as to develop preventive measures to reduce and neutralize them. **The relevance** of the study was determined by the situation with the cash execution of the federal budget in the first half of 2025. and the nature of the June amendments to the budget law, which, according to the authors, testifies in favor of the continuation of the Government of the Russian Federation's policy of budget dominance. At the same time, the dynamics of the main budget parameters began to increase in different directions: spending plans continue to increase in response to the current challenges of the Russian economy and national interests in general, and income

© Соколов И.А., Казакова Ю.Е., 2025

expectations are officially revised towards more modest forecasts. It has been established that despite the growth of the budget deficit, its high resistance to various kinds of external shocks is still due to the low level of public debt and the availability of sovereign reserves. At the same time, the authors acknowledge that the risks of chronic budget imbalance are steadily increasing, which, given the continuing high geopolitical uncertainty and price volatility, requires the country's financial leadership to adopt a more stringent spending policy that should be commensurate with the country's revenue opportunities. As a **result** of the study, **it was concluded** that the main difficulties with "reducing" the budget should be expected not so much in 2025 as in subsequent years as the tax base continues to shrink, primarily in non-oil and gas revenues, as well as the gradual "eating away" of the liquid part of the national welfare fund and the build-up of domestic debt through the mechanism of "veiled" issue financing.

Keywords: federal budget; budget imbalance; budget process; tax burden; deficit; public debt

For citation: Sokolov I.A., Kazakova Yu.E. The 2025 Federal Budget: Risks of imbalance and measures to neutralize them. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2025;18(5):20-31. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-20-31

ВВЕДЕНИЕ

Торможение темпов роста российской экономики, сложные и нестабильные условия внешней торговли, сохраняющаяся на относительно высоком уровне инфляция, продолжающаяся специальная военная операция — все эти факторы продолжают оказывать давление на федеральный бюджет, усиливая имеющиеся дисбалансы. И хотя локальный пик дефицита федерального бюджета, с высокой долей вероятности, был пройден в мае–июне 2025 г., ситуация с бюджетной сбалансированностью может достаточно быстро измениться в обе стороны, главным образом, по причине зависимости от тенденций в антироссийской санкционной повестке. Снижение ключевой ставки позитивно сказывается на возможности государства занимать, так как инвесторы стараются зафиксировать относительно высокую доходность по облигациям федерального займа (ОФЗ), благодаря чему вкуче с ликвидными активами фонда национального благосостояния (ФНБ) Минфин России в состоянии оперативно восполнить выпадающие доходы федерального бюджета. И хотя текущая бюджетная уязвимость к шокам доходов относительно низка, имеющиеся бюджетные «перекосы» вследствие вынужденного смещения структуры расходов в сторону низкопроизводительных трат и увеличения налоговой нагрузки на экономику усиливают риски среднесрочной бюджетной несбалансированности. В этой связи представляется актуальным оценить не только текущее состояние государственного бюджета, но и складывающиеся как внутри него, так и в рамках бюджетного процесса в целом тенденции, потенциально способные привести к негативным последствиям в ближайшие годы.

ИТОГИ I ПОЛУГОДИЯ 2025 ГОДА

Обращаясь к параметрам исполнения федерального бюджета за I полугодие 2025 г. (табл. 1), отметим следующее.

Во-первых, за первую половину текущего года расходы федерального бюджета продемонстрировали нетипично высокие темпы исполнения, достигнув порядка 21,6% ВВП при среднестатистическом ориентире последних 15 лет в 18,1% ВВП. Минфин России объясняет это увеличением авансирования отдельных трат в первом квартале. В принципе по итогам полугодия ритмичность исполнения расходов «нормализовалась», составив немногим более 50% от годового плана. И хотя активное применение авансового доведения бюджетных средств до получателей способно усилить бюджетный импульс в моменте, по нашим расчетам, структура расходов федерального бюджета уже давно сместилась в сторону преобладания условно непроизводительных трат [1], что, в свою очередь, не позволяет рассчитывать на сохранение роли бюджета в качестве драйвера российской экономики в среднесрочной перспективе.

Доходы федерального бюджета, напротив, несколько отстают от своего традиционного темпа — 17,8% ВВП против 18,3% ВВП в среднем за последние 15 лет. В постоянных ценах данный «отрыв» расходов от динамики доходов (складывающихся на фоне планомерного увеличения налоговой нагрузки в течение последних лет) хорошо заметен на рис. 1 (в долях ВВП ситуация схожа). Начиная с 2023 г., объем финансирования бюджетных расходов в I полугодии 2025 г. вышел из сложившегося ранее «диапазона трат» (4,6–6,2 трлн руб. в ценах 2011 г.) и устремился на новый, еще более высокий уровень — почти 7,5 трлн руб.

Во-вторых, не следует забывать, что поступления в федеральный бюджет в первом полугодии

Таблица 1 / Table 1

Объем и структура параметров федерального бюджета в I полугодии 2023–2025 гг. /
Volume and structure of federal budget parameters in H1 2023–2025

Параметры / Parameters	2023		2024		2025	
	млрд руб. / bn RUB	% ВВП / % of GDP	млрд руб. / bn RUB	% ВВП / % of GDP	млрд руб.* / bn RUB*	% ВВП** / % of GDP**
Доходы, всего / Total revenues	12 381,6	16,2	17 097,5	19,1	17 584,5	17,8
Нефтегазовые доходы / Oil and gas revenues	3 381,6	4,4	5 697,6	6,4	4 734,7	4,8
Ненефтегазовые доходы / Non-oil and gas revenues	9 000,0	11,8	11 399,8	12,7	12 849,8	13,0
Расходы, всего / Total expenditures	14 731,7	19,3	17 699,9	19,8	21 278,4	21,6
Дефицит (-)/Профицит (+) / Deficit (-)/Surplus (+)	-2 350,2	-3,1	-602,4	-0,7	-3 693,9	-3,7

Источники / Sources: Минфин России, Росстат, расчеты автора / Russian Ministry of Finance, Rosstat, author's calculations.

Примечания / Notes: 1) * – предварительная оценка Минфина России / preliminary estimate by the Russian Ministry of Finance;
 2) ** – оценка авторов / authors' estimate.

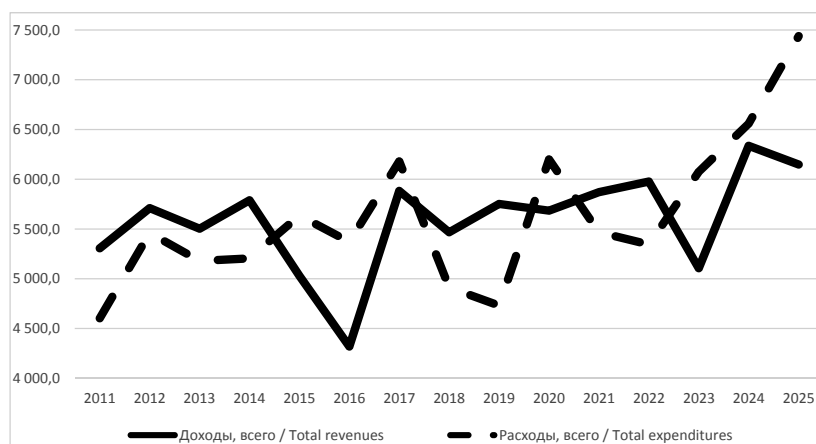

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика доходов и расходов федерального бюджета в первое полугодие в период 2011–2025 гг., млрд руб. в ценах 2011 г. (на основании дефлятора ВВП) / Dynamics of federal budget revenues and expenditures in H1 2011–2025 (in 2011 prices, GDP deflator-adjusted)

Источники / Sources: Минфин России, расчеты автора / Russian Ministry of Finance, author's calculations.

текущего года складываются еще под влиянием предыдущего — 2024 г., который был завершен на оптимистичной ноте (4,1% — темп роста ВВП, 2,4% — уровень безработицы, стабилизация уровня инфляции и ключевой ставки и пр.). Дело в том, что в течение первого квартала 2025 г. в бюджет были уплачены НДС и налог на прибыль, рассчитанные на основе налоговых баз прошлого квартала/года соответственно. С месячным лагом

сказывается на доходах бюджета поступления от НДС, а значит, начавшееся в апреле резкое снижение цен на нефть полноценно отразилось в бюджетной статистике лишь в мае-июне текущего года. Следовательно, можно предположить, что набирающее темпы торможение российской экономики, а также замедление роста мирового ВВП, в первую очередь, вследствие ухудшающихся условий внешней торговли продолжат усиливать

давление на доходы федерального бюджета уже во втором полугодии 2025 г.

О СУЩНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ ПОСЛЕДНИХ ПОПРАВОК В ЗАКОН О ФЕДЕРАЛЬНОМ БЮДЖЕТЕ

Принятые в конце июня 2025 г. поправки в основные параметры закона о федеральном бюджете (Федеральный закон № 152-ФЗ от 24.06.2025) сами по себе являются вполне ординарным событием (как видно из табл. 2, в 2010-х гг. поправки, затрагивающие объем доходов и/или расходов, как правило, вносились в конце весенней сессии Госдумы и повторно ближе к завершению финансового года), в то время как характер данных изменений отнюдь не типичен. Однако обо всем по порядку.

В соответствии с нормами ч. 1 ст. 184.1¹ Бюджетного кодекса РФ (далее — БК) вплоть до 2020 г. при необходимости изменения основных характеристик бюджета поправки в законы о федеральном бюджете вносились с регулярным постоянством — 2–3 раза в год.

Но в период коронавирусной пандемии, а затем — специальной военной операции для повышения оперативности государственного финансирования антикризисных мероприятий практика внесения изменений в закон о бюджете почти приостановилась, несмотря на существенные итоговые отклонения основных характеристик бюджета по закону о его исполнении от характеристик, утвержденных законом о бюджете. Правовым основанием для подобных изменений в бюджетном процессе были ежегодно принимаемые федеральные законы о внесении изменений в БК и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в соответствующем году. При определенных различиях в содержании данных законов основные нормы, обусловившие отклонение фактических параметров бюджета от законодательно утвержденных, сводятся к следующему:

1. Приостанавливались нормы БК (абз. 9–11 ст. 94), в соответствии с которыми остатки средств федерального бюджета на начало текущего года (за исключением остатков, направления использования которых определены БК) используются на осуществление выплат, уменьшающих долговые

обязательства, и сокращение заимствований. Вместо этого эти остатки могли направляться Правительством РФ на дополнительное финансирование различных расходов сверх объемов, установленных законом о бюджете.

2. Предоставлялось Правительству РФ право без внесения изменений в закон о федеральном бюджете:

- направлять дополнительные нефтегазовые доходы на замещение государственных заимствований, погашение государственного долга РФ, на исполнение публичных нормативных обязательств РФ в случае недостаточности предусмотренных на их исполнение бюджетных ассигнований, а также на иные цели, определенные Правительством РФ;
- направлять средства ФНБ на обеспечение сбалансированности (покрытие дефицита) федерального бюджета, включая замещение государственных заимствований, погашение государственного долга, предоставление бюджетных кредитов регионам, на исполнение публичных нормативных обязательств в случае их недофинансирования, а также на иные цели;
- увеличивать резервный фонд Правительства РФ в случае и в пределах поступлений от отдельных видов ненефтегазовых доходов сверх объемов, учтенных при утверждении общего объема доходов федерального бюджета, на антикризисные и иные цели;
- осуществлять государственные внутренние (внешние) заимствования и предоставлять государственные гарантии с превышением верхнего предела государственного внутреннего (внешнего) долга).

3. Устанавливались дополнительные основания, касающиеся оплаты государственных (муниципальных) контрактов на поставку товаров (выполнение работ, оказание услуг), предоставления регионам дополнительных межбюджетных трансфертов и бюджетных кредитов, отдельных субсидий юридическим лицам и т.д., для внесения изменений в сводную бюджетную роспись по решению министра финансов РФ с возможным превышением общего объема расходов, утвержденных законом о бюджете.

Таким образом, при придании в последние годы процессу исполнения федерального бюджета определенной гибкости и оперативности сам факт внесения поправок в закон о бюджете в 2025 г. не выглядит чем-то особенным. Однако, что касается

¹ В законе о бюджете должны содержаться основные характеристики бюджета, к которым относятся общий объем доходов, расходов и дефицита (профицита) бюджета, а также иные показатели, установленные Бюджетным кодексом РФ.

Таблица 2 / Table 2

Поправки в закон о федеральном бюджете в период 2011–2025 гг., с указанием изменений основных параметров бюджета / Amendments to the federal budget law during the period 2011–2025, with indication of changes in key budget parameters

Год / Year	Количество изменений / Number of amendments	Месяц принятия поправок в закон о бюджете / Month of adoption of budget law amendments											
		01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12
2011	3						д, р	би				д, р	
2012	3						д, р	би					д, р
2013	2						би						д, р
2014	4		би		би		д						би
2015	3				Д, Р			би				д, р	
2016	1											Д, р	
2017	2							д, р				д, р	
2018	2							д, р				д, р	
2019	2							д, р					Д, р
2020	1			д, р									
2021	0												
2022	0												
2023	0												
2024	1							р					
2025	1						Д, р						

Источники / Sources: Консультант +, составлено автором / Consultant +, compiled by the author.

Примечания / Notes: 1) д – изменение доходов / revenue changes, р – изменение расходов / expenditure changes, би – без изменения / no changes; 2) если заглавная буква, то параметр был изменен в сторону сокращения / the capital letter indicates parameter reductions.

сущности поправок, то следует заметить: в течение весенней сессии за последние 15 лет депутаты всего лишь дважды корректировали прогноз доходов в сторону ухудшения — в 2015 и 2025 гг.

И если в 2015 г., на фоне худших макроэкономических условий, чем в текущем году (двузначная годовая инфляция — около 13%, относительно низкая среднегодовая цена российской нефти марки «Юралс» — 51 долл. США за баррель), отрицательных темпов роста ВВП — минус 2%, в результате поправок в весеннюю сессию сокращение доходов составило порядка 2,5 трлн руб. или почти 17% от

изначального прогноза, а в итоге федеральный бюджет был исполнен со вполне приемлемым для имевшихся условий уровнем дефицита в 2,4% ВВП, то в поправках в федеральный бюджет 2025 г. объем доходов федерального бюджета сокращается «всего лишь» на 1,8 трлн руб. по сравнению с изначальной версией закона о бюджете и теперь оценивается на уровне 38,5 трлн руб. Основанием для подобных изменений стали уточнения отдельных показателей среднесрочного прогноза социально-экономического развития страны, а также итоги исполнения федерального бюджета в I полугодии 2025 г. Следует

разобраться, насколько реалистичны ожидания поступлений в федеральный бюджет.

ДОХОДЫ БЮДЖЕТА В 2025 Г.: ОЦЕНКА РЕАЛИСТИЧНОСТИ ОЖИДАНИЙ

Поправками от июня 2025 г. прогноз нефтегазовых доходов значительно понижен — до 8,3 трлн руб. против 10,9 трлн руб. в исходной версии федерального бюджета. С учетом того, что базовые нефтегазовые доходы прогнозируются в объеме 8,8 трлн руб., пополнения ФНБ в текущем году не ожидается. На наш взгляд, данные оценки поступлений нефтегазовых доходов, особенно в пересчете на доли ВВП (3,7% ВВП), выглядят избыточно консервативными.

Дело в том, что основной причиной такого существенного снижения в поступлениях нефтегазовых доходов стало ухудшение прогноза экспортной цены на российскую нефть с 69,7 до 56,0 долл. США за баррель. Однако цена на нефть сырую марки «Юралс» на мировых рынках в среднем за I полугодие 2025 г., согласно мониторингу Минэкономразвития России², составила порядка 59,2 долл. США за баррель, что уже превышает заложенный в поправках к бюджету прогноз, причем весенний тренд на ее снижение был, скорее всего, «переломлен» в июне — средняя цена выросла до 59,8 против 52,1 долл. США за баррель месяцем ранее и оставалась практически на том же уровне в течение июля-августа 2025 г. (в среднем 58,9 долл. США за баррель). Кроме того, дальнейшее снижение цен на нефть в мире будет означать приостановку разработки части сланцевых месторождений в США, а дефицит предложения, в свою очередь, будет подталкивать цены вверх. И хотя угрозы как со стороны стран ЕС по снижению потолка цен на российскую нефть, так и США в части введения вторичных санкций против покупателей российских энергоносителей не перестают обсуждаться в последнее время, то даже в случае принятия подобных решений пройдет некоторое время от их объявления до начала практической реализации (в частности, новый потолок цен на российскую нефть в \$ 47,6 за баррель (против 60 ра-

нее), объявленный ЕС 18 июля 2025 г. в рамках 18-го пакета санкций, вступил в силу 3 сентября 2025 г.), а значит, их негативное влияние на российский бюджет потенциально проявится не раньше последнего квартала 2025 г. Справедливо и обратное: по мере прояснения ситуации в вопросах геополитической и макроэкономической повестки (отказ от начатых США торговых войн, смягчение санкционного давления на Россию и Иран) может начаться ценовой отскок на рынке энергетического сырья.

Июньские поправки в федеральный бюджет также основаны на ожиданиях среднегодового курса доллара на уровне 94,3 руб. (против 96,5 руб. в исходной версии бюджета). Однако девальвации рубля, которая могла бы частично компенсировать потери федерального бюджета от снижения экспортной цены на российскую нефть, пока не наблюдается, напротив, рубль довольно заметно укрепился с начала года (минус 24%), а средний за полугодие курс доллара США составил 86,6 руб. Основной причиной его укрепления стало движение капитала через внешнеторговые операции (положительный торговый баланс), в то время как спекулятивно-финансовые потоки остаются ограниченными из-за санкций и усиленного контроля со стороны внутренних регуляторов. Более того, устойчиво растет спрос на рубли в качестве средства платежа во внешнеторговых расчетах (суммарно доля платежей в российских рублях РФ в июне, по данным ЦБ РФ, составила 55,5%) на фоне симметричного отказа от использования валюты недружественных стран для торговых операций. Следует также отметить, что по мере снижения объемов дополнительных нефтегазовых доходов давление на рубль со стороны бюджетной политики и, в частности, бюджетного правила, предусматривающего необходимость конвертировать нефтегазовые «излишки» в валюту, ослабевает. Следовательно, факторов на стороне укрепления рубля остается немало. И для того чтобы среднегодовой курс доллара достиг запланированного Минэкономразвития России уровня в 94,3 руб., во втором полугодии 2025 г. сугубо математически его курс в среднем должен превысить 102 руб., что выглядит в условиях сентября 2025 г. маловероятным, особенно с учетом того, что снижение покупательной способности рубля по отношению к другим валютам, как показывает предыдущий российский опыт, способно подстегнуть инфляцию, борьба с которой является очевидным приоритетом для финансового руководства страны в текущем году.

² О среднем уровне цен нефти сорта «Юралс» за июнь 2025 года // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyyh_tovarnyyh_rynkov/o_srednem_urovne_cen_nefti_sorta_yurals_zh_ayun_2025_goda.html (дата обращения: 22.09.2025 г.).

На наш взгляд, при сохранении в течение второй половины 2025 г. среднего курса доллара США в пределах 80–85 руб. и при текущих «настройках» налоговой системы страны возвращение цены на российскую нефть в диапазон 62–65 долл. США за баррель является важным, если не определяющим условием выполнения заложенного в бюджет уточненного прогноза по нефтегазовым доходам, на объем поступлений которых оказывают влияние, помимо ценового фактора, еще и объемы добычи и экспорта, к наращиванию которого Россия уже приступила в рамках выполнения решения ОПЕК+ о планомерном увеличении добычи. Поэтому во втором полугодии 2025 г. некоторую поддержку нефтегазовым доходам окажет рост экспорта российской нефти, как и других углеводородов и продукции из них.

Отметим, что за предыдущие два десятилетия объем нефтегазовых доходов не опускался ниже 4,9% ВВП (данный минимум пришелся на ковидный 2020 г., когда среднегодовая цена российской нефти марки «Юралс» составила порядка 41,7 долл. США за баррель). По нашим оценкам, с большой долей вероятности нефтегазовые поступления в 2025 г. не опустятся ниже планки в 9,5 трлн руб. даже при обозначенном выше (и наиболее вероятном) валютном диапазоне.

Объем нефтегазовых доходов в 2025 г., по ожиданиям Минфина России, может превысить 30 трлн руб., что на 829 млрд руб. больше, чем было в изначальной версии бюджета: рост связан с переоценкой поступлений от внутренних акцизов, отдельных налогов и неналоговых платежей. По расчетам Минфина России, именно за счет «сверхожидаемого» (сверх запланированного в исходной версии бюджета) роста нефтегазовых поступлений, как это было, например, в 2023 г., удастся частично компенсировать выпадение сырьевых доходов бюджета.

Однако с подобной ведомственной оценкой едва ли можно однозначно согласиться — есть нюансы. Во-первых, ожидания по данным категориям доходов изначально были высоки (согласно закону о федеральном бюджете № 419-ФЗ от 30.11.2024 нефтегазовые доходы в 2025 г. должны составить 13,7% ВВП против 12,8% ВВП годом ранее), а после поправок в долях ВВП ожидания остались на прежнем уровне (13,7% ВВП из-за роста прогноза ВВП), но в абсолютном выражении больше на 0,8 трлн руб. Во-вторых, условия внешней торговли, а также тем-

пы роста российской экономики складываются хуже заложенных в среднесрочном социально-экономическом прогнозе параметров, на основании которых был изначально сверстан российский бюджет. Как результат — за первую половину 2025 г. в бюджет поступило 12,9 трлн руб. нефтегазовых доходов, а для выполнения годового плана во втором полугодии потребуется дополнительно собрать более 17 трлн руб.

Более того, если НДС традиционно является сильно коррелированным с ВВП налогом [2; 3], а следовательно, можно рассчитывать на его ненулевой прирост в реальном выражении по итогам текущего года (что означает поступления в размере порядка 15 трлн руб.), то ожидания Минфина России насчет практически удвоения поступлений налога на прибыль в федеральный бюджет вследствие повышения ставки с 20 до 25% (что в номинальном выражении эквивалентно поступлениям в 2025 г. налога на прибыль в сумме более 4,0 трлн руб., из которых прирост к 2024 г. составит не менее 1,8 трлн руб.) если даже и оправдаются³, в масштабах всей бюджетной системы может быть зафиксировано сокращение суммарных объемов поступлений налога на прибыль, основной объем которых зачисляется в региональные бюджеты (в величине, эквивалентной налоговой ставке в 17%), что, в свою очередь, увеличит количество дефицитных субъектов РФ по итогам года⁴, и от федерального центра потребуется принятие дополнительных мер по улучшению сбалансированности региональных бюджетов.

Дело в том, что тенденция к сокращению налоговой базы по налогу на прибыль началась уже в 2024 г.: сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций (без субъектов МСП, кредитных и некредитных финансовых организаций, государственных (муниципальных) учреждений) в действующих ценах сократился почти на 7% к уровню 2023 г., что в реальном выражении означает падение более чем на 16%. С учетом наблюдаемых процессов в российской экономике указанная тенденция не только сохраняется, но и имеет все предпосылки к ускорению в 2025 г. В частности,

³ По оперативным данным Минфина России, на 1 июля 2025 г. зачисления налога на прибыль в федеральный бюджет составили 1,9 трлн руб.

⁴ Согласно бюджетной статистике (Росказна), налог на прибыль является вторым по значимости (после НДФЛ) собственным доходным источником для большинства консолидированных бюджетов субъектов РФ.

по итогам января–июня 2025 г., по доступным оперативным данным Росстата⁵, сальдированный финансовый результат в действующих ценах составил 91,6% к аналогичному периоду прошлого года. Поэтому недополучение запланированных объемов доходов от налога на прибыль в 2025 г. является, пожалуй, не менее важным риском для российской бюджетной системы, чем возросшая вероятность выпадающих нефтегазовых поступлений. Более того, в научной литературе отмечается, что налог на прибыль оказывает искажающее воздействие на поведение налогоплательщиков: его повышение негативно влияет на уровень инвестиций компаний, на решение о выборе источника финансирования, на дивидендную политику, на решение о выборе организационно-правовой формы и др. [4–6]. Другими словами, рост налога на прибыль ухудшает оценки долгосрочной рентабельности российских компаний, использующих общий режим налогообложения, что в условиях рецессии или околонулевой динамики экономического роста в стране может привести к постепенному сокращению налоговой базы в реальном выражении, в темпах больших, чем способен компенсировать прирост налоговой ставки.

Следующей серьезной новацией в налогообложении стало усиление прогрессивности НДФЛ: с 2025 г. начала действовать шкала с пятью порогами налогообложения (от 13 до 22%), что, по оценкам Минфина России, должно принести в бюджет дополнительные 330–350 млрд руб. в 2025 г. и суммарно порядка 860 млрд руб.⁶ В то же время, по нашим расчетам, данная реформа НДФЛ может затронуть доходы только 4% работников, а потому изменение прогрессивности налога будет решать сугубо фискальную задачу. При этом столь незначительный охват налогоплательщиков ростом налоговой нагрузки вряд ли будет иметь сильные искажающие эффекты в виде снижения предложения труда или увеличения уклонения.

В последние годы Минфин России предпринимает активные шаги по расширению возможностей для наращивания ненефтегазовых поступлений в бюджет. Помимо ежегодно индексируемых ставок

акцизов, таможенных и государственных пошлин, следует упомянуть ряд неналоговых источников, сборы по которым заметно из года в года превосходили ожидания. В частности, доходы федерального бюджета от утилизационного сбора на транспорт в 2024 г. достигли почти 1,1 трлн руб. против 660 млрд руб. годом ранее. Также свой вклад в рост доходов внесли поступления от дивидендов госкомпаний (308 млрд руб. без учета дивидендов от Сбербанка, зачисляемых напрямую в ФНБ) [7]. Однако в 2025 г. ситуация с данными источниками бюджета выглядят не совсем так, как изначально было спрогнозировано Минфином России. Так, в уточненной версии бюджета поступления от утилизационного сбора снижены с 2,01 до 1,56 трлн руб. в 2025 г., при этом по состоянию на 1 июля 2025 г.⁷ доходы бюджета по данной статье составили всего лишь 204,5 млрд руб. Прогноз доходов в виде прибыли, приходящейся на доли в уставных (складочных) капиталах хозяйственных товариществ и обществ, или дивидендов по акциям, принадлежащим РФ, сохранился на том же уровне в 411 млрд руб. (без учета дивидендов от Сбербанка), из которых за I полугодие 2025 г. в бюджет поступило только 94,6 млрд руб. Следовательно, суммарно по этим статьям доходов можно ожидать поступлений в федеральный бюджет в диапазоне 0,8–1,3 трлн руб. по итогам текущего года вместо изначально ожидавшихся 2,5 трлн руб., что означает «недобор» 1,2–1,7 трлн руб.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РОСТА ДЕФИЦИТА БЮДЖЕТА

Расходы федерального бюджета после поправок определены на уровне 42,3 трлн руб., что на 830 млрд руб. выше, чем в исходной версии бюджета. Однако, если сравнить с расходными проектировками на текущий год в первоначальной редакции Федерального закона от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов», прирост составит почти 8 трлн руб., что выглядит куда более существенным (более 22%). При этом в долях ВВП расходы по итогу 2025 г. не должны превысить 19,1% против 20,1% годом ранее (что не так далеко от среднего показателя за пятнадцать последних лет в 18,6%).

Главной причиной роста расходов в 2025 г. по-прежнему остается финансирование национальной

⁵ О финансовых результатах деятельности организаций в январе–мае 2025 года // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/130_27-08-2025.html (дата обращения: 22.09.2025 г.).

⁶ Справочно: по оперативным данным Минфина России, на 1 июля 2025 г. зачисления НДФЛ в федеральный бюджет составили 114,9 млрд руб.

⁷ По оперативным данным с сайта Электронный бюджет (budget.gov.ru), дата обращения: 09.08.2025 г.

обороны: на долю данного раздела приходится до трети всех расходов федерального бюджета. И хотя доля закрытых бюджетных ассигнований в 2025 г. увеличена до 28,2% против 15,1% в 2021 г. (до начала СВО), данная тенденция к снижению открытости расходов бюджета вполне обоснована в силу текущих геополитических обстоятельств.

Объем расходов федерального бюджета на 2025–2027 гг. был впервые определен на основе правила первичного структурного дефицита, согласно которому предельные непроцентные расходы не должны превышать сумму ненефтегазовых поступлений и базовых нефтегазовых доходов (с учетом сальдо бюджетных и межгосударственных кредитов). При внесении поправок приверженность соответствию требованиям бюджетного правила сохранилась: федеральный бюджет на законодательном уровне по-прежнему остается сбалансированным при нулевом первичном сальдо.

В то же время при сохранении набранных в I полугодии 2025 г. темпов государственного финансирования расходы федерального бюджета, возможно, превысят и скорректированный план, что на фоне определенных сложностей с наполнением бюджета грозит увеличением размера общего дефицита, который после поправок ожидается на уровне 3,8 трлн руб., и выводом его из «относительно комфортной» для поддержания долгосрочной бюджетной устойчивости зоны (в пределах 2% ВВП). Однако есть определенные основания (как с точки зрения некоторого улучшения макроэкономических условий, включая цены на нефть, курс доллара, ключевую ставку ЦБ РФ, так и с учетом графика налоговых платежей, предусматривающего выплаты во втором полугодии 2025 г. налогов физическими лицами за 2024 г. (окончательные расчеты по НДФЛ, а также налогу на имущество, земельному и транспортному налогам)) полагать, что во втором полугодии 2025 г. ситуация развернется и динамика доходов частично «наверстает» образовавшееся отставание от темпов кассового исполнения расходных обязательств.

Дефицит федерального бюджета, зафиксированный по итогам I полугодия 2025 г. в объеме 3,7 трлн руб., не отражает в полной мере всех упомянутых выше факторов и неопределенностей, а потому может существенно измениться уже в ближайшее время в любую сторону. При этом очевидно, что основным источником финансирования дефицита продолжат оставаться внутренние государственные

заимствования. Суммарно Минфин России в текущем году планирует привлечь с рынка чуть более 4,7 трлн руб. при объеме предстоящих погашений долговых ценных бумаг в валюте РФ в 1,4 трлн руб. Судя по динамике размещений ОФЗ в первой половине 2025 г. (по итогам 6 месяцев было размещено ОФЗ по номиналу на сумму чуть более 2,7 трлн руб.), задача привлечения с долгового рынка запланированных почти 5 трлн руб. не является проблематичной (особенно на фоне начавшегося снижения ключевой ставки, стагнации на фондовом рынке и желания инвесторов зафиксировать относительно высокую гарантированную доходность по ОФЗ на долгосрочный период).

Использование заимствований в запланированных объемах не является сколько-нибудь «опасным» с точки зрения наращивания долговой нагрузки при сохранении прогнозируемых темпов экономического роста. В частности, хотя номинальный объем государственного внутреннего долга и может вырасти за 2025 г. с 23,7 трлн руб. до 27 трлн руб., в долях ВВП это будет означать лишь прирост в 0,4 п.п. (с 11,8 до 12,2% ВВП). В структуре государственного долга по источникам привлечения доля внутренних обязательств продолжит тенденцию к росту и на конец года составит порядка 85%. В то же время следует опасаться расширения практики по сути опосредованного эмиссионного финансирования государственного долга со стороны ЦБ РФ (наращивание в активах банка объема ОФЗ вследствие операций РЕПО с кредитными организациями) [8], которая потенциально способна ускорять инфляционные процессы в экономике и, соответственно, приводить к необходимости дополнительной индексации публично-нормативных и иных расходных обязательств.

По состоянию на 1 июля 2025 г. средства ФНБ на покрытие дефицита федерального бюджета не тратились, однако поправками в закон о бюджете предусмотрено использование до конца года 447 млрд руб. суверенных активов. С учетом предстоящих трат, а также пополнения ФНБ в июне 2025 г. на сумму в 1,3 трлн руб. в связи с формированием дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета за период январь 2024 по февраль 2025 г. и положительной курсовой разницей можно ожидать, что остатки средств фонда на конец текущего года составят 12,8–13 трлн руб. При этом ликвидная часть ФНБ не будет превышать 4 трлн руб., что, с одной стороны, вполне доста-

точно, чтобы Минфину России не беспокоиться об источнике средств для компенсации выпадающих нефтегазовых доходов бюджета уже в 2026 г., а с другой — в случае нового витка падения цен на российскую нефть в силу санкций или рыночных условий торговли — может быть израсходовано в течение ближайших двух лет.

ВЫВОДЫ

Исполнение федерального бюджета в I полугодии 2025 г., а также характер июньских поправок в закон о бюджете свидетельствуют в пользу продолжения Правительством РФ политики бюджетного доминирования, которая на протяжении последних лет была важнейшим, если не определяющим фактором достижения высоких темпов экономического роста, несмотря на полную занятость, ухудшение условий внешней торговли и двузачную ключевую ставку. Однако также очевидно и то, что эффективность бюджетного стимулирования российской экономики начала сокращаться [1], так как государство оказалось вынужденным поддерживать на плаву стратегически значимые национальные компании, не допускать роста социальной напряженности, форсировать процессы импортозамещения и технологического перевооружения и, конечно же, заметно нарастить финансирование ОПК и задач, связанных с проведением СВО. Как результат — высокопроизводительные траты стали «вытесняться» менее эффективными бюджетными расходами.

Первое полугодие 2025 г. характеризуется разнонаправленной динамикой кассового исполнения федерального бюджета: с одной стороны, нетипично высокие темпы исполнения расходной части, с другой — некоторое отставание в темпах наполнения доходов бюджета, несмотря на планомерное увеличение налоговой нагрузки. В итоге разрыв между доходной и расходной составляющими фе-

дерального бюджета начал стремительно расти, достигнув 3,7 трлн руб. Тем не менее, на наш взгляд, российский бюджет по-прежнему имеет высокую устойчивость к различного рода внешним шокам благодаря низкому уровню государственного долга и наличию суверенных резервов, а также заметно возросшей скорости перераспределения бюджетных ресурсов в силу осуществленной еще в период пандемии донастройки бюджетного процесса. В то же время приходится признать, что риски хронической несбалансированности бюджета также неуклонно возрастают, что в условиях сохраняющейся высокой геополитической неопределенности и ценовой волатильности требует от финансового руководства страны сосредоточиться на стабильности финансирования расходов при учете их соразмерности доходным возможностям страны.

В одной из наших более ранних статей был количественно подтвержден вывод о том, что диверсификация поступлений в бюджет от сырьевого сектора экономики способна снизить уязвимость бюджета от ценовых шоков и, следовательно, обеспечить большую стабильность финансирования государственных расходов [9]. При этом следует понимать, что применение одних только бюджетных правил еще далеко не достаточно ни для преодоления проблемы процикличности бюджетных расходов, ни для снижения долговой нагрузки [10]. Не менее важно еще более переориентировать систему налогообложения на несырьевые доходные источники, системно повышать качество налогового администрирования, улучшать ритмичность кассового исполнения и бюджетную дисциплину, а что еще существеннее сохранять фискальное пространство, достаточное для бюджетных маневров в случае реализации внешних шоков [11; 12]. В условиях ограниченности государственных средств, на наш взгляд, также следует повысить требования к эффективности налоговых и бюджетных расходов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в 2025 г. за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out in 2025 at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев Е. О., Соколов И. А. Применение VAR-моделей для оценки влияния бюджетных расходов на динамику ВВП. *Проблемы прогнозирования*. 2024;5(206):72–85. DOI: 10.47711/0868–6351–206–72–85
2. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Методы оценки фискальной эффективности косвенного налогообложения. *Journal of Applied Economic Research*. 2020;19(1):19–39. DOI: 10.15826/vestnik.2020.19.1.002
3. Vegh C. A., Vuletin G. How is tax policy conducted over the business cycle? *American Economic Journal: Economic Policy*. 2015;7(3):327–370. DOI: 10.1257/pol.20120218
4. Kawano L., Slemrod J. How do corporate tax bases change when corporate tax rates change? With implications for the tax rate elasticity of corporate tax revenues. *International Tax Public Finance*. 2016;23:401–433. DOI: 10.1007/s10797–015–9375–y
5. Liu Y., Mao J. How do tax incentives affect investment and productivity? Firm-level evidence from China. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2019;11(3):261–291. DOI: 10.1257/pol.20170478
6. Zwick E., Mahon J. Tax policy and heterogenous investment behavior. *American Economic Review*. 2017;107(1):217–248. DOI: 10.1257/aer.20140855
7. Абрамов А. Е., Арлашкин И. Ю., Барбашова Н. Е., Баринова В. А., Божечкова А. В. и др. Российская экономика в 2024 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 46). Под науч. ред. Кудрина А. Л., Мау В. А., Радыгина А. Д., Синельникова-Мурылева С. Г. М.: Изд-во Ин-та Гайдара; 2025. 504 с.
8. Ануреев С. В. Импульс экономике за счет профицита бюджета, сокращения долга, процентных расходов и части вкладов. *Финансы и кредит*. 2025;31(5):4–23. DOI: 10.24891/wnmdbbh
9. Соколов И. А., Сучкова О. В., Казакова Ю. Е., Репкина Е. В. Исследование бюджетной уязвимости в странах с сырьевой экономикой: методология учета ценовых шоков на экспортируемые ресурсы. *Terra Economicus*. 2025;23(2):77–91. DOI: 10.18522/2073–6606–2025–23–2–77–91
10. Кудрин А. Л., Соколов И. А., Сучкова О. В. Оценка влияния бюджетных правил на цикличность государственных расходов. *Вопросы экономики*. 2023;5(5):5–22. DOI: 10.32609/0042–8736–2023–5–5–22
11. Heller P. Back to basics-fiscal space: What it is and how to get it. *Finance and Development*. 2005;42(2):32–33.
12. Гончаренко Л. И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144–154.

REFERENCES

1. Matveev E. O., Sokolov I. A. Application of VAR models to assess the impact of budget expenditures on GDP dynamics. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2024;5(206):72–85. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868–6351–206–72–85
2. Balatskii E. V., Ekimova N. A. Methods for assessing the fiscal effectiveness of indirect taxation. *Journal of Applied Economic Research*. 2020;19(1):19–39. (In Russ.). DOI: 10.15826/vestnik.2020.19.1.002
3. Vegh C. A., Vuletin G. How is tax policy conducted over the business cycle? *American Economic Journal: Economic Policy*. 2015;7(3):327–370. DOI: 10.1257/pol.20120218
4. Kawano L., Slemrod J. How do corporate tax bases change when corporate tax rates change? With implications for the tax rate elasticity of corporate tax revenues. *International Tax Public Finance*. 2016;23:401–433. DOI: 10.1007/s10797–015–9375–y
5. Liu Y., Mao J. How Do tax incentives affect investment and productivity? Firm-level evidence from China. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2019;11(3):261–291. DOI: 10.1257/pol.20170478
6. Zwick E., Mahon J. Tax Policy and heterogenous investment behavior. *American Economic Review*. 2017;107(1):217–248. DOI: 10.1257/aer.20140855
7. Abramov A. E., Arlashkin I. Yu., Barbashova N. E., Barinova V. A., Bozhechkova A. V. et al. Russian economy in 2024: Trends and prospects. (Vol. 46). Ed. by A. L. Kudrin, V. A. Mau, A. D. Radygin, S. G. Sinelnikov-Murylev. Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara; 2025. 504 p. (In Russ.).
8. Anureev S. V. Impetus to the economy through budget surplus, debt reduction, interest expenses and part of deposits. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2025;31(5):4–23. (In Russ.). DOI: 10.24891/wnmdbbh
9. Sokolov I. A., Suchkova O. V., Kazakova Yu. E., Repkina E. V. A study of budget vulnerability in commodity-dependent economies: a methodology for accounting for price shocks in exported resources. *Terra Economicus*. 2025;23(2):77–91. (In Russ.). DOI: 10.18522/2073–6606–2025–23–2–77–91

10. Kudrin A.L., Sokolov I.A., Suchkova O.V. Assessing the impact of fiscal rules on the cyclicity of government expenditures. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2023;(5):5–22. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2023–5–5–22
11. Heller P. Back to basics-fiscal space: What it is and how to get it. *Finance and Development*. 2005;42(2):32–33.
12. Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144–154. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Илья Александрович Соколов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ilya A. Sokolov — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-0431-4993>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

sokolov@iepr.ru

Юлия Евгеньевна Казакова — младший научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yulia E. Kazakova — Associate Researcher at the Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0009-0009-2199-4095>

yekazakova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 04.08.2025; принята к публикации 28.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 04.08.2025; accepted for publication 28.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-32-50

УДК: 336(045)

JEL G21, G28

Роль государственного регулирования в достижении экономического роста и укреплении производственного суверенитета

В.А. Чернов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — взаимодействие банковской системы и органов государственного управления в достижении национальных целей развития Российской Федерации. **Цель** работы — выявление факторов, препятствующих укреплению экономики, обеспечению финансового суверенитета, импортозамещению, формированию условий, способствующих росту промышленности темпами, превышающими среднемировой уровень, уточнению роли и ответственности органов государственной власти в достижении целей национального развития во взаимодействии с Банком России, а также выдвижение предложений по разрешению противоречий между кредитными и государственными организациями в укреплении экономики и снижении инфляции. Проведен анализ эмпирических данных, представленных госкорпорацией «Ростех», Российским союзом промышленников и предпринимателей, Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Минэкономразвития, текущих и прогнозных данных промышленности и сельского хозяйства в Нижегородской области, где объекты производств сгруппированы по признаку их зависимости от ставки кредитования и государственной поддержки. Рассмотрен опыт США и Турции в регулировании инфляции. Выдвинуты предложения по сокращению инфляции и укреплению экономики финансовыми и правовыми методами, а также совершенствованием системы когнитивной подготовки студентов. Сделан **вывод** о том, что высокий уровень инфляции обусловлен отставанием роста производства и предложения товаров на рынке от спроса потребителей в значительной степени из-за высокой ставки кредитования.

Ключевые слова: производственный суверенитет; потенциал роста экономики; денежно-кредитная политика; ключевая ставка Банка России; целевое кредитование; инвестиции в основной капитал; импортонезависимость

Для цитирования: Чернов В.А. Роль государственного регулирования в достижении экономического роста и укреплении производственного суверенитета. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):32-50. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-32-50

ORIGINAL PAPER

The Role of Government Regulation in Achieving Economic Growth and Strengthening Industrial Sovereignty

V.A. Chernov

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ABSTRACT

he subject of the study is the interaction of the banking system and government authorities in achieving the national development goals of the Russian Federation. **The purpose** of the work is to identify factors hindering the strengthening of the economy, ensuring financial sovereignty, import substitution, creating conditions conducive to industrial growth at a rate exceeding the global average, clarifying the role and responsibility of government authorities in achieving national development goals in cooperation with the Bank of Russia, as well as making proposals to resolve contradictions between credit and government organizations in strengthening economy and reduction of inflation. The analysis of empirical data provided by ROSTEC State Corporation, the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, the Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting, Ministry of Economic Development, current and forecast data on Industry and agriculture in the Nizhny Novgorod region, with a grouping of production facilities based on their

© Чернов В.А., 2025

dependence on lending rates and government support, is carried out. The experience of the USA and Turkey in regulating inflation is considered. Proposals have been put forward to reduce inflation and strengthen the economy through financial and legal methods, as well as improving the system of cognitive training for students. **It is concluded** that the high inflation rate is due to the lag in the growth of production and supply of goods on the market from consumer demand, largely due to the high lending rate.

Keywords: industrial sovereignty; economic growth potential; monetary policy; key rate of the Bank of Russia; targeted lending; investments in fixed assets; import dependence

For citation: Chernov V.A. The role of government regulation in achieving economic growth and strengthening industrial sovereignty. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):32-50. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-32-50

ВВЕДЕНИЕ

Антироссийская рестрикционная политика западных стран ставит перед экономикой нашей страны сложные проблемы, в решении которых большую роль играет проводимая Банком России денежно-кредитная политика (далее — ДКП), цель которой заключается в обеспечении стабильно низкой инфляции, необходимой для устойчивого экономического развития страны, защиты доходов и сбережений населения и предприятий¹.

Следуя этой цели, Банк России взял курс на увеличение ключевой ставки до рекордных значений, утверждая, что это приведет к снижению «перегрева» в темпах роста экономики с 4,3% в 2024 г. до «траектории сбалансированного роста» в 1,5–2,5%² и это позволит достичь цели по инфляции вблизи 4% в год. Цель действует на постоянной основе³. Цель по снижению экономического роста уже достигнута. Годовая инфляция, по данным Росстата, в июле 2025 г. замедлилась до 8,79%, а в августе 2025 года составила 8,14%. Однако данное снижение инфляции не приводит к экономическому развитию страны, декларируемому в качестве цели ДКП. Во II квартале 2025 г. ЦБ оценивает рост ВВП РФ на 1,8% в годовом выражении. Но по данным Росстата темпы роста ВВП во II квартале в годовом

измерении составили 1,1%, что значительно ниже ожиданий ЦБ и ниже роста в I квартале, составившего 1,4%⁴.

В третьем квартале прогнозируется уменьшение темпов роста до диапазона 0,8–1%. Согласно данным Банка России динамика финансовых потоков в августе свидетельствует о снижении экономической активности в стране. При небольшом росте объема входящих платежей через систему ЦБ относительно уровня в июле, он оказался на 6,4% ниже среднего уровня второго квартала 2025 г. Относительную устойчивость удалось сохранить лишь производителям, имеющим государственные заказы и активное бюджетное финансирование. Снижение темпов экономической активности подтверждается ключевыми индикаторами за август. При незначительном росте индекса деловой активности (PMI — Purchasing Managers Index) в производственном секторе до 48,7 в августе 2025 г. относительно 47 пунктов в июле, он все же оказался ниже 50 пунктов, которые отделяют рост деловой активности от ее замедления. А рост PMI в секторе услуг в пределах 50, отражает состояние стагнации⁵.

По оценке Минэкономразвития, за семь месяцев годовой ВВП вырос всего на 1,1%, а в июле — на 0,4%. Июльский показатель роста ВВП в 0,4%, ниже его величины в декабре 2024-го (4,5%) в 11 раз, а по сравнению с июнем 2025 г. (1%) — в 2,5 раза. По информации Росстата, за январь–июнь чистый финансовый результат в экономике в годовом выражении снизился на 8,4%. Ухудшаются инвестиционные планы промышленных предприятий. По утверждениям

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

² Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Банк России. Москва: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 3. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf)

³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Банк России. Москва: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 4. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf)

⁴ Инфляция в РФ в июле 2025 г. составила 0,57%, годовая снизилась до 8,79%. Интерфакс. 13.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1042103>

⁵ Т БАНК. 16.09.2025. URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/pro100_akyla/cb55c3eb-6dc0-432c-b434-9118a811ec97/?author=profile

Банк России

Ключевая ставка как инструмент ДКП

КЛЮЧЕВАЯ СТАВКА И ИНФЛЯЦИЯ

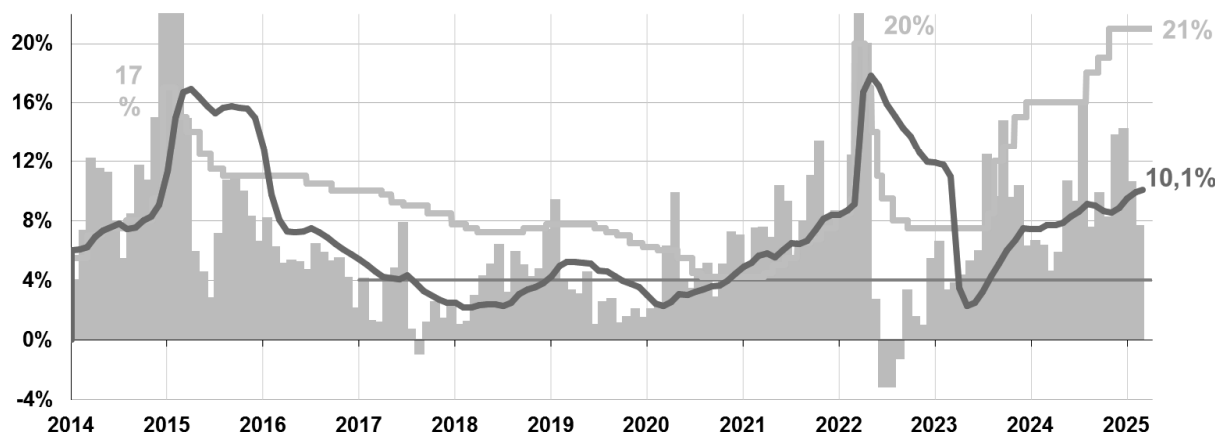

Рис. 1 / Fig. 1. Взаимосвязь изменения ключевой ставки ЦБ и инфляции /
The relationship between changes in the Central Bank's key rate and inflation

Источник / Source: URL: https://cbr.ru/hd_base/inf (дата обращения: 08.04.2025).

представителей бизнеса это происходит из-за жесткой ДКП⁶.

Декларируемая ДКП цель стабильно низкой инфляции, необходимой для устойчивого экономического развития страны, приводит к обратному результату — сокращению роста экономики более чем вдвое, относительно данных 2024 г. Данный факт является дополнительным обоснованием необходимости снижения ключевой ставки. Дефиниция «перегрев» в трактовке Центробанка будет раскрыта нами в последующих разделах статьи.

На рис. 1 отражается прямая, а не обратная зависимость между изменением ключевой ставки Банка России и уровнем инфляции. Так, на протяжении 2014 г. инфляция увеличивалась прямо пропорционально росту ключевой ставки с 5,5% в январе до 17% в декабре. В 2015 г. вслед за существенным снижением ключевой ставки до 11% годовая инфляция стала ускоренно уменьшаться и достигла уровня 2021 г. Далее их изменения приводят к выстраиванию синхронной медианы. Резкий подъем ставки в 2022 г. с 8,5 до 20% обусловил столь же резкий скачок инфляции. И как только ключевая ставка стремительно пошла вниз до 7,5% в сентябре 2022 г., столь же стремительно снизилась инфляция.

⁶ «Экономика встала»: эксперты указывают на риски перехода в рецессию // МК.RU. 28.08.2025. URL: <https://www.mk.ru/economics/2025/08/28/ekonomika-vstala-eksperty-ukazyvayut-na-riski-perekhoda-v-recessiyu.html>

И очередное резкое повышение ключевой ставки в 2023 г с 7,5% до 21% в 2025 г. сопровождалось пропорциональным ростом инфляция. Таким образом, из соотношений динамики ключевой ставки и инфляции, представленных Банком России (рис. 1), следует, что рост ключевой ставки, начиная с 2014 г., не привел к снижению инфляции, а напротив, она продолжала расти при увеличении ключевой ставки и снижалась при ее уменьшении.

Наращивание объемов производства за счет расширения производственных мощностей посредством вложений в основной капитал, модернизацию, совершенствование конструкций и технологий производства, текущего финансирования — это единственно верный, научный способ борьбы с инфляцией, укрепления рубля и экономики в целом на основе фундаментальных экономических законов. Попытки обойти объективные законы развития с помощью спекуляций приводят к кризисным явлениям. Повышение ключевой ставки с целью увеличения стоимости рубля и снижения инфляции есть воздействие на следствие, а не на причину изменений в экономике. Именно экономический рост является базисом укрепления рубля и снижения инфляции. Спекуляции с кредитными ставками выступают надстройкой к этому базису, которые при увеличении ставки кредитования сокращают потенциал экономического роста, ослабляя базис и вызывая отставание предложения товаров на рынке от спроса,

что в стратегическом плане неизбежно приводит к росту цен и повышению инфляции.

В условиях высокой инфляции и снижения темпов роста ВВП возникает проблема дальнейшего регулирования финансовой системы России с целью укрепления ее суверенитета, экономического роста, успешного противостояния вызовам, рискам и угрозам, возникающим как во внешней, так и внутренней политике России.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И БАНКА РОССИИ В УКРЕПЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ

Промышленность и сельское хозяйство России демонстрируют определенные успехи в своем развитии. В выступлении на XXXIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (далее — РСПП) 18 марта 2025 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что ежегодный рост ВВП в России в 2023–2024 гг. составил 4,1%. По его словам, Россия укрепляет суверенитет по всем направлениям экономики, которые обеспечивают нормальную деятельность бизнеса, включая развитие транспортной, логистической, финансово-платежной инфраструктур.

Рост реального сектора экономики наблюдается в том числе в Нижегородской области. Заместитель губернатора Нижегородской области А.Г. Саносян утверждает, что одним из основных инструментов существенного промышленного роста в области являются предоставление льгот по кредитам и установление преференциальных налоговых режимов территорий опережающего развития (далее — ТОР), особых экономических зон (далее — ОЭЗ), инновационных научно-технологических центров (далее — ИНТИЦ)⁷.

Для роста кредитования промышленности банкам предоставляют государственные гарантии и поручительства институтов развития или выпускаются облигации, обеспеченные такими гарантиями и поручительствами⁸.

Центр развития инновационных проектов «ГК Росатом» совместно с управляющей компанией технопарка «Анкудиновка» НИБИ (ГУ «Нижегородский инновационный бизнес-инкубатор») вводят в действие акселерационные программы в поддержку

проектов по 36 сферам экономики, среди которых заявлены робототехника и квантовые технологии и др.⁹. Для этого создаются интегрированные образования, рассмотренные в работе [1, с. 2–5].

Губернатор Нижегородской области Г.С. Никитин и президент АО «ЭР-Телеком Холдинг» А.Р. Кузьяев подписали соглашение о создании в Нижнем Новгороде IT-технопарка в области высоких технологий¹⁰. С 2021 г. в Нижегородской области промышленные предприятия нарастили объем производства продукции почти на 32,8%¹¹.

Сельское хозяйство тоже показывает рост. В Нижегородской области СПК «Березники» в Больше-Болдинском районе построили животноводческий комплекс на 400 голов скота с объемом инвестиций в 100 млн руб., из которых 48 млн руб. — субсидии из областного бюджета. Данный инвестиционный проект позволит увеличить выпуск молока более чем на 1 тыс. т в год¹².

На территории округа г. Шахунья агрохолдингом «Шахунское молоко» задействован инвестиционный проект «Агрокластер «Северная долина» с замкнутой экосистемой стоимостью более 6 млрд руб. по развитию производства и переработки молока. Проект позволит увеличить мощности предприятия с 380 т переработки сырого молока в сутки до 700 т. Проект предусматривает строительство высокотехнологичного животноводческого комплекса с роботизированным доильным залом «Карусель»; благоустройство и модернизацию инженерных объектов; закупку сельскохозяйственной техники и оборудования, строительство жилья для сотрудников, создание агроклассов, включая целевое профильное обучение по программам среднего профессионального образования¹³. Учитывается также взаимосвязь достижения оптимальных результатов с охраной окружающей среды и здоровья граждан [2, с. 1–18].

В условиях опережающего роста цен на молочную продукцию инвестиции в развитие производства и переработки молока увеличат предложение молочной продукции на рынке, удовлетворяя спрос по-

⁹ Глава «Ростеха» допустил остановку экспорта из-за ключевой ставки. РБК, 23.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/10/2024/6718c36a9a79476b774f1989>.

¹⁰ URL: <https://nn.dk.ru/news/237216954>.

¹¹ URL: <https://nn.dk.ru/news/237217348>.

¹² В Нижегородской области построили животноводческий комплекс. URL: <https://nn.dk.ru/news/237215695?ysclid=m8pxvmsabn9355509>.

¹³ В Нижегородской области инвестируют 6 млрд руб. в молочный агрокластер. URL: <https://nn.dk.ru/news/237217970>.

⁷ URL: <https://nn.dk.ru/news/237217348>.

⁸ URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/08/04/934640-bank-rossii-nadezhdi-banki>.

купателей, что является наиболее верным, научным подходом к снижению цен и сокращению инфляции, достижению устойчивого экономического развития, повышению благосостояния граждан.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют реализацию финансовой политики Правительства РФ. Если бы государство не снижало ставку кредитования на ТОР и в ОЭЗ за счет бюджета, инфляция была бы намного выше по причине спада промышленного и сельскохозяйственного производства, обусловленного недостаточностью средств для погашения высокой ставки кредитования.

ПОСЛЕДСТВИЯ УМЕНЬШЕНИЯ КРЕДИТОВАНИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Следует отметить, что при всех положительных тенденциях в проводимой Правительством РФ финансовой политике все предоставляемые им преференции и льготы охватывают только 10–15% всех промышленных и сельскохозяйственных предприятий России. Для остальной части производителей ключевая ставка Банка России достигла такого уровня, что она не позволяет получать кредиты [3], которые становятся невостребованными, за исключением компаний, получающих сверхдоходы или находящихся в преференциальных зонах, имеющих льготные режимы кредитования за счет государственного бюджета.

В результате объем кредитования малого и среднего предпринимательства (далее — МСП) за январь 2025 г. уменьшился до 944 млрд руб., или на 35,4%. Задолженность выросла на 0,5% до 14,6 трлн руб. Суммы не погашенных в срок кредитов увеличились до 659 млрд руб., или на 3,1%. Доля кредитов, зависящих от ключевой ставки, уменьшилась на 4,9%. Среди кредитов с плавающей ставкой их величина составила 88%, а от общей задолженности — 54,6%¹⁴. Следствием такого недофинансирования стало снижение темпов роста ВВП по данным Росстата до 1,4% в I квартале 2025 г., что ниже оценок ЦБ, по данному показателю в размере 1,8% в годовом измерении. Во II квартале 2025 г. темпы роста стали еще ниже, опустившись до отметки 1,1%¹⁵. В результате

снижения экономического роста в России начала расти скрытая и официальная безработица. Она обусловлена появлением простоев на некоторых предприятиях и возникшим риском увольнения сотрудников¹⁶.

Уменьшение кредитования реального сектора экономики означает сокращение инвестирования промышленности и соответственно предложения товаров на рынке, что способствует увеличению цен на продукцию и услуги и росту инфляции, с которой борется Банк России посредством повышения ключевой ставки на принципах «вертолетного кредитования». Из-за сокращения денежных потоков в реальный сектор экономики усиливаются угрозы финансового кризиса и риски банкротства производителей [4, с. 119–126].

В итоге получается, что кредитные организации утрачивают свои прямые функции кредитования бизнеса, которые переходят к микрофинансовым организациям.

Высокая ключевая ставка препятствует росту не только реального сектора экономики. При столь высокой ставке поступление доходов кредитным организациям перекрывается недоступностью кредитов. Доступными их делает госбюджет, финансируя снижение ставки кредитования. В результате Банк России становится дотационным иждивенцем у государства, не выполняя функцию кредитования на условиях самокупаемости и самофинансирования.

Складывается, с одной стороны, ситуация, при которой государство вынуждено софинансировать деятельность промышленных и сельскохозяйственных предприятий в преференциальных зонах, чтобы уменьшать их убытки из-за высоких для них процентных ставок. С другой стороны, оно вынуждено фактически софинансировать кредитные организации, создавая для их деятельности благоприятные условия, поскольку при высоких процентных ставках у них нет минимально необходимого количества клиентов для кредитования. В итоге самокупаемость становится недостижимой ни для банков, ни для промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а их государственное софинансирование увеличивает дефицит государственного бюджета. По оценке Минфина, по итогам II квартала 2025 г. дефицит федераль-

¹⁴ В январе 2025 г. бизнес взял кредитов на 52,2% меньше, чем в декабре прошлого года. URL: <https://www.dk.ru/news/237219114>.

¹⁵ Инфляция в РФ в июле составила 0,57%, годовая снизилась до 8,79%. Интерфакс. 13.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1042103>

¹⁶ Иванова С. Путин: по итогам 2025 года инфляция будет 6–7%. Клерк. 12.08.2025. URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/657656/>

ного бюджета составил 3 693,9 млрд руб.¹⁷ Рост дефицита не позволит поддерживать бюджетные расходы на текущем уровне, в том числе из-за падения цен на нефть, роста затрат на обслуживание госдолга и риска исчерпания ликвидной части Фонда национального благосостояния¹⁸. Для устойчивого экономического развития страны бюджетных средств недостаточно. Помимо бюджетных средств необходимо задействовать банковский ресурс в виде кредитования реального сектора экономики, что является традиционной практикой в экономике. Но этот ресурс блокирован высокой ключевой ставкой ЦБ.

БОРЬБА С «ПЕРЕГРЕВОМ» И «ПЕРЕОХЛАЖДЕНИЕМ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

18 марта 2025 г. в Москве на XXXIV съезде РСПП его президент А. Н. Шохин выразил озабоченность стремлением к достижению «золотой» середины между управляемым сжатием российской экономики с целью подавления инфляции и недопущением «переохлаждения» российской экономики.

В этой связи участники съезда говорили о критериях выбора инвестиционных проектов, зависящих от ключевой ставки, от которых недопустимо отказываться. Это близкие к реализации проекты, нацеленные на выполнение национальных проектов по достижению технологического лидерства, в том числе проекты с максимальным мультипликатором в размере 5,7 руб. дохода на рубль вложений.

В выступлении на этом съезде РСПП Президент Российской Федерации В. В. Путин выразил свое отношение к противоречиям между ДКП Банка России и стимулированием роста экономики в вопросах «перегрева» и «охлаждения». Он сказал, что нельзя строить финансовую политику на доверии, а нужно создавать соответствующую политическую систему,

юридическую, правоприменительную практику, чтобы было жестко, стабильно, надежно¹⁹.

Смысл этого изречения заключается в том, что согласно прогнозам Банка России в 2024 г. российская экономика должна была вырасти на 3,5–4,0%. В конце 2024 г. «перегрев» в экономике должен постепенно уменьшаться. Этому должна была способствовать проводимая ДКП. В 2027 г. российская экономика должна вернуться на траекторию сбалансированного роста в 1,5–2,5%²⁰. Следовательно, с точки зрения Банка России, рост российской экономики на 3,5–4,0% — это «перегрев», а траектория сбалансированного роста составляет 1,5–2,5%. Значит, рост экономики России свыше 1,5–2,5% назван «перегревом» и противопоказан Банком России. В обсуждениях на съезде РСПП процесс, обратный «перегреву», обозначен «сжатием», «охлаждением» и «заморозкой».

Другим аргументом политики «антиперегрева» Банка России является высокая загрузка производственных мощностей. В соответствии с его данными при сложившихся высоких темпах роста 2023 г. уровень их загрузки был близок к 80%. С точки зрения Банка России, возможности дальнейшего расширения производства товаров и услуг для удовлетворения повышенного спроса ограничены, в том числе из-за сложностей с импортом необходимого оборудования²¹.

Для расширения производственных мощностей в п. 6 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее — Указ № 309) намечено увеличение объема инвестиций в основной капитал. Для выполнения задачи по привлечению инвестиций в инновационное развитие России используются преференциальные налоговые режимы. [5, с. 156], применяются методы налогового администрирования для повышения эффективности инвестиционных проектов на региональном

¹⁷ Краткая ежеквартальная информация об исполнении федерального бюджета (млрд руб., накоплено с начала года). Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80039-kratkaya_ezhekvtalnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrld_rub_nakopleno_s_nachala_goda

¹⁸ Родионов К. Смена приоритетов: почему 2026-й станет годом сокращения бюджетных расходов в России. Forbes. 25.07.2025. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/542560-smena-prioritetov-pocemu-2026-j-stanet-godom-sokraseniya-budjetnyh-rashodov-v-rossii?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=351825678

¹⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76474>.

²⁰ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 3. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf).

²¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 30. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf).

Таблица 1/ Table 1

Данные о росте инфляции в России, % / Data on the growth of inflation in Russia, %

Показатель / Indicator	Период / Period									
	12. 2024	01. 2025	02. 2025	03. 2025	04. 2025	05. 2025	06. 2025	07. 2025	08. 2025	09. 2025
Ключевая ставка, % годовых / Key rate	21	21	21	21	21	21	20	18	18	17
Инфляция / Inflation, %	9,52	9,92	10,06	10,34	10,23	9,88	9,40	8,79	8,14	8,02
Уровень ключевой ставки к инфляции	2,21	2,12	2,09	2,03	2,05	2,13	2,13	2,05	2,21	2,12
Цель по инфляции / The inflation target, %	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4

Источники / Sources: 1. Инфляция и ключевая ставка Банка России. Банк России. 14.08.2025. URL: https://cbr.ru/hd_base/inf/ / Inflation and the key rate of the Bank of Russia. Bank of Russia. 14.08.2025. URL: https://cbr.ru/hd_base/inf/. 2. Рост цен в РФ с 9 по 15 сентября составил 0,04%, годовая инфляция замедлилась до 8,10% // Интерфакс. 17.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1047847> / The price increase in the Russian Federation from September 9 to September 15 amounted to 0.04%, annual inflation slowed to 8.10% // Interfax. 17.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1047847>

уровне, обобщается опыт субъектов Российской Федерации по формированию благоприятного налогового климата для повышения инвестиционной привлекательности регионов [6, с. 117–125; 7].

ВЫПОЛНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ УКАЗА № 309

Благодаря выполнению требований Указа № 309 в Нижегородской области высокими темпами растут инвестиции в основной капитал. Относительно 2016 г. данный показатель увеличился на 76,7%. Столь значимый рост потенциала реального сектора экономики достигнут на территориях с преференциальными налоговыми режимами и льготным кредитованием: ОЭЗ «Кулибин», ТОР в Володарске, Решетихе и Сарове, ИНТЦ «Квантовая долина»²².

Согласно данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (далее — ЦМАКП) накопленный уровень инвестиционной активности достаточен для расширения мощностей: в 2022–2023 гг. инвестиции в основной капитал увеличились на 17,2%, а за 2020–2023 гг. — на 27,1%²³.

²² Объем инвестиций в основной капитал Нижегородской области вырос почти на 77% с 2016 г. URL: <https://nn.dk.ru/news/237219001>.

²³ Экономисты ЦМАКП предупредили о возможности стагфляции в России. К каким последствиям может привести жесткая монетарная политика. РБК. 13.11.2024. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/11/2024/673379aa9a794755956b8675?from=article_body.

В этой связи аргумент Банка России о перегрузке производственных мощностей и невозможности дальнейшего расширения производства несостоятельны. Главным препятствием расширению производств и производственных мощностей со стороны регулятора является высокая ставка кредитования.

Кроме этого, для роста производства требуется не только расширение мощностей, но и текущее финансирование производств. Опираясь на данные опросов Росстата, экономисты ЦМАКП отметили увеличение за последние годы доли предприятий обрабатывающей промышленности (с 20 до 40%), для которых высокая ставка кредитования ограничивает рост их производства.

Вопреки утверждениям Банка России о высокой загрузке производственных мощностей как ограничительном факторе роста производства, именно недостаток финансовых средств, а не ограничения мощностей стал препятствием росту выпуска товаров для компаний, доля которых составила 47%. Компании, рост которых ограничивается высоким процентом коммерческого кредита, занимают 44%²⁴.

ЦМАКП приходит к выводу о том, что высокая ключевая ставка и намеченное Банком России ее повышение создали риск экономического спада и обвала инвестиций в экономике России уже в ближайшее время²⁵, что отчасти находит подтверждение

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

в 2025 г. в виде снижения темпов роста ВВП с 4,3% до 1,1% по данным Росстата во II квартале 2025 г.,²⁶ которые значительно ниже установленной ЦБ траектории сбалансированного роста в 1,5–2,5%²⁷. Причем сокращение инфляции в 1,2 раза (10,34: 8,02) (табл. 1) достигнуто ценою четырехкратного сокращения темпов роста ВВП (4,3: 1,1).

Следовательно, сокращение инфляции в денежно-кредитной политике не поставлено на службу устойчивому экономическому развитию, а напротив, устойчивость экономического развития приносится в жертву показателям инфляции на спекулятивной, а не производственной основе. При этом игнорируется очевидная фундаментальная закономерность в том, что рост экономики, производство общественных благ, а не спекулятивные операции с инфляцией приводят к улучшению благосостояния страны и ее граждан. А темпы роста ВВП показывают прирост производства общественных благ, в данном случае сдерживаемые высокой ключевой ставкой.

Из табл. 1 мы видим, что ключевая ставка в течение двух лет более чем вдвое превышает уровень инфляции. Следовательно, ее величина не может быть оправдана инфляцией. При этом снижение ключевой ставки до 17% сохраняет пропорцию более чем двукратного превышения ставки относительно инфляции 8,02% в расчете по методике ЦБ²⁸. Это означает, что реального снижения ключевой ставки с учетом изменения инфляции не произошло. Сохранение этой пропорции остается тормозом для экономического роста.

Против снижения ключевой ставки Банк России также использует термин «вертолетное кредитование», что означает бессистемную выдачу кредитов без учета их последствий в балансировании спроса и предложения. Для достижения баланса в этом вопросе необходимо избирательное регулирование процентной ставки в соотношениях кредитования производителей и потребителей. Ставки для про-

изводителей и потребителей необходимо дифференцировать в таких пропорциях, чтобы:

- темпы роста кредитования производства не отставали от темпов кредитования потребления, что не соблюдается по данным Росстат (табл. 2);
- темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производств не отставали от темпов роста продаж имеющейся на рынке товарной массы во избежание дефицита предложения;
- кредитование текущего финансирования проводилось на основе более тщательного анализа кредитоспособности заемщика, что обеспечивает эффект от использования кредита в виде прироста производства (предложения) в его соответствии спросу, выраженному в увеличении продаж, способных окупить ставку кредитования;
- в инвестировании основного капитала были расширены рамки целевого кредитования на финансирование капитальных вложений.

Банк России также утверждает, что высокая ключевая ставка обеспечит необходимую реальную жесткость денежно-кредитных условий для снижения кредитной и увеличения сберегательной активности экономических агентов в условиях их повышенных и незакоренных инфляционных ожиданий²⁹. Это означает, что регулятор сокращением кредитов намерен изымать деньги из промышленного оборота, чтобы не допускать кредитование роста производств, а накапливать их в виде сбережений. В классическом анализе деловой активности это называется иммобилизацией денежных средств, приводящих к снижению деловой активности, результативности и эффективности производств [8, с. 554, 556–558], что находит подтверждение в приведенных выше эмпирических данных.

И в этом видится игнорирование фундаментальных научных основ, которое правление Банка России считает «целесообразным». Результатом такой ДКП (согласно опросам РСПП) стал рост до 37% доли компаний, не получивших платежи от контрагентов в III квартале 2024 г. В среднем за 2021–2024 гг. доля таких компаний была значительно ниже и составляла 20–22% за год. Согласно данным ЦМАКП одним из главных факторов роста неплатежей стало резкое снижение ликвидности товарно-денежного оборота

²⁶ Инфляция в РФ в июле составила 0,57%, годовая снизилась до 8,79%. Интерфакс. 13.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1042103>

²⁷ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 3. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

²⁸ Рост цен в РФ с 9 по 15 сентября составил 0,04%, годовая инфляция замедлилась до 8,10% // Интерфакс. 17.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1047847>

²⁹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 3. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

из-за уменьшения доступности кредитов и резкого сокращения динамики средств на расчетных счетах предприятий (иммобилизации денежных средств — *авт.*). Прирост денежного обращения составил 3% к прошлому году, что существенно ниже уровня инфляции³⁰. Это означает, что с поправкой на уровень инфляции происходит снижение, а не прирост.

По этой причине предприятия вынуждены сокращать объемы производства, что ведет к росту безработицы, сокращению экспорта, а значит сокращению валютных поступлений и, как следствие, к ослаблению рубля.

В результате ДКП «антиперегрева» многие эксперты отмечают риски «переохлаждения» экономики или даже рецессии³¹, что мы и наблюдаем по данным Росстата в виде снижения темпов роста ВВП во II квартале до 1,1%, что значительно ниже ожиданий ЦБ³².

Сокращения производств вследствие высокой ключевой ставки привели к скрытой, а также зарегистрированной и официальной безработице³³, которая пришла на смену дефициту рабочей силы. Президент В.В. Путин в своих комментариях отметил, что рост скрытой и официальной безработицы связан с тем, что работа на некоторых предприятиях простаивает, а также есть сотрудники, которые находятся под риском увольнения³⁴.

Законодательно на Банк России не возложена ответственность за последствия в экономике, вызванные его ДКП. Исходя из этих позиций, ЦБ оценивает и контролирует ситуацию независимо от органов государственной власти, и поэтому больших рисков от своей ДКП не видит³⁵ в зоне своей ответственности.

³⁰ Экономисты ЦМАКП предупредили о возможности стагнации в России. К каким последствиям может привести жесткая монетарная политика. РБК. 13.11.2024. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/11/2024/673379aa9a794755956b8675?from=article_body.

³¹ Путин прокомментировал опасения экспертов о рисках переохлаждения экономики. Интерфакс. 12.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1041908>

³² Инфляция в РФ в июле составила 0,57%, годовая снизилась до 8,79%. Интерфакс. 13.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1042103>

³³ Путин прокомментировал опасения экспертов о рисках переохлаждения экономики. Интерфакс. 12.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1041908>

³⁴ Иванова С. Путин: по итогам 2025 года инфляция будет 6–7%. Клерк. 12.08.2025. URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/657656/>

³⁵ Путин прокомментировал опасения экспертов о рисках переохлаждения экономики. Интерфакс. 12.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1041908>

сти, не распространяющейся на экономику страны и устойчивость ее развития.

Президент России выразил озабоченность в необходимости чувствовать, улавливать тенденции и соответствующим образом реагировать на них, чтобы не допустить переохлаждения экономики³⁶.

Согласно фундаментальным основам экономики борьба с инфляцией нужна, чтобы обеспечить устойчивое развитие экономики (в том числе «не допустить переохлаждения»). В данном случае, напротив, устойчивое экономическое развитие страны при наблюдаемом спаде производства приносится в жертву достижению цели ДКП по снижению инфляции посредством сокращения кредитования. Рост инфляции происходит там, где нет устойчивого экономического развития страны. Поэтому не спекулятивные манипуляции ДКП, а устойчивый рост экономики должен стать главной, первостепенной и единой целью финансовых институтов страны.

Еще одним из аргументов Банка России в пользу повышения ключевой ставки на семинаре «Современные подходы к проведению денежно-кредитной политики» 3 апреля 2025 г. в ННГУ им. Н.И. Лобачевского стало утверждение, что доля процентных платежей в общих расходах компаний невелика и колеблется от 1 до 5%³⁷.

Столь низкая доля расходов за пользование банковским кредитом, с одной стороны, обусловлена отсутствием возможности подавляющего большинства предприятий, не охваченных преференциальными зонами, пользоваться банковским кредитом в требуемых количествах из-за его высокой ставки. Поэтому уровень кредитования реального сектора экономики в России традиционно низкий. Таким образом, Банк России не выполняет в достаточной мере функции кредитования производителей.

В течение последних десятилетий согласно данным Росстата рост кредитования физических лиц превышает рост кредитования корпоративных клиентов. Удельный вес потребительских кредитов продолжал расти до 2022 г. (табл. 2). Повышение удельного веса кредитования корпоративных клиентов наметилось в 2023 г., когда ключевая ставка

³⁶ Путин прокомментировал опасения экспертов о рисках переохлаждения экономики. Интерфакс. 12.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1041908>

³⁷ Материалы семинара Банка России «Современные подходы к проведению денежно-кредитной политики». ВВГУ Банка России 3 апреля 2025 г. ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 97.

Таблица 2 / Table 2

**Структурная динамика кредитования юридических и физических лиц /
Structural dynamics of lending to legal entities and individuals**

Объекты кредитования / Credit facilities	Ед. измерения / Unit of measurement	Данные о кредитовании по годам / Lending data by year				
		2001	2011	2022	2023	2024
Корпоративные клиенты / Corporate clients	млн руб./ mln roubles	821 576	14 529 858	51 945 452	58 676 771	73 198 159
Физические лица / Individuals		36 082	4 084 821	25 067 579	27 437 807	33 759 004
Итого / Total		857 658	18 614 679	77 013 031	86 114 578	106 957 163
Цепные темпы роста кредитования:	проц. / percent.					
корпоративных клиентов / Chain growth rates of lending: corporate clients;		—	1769	357,51	112,96	124,75
физических лиц / individuals		—	11 321	613,68	109,46	123,04
Удельный вес кредитования:	доли единицы/ fractions of a unit					
корпоративных клиентов / Share of lending to corporate clients;		0,96	0,78	0,67	0,68	0,68
физических лиц / individuals		0,04	0,22	0,33	0,32	0,32
Итого/Total:		1	1	1	1	1

Источник / Source: составлено по данным источника: Россия: Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб. Росстат. М.; 2024. 630 с. С. 509 / compiled according to the source: Russia: Russian Statistical Yearbook. 2024: Stat.sat. Rosstat. Moscow, 2024. 630 p. P. 509.

снизилась с 20 до 7,5% (рис. 1) и активизировалась политика льготного кредитования промышленности в преференциальных зонах за счет государственного бюджета.

С другой стороны, ЦМАКП опровергает данные Банка России о низкой доле процентных платежей в общих расходах компании. Согласно данным ЦМАКП доля предприятий обрабатывающей промышленности с критическим уровнем процентных платежей на единицу прибыли в 2024 г. увеличилась более чем вдвое относительно 2023 г. и превзошла 20% совокупного выпуска в обрабатывающей промышленности. Уровень процентных платежей

этих предприятий превышает 2/3 ЕВИТ³⁸. Данное обстоятельство значительно повышает вероятность корпоративных дефолтов и банкротств, особенно для компаний инвестиционного технологического ядра³⁹.

Прямо противоположный подход наблюдается в ДКП США, где ключевая ставка традиционно сохра-

³⁸ ЕВИТ — операционная прибыль — прибыль до выплаты процентов и уплаты налога на прибыль

³⁹ Экономисты ЦМАКП предупредили о возможности стагфляции в России. К каким последствиям может привести жесткая монетарная политика. РБК. 13.11.2024. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/11/2024/673379aa9a794755956b8675?from=article_body.

нялась на уровне 0,25%, при существенно превышающем уровне инфляции 1,3% в 2020 г. В 2021 г. был скачок инфляции до 7%, но ключевая ставка оставалась прежней. Лишь в мае 2022 г. ФРС США стала увеличивать ставку до 0,5% при годовой инфляции 5,2%. Ставка продолжала расти до 4% к концу 2022 г., оставаясь ниже годового значения инфляции 5,2% [9, с. 51–53]. Таким образом, размер ключевой ставки США всегда был ниже уровня инфляции. Поэтому реальная ставка, скорректированная на уровень инфляции, остается ниже нуля.

Банк России, напротив, вместо снижения ставки в последние годы пошел на беспрецедентное ее увеличение, значительно превышающее уровень инфляции, что препятствует росту промышленности, останавливает часть производств, лишает производителей эффекта финансового рычага и этим ослабляет конкурентные преимущества и инвестиционную привлекательность реального сектора экономики России.

Проведенный анализ показывает, что следование Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики Банка России становится препятствием достижению национальных целей развития Российской Федерации, намеченных Указом Президента № 309, что ведет к ослаблению президентской власти и препятствует достижению успеха политики, проводимой институтом главы государства.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ТУРЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФЛЯЦИИ

Еще одним из основных аргументов сторонники повышения ключевой ставки приводят негативный опыт Турции, в которой высокий рост инфляции, по их мнению, произошел из-за низкой ключевой ставки (рис. 2). Данное утверждение требует более детального комплексного рассмотрения, а не механистического переноса показателей из-за рубежа на российскую действительность, следуя формальной логике без учета места, времени и обстоятельств.

Начиная с 2020 г. инфляция в Турции достигла рекордных значений за последние 25 лет. К концу 2021 г. она увеличилась до 40%, а в октябре 2022 г. выросла до 85%. Турецкое руководство воздерживалось от повышения ключевой ставки с целью поддержания промышленности. Но в июне 2021 г. оно было вынуждено изменить мягкую ДКП, подняв ключевую ставку с 8,5 до 15%. Но инфляция

продолжала расти. Затем ставка была повышена до 17,5%. Министерство финансов и Центробанк Турции перешли к более жесткой ДКП для борьбы с инфляцией. Однако в декабре 2023 г. инфляция осталась на уровне 60%⁴⁰.

Установление уровня ключевой ставки Банка России и ЦБ Турции имеет принципиальное отличие в том, что ставка в России кратно превышает уровень инфляции. Ставка установлена в размере 21%, а инфляция по итогам 2024 г. согласно данным Росстат составила 9,52%. В Турции, напротив, инфляция многократно превышает ставку. Ключевая ставка 17,5%, а инфляция варьирует от 40 до 85%⁴¹.

Ставка кредитования, установленная чрезмерно ниже инфляции, стимулирует ажиотажный спрос, когда товары покупают с целью сохранения денег от обесценивания. Так, товары становятся инвестиционными вложениями в условиях повышенных инфляционных ожиданий. Если проценты за пользование кредитом существенно ниже инфляции, расходы за пользование кредитом не только окупаются, но и приносят прибыль от увеличения цены оплаченных в кредит товаров, так как увеличение цены значительно превышает банковскую ставку. В таких условиях скупка товаров становится выгодным бизнесом, когда у населения страны нет другой возможности сохранить свои накопления, кроме покупки валюты или недвижимости. Первое стимулирует падение курса лиры, а второе усиливает инфляцию⁴². Такой дисбаланс обусловлен тем, что ставки на внутреннем рынке значительно ниже уровня инфляции. Поэтому население заинтересовано брать больше займов и сразу их тратить, что приводит к еще большей инфляции⁴³. В условиях высокой инфляции в Турции хронический ажиотажный спрос поддерживается систематически несбалансированностью ключевой ставки и инфляции.

В России, напротив, ключевая ставка кратно превышает инфляцию, что становится тормозом для промышленного производства, приводя к сокраще-

⁴⁰ Инфляция в Турции. Бробанк. 28.02.2024. URL: <https://brobank.ru/inflyatsiya-v-turtsii/?ysclid=m8hknhrigj736891609>

⁴¹ Там же.

⁴² На максималках: почему Турция провалила инфляцию. Известия. 05.04.2024. URL: <https://iz.ru/1677186/dmitrii-migunov/na-maksimalkakh-pochemu-turtcia-provalila-borbu-s-inflatciei>.

⁴³ Инфляция в Турции. Бробанк. 28.02.2024. URL: <https://brobank.ru/inflyatsiya-v-turtsii/?ysclid=m8hknhrigj736891609>.

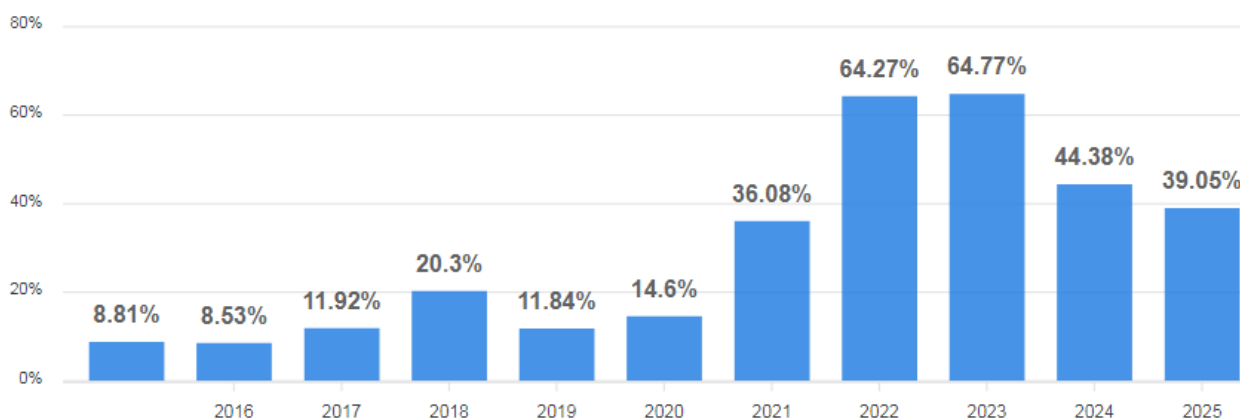

Рис. 2 / Fig. 2. Изменение инфляции в Турции в течение 10 лет /
The change in inflation in Turkey over 10 years

Источник / Source: Turkey Rate. Inflationtool. 13.03.2025. URL: <https://www.inflationtool.com/rates/turkey>

нию предложения на рынке, а значит, к стратегии роста инфляции, против которой борется регулятор. И это создает предпосылки для стагфляции.

Вследствие того, что Турция традиционно зависит от цен на продукты питания, значимым фактором повышения инфляции в Турции стал рост цен на зерно в 2023 г., что было обусловлено сокращением поставок из России и дальнейшим выходом России из зерновой сделки⁴⁴. В стране нет добычи топлива, поэтому она также зависит от цен на нефть, которые в 2023 г. были сравнительно высокими. Это тоже усилило рост инфляции. Импортные поставки превышали экспорт товаров, образуя отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, ослабляя мировые котировки лиры.

При низком потенциале роста снижение ставки кредитования не приводит к пропорциональному росту промышленного производства, необходимого для увеличения предложения товаров на рынке и сокращения инфляции. Что же касается кредитов, то они используются не столько для промышленного роста при его низком потенциале, сколько для потребления, что усиливает дисбаланс между спросом и предложением и повышает инфляцию.

Исключение составляет строительная отрасль Турции, отличающаяся высоким потенциалом роста. Поэтому повышение процентной ставки останавливает этот рост, от чего пострадали девелоперы. В результате роста ставки кредитования количество проданных домов к концу 2023 г. сократилось

на треть, а число продаж по ипотеке уменьшилось в три раза.

Резкое увеличение ставки Центробанком Турции во главе с Хафизе Эрккан с июня 2023 г. по январь 2024 г. не достигло успеха в борьбе с инфляцией, а напротив, минимальной инфляция оказалась до повышения ставки — в мае 2023 г. (38%). А затем на фоне повышения ставки инфляция вновь стала расти, достигнув 65% к концу работы Эркана (рис. 3).

В 1990-е гг. в Турции началась активная долларизация, что привело к оттоку капитала из экономики. В результате курс национальной валюты Турции в 1993–1994 гг. упал более чем на 70%. Для остановки резкого падения курса турецкой лиры правительство стало проводить валютные интервенции, продавая валютные резервы. Данный факт является дополнительным подтверждением кризисогенности моноцентричной валюты, рассмотренной в статье [10, с. 48–61], когда долларизация усилила проблемы турецкой экономики, подтверждая необходимость проведения дедолларизации мировой валютно-финансовой системы, на путь которой становится Россия в сотрудничестве с другими странами.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ДКП БАНКА РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Повышение ключевой ставки в целях сокращения инфляции уместно для экономики потребителей с неразвитым производством и отсутствием потенциала роста. В этом случае повышение процентов за кредит практически не влияет на про-

⁴⁴ Там же.

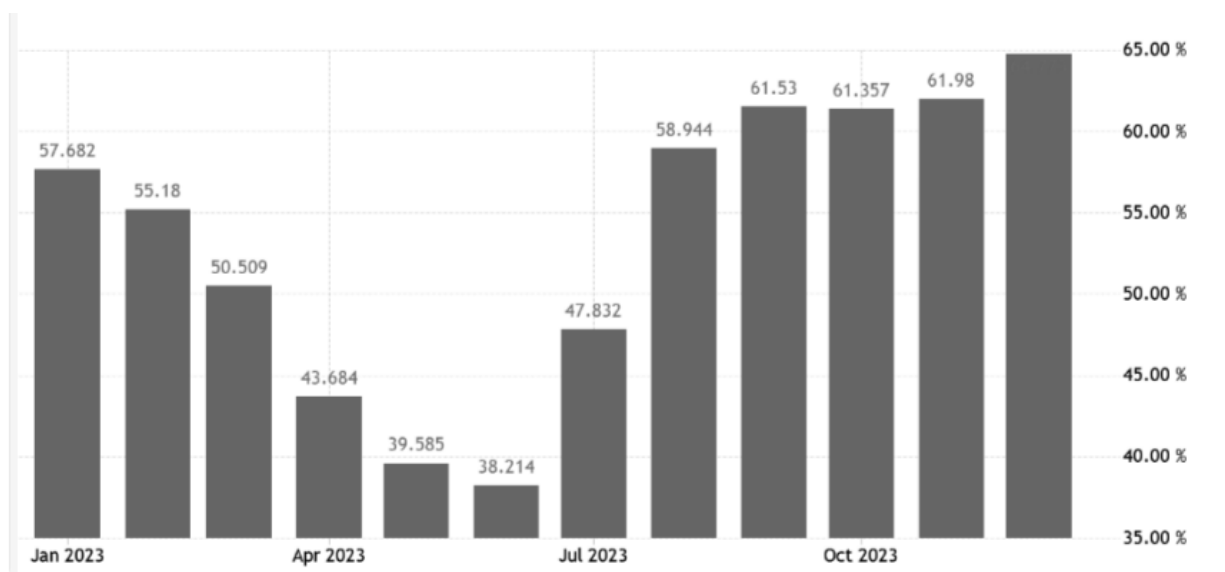

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика инфляции в Турции в 2023 г. / Inflation dynamics in Turkey in 2023

Источник / Source: URL: <https://brobank.ru/inflyatsiya-v-turtsii/?ysclid=m8hknhrj736891609>.

мышленное производство из-за его отсутствия, но ограничит спрос потребителей и этим останавливает инфляцию.

В условиях промышленного роста и наращивания его потенциала с помощью государственных мер поддержки увеличение процентной ставки не только препятствует этому росту, но и сокращает имеющийся потенциал, останавливая действующие предприятия, возвращая экономику от состояния роста 4,3% к состоянию экономики потребителей с «траекторией сбалансированного роста» 1,5–2,5% и неустойчивой валютой. Производства, остановленные в результате такой «мягкой посадки», утрачивают потенциал восстановления, приводя экономику к стагнации, рецессии [11], закрепляя статус экономики потребителей, всецело зависящей от импорта.

В Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 г. и период 2026 и 2027 гг. Банк России противоречит собственным утверждениям: из-за переориентации на внутренний рынок и проведения импортозамещения спрос на продукцию обрабатывающих производств продолжает расти. В этой связи текущий спрос на продукцию обрабатывающих производств в 2024 г. достиг максимума с 2017 г.⁴⁵ Но при этом

⁴⁵ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 36. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

Банк России предлагает сократить предложение относительно растущего спроса. Согласно прогнозу Банка России в 2024 г. российская экономика должна была вырасти на 3,5–4,0%. В конце 2024 г. «перегрев» в экономике должен был начать постепенно уменьшаться. Этому должна была способствовать проводимая ДКП. Предполагалось, что в 2027 г. российская экономика вернется на траекторию сбалансированного роста в 1,5–2,5%⁴⁶. Таким образом, ни у Банка России, ни у представителей реального сектора экономики не было сомнений в том, что проводимая ДКП с высокой ставкой ведет к сокращению экономического роста. При этом Банк России пытался убедить население в том, что снижение роста производства с 4 до 1,5–2,5% приведет к снижению инфляции.

Высокие ставки на вклады физических лиц, превышающие 20% в год или варьирующий уровень инфляции, увеличивают отложенный спрос вкладчиков с аналогичным отложенным приростом инфляции. Поэтому для обеспечения баланса спроса и предложения необходимо пропорциональное увеличение производства. Но высокой процентной ставкой банк препятствует росту производства продукции. Придет время снятия денег со счетов вкладчиками и их расходования. Из-за отставания роста производства от роста доходов потребителей по вкладам количества товаров будет недостаточно

⁴⁶ Там же. С. 3.

для удовлетворения актуализированного возросшего спроса. Это резко усилит инфляцию. В основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 г. и период 2026 и 2027 гг. приведены меры, которые предлагает Банк России для укрепления рубля, включая в том числе повышение доступности импортных товаров и услуг для отечественных покупателей⁴⁷. Предполагалось, что внутренне ориентированное предложение вместе с конечным импортом удовлетворит внутренний спрос⁴⁸. Следовательно, расчет сделан на увеличение доли импорта на внутреннем российском рынке, что ведет к ограничению импортозамещения и импортонезависимости (суверенитета), вытесняя отечественных производителей с российского рынка импортными поставщиками. Такие изменения противоречат национальным целям развития Российской Федерации из Указа Президента № 309 в обеспечении экономического суверенитета.

От увеличения доли импорта сокращается сальдо внешнеторгового баланса, которое может стать отрицательным в случае превышения импорта над экспортом. Сокращение сальдо внешнеторгового баланса приводит к ослаблению рубля на внешнем, а затем и на внутреннем рынке, а значит, к усилению инфляции. Для повышения курса рубля необходимо повышение сальдо внешнеторгового баланса (но не в ущерб удовлетворению спроса на внутреннем рынке). И это подтверждено Банком России в основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 г. и период 2026 и 2027 гг., где сказано, что в долгосрочном периоде курс рубля определяется фундаментальными факторами, в том числе ужесточением ДКП⁴⁹ и динамикой торгового баланса (соотношением внешнего спроса на экспорт и внутреннего спроса на импорт)⁵⁰. Таким образом, активизация импорта

сокращает внешнеторговый баланс, приводя экономику к состоянию общества потребителей и неконтролируемой инфляции, т.е. к тому состоянию, которое наблюдается в Турции.

С июня 2025 г. наблюдается небольшое смягчение ДКП в абсолютном выражении. ЦБ снизил ключевую ставку до 17%. Поэтому банки стали вносить в планы снижение доходности депозитов из-за предполагаемого дальнейшего снижения ставки в сентябре, говорит главный аналитик «Инго Банка» Петр Арронет. В этой связи доходность рублевых активов и спрос на них сокращаются. И это приводит к ослаблению рубля⁵¹. Такого снижения ключевой ставки следовало ожидать. Ставка не может сохраняться вечно высокой. Поэтому ужесточение ДКП не следует рассматривать как фактор стратегического укрепления рубля, а лишь как одномоментное точечное воздействие, не приводящее к устойчивому экономическому развитию страны.

Другой фактор укрепления курса рубля, отмеченный Банком России, динамика торгового баланса⁵² действительно фундаментальный. В качестве меры укрепления рубля он предполагает рост выпуска и продаж продукции на экспорт. И тут повышение ключевой ставки оказало негативное воздействие. Снижение темпов роста производства из-за высокой ставки сказалось и на экспорте. Сокращение экспорта приводит к уменьшению потока долларов в страну и, как следствие, к росту курса иностранной валюты и снижению рубля⁵³.

На фоне сокращения экспорта восстанавливается импорт, что стимулирует спрос на иностранную валюту со стороны импортеров⁵⁴. И это тоже ведет к ослаблению национальной валюты.

⁴⁷ Там же. С. 23.

⁴⁸ Там же. С. 26.

⁴⁹ Здесь необходимо уточнить, что ужесточение ДКП не является и никак не может быть фундаментальным фактором, так как кредитная политика является надстройкой к производству продукции. Общественные блага создаются не банком, а производством. Поэтому состояние реального сектора экономики предопределяет ее успех.

⁵⁰ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 31. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

⁵¹ Рузлева Е. Бегом за долларами: почему в России вырос спрос на иностранную валюту. Forbes. 12.08.2025. URL: https://www.forbes.ru/investicii/543718-begom-za-dollarami-pocemu-v-rossii-vyros-spros-na-inostrannuu-valutu?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=353263382

⁵² Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 31. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

⁵³ Рузлева Е. Виноват Трамп: что вывело российский рубль из длительного равновесия. Forbes. 04.08.2025. URL: https://www.forbes.ru/investicii/543176-vinovat-tramp-cto-vyvelo-rossijskij-rubl-iz-dlitel-nogo-ravnovesia?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=352746842

⁵⁴ Там же.

Многими аналитиками ожидается разворот от укрепления рубля к его ослаблению, утверждает главный макроэкономист УК «Ингосстрах-Инвестиции» Антон Прокудин⁵⁵.

Главный экономист Т-Банка Софья Донец тоже считает, что в более длительной перспективе рубль будет снижаться на фоне восстановления импорта и, по ее словам, стагнации экспорта⁵⁶.

Аналогичные ожидания от национальной валюты Никита Кулагин из Совкомбанка связывает с ограничением денежного объема экспорта в последние месяцы⁵⁷.

Среди спекулятивных факторов возросший рост спроса на иностранную валюту связывают с возросшими рисками санкций, а также сезонным ростом спроса на покупку валюты в отпускной период для поездок за границу. Экономика не может рассчитывать на регулирование этих факторов, например в виде уступок мегарегуляторам антироссийскими рестрикциями, как не может изменить сезонность спроса на валюту. Поэтому остается единственно верный фундаментальный, научный способ укрепления валюты и всей финансовой системы подъемом реального сектора экономики. Участие государства в этом процессе ограничивается ростом дефицита бюджета. Необходимо задействовать банковские ресурсы, которые блокированы высокой ключевой ставкой.

Банк России устанавливает количественную цель по инфляции вблизи 4% за год на постоянной основе⁵⁸. При таком уровне инфляции российский рубль не сможет стать свободно конвертируемой валютой и пользоваться доверием к нему как внутри страны, так и за рубежом. Для укрепления рубля и максимального повышения его статуса в международных расчетах необходимо, чтобы инфляция стремилась к нулю, что стало традицией для США на протяжении многих лет [9, с. 53] и других стран. Нулевая инфляция достигается при условии полной сбалансированности спроса и предложения, денежной и товарной массы, что делает экономику наиболее устойчивой. Политика

сохранения инфляции служит интересам субъектов рынка финансовых активов, чтобы вынудить граждан вкладывать деньги в фонды и деривативы для увеличения доходов биржевых спекулянтов. Инфляция также приводит к увеличению банковских кредитов, что усиливает ее рост, но служит узкокорпоративным интересам банка.

Все эти факторы ведут не к защите и обеспечению устойчивости рубля, что отнесено к целям деятельности Банка России⁵⁹, а к его ослаблению на мировом рынке и к еще большей инфляции в стратегическом плане.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о неуместности механистического переноса ситуации из турецкой экономики в практику экономики России в виде роста ключевой ставки. Проблема ДКП Банка России не имеет простых решений вследствие подмены понятий, основополагающих принципов, фундаментальных основ развития экономики спекулятивными манипуляциями с процентной ставкой, нацеленными не на укрепление и рост экономики, а на ее «мягкую посадку», при которой рост экономики постепенно замедляется после периода быстрого подъема, избегая резкой рецессии. Но при этом более чем двукратное снижение темпов роста экономики (с 4,3 до 1,1%) и есть рецессия и стагнация, которые выдаются за «траекторию сбалансированного роста»⁶⁰, а подъем промышленности, рост производства и предложения товаров на рынке с целью удовлетворения спроса, как единственно верный путь сокращения инфляции и укрепления рубля, назван «перегревом». Исследование показало, что повышение ключевой ставки не способно нормализовать состояние финансов. Нужен комплекс мер, образующих систему укрепления экономики в рациональном взаимодействии правления Банка России и органов государственной власти.

Правительство РФ не может поручать банкам принимать меры для исправления ситуации с инфляцией, поскольку согласно федеральному законодательству органы законодательной и ис-

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 4. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf).

⁵⁹ Ст. 3 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

⁶⁰ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 3. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf).

полнительной власти и органы местного самоуправления не вправе вмешиваться в деятельность кредитных организаций. А банк, в свою очередь, законодательно не обязан содействовать укреплению экономики и не отвечает за свои действия, влияющие на экономику. Следовательно, Правительство РФ не несет ответственности за действия банков в случае нанесения ими ущерба экономике, а банк в случае причинения ущерба экономике своими действиями не несет ответственности за разрушение экономики страны. Под текстом Основных направлений единой ДКП нет подписей представителей государственной власти, а только подписи членов правления Банка России, т.е. Правительство РФ не несет ответственности за причинение вреда экономике со стороны Банка России, так как не вправе давать ему указания. Таким образом, ответственность за влияние ДКП на состояние экономики не закреплена ни за кем в законодательном порядке.

В то же время независимость Банка России от органов государственной власти вовсе не исключает внешнеполитического воздействия внешних сил на отечественную банковскую систему с целью ослабления национального суверенитета [12]. Именно к этому стремятся геополитические оппоненты России на протяжении многих лет.

Сопоставим аргументацию и прогнозы Банка России с тем, что происходит в реальности. Согласно его прогнозу, с учетом фактических данных за 1-е полугодие и оперативных индикаторов в начале III квартала темп прироста ВВП в 2024 г. должен составить 3,5–4,0%. В 2025–2026 гг. экономический рост составит 0,5–1,5% и 1,0–2,0% соответственно. Замедление в 2025 г. во многом обусловлено меньшим превышением совокупного спроса над производственными возможностями в сравнении с 2024 г..⁶¹ Для расширения производственных возможностей необходимо увеличение объема инвестиций в основной капитал, что намечено в подпункте «в» п. 6 Указа Президента Российской Федерации⁶². Для этого нужны долгосрочные кредиты банка, ко-

торые не доступны основной массе производителей из-за высокой ставки. Необходимо повышение инвестиционной привлекательности, но Банк России, увеличивая ставку, лишает эффекта финансового рычага, конкурентных преимуществ отечественных производителей, что и снижает инвестиционную привлекательность.

Сокращение роста ВВП, запланированное Банком с 4 до 1,5%, существенно снижает запас прочности экономической системы, повышает зависимость от импорта, от экспорта топливно-сырьевых ресурсов, уменьшает внешнеторговое сальдо. При столь низком темпе роста малейшее колебание на рынке, особенно с импортными поставками, мировыми ценам на топливо и сырье, санкциями (рестрикциями), вызовет потрясения в экономике, что наблюдается в Турции.

В случае ограничения инвестиций в основной капитал темпы роста потенциального выпуска продукции действительно не увеличатся⁶³. При этом Банк России подтверждает, что замедление темпов роста вызвано в том числе влиянием более жестких денежно-кредитных условий⁶⁴.

Исследования ЦМАКП с использованием результатов проекта ФИ-2025–63, выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г., выявляют состояния стагнации в экономике, которая выражена в снижении прироста производства в 2025 г. до 108% относительно 112,2% в 2024 г., где за 100% принят среднемесячный рост промышленного производства в 2021 г.⁶⁵

В марте 2025 г. индекс промышленного роста относительно соответствующего периода в прошлом году по промышленности в целом составил 100,8%, а по производствам без доминирования ОПК наблюдается спад — 98,4%⁶⁶.

Проведенные исследования ЦМАКП и НИУ ВШЭ с учетом роста инфляции выявляют признаки стагнации, о чем предупреждал генеральный директор

⁶¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 46. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

⁶² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

⁶³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 46. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

⁶⁴ Там же. С. 46.

⁶⁵ О динамике промышленного производства в марте и I квартале 2025 г. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). PR-OTR_2025–04–24. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/PROM/2025/PR-OTR_2025–04–24.pdf

⁶⁶ Там же.

Государственной корпорации «Ростех» С.В. Чемов⁶⁷, а также эксперты ЦМАКП⁶⁸.

Несомненно, недостаток инвестиций приведет к росту инвестиционного спроса, как утверждает Банк России⁶⁹. Но этот возрастающий спрос не может быть удовлетворен вследствие недоступности кредитования капитальных вложений, снижения конкурентных преимуществ и инвестиционной привлекательности, обусловленного высокой процентной ставкой.

ВЫВОДЫ

1. Результаты исследования показали, что Банк России не ставит перед собой цели, поставленные Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. Напротив, в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 г. и период 2026 и 2027 гг. Банк России открыто заявляет о своих намерениях не допустить роста экономики, пытаясь безосновательно убедить граждан России в целесообразности реализации сценария «мягкой посадки» экономики⁷⁰. Однако, чтобы иметь способность противостоять внешнеполитическим угрозам, направленным на истощение потенциала российской экономики, укреплять ее экономический суверенитет [13, с. 193–201], особенно в условиях рестрикций и военного противостояния [14], России нужна не «мягкая посадка» экономики, а ее максимальный подъем. Для этого нужно задействовать ресурсы не только государственного бюджета, но и банков.

2. Высокая инфляция обусловлена отставанием роста производства и предложения товаров на рынке от спроса потребителей в том числе в результате недоступности кредитования роста промышленно-сти из-за высокой ставки кредитования. При абсолютном снижении ключевой ставки с июня 2025 г. ее

процентное соотношение к инфляции практически не изменяется, что указывает на сохранение реальной ставки на прежнем высоком уровне.

3. Из-за высокой ставки кредитования, снижение которой компенсирует государство, Банк России и реальный сектор экономики не достигают полной самокупаемости, а отчасти финансируются из государственного бюджета, усиливая бюджетный дефицит. Если государство сократит компенсацию банкам снижения ставки кредитования, Банк России будет вынужден снижать ключевую ставку до уровня, при котором кредит станет доступным и будет приносить доходы на условиях самокупаемости и самофинансирования. И это сделает кредиты более доступными для промышленности и сельского хозяйства [15]. Вот тогда финансовая система банковского и реального сектора экономики перейдет от бюджетного софинансирования к самокупаемости и самофинансированию.

4. В целях расширения производств и производственных мощностей необходимо расширить рамки целевого кредитования банками, предоставляя организациям целевые кредиты на капитальные вложения инвестиционного проекта.

5. Потребуется более тщательный подход к управлению маркетинговыми коммуникациями в банковской среде [16, с. 86–88].

6. Возникла необходимость внесения изменений в законодательство (Конституцию и Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации»), чтобы Банк России был поставлен в подчинение органам государственной власти и на него законодательно была возложена обязанность способствовать своими действиями укреплению экономики и ответственность за последствия в экономике от его действий.

7. Необходимо ввести в программы философских дисциплин в вузах курс диалектики, что позволит студентам изучать происходящие процессы в экономике на основе комплексного, системного подхода, причинно-следственных связей, выявления сути происходящих процессов, отличия базиса и надстройки, формы и содержания и т.д. Диалектика способствует осмыслению эволюционных процессов с переходом количественных изменений в качественные, познанию фундаментальных законов рыночного взаимодействия в их единстве и противоречиях, искать способы разрешения противоречий и др. [17, с. 23–37].

⁶⁷ Глава «Ростеха» допустил остановку экспорта из-за ключевой ставки // РБК, 23.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/10/2024/6718c36a9a79476b774f1989>.

⁶⁸ Экономисты ЦМАКП предупредили о возможности стагнации в России. К каким последствиям может привести жесткая монетарная политика // РБК, 13.11.2024. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/11/2024/673379aa9a794755956b8675?from=article_body.

⁶⁹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2024. С. 46. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026–2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026–2027).pdf).

⁷⁰ Там же. С. 159.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шамин А.Е. Территориальные кластеры как основа развития инновационной инфраструктуры региона. *Инновации и инвестиции*. 2015;(8):2–5.
2. Howlett M., Rayner J. Design principles for policy mixes: Cohesion and coherence in ‘new governance arrangements’. *Policy and Society*. 2007;26(4):1–18.
3. Udell G.F. Sme access to finance and the global financial crisis. *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2020;8(1). DOI: 10.1142/S 2282717X20400034
4. Чернов В.А. Анализ риска банкротства на основе интегральной оценки финансовой устойчивости и денежных потоков. *Аудит и финансовый анализ*. 2002;(3):119–126. URL: https://www.auditfin.com/fin/2002/3/fin_2002_31_rus_02_04.pdf.
5. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):156–166. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–156–166.
6. Гончаренко Л.И. Актуальные вопросы формирования инвестиционной привлекательности региона на современном этапе развития российской экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2014;(5):117–125.
7. Lucarelli C., Mazzoli C., Rancan M. et al. The impact of eu taxonomy on corporate investments. *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2023;11(1). DOI: 10.1142/S 2282717X23500044
8. Чернов В.А. Экономический анализ: торговля, общественное питание, туристский бизнес. М.: Юнити-Дана; 2017. 639 с.
9. Чернов В.А. Урегулирование кризиса международных финансов инструментами монетарной политики. *Инновационная экономика и общество*. 2023;41(3):48–64. URL: <https://www.omgups.ru/upload/iblock/fa2/dehj1ys6dvsmg4zv3aobqamnxyn7b9ep/6.pdf>
10. Чернов В.А. Управление финансовыми рисками и угрозами в условиях геополитического противостояния. *Экономические и гуманитарные науки*. 2024;394(11):48–61. DOI: 10.33979/2073–7424–2024–394–11–48–61
11. Zara C., Ramkumar S. Circular economy and default risk. *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2022;10(1). DOI: 10.1142/S 2282717X22500013
12. Getmanets O.P., Korobtsova D.V. Financial security as a factor of military security. *Law and Safety*. 2023; 88(1):169–178.
13. Tuca S. Global governance vs. national sovereignty in a globalized world. *CES Working Papers*. Alexandru Ioan Cuza University of Iasi. Centre for European Studies. 2015;7(1):193–201.
14. Reznik O., Getmanets O.P., Kovalchuk A., Nastyuk V.Y., Andriichenko N.S. *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2020;9.
15. Pacelli V., Pampurini F., Quaranta A. G. Analyzing banks’ performance during the recent breakdowns. What were the main drivers? *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2023;11(2). DOI: 10.1142/S 2282717X23500081
16. Маркова О.Н., Ильина М.А. Управление маркетинговыми коммуникациями в банковской сфере. *Инновации и инвестиции*. 2025;(1):86–89.
17. Чернов В.А. Поведенческая экономика и культура потребления в управлении устойчивостью развития. *Инновационная экономика и общество*. 2023;39(1):20–37. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50415993_25620858.pdf.

REFERENCES

1. Shamin A.E. Territorial clusters as a basis for the development of innovative infrastructure in the region. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2015;(8): 2–5 (In Russ.).
2. Howlett M., Rayner J. Design principles for policy mixes: Cohesion and coherence in ‘new governance arrangements’. *Policy and Society*. 2007;26(4):1–18.
3. Udell G.F. Sme access to finance and the global financial crisis. *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2020;8(1). DOI: 10.1142/S 2282717X20400034
4. Chernov V.A. Analysis of bankruptcy risk based on an integrated assessment of financial stability and cash flows. *Audit i finansovyj analiz = Audit and Financial analysis*. 2002;(3):119–126. (In Russ.). URL: https://www.auditfin.com/fin/2002/3/fin_2002_31_rus_02_04.pdf.

5. Goncharenko L.I. The constructive nature of preferential tax regimes as a determinant of attracting investment in Russia's innovative development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):156–166. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–156–166
6. Goncharenko L.I. Actual issues of formation of investment attractiveness of the region at the present stage of development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2014;(5):117–125. (In Russ.).
7. Lucarelli C., Mazzoli C., Rancan M. et al. The impact of eu taxonomy on corporate investments. *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2023;11(1). DOI: 10.1142/S2282717X23500044
8. Chernov V.A. Economic analysis: Trade, catering, tourism business. Moscow: Limited Liability Company, Unity-Dana Publishing House; 2017. 639 p. (In Russ.).
9. Chernov V.A. Settlement of the international financial crisis by monetary policy instruments. *Innovacionnaja jekonomika i obshchestvo = Innovative Economics and society*. 2023;41(3):48–64 (In Russ.).
10. Chernov V.A. Financial risk and threat management in the context of geopolitical confrontation. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki = Economic and humanitarian sciences*. 2024;394(11):48–61. (In Russ.). DOI: 10.33979/2073–7424–2024–394–11–48–61
11. Zara C., Ramkumar S. Circular economy and default risk. *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2022;10(1). DOI: 10.1142/S2282717X22500013
12. Getmanets O.P., Korobtsova D.V. Financial security as a factor of military security. *Law and Safety*. 2023;88(1):169–178.
13. Tuca S. Global governance vs. national sovereignty in a globalized world. *CES Working Papers*, ISSN 2067–7693, Alexandru Ioan Cuza University of Iasi. Centre for European Studies. 2015;7(1):193–201.
14. Reznik O., Getmanets O.P., Kovalchuk A., Nastyuk V.Y., Andriichenko N.S. *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2020;9.
15. Pacelli V., Pampurini F., Quaranta A.G. Analyzing banks' performance during the recent breakdowns. What were the main drivers? *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*. 2023;11(2). DOI: 10.1142/S 2282717X23500081
16. Markova O.N., Ilyina M.A. Marketing communications management in the banking sector. *Innovacii i investicii = Innovations and Investments*. 2025;(1):86–89. (In Russ.).
17. Chernov V.A. Behavioral economics and consumer culture in sustainability management. *Innovacionnaja jekonomika i obshchestvo = Innovative Economics and society*. 2023;39(1):20–37 (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50415993_25620858.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Анатольевич Чернов — доктор экономических наук, профессор по кафедре бухгалтерского учета и аудита, профессор кафедры финансов и кредита Института экономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация
Vladimir A. Chernov — Dr. Sci. (Econ.), Prof of Department of Accounting and Auditing, Prof. of Department of Finance and Credit, Institute of Economics, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-7703-1660>
chernovva@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.05.2025; принята к публикации 27.08.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 09.05.2025; accepted for publication 27.08.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59
УДК 336.717.061(045)
JEL G21

Развитие национальной платежной инфраструктуры в условиях цифровизации

С.В. Криворучко, И.А. Ризванова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель исследования — анализ и определение инфраструктурной роли государственных финансовых регуляторов в деле обеспечения развития национальной платежной системы (далее — НПС) в условиях цифровизации. **Объект и предмет** изучения — национальная платежная система России и государственные финансовые инструменты ее регулирования. **Методология** исследования базировалась на системном, эволюционном и институциональном подходах. **В результате** изучения выявлены основные направления эволюции и совершенствования регулирования национальной платежной системы России в целях обеспечения ее развития в условиях цифровизации. Проанализировано трансграничное взаимодействие при рассмотрении инфраструктурной роли финансовых регуляторов, и разработаны предложения для развития НПС. **Научная новизна и значимость** проведенной научно-исследовательской работы состоит в совершенствовании регулятивных аспектов функционирования НПС в контексте цифровизации экономики. **Результаты** исследования могут быть *полезными* как для профильных специалистов, так и для работников органов регулирования и надзора. **Ключевые слова:** национальная платежная система; регулирование; трансграничные расчеты; платежные услуги; платежная инфраструктура; цифровизация; финансовые регуляторы

Для цитирования: Криворучко С.В., Ризванова И.А. Развитие национальной платежной инфраструктуры в условиях цифровизации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):51-59. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59

ORIGINAL PAPER

The Development of the National Payment Infrastructure in the Context of Digitalization

S.V. Krivoruchko, I.A. Rizvanova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of the study is to analyze and determine the infrastructural role of state financial regulators in ensuring the development of the national payment system (hereinafter referred to as the NPS) in the context of digitalization. **The object and subject** of the study is the national payment system of Russia and the state financial instruments of its regulation. The research **methodology** was based on systemic, evolutionary and institutional approaches. As a **result** of the study, the main directions of evolution and improvement of regulation of the national payment system of Russia in order to ensure its development in the context of digitalization have been identified. Cross-border interaction has been analyzed when considering the infrastructural role of financial regulators and proposals have been developed for the development of NPS. **The scientific novelty and significance** of the research work carried out is to improve the regulatory aspects of the functioning of the NPS in the context of the digitalization of the economy. **The results** of the study can be *useful* for both specialized specialists and employees of regulatory and supervisory authorities. **Keywords:** national payment system; regulation; cross-border settlements; payment services; payment infrastructure; digitalization; financial regulators

For citation: Krivoruchko S.V., Rizvanova I.A. The development of the national payment infrastructure in the context of digitalization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):51-59. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59

ВВЕДЕНИЕ

Развитие национальной платежной инфраструктуры и обеспечение удовлетворения возросшей потребности населения и хозяйствующих субъектов в использовании дистанционных сервисов и бесконтактных технологий совершения платежей требует особого внимания регуляторов со стороны государства. Обнаруженные тенденции в развитии НПС обуславливают потребность выявления, идентификации и систематизации направлений развития регулирования в условиях цифровизации платежных услуг. Однако эти и другие, связанные с регулированием НПС, проблемы пока не нашли достаточного концептуального, в том числе прикладного подкрепления, что обуславливает *актуальность* темы исследования, в рамках которого были рассмотрены вопросы, связанные с участием государства в функционировании платежной инфраструктуры, а также проанализированы последствия такого участия.

В первую очередь мы попытались определить, что именно понимается под инфраструктурой в контексте нашего исследования, поскольку классический подход состоит в том, чтобы включать в инфраструктуру непосредственно платежные системы, а также игроков, оказывающих платежные услуги. Мы также взяли во внимание, что при определении роли государства в инфраструктуре и оценке влияния такого вовлечения на качество оказания услуг необходимо учитывать, что платежные услуги переплетены с другими финансовыми сервисами, и их игнорирование означало бы намеренное упрощение ситуации, пренебрежение сложными взаимосвязями между разными частями рынка.

В результате мы пришли к следующей формулировке *инфраструктуры*: совокупность отдельных систем и решений, которые обеспечивают обмен информацией между разными участниками рынка. При этом мы намеренно вывели за скобки вопросы капиталоемкости, технические аспекты операционной совместимости различных инфраструктур, поскольку они не являлись предметом нашего исследования.

Ранее указанная проблематика в научной литературе в данном разрезе не рассматривалась. Чаще всего академическая дискуссия разворачивалась относительно инфраструктурных вопросов, например, систем быстрых платежей, но при этом общие, совокупные тенденции не выявлялись.

РОЛЬ ФИНАНСОВЫХ РЕГУЛЯТОРОВ В ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМАХ

В наши дни большинство системно значимых платежных систем являются государственными. Регуляторы зачастую являются и операторами национальных межбанковских систем расчетов для того, чтобы обеспечивать связность экономических отношений и технологическую операционную совместимость (интероперабельность).

Частные платежные системы чаще всего полагаются на эти системы межбанковских расчетов. Например, карточные платежные системы осуществляют расчеты по корреспондентским счетам банков (открытые в коммерческом банке), но сам по себе расчет между банками внутри страны идет через национальную систему межбанковского расчета [1]. В этом отношении государство фактически всегда играет в расчетах системообразующую роль. Это обуславливает и значимость постоянного развития такой инфраструктуры. Например, переход на круглосуточный режим работы позволяет банкам более эффективно управлять собственной ликвидностью, а коммерческим организациям — получать доступ к более эффективным платежным продуктам и сервисам.

В традиционном понимании, такая инфраструктура межбанковского расчета является базовой и не требует никакой специфической функциональности. Предполагается, что дополнительные сервисы, например мгновенные расчеты, могут разрабатываться участниками рынка самостоятельно, в ответ на спрос со стороны своих клиентов. Так, например, появились карточные платежные системы, которые являются преимущественно коммерческими.

Однако проблема состоит в том, что на практике рыночные стимулы к разработке новых платежных систем могут быть довольно ограничены. Это связано с тем, что платежная инфраструктура является общественным благом, поэтому игрокам рынка тяжело решить, кто будет нести основные издержки на ее формирование. Крупные игроки не хотят строить интероперабельную инфраструктуру, которой потом будут пользоваться их конкуренты, фактически как фрирайдеры. При этом достичь консенсуса и решить разрабатывать такую инфраструктуру совместно — очень сложно [2; 3]. Это может быть несколько проще на небольших рынках, где число игроков невелико и большинство из них — локальные. Но достичь схожего консенсуса на рынках с большим числом игроков (к тому же

часто различающихся по масштабу), а также там, где игроки принадлежат к крупным группам и холдингам, затруднительно. В этой ситуации государство вынуждено брать такие издержки на себя.

Показательным примером являются сервисы мгновенных платежей, или система быстрых платежей (далее — СМП), которые формально вполне могут быть созданы и участниками рынка [4]. Никаких препятствий для их реализации — юридических или технологических — не существует. Собственно, на некоторых рынках зачатки такой инфраструктуры появляются, но они ограничены, не охватывают весь рынок из-за опасений фрирайдерства [5; 6]. В этой ситуации создание государственной инфраструктуры оправдано: если участники рынка не могут договориться самостоятельно, это не должно негативно сказываться на благополучии граждан и их доступе к современным сервисам. Поэтому СМП, как правило, являются государственными и тем самым отличаются от карточных платежных систем, которые традиционно представлены международными компаниями (за исключением национальных карточных систем, о которых будет сказано ниже).

Миссия СМП состояла и состоит в устранении некоторых недостатков существующих аналогов (в частности, карточных систем) и предложении следующих видов услуг для того, чтобы эффективно конкурировать с ними:

- обеспечение мгновенного доступа к средствам для получателя (как минимум при переводах между физическими лицами, поскольку при платежах за товары и услуги такая мгновенность чаще всего не обеспечивается);
- использование альтернативных, некарточных интерфейсов (например, мобильных приложений, QR-кодов);
- возможность прямого участия для небанковских игроков (небанковских поставщиков платежных услуг);
- улучшенная интеграция с системами государственных выплат, зарплат и др.;
- упрощение пользовательского опыта, поскольку вместо номера банковского счета может использоваться иной идентификатор (номер телефона, адрес электронной почты и пр.).

Необходимо отметить, что для успешного развития сервисов мгновенных платежей Всемирный банк выделяет несколько условий:

- широкое распространение смартфонов и аналогичных устройств;

- качество и скорость существующих систем расчетов;
- уровень конкуренции на рынке платежных услуг.

Существует несколько моделей внедрения СМП. В частности, в большинстве случаев эти проекты финансируются и управляются регулятором (84% систем контролируются центральными банками, в 74% случаев они же являются операторами систем)¹. В некоторых ситуациях эта инфраструктура финансируется самими участниками, например через банковскую ассоциацию.

Важная особенность СМП — возможность создания дополнительных сервисов на их основе. Например, в Польше СМП Elixir² обеспечивает мгновенные расчеты между участниками, в то время как потребителям более известна частная система Blik, которая, используя эту инфраструктуру, обеспечивает возможность платежей онлайн и офлайн с помощью одноразовых кодов, QR-кодов.

Одной из проблем внедрения сервисов мгновенных платежей часто является нежелание финансовых организаций к ним присоединяться: участие в карточных платежных системах более выгодно, в том числе потому что оно финансируется международными игроками. Тем временем, СМП фактически конкурируют с картами: денежные переводы с помощью этих сервисов, как правило, либо очень дешевые, либо бесплатные. Более того, разрушая сложившиеся барьеры, напрямую подрывая «замкнутые» системы и упрощая перевод средств между банками, развитие СМП приводит к ситуации, когда интересы потребителей вступают в конфликт с интересами коммерческих игроков.

В этих условиях вмешательство регулятора кажется рациональным. На некоторых рынках (например, в России) требуется регулятивное принуждение, чтобы к сервисам мгновенных платежей присоединились все участники. В других странах, например, в Испании и Польше распространению сервисов мгновенных платежей способствует присоединение крупнейших игроков³.

¹ Данные Всемирного банка. URL: <https://fastpayments.worldbank.org/data#block-homenav> (дата обращения: 07.02.2025).

² Официальный сайт Elixir. URL: <https://www.kir.pl/en/our-products/clients/clearing/express-elixir> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Официальный сайт Bizum. URL: <https://bizum.es/> (дата обращения: 07.02.2025).

Участие в международных карточных платежных системах является добровольным, но при этом они тем не менее стали практически универсальными — что свидетельствует о корректно выбранной системе экономических стимулов, которая не является идеальной (как, впрочем, и любая система), поскольку может приводить к излишне высоким затратам, связанным с приемом карт.

Регуляторы обычно не имеют существенной необходимости в тонкой донастройке тарифной политики, поскольку могут сделать участие в сервисе мгновенных платежей обязательным.

Национальные карточные системы — это вторая форма участия государства в платежной инфраструктуре, поскольку эти системы, как правило, являются государственными в связи с отсутствием у участников рынка стимулов для создания их собственными силами. Для государства национальная карточная система является предметом национального суверенитета, поскольку все связанные с картами операции, как правило, обрабатываются внутри страны. Регулируя тарифную политику в карточной сфере, государства могут ограничивать и комиссии, взимаемые с магазинов, способствуя тем самым дальнейшему росту использования карт.

Однако далеко не во всех странах эта логика работает. Даже при условии благоприятной тарифной политики и обязательного участия, национальные карты не всегда могут успешно конкурировать с международными. Например, в Сербии национальная система Динакард пока уступает международным аналогам, хотя банки обязаны выпускать карты Дина ко всем открываемым в стране счетам физических лиц. У этого есть несколько причин:

- до последнего времени Динакард уступала по техническим характеристикам международным картам, поскольку при их производстве не использовались чипы и бесконтактная функциональность;
- национальные карты не могут использоваться для совершения международных платежей в иностранных магазинах, невозможна и их привязка к иностранным сервисам, например PayPal;
- международные платежные системы субсидируют эмиссию своих карт через поддержку маркетинговых бюджетов и иные инициативы.

Поскольку для потребителей все карты фактически бесплатны, разумеется, они пользуются теми, которые имеют более широкую функциональность. Представляется, что на рынках с более низкими

потребительскими запросами (например, в связи с малым спросом на международные покупки или расчетами за границей при поездках) национальные карты более востребованы. На более же развитых рынках эта конкуренция весьма острая.

Третьей — и радикальной — формой участия государства в расчетах является внедрение цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) [7–9]. Розничные ЦВЦБ в некоторых моделях предполагают, что потребителям счета кошельки будут открываться напрямую в центральном банке; там же будут осуществляться процессинг и расчеты [10; 11]. Таким образом, центральные банки начнут напрямую конкурировать с частными платежными системами, предоставляя клиентам возможность осуществления мгновенных и бесплатных расчетов. С этой точки зрения, ЦВЦБ представляют собой более высокий уровень сервиса мгновенных платежей, причем архитектура такого решения не подразумевает издержек на принуждение банков к участию — центральному банку достаточно разработать собственный интерфейс для совершения платежей.

Проблема участия государства в осуществлении платежей состоит не в самом факте такого участия. Как было указано выше, в некоторых случаях такое участие необходимо и благоприятно. Основные сложности связаны с тем, что масштаб такого вовлечения постепенно растет и государство начинает конкурировать с частными игроками. При этом у нас недостаточно эмпирических данных для того, чтобы однозначно судить о том, насколько такая концентрация может привести к снижению качества услуг, как это традиционно происходит на монопольных рынках.

Тем не менее уже сейчас видны некоторые необычные следствия такой концентрации. Поскольку государство начинает контролировать некоторые виды инфраструктуры, то ее отдельные элементы начинают конкурировать между собой. В частности, государство де-факто является оператором и национальной карточной системы, и системы быстрых платежей. Стоит отметить, что, несмотря на то что эти инструменты предназначены для разных сегментов рынка, они тем не менее постоянно пересекаются.

Это означает, что часть клиентов, пользующихся картами, со временем перейдут на QR-платежи, что негативно скажется на прибыльности карточной части инфраструктуры. С появлением ЦВЦБ эта конкуренция может усилиться, поскольку она

будет оттягивать и владельцев карт, и аудиторию систем быстрых платежей [12; 13]. Безусловно, в связи с большим количеством влияющих факторов фактическую ситуацию можно будет оценивать только в динамике. Вероятно, не обойдется и без каннибализации отдельных сегментов: например, карты будут вытесняться через систему быстрых платежей и в ближайшие 10–15 лет мы, возможно, увидим полное исчезновение национальных карточных систем за их невостребованностью.

Примеры такой внутренней конкуренции мы наблюдаем уже сейчас. Например, в Кыргызстане Национальный банк является крупнейшим акционером межбанковского процессингового центра⁴, на который возложены несколько обязанностей:

- процессинг всех карточных платежей;
- персонализация карт национальной карточной системы;
- процессинг платежей по QR-кодам;
- предоставление услуг конечным потребителям по осуществлению переводов с карты на карту (по национальной карточной системе).

Таким образом, межбанковский процессинговый центр не только конкурирует с коммерческими финансовыми организациями, но также и поддерживает несколько платежных инструментов, которые конкурируют между собой.

Эти сложности внутренней конкуренции могут приводить к тому, что операторы сталкиваются со сложностями разработки и внедрения стратегии развития, а также реализации конкретных систем стимулов для участников рынка (которые, в итоге, обслуживают «последнюю милю»). Также централизованные операторы могут столкнуться с финансовыми сложностями, поскольку им приходится поддерживать инфраструктуру для нескольких типов инструментов и расчетов [14; 15]. Это не является проблемой для крупных экономик, где рынок достаточно емок для поддержания спроса на разные инструменты. На небольших рынках это может вызывать сложности. При этом частные финансовые организации, по большому счету, исключены из конкуренции — для них участие во всех упомянутых инфраструктурах является фактически обязательным.

Приведенные выше примеры позволяют сделать несколько важных выводов:

- исторически только базовая инфраструктура межбанковских расчетов предоставлялась и разрабатывалась регулятором;

- частные компании разрабатывали свои сервисы «поверх» существующей инфраструктуры (например, карточные платежные системы);

- со временем государство начинает модернизировать принадлежащую ему инфраструктуру, например в форме сервисов мгновенных платежей;

- важнейший практический вопрос состоит в том, может ли частный сектор внедрить универсальную инфраструктуру самостоятельно, например сервис мгновенных платежей или национальный процессинговый центр. Юридических препятствий для этого не существует. Проблема, полагаем, состоит в неспособности участников рынка самоорганизоваться и достичь консенсуса об управлении этой потенциальной инфраструктурой. Вероятно, высокая степень дифференциации игроков дополнительно препятствует достижению консенсуса;

- государства также вынуждены активно принимать участие в разработке платежной инфраструктуры, поскольку она связана с национальным суверенитетом и безопасностью.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Все описанные выше инфраструктуры по умолчанию работают внутри страны. Для некоторых из них такая географическая ограниченность приводит к функциональным ограничениям — например, карты национальных платежных систем редко можно использовать за пределами страны. Тем не менее практически все из перечисленных инфраструктур могут иметь трансграничный характер. Важно отметить, что речь идет не о создании единой трансграничной инфраструктуры (как, например, систем Visa или MasterCard), а о формировании операционно совместимых, или интероперабельных, систем, примеры функционирования которых в трансграничном контексте приводятся ниже:

Национальные карточные системы. Невозможность использовать карты национальных карточных систем для трансграничных операций (онлайн или офлайн) являются фактором, негативно влияющим на их популярность среди населения. Эта проблема обычно решается одним из двух способов. Первый — это сотрудничество с существую-

⁴ Официальный сайт ЗАО «Межбанковский Процессинговый Центр». URL: <https://ipc.kg/> (дата обращения: 07.02.2025).

щими международными карточными системами в рамках ко-бейджинга. Проекты предусматривают, что подобные ко-бейджинговые карты могут использоваться в сетях приема партнерских систем [3]. Однако, как правило, ко-бейджинг реализуется с системами China Union Pay или Discover, сеть приема которых уступает аналогам. Что касается двусторонних соглашений с национальными карточными системами ряда стран в рамках ПС «Мир» (оператор АО «Национальная система платежных карт» (НСПК)), то данная модель по сравнению с другими более гибкая, поскольку не зависит от одного игрока: число партнерских систем может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от обстоятельств. В то же время, следует подчеркнуть, что ни то, ни другое решение не защищает в случаях, когда национальная карточная система является объектом санкций.

Сервисы мгновенных платежей. СМП, как правило, используются внутри страны. Однако нет никаких технологических или иных причин, по которым расчеты не могут быть трансграничными [6]. Для этого необходимо заключение двусторонних соглашений либо создание региональных процессинговых центров. Примером второго решения является AFAQ — сервис мгновенных переводов, объединяющий локальные системы в странах Персидского залива (ОАЭ, Бахрейн, Саудовская Аравия, Кувейт)⁵. AFAQ обеспечивает расчеты не только в национальных валютах, но в перспективе — и в долларах США. Таким образом, локальные сервисы мгновенных платежей масштабированы и охватывают несколько стран, что особенно актуально в регионах с широко востребованными денежными переводами.

Системы цифрового профиля. Возможность трансграничной идентификации клиентов актуальна в регионах с существенными миграционными потоками. Действующие системы цифрового профиля, равно как и процедуры удаленной идентификации, как правило, ориентированы только на граждан и резидентов. Иностранные граждане часто не могут получить финансовые услуги удаленно и вынуждены посещать финансовые учреждения лично, что приводит к дискриминации и невозможности пользоваться сервисами онлайн-банков. Также обслуживание нерезидентов может быть связано

с повышенным риском в связи с невозможностью достоверно проверить их личность. Возможность технической интеграции систем цифрового профиля и подключения к ним из-за рубежа позволяет минимизировать данные риски и разработать новые продукты и сервисы. Вместе с тем актуальными являются проблемы защиты персональных данных, которые, впрочем, сегодня могут быть технически минимизированы: например, если система цифрового профиля сообщает финансовой организации о совпадении/несовпадении переданных в нее сведений [13].

Кредитные бюро и системы оценки риска. Во многих странах кредитные бюро принадлежат крупным трансграничным компаниям и имеют международный статус. Противоположная ситуация с локальными кредитными бюро. В этом случае доступ к кредитной информации может быть актуален при оценке платежеспособности заемщиков-нерезидентов, а также за пределами кредитного рынка (например, при найме на работу). То же актуально и для оценки рисков клиентов, например, при трансграничной торговле. При этом важно, чтобы методология и критерии оценки риска были прозрачными и предсказуемыми.

Обеспечение трансграничной интероперабельности каждой из этих инфраструктур требует различных усилий и шагов [11]. Можно выделить несколько факторов, которым должна отвечать модель такого трансграничного взаимодействия:

1. Необходимость разработки совместимых стандартов. В платежном секторе единые стандарты (такие как ISO 20022) уже существуют, и операционная совместимость, в целом, не вызывает существенных проблем. В этом отношении техническая интеграция сервисов мгновенных платежей является только вопросом времени. Тем не менее следует заранее изучать возможности внедрения совместимых стандартов при внедрении иной, неплатежной инфраструктуры.

2. Управление защитой персональных данных (ПД). Излишне консервативные подходы к защите персональных данных, в первую очередь запреты на трансграничную передачу сведений, могут негативно сказаться на операционной эффективности совместимых инфраструктур. Требуется разработка двусторонних механизмов защиты ПД.

3. Приоритет коммерчески жизнеспособных проектов. При определении приоритетов для обеспечения операционной совместимости инфраструктур

⁵ Gulf payments system AFAQ. URL: <https://www.gulf-payments.com/en/our-services/> (дата обращения: 27.02.2025).

следует исходить из того, какие сферы применения наиболее экономически целесообразны, поскольку это создаст адекватные системы стимулов для частного сегмента рынка.

ВЫВОДЫ

Анализ инфраструктурных проектов на финансовом рынке позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, для определения оптимального подхода к созданию новой или модернизации существующей инфраструктуры следует исходить из ее предполагаемых целей и задач. Если соответствующая инфраструктура способствует исполнению регуляторных требований, то ее наиболее рационально имплементировать государству. Если инфраструктура направлена на извлечение коммерческой выгоды — частному сектору.

Во-вторых, это разделение не фиксировано и размыто. Например, участие в сервисе мгновенных платежей также может быть фактором конкурентоспособности. Но ее коммерческая ценность зачастую ограничивается государственным вмешательством в форме ценового регулирования. Поскольку государство требует от участников рынка предоставлять услуги по переводам средств через СМП бесплатно или почти бесплатно, то экономическая целесообразность может быть снижена (но не обнулена, поскольку каким-то участникам рынка это позволит снизить затраты на привлечение средств). Точно

так же и системы цифрового профиля могут быть направлены сугубо на исполнение требований по идентификации клиентов. Но одновременно они могли бы предоставлять возможность получать сведения об уровне риска клиента, его вовлеченности в незаконные операции, тем самым снижая вероятность мошеннических действий.

В-третьих, стремление существующих игроков рынка закрепить свое доминирующее положение на рынке приводит к сопротивлению против внедрения новой инфраструктуры. Типичный пример — нежелание интегрироваться с сервисом мгновенных платежей. Регуляторы разрабатывают новые подходы к обеспечению такой интеграции и обмена данными. Но пока и вторая платежная Директива ЕС, и Директива о платежных счетах в основном являются обязывающими, не генерируя никаких специальных коммерческих стимулов.

Наконец, в-четвертых, очевидно, наблюдается возрастающая активность государства в создании собственной инфраструктуры — в некоторых случаях оно вынуждено и принуждать финансовые организации к ее использованию. Отчасти это связано со снижением стоимости разработки: то есть центральные банки могут позволить себе реализацию проектов, которые бы ранее для них оказались слишком затратными. Другим фактором является стремление к предоставлению инфраструктуры как социального блага.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wright J. Optimal card payment systems. *European Economic Review*. 2023;47(4):587–612.
2. Захарова О.В., Ризванова И.А. Перспективы использования технологии токенизации в построении платежной инфраструктуры. *Финансовые рынки и банки*. 2024;11:200–205.
3. Mayer O.I., Bazyuk N.Y. International payment systems: Features of functioning. *Парадигма современной науки глазами молодых*. 2020;341–344.
4. Сахаров Д.М. Развитие платежной системы России в условиях цифровизации мировой экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(2):77–86. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-77-86
5. Hampton J. Free-Rider problems in the production of collective goods. *Economics and Philosophy*. 1987;3(2):245–273.

6. Stanić D. Session 1: Retail cashless payment systems. *Case: The Republic of Serbia. Serbia: National Bank of Serbia*. 2022. URL: [sem_2022_11_14_stanic.n.pdf](#).
7. Семеко Г.В. Суверенная цифровая валюта: новые возможности для трансграничных платежей. *Финансовый журнал*. 2022;14(4):108–121. DOI: 10.31107/2075–1990–2022–4–108–121
8. Кузнецова В.В., Ларина О.И. Эмиссия цифровых валют центральными банками: направления развития и ключевые риски. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(6):6–16. DOI: 10.26794/2587–5671–2023–27–6–6–16
9. Демченко М.В. Регуляторное воздействие на финансовый рынок в условиях санкций недружественных государств. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):182–190. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–182–190
10. Morales-Resendiz R., Ponce J., Picardo P. Implementing a retail CBDC: Lessons learned and key insights. *Latin American Journal of Central Banking*. 2022;2(1):100022.
11. Маслов А.В., Швандар К.В. Новые международные проекты по использованию цифровых валют центральных банков в трансформации трансграничных расчетов. *Финансовый журнал*. 2023;15(2):47–58. DOI: 10.31107/2075–1990–2023–2–47–58
12. Медведева М.Б., Трушина К.В. От проектов к внедрению цифровых валют центральных банков в безналичный денежный оборот: российский и зарубежный опыт. *Банковские услуги*. 2024;12:34–44. DOI: 10.36992/2075–1915_2024_12_34
13. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Бурганов Р.Т. Экономический рост в России при интеграции трансграничных платежей в блокчейн-среду. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(5):31–43. DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–5–31–43
14. Криворучко С.В., Ризванова И.А. Кредитный реестр и цифровой профиль как системы снижения информационной асимметрии. *Теория и практика общественного развития*. 2025;26(6):123–129. DOI: 10.24158/tipor.2025.6.14
15. Акулинкин С.С., Криворучко С.В., Лопатин В.А. Особенности и модели функционирования платежной инфраструктуры. *Финансы и кредит*. 2025;31(2):43–60. DOI: 10.24891/fc.31.2.43

REFERENCES

1. Wright J. Optimal card payment systems. *European Economic Review*. 2023;47(4):587–612.
2. Zakharova O. V., Rizvanova I. A. Prospects of using tokenization technology in building a payment infrastructure. *Financial markets and banks*. 2024;11:200–205. (In Russ.).
3. Mayer O. I., Bazyuk N. Y. International payment systems: Features offunctioning. *The paradigm of modern science through the eyes of the young*. 2020;341–344.
4. Sakharov D. M. The development of the Russian payment system in the context of the digitalization of the global economy. *Economy, taxes & law*. 2023;16(2):77–86. DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–2–77–86 (In Russ.).
5. Hampton J. Free-rider problems in the production of collective goods. *Economics and Philosophy*. 1987;3(2):245–273.
6. Stanić D. Session 1: Retail cashless payment systems. *Case: The Republic of Serbia. Serbia: National Bank of Serbia*. 2022. URL: [sem_2022_11_14_stanic.n.pdf](#)
7. Semeko G. V. Sovereign digital currency: New opportunities for cross-border payments. *Financial Magazine*. 2022;14(4):108–121. DOI: 10.31107/2075–1990–2022–4–108–121 (In Russ.).
8. Kuznetsova V. V., Larina O. I. Issuance of digital currencies by central banks: Development directions and key risks. *Finance: theory and practice*. 2023;27(6):6–16. DOI: 10.26794/2587–5671–2023–27–6–6–16 (In Russ.).
9. Demchenko M. V. Regulatory impact on the financial market in the context of sanctions by unfriendly states. *Economy, taxes & law*. 2024;17(3):182–190. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–182–190 (In Russ.).
10. Morales-Resendiz R., Ponce J., Picardo P. Implementing a retail CBDC: Lessons learned and key insights. *Latin American Journal of Central Banking*. 2022;2(1):100022.
11. Maslov A. V., Shvandar K. V. New international projects on the use of digital currencies of central banks in the transformation of cross-border settlements. *Financial magazine*. 2023;15(2):47–58. DOI: 10.31107/2075–1990–2023–2–47–58 (In Russ.).

12. Medvedeva M.B., Trushina K.V. From projects to the introduction of digital currencies of central banks into non-cash money circulation: Russian and foreign experience. *Banking services*. 2024;12:34–44. DOI: 10.36992/2075–1915_2024_12_34 (In Russ.).
13. Safiullin M.R., Yelshin L.A., Burganov R.T. Economic growth in Russia with the integration of cross-border payments into the blockchain environment. *Finance: Theory and practice*. 2024;28(5):31–43. DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–5–31–43 (In Russ.).
14. 14. Krivoruchko S.V., Rizvanova I.A. Credit registry and digital profile as a system for reducing information asymmetry. *Theory and practice of social development*. 2025;26(6):123–129. DOI: 10.24158/tipor.2025.6.14 (In Russ.).
15. 15. Akulinkin S.S., Krivoruchko S.V., Lopatin V.A. Features and models of the payment infrastructure functioning. *Finance and credit*. 2025;31(2):43–60. DOI: 10.24891/fc.31.2.43 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Светлана Витальевна Криворучко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Svetlana V. Krivoruchko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof of Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance, Senior Researcher, Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6618-3095>

skrivoruchko@fa.ru

Ирина Азатовна Ризванова — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, старший научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Irina A. Rizvanova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer, Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance, Senior Researcher, Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9238-0247>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

iarizvanova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 09.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-60-68
УДК 502.131.1(045)
JEL Q01, Q56, R11

Российские инициативы в области устойчивого развития агломераций и территорий: работа над ошибками ESG

Е.Р. Безсмертная

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена значимостью задач, связанных с созданием действенного организационно-финансового механизма поддержки устойчивого развития с учетом национальных интересов нашей страны. **Предмет** исследования — деятельность субъектов предпринимательской деятельности во взаимосвязи с целями устойчивого развития российских агломераций и регионов. **Цель** работы — рассмотрение национальных особенностей развития системы поддержки ответственного бизнеса, выявление эффективных мер стимулирования компаний, способствующих поддержке устойчивого развития регионов присутствия. Рассмотрены успешные инициативы российских компаний и предпринимателей, ориентированные на поддержание устойчивого развития территорий, сделан **вывод** о необходимости продолжения работы по совершенствованию единой методологии оценки вклада субъектов предпринимательской деятельности в устойчивое развитие регионов и государства.

Ключевые слова: устойчивое развитие; ESG-повестка; ЭКГ-рейтинг; ответственный бизнес

Для цитирования: Безсмертная Е.Р. Российские инициативы в области устойчивого развития агломераций и территорий: работа над ошибками ESG. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):60-68. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-60-68

ORIGINAL PAPER

Russian Initiatives in the Field of Sustainable Development of Agglomerations and Territories: Working on the Mistakes of ESG

E.R. Bezsmertnaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of the work is due to the importance of tasks related to the creation of an effective organizational and financial mechanism to support sustainable development, taking into account the national interests of our country. **The subject** of the study is the activities of business entities in relation to the goals of sustainable development of Russian agglomerations and regions. **The purpose** of the work is to consider the national specifics of the development of a responsible business support system, identify effective incentive measures for companies that support the sustainable development of the regions where they operate. The successful initiatives of Russian companies and entrepreneurs focused on maintaining the sustainable development of territories are considered, and **it is concluded** that it is necessary to continue work on improving the unified methodology for assessing the contribution of business entities to the sustainable development of regions and the state.

Keywords: sustainable development; ESG agenda; EPS rating; responsible business

For citation: Bezsmertnaya E.R. Russian initiatives in the field of sustainable development of agglomerations and territories: Working on the mistakes of ESG. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):60-68. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-60-68

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика, связанная с устойчивым развитием как механизмом, обеспечивающим удовлетворение основных потребностей населения без создания угрозы для реализации этих потребностей будущими поколениями, на протяжении нескольких последних десятилетий является центральной темой глобальной повестки развития [1]. Она актуальна и для нашей страны. О том, что Россия будет продолжать вносить свой вклад в сбалансированное достижение целей устойчивого развития, неоднократно в своих выступлениях отмечал Президент Российской Федерации В.В. Путин¹.

Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, комфортная и безопасная среда для жизни, экологическое благополучие определены в качестве национальных целей развития на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.²

Официальное внедрение Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г., являющейся планом действий по достижению его 17 целей, мир начал 1 января 2016 г. Однако реализация этого плана идет не без трудностей. На заседании саммита БРИКС в октябре 2024 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Буксует и реализация задач повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года. Причем сильнее всех от нестабильной конъюнктуры мировой экономики страдают наименее развитые страны»³. В ежегодном Докладе об устойчивом развитии 2025 г., публикуемом Центром трансформации Целей устойчивого развития (SDG Transformation Center), созданным по инициативе Sustainable Development Solutions Network (SDSN), было отмечено, что в среднем только 17% задач Целей устойчивого развития (далее — ЦУР) находятся на пути к достижению в глобальном масштабе⁴.

Темпы достижения ЦУР значительно различаются в зависимости от принадлежности стран к той или иной группе: конфликты, структурная уязвимость и ограниченные финансовые возможности препятствуют

достижению ЦУР во многих частях мира. Очевидно, что общее следование глобальной повестке устойчивого развития должно, с одной стороны, опираться на единые стандарты отчетности в рамках ESG, с другой — учитывать различные страновые подходы, применяемые к достижению целей устойчивого развития с учетом национальных интересов того или иного государства.

ЧТО «НЕ ТАК» С ESG?

Тематика устойчивого развития в развитых странах чрезвычайно востребована — не только на уровне правительств и менеджмента компаний, но и среди обычных граждан. Согласно опросу PwC, 83% из 5000 опрошенных потребителей в Европе и Америке считают, что компании должны формировать передовые практики ESG. 76% из 1250 опрошенных сотрудников в тех же регионах предпочли бы работать в компаниях, разделяющих их взгляды на социальные и экологические вопросы, или поддерживать их⁵.

Тем не менее в адрес ESG-инициатив звучит много критики. Несмотря на определенную взаимозависимость каждого из трех ключевых элементов, определяющих устойчивость, есть сомнения в целесообразности применения единой оценки ESG для такого сложного и разнопланового явления. Приоритеты, являющиеся первоочередными для отдельных властных структур или хозяйствующих субъектов, могут существенно различаться, а реализуемые меры, приносящие видимую пользу в одной сфере, потенциально могут оказать негативное влияние на другую⁶.

Негативной стороной ESG является получившая широкое распространение практика гринвошинга. Некоторые исследования показывают, что чаще всего «зеленый камуфляж» применяют более крупные компании и организации с более высокими финансовыми показателями. Исследование зависимости между объемами инвестиций компаний в НИОКР и масштабами применения ими практик гринвошинга также показывает прямую взаимосвязь [2].

Увлечение ESG-тематикой долгое время подпитывалось результатами многочисленных исследований,

¹ URL: <https://tass.ru/ekonomika/19354835>

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

³ <https://tass.ru/politika/22198647>

⁴ Sustainable Development Report 2024. URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2025/sustainable-development-report-2025.pdf> (Дата обращения: 03.07.2025).

⁵ URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/library/consumer-intelligence-series/consumer-and-employee-esg-expectations.html> (Дата обращения: 31.05.2025).

⁶ Например, производство ветрогенераторов привело к массовой вырубке деревьев, что стало причиной экологической катастрофы в эквадорском регионе Амазонки. Производство электромобилей невозможно без использования кобальта, порой добываемого на кустарных шахтах, где нередко используется детский труд.

подтверждающих положительное влияние приверженности бизнеса принципам ESG на финансовые показатели компаний. Однако в ряде последних публикаций констатируется, что исследования, изучающие взаимосвязь между инициативами в области ESG, корпоративной социальной ответственности (КСО) и финансовыми показателями корпораций, порой приходят к противоречивым выводам. Причина — отсутствие стандартных показателей, измеряющих степень погружения в проблематику ESG/КСО — различные поставщики данных используют разные методологии, что затрудняет перекрестное сравнение. Многомерный характер финансовых показателей и сложность оценки нефинансовых выгод, которые могут проявиться лишь спустя годы после внедрения инициатив, усугубляют эту проблему [3].

В международной практике существует огромное число рэнкингов и рейтингов, с помощью которых ранжируются компании, осуществляющие вклад в устойчивое развитие. Однако из-за того, что агрегаторами большинства таких рейтингов являются частные коммерческие структуры, а методики оценки чаще всего являются закрытыми, возникает множество вопросов о целесообразности включения в них тех или иных показателей, соразмерности рейтинговых шкал и объективности присваиваемых рейтинговых оценок. Еще большие сомнения вызывает реальный вклад в устойчивое развитие ряда компаний, вложения в которые практикуют специализированные ETF. Есть примеры того, что из-за отсутствия стандарта, по которому оцениваются компании, показатели оценки зачастую меняются⁷. По мнению ряда специалистов, крупные инвестиционные дома извлекают гигантскую выгоду из растущего интереса к инвестициям, основанным на ESG-ценностях, при этом «...рейтинги не измеряют воздействие компании на планету и общество. На самом

деле они оценивают противоположное: потенциальное воздействие мира на компанию и ее акционеров»⁸.

С другой стороны, есть множество примеров несоизмерно бурной негативной реакции на сообщения о допускаемых компаниями нарушениях⁹. Скандалы в сфере ESG зачастую посылают негативные сигналы социуму, снижая общественное доверие и нанося ущерб корпоративной репутации, что, в конечном итоге, может снизить вероятность привлечения инвестиций и привести к увеличению финансовых затрат (например, в виде повышенных процентных ставок по банковским кредитам) [4].

«Правила игры» для достижения вполне определенных целей меняют не только агрегаторы индексов. Степень приверженности ESG-принципам меняется и при смене политических интересов: так, например, новая администрация США упрощает и делает менее строгими экологические правила, а также сокращает программы финансирования «зеленой энергетики» [5]. Очевидная взаимоувязка политических и финансовых интересов формирует мнения об ESG как о «бизнес-ориентированном прочтении концепции устойчивого развития»¹⁰, а зачастую — как и о способе продвижения идеи перехода человечества к новому миропорядку, выгодному ведущим западным странам [6].

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРИСВОЕНИЯ ESG-РЕЙТИНГОВ

Отечественные ESG-рейтинги приобрели особую актуальность в условиях ухода с российского рынка международных профильных агентств. Безусловно, охват объектов рейтингования и популярность российских рейтингов уступают соответствующим продуктам зарубежных специализированных организаций. Сравнивая методологии рейтингов пяти ведущих российских агентств¹¹ на 26.10.2022 с суще-

⁷ Например, в материале агентства Bloomberg, изучившего динамику акций компаний, входящих в индекс S&P 500, приводится такой пример: «McDonald's Corp., один из крупнейших в мире покупателей говядины, в 2019 году произвела больше выбросов парниковых газов, чем Португалия или Венгрия, благодаря своей цепочке поставок. В том году McDonald's произвела 54 миллиона тонн выбросов, что примерно на 7% больше, чем за четыре года. Тем не менее, 23 апреля MSCI повысила рейтинг McDonald's, сославшись на экологические практики компании. MSCI сделала это после того, как исключила выбросы углерода при расчете рейтинга компании». Подобным образом, констатируют авторы материала, акции 90% компаний, входящих в индекс S&P 500, в ESG-фондах, созданных на основе рейтингов MSCI. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2021-what-is-esg-investing-msci-ratings-focus-on-corporate-bottom-line/> (Дата обращения: 10.06.2025).

⁸ Krull P. ESG Investing Is Not Sustainable Investing [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://www.forbes.com/sites/peterkrull/2022/01/04/esg-investing-is-not-sustainable-investing/> (Дата обращения: 01.07.2025).

⁹ Например, в 2014 г. после того как в телевизионной программе прозвучало обвинение в адрес производителей пуховиков в использовании бесчеловечных методов ошипывания гусей, курс акций итальянской компании Moncler, производящей верхнюю одежду класса люкс, упал на 6 процентов: <https://www.reuters.com/article/business/luxury-coat-maker-moncler-denies-mistreating-geese-as-shares-fall-idUSL6N0ST3PX/> (Дата обращения: 01.06.2025).

¹⁰ ESG нужны правила игры. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/articles/2021/09/01/884776-esg-igri>

¹¹ Были рассмотрены методологии, актуальные на 26.10.2022.

ственными темами международных организаций — глобального поставщика рыночных индексов MSCI и Совета по стандартам учета в области устойчивого развития — SASB (Sustainability Accounting Standards Board), эксперты компании «Технологии Доверия» отметили, что корреляция между ними не всегда высока: от 79% у агентства RAEX до 37% у Национального рейтингового агентства (НРА). При этом у российских агентств наблюдаются существенные различия в распределении оцениваемых показателей по трем ключевым блокам: если, например, агентство Эксперт-РА большее внимание уделяет G-компоненте (61% показателей) и лишь 16% — E-компоненте, то у агентства АК&М 58% показателей нацелены на оценку E-компоненты и лишь 9% — на оценку G-составляющей¹². Профессор М.А. Измайлова, сопоставившая результаты рэнкинга отечественных компаний, представленных российскими агентствами, отметила многочисленные расхождения в оценках одной и той же компании, что дает основание «утверждать о некоторой надуманности, необъективности ESG-рейтингов» [7].

Учитывая высокий общественный интерес к ESG-проблематике, существенную социальную и экономическую значимость информации, транслируемой рейтинговыми оценками, важность создания «общей системы координат», позволяющей обеспечить российскому бизнесу доступ к внешним рынкам и доверие внешнеэкономических партнеров, Банк России разработал рекомендации по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) в целях повышения качества методологии и развития практики присвоения ESG-рейтингов¹³. Это важный шаг на пути унификации подходов к рейтингованию, которая позволит сделать методологии присвоения рейтингов более прозрачными и общедоступными для пользователей, а результаты рейтингования — сопоставимыми.

Вместе с тем необходимо учитывать, что следование российского бизнеса ESG-повестке включает две составляющие: одна нацелена на внешнее пользование (соответствие ESG-метрикам в целях привлечения иностранного капитала и расширения перспектив выхода на зарубежные рынки), вторая — на внутреннюю, ориентированную на национальные

ценности и достижение прогресса в интересах страны [8]. Очевидно, что сегодня на первый план выходит проблематика социальной ответственности бизнеса, смещающая внимание компаний исключительно с задач непосредственного продвижения бизнеса на реализацию мер, способствующих развитию территорий присутствия. Сейчас крайне важно конструктивное взаимодействие бизнеса с властью, позволяющее добиться прямой корреляции между предпринимательскими инициативами и национальными целями развития страны.

ЭКГ-РЕЙТИНГ — ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ОЦЕНКИ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Первым российским рейтингом, при создании которого помимо общей идеологии устойчивого развития были учтены национальные цели развития, стал ЭКГ-рейтинг, расчет которого начался в 2022 г. по данным 40 тысяч предприятий из регионов, входящих в Центральный федеральный округ. В конце 2023 г. был утвержден национальный стандарт оценки деловой репутации ГОСТ Р 71198–2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса». С момента начала присвоения рейтинга произошли существенные изменения в методике его расчета, расширился круг участников рейтинга (по состоянию на 05.06.2025 в нем присутствует более 7 млн компаний и предпринимателей), но неизменными остались принципы, на которых базируется ЭКГ-рейтинг: максимально полный охват участников рейтинга; отсутствие требований об обязательном наличии у оцениваемого субъекта публичной нефинансовой отчетности; присвоение рейтинга на безвозмездной основе [9].

ЭКГ-рейтинг ответственного ведения бизнеса является первым отечественным инструментом, направленным на создание механизма, позволяющего государству через систему преференций оказывать поддержку ответственным компаниям. Его ключевым отличием от многочисленных ESG-рейтингов является акцент на национальные приоритеты и ценности. Подход, в рамках которого используются доступные и достоверные данные о деятельности компаний, позволяет минимизировать риски искажения информации¹⁴.

¹² Куда теперь стремиться компаниям: сравниваем российские ESG-рейтинги. URL: <https://data.tedo.ru/esg/sravniuem-rossiyskie-esg-reitingi.pdf> (Дата обращения: 02.06.2025).

¹³ URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/81057.html?ysclid=ls05xjdt2b543458434>.

¹⁴ Так, в январе 2023 г. по заказу компании «Гугл» было проведено исследование, в котором приняли участие 1476 ви-

Процедура скоринга, представляющая собой балльную оценку характеристик деятельности компаний, агрегируемых ФНС с учетом информации, поступающей от других ведомств, дополнена этапом анкетирования — верификации конкретных фактов применения компаниями и предпринимателями наилучших доступных технологий, реализации экологических проектов, организации благотворительных акций, внедрения социальных мер поддержки работников, участия в проектах, направленных на поддержку регионов присутствия. Этот этап позволяет участникам не только повысить итоговый результат рейтинга, но и продемонстрировать властям и обществу уникальные проекты: внедрение современных эколого-ориентированных технологий, корпоративные программы стимулирования рождаемости, инициативы, реализуемые в рамках развития и поддержки регионов присутствия, и т.д. [10]. Еще не все участники рейтинга активно включились в этот процесс, но, тем не менее, свидетельством интереса к рейтингу является планомерный рост числа компаний, участвующих в анкетировании (табл. 1).

Целью ЭКГ-рейтингования является не просто присвоение предприятиям и организациям неких числовых или порядковых показателей, характеризующих степень их социальной и экологической ответственности, а создание действенного механизма, позволяющего через систему преференций оказывать поддержку ответственным компаниям. В числе возможных мер поддержки: предоставление лидерам рейтинга права первоочередного получения государственных услуг, прохождения разрешительных процедур в ускоренном режиме (например, возможность сократить сроки получения земельного участка и утверждения проекта планировки под новое производство, уменьшить время на подключение к инженерным сетям и водоснабжению, и т.д.), получения дополнительных преференциальных режимов (например, инвестиционного налогового вычета, льготной промышленной ипотеки, и т.д.). По сути, компенсацией усилий, направленных конкретным предприятием на развитие региона присутствия, станет

це-президентов и руководителей высшего звена из 16 стран мира, представляющих разные секторы экономики. 72% опрошенных указали, что большинство организаций в их отрасли при тщательном расследовании могут быть уличены в гринвошинге. 59% руководителей признали, что преувеличивают или неточно позиционируют деятельность представляемых ими компаний в климатической и экологической областях. 72% руководителей стремятся повысить результативность своих программ устойчивого развития, но не знают, как именно этого добиться, и не имеют четкой системы мониторинга прогресса в этой области.

адресное снижение государством административных барьеров и предоставление режима наибольшего благоприятствования. Сегодня уже в 15 регионах России (это 14 субъектов ЦФО, а также Забайкальский край) действуют региональные законы, регулирующие отношения, возникающие между исполнительными органами соответствующих субъектов федерации и бизнесом в целях создания условий для обеспечения стабильности, социально-экономического и инвестиционного развития территорий, достижения национальных целей развития страны.

Примечательно, что в топ-15 регионов, лидирующих по степени вовлеченности хозяйствующих субъектов, в этап анкетирования (табл. 2) вошли 10 из 15 регионов, в которых по состоянию на 05.06.2025 действовали региональные законы о развитии ответственного бизнеса. Обращает на себя внимание и тот факт, что Владимирская область, являющаяся пионером в разработке и принятии регионального законодательства о развитии ответственного бизнеса, возглавляет список регионов, представители которых наиболее активно включились в этот процесс.

Следование российских регионов повестке устойчивого развития также становится предметом рейтинговых оценок. Так, в ноябре 2021 г. МГИМО в рамках участия в программе «Приоритет 2023» начал работу над проектом «Независимый Рэнкинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН». В основу методологии рэнкинга положены принципы и показатели методологии ООН по мониторингу достижения странами 17 целей устойчивого развития ООН (ЦУР ООН), однако набор показателей несколько отличается от эталонного, поскольку в случаях, когда в статистических отчетных данных Российской Федерации отсутствуют индикаторы, принятые в ООН, используются альтернативные показатели, доступные в национальной статистике РФ, что допускается Рекомендациями ООН¹⁵. Разработчики рейтинга отмечают его практическую востребованность для разработки региональных стратегий устойчивого развития с участием правительства, бизнеса, общественности, образовательных структур.

Вместе с тем для российских граждан достижение целей устойчивого развития пока не входит в число приоритетных задач. Так, результат интернет-опроса «ВЦИОМ-онлайн» в 2022 г. показал, что лишь 5% россиян хорошо знакомы с терминами «цели устойчивого развития» и «ESG», 40% слышали о них, но не знают

¹⁵ URL: <https://ranking.mgimo.ru/>

Таблица 1/ Table 1

Топ-15 регионов по численности участников рейтинга, прошедших анкетирование, по состоянию на 05.06.2025 / Top 15 regions by involvement in the survey stage, as of 06.05.2025

Регион / Region	Доля региона в общем числе участников рейтинга, прошедших анкетирование, % / The share of the region in the total number of rating participants who completed the survey, %	Доля региона в общем числе участников рейтинга, % / The region's share in the total number of rating participants, %
Москва / Moscow	13,7	13,9
Воронежская область / Voronezh region	13,5	1,3
Владимирская область / Vladimir region	12,3	0,8
Кемеровская область – Кузбасс / Kemerovo region – Kuzbass	10,3	1,1
Смоленская область / Smolensk region	6,7	0,6
Санкт-Петербург / Saint Petersburg	3,8	5,7
Московская область / Moscow region	3,0	7,0
Орловская область / Oryol region	2,6	0,4
Тульская область / Tula region	2,2	0,8
Курская область / Kursk region	1,6	0,5
Омская область / Omsk region	1,6	1,0
Ростовская область / Rostov region	1,6	2,7
Саратовская область / Saratov region	1,6	1,2
Самарская область / Samara region	1,4	2,1
Свердловская область / Sverdlovsk region	1,4	3,2

Источник / Source: составлено автором по данным экг-рейтинг.рф / compiled by the author according to экг-рейтинг.рф

подробностей, 46% заявили, что впервые о них слышат. Наиболее осведомлены об этой проблематике жители ЦФО (52%), СЗФО (50%), ЮФО (45%). В представлении большинства опрошенных ответственность за достижение целей устойчивого развития должна лежать на федеральных властях (46%). О том, что в большей степени способствовать этому должны местные власти, заявили 32% опрошенных, лишь 3% считают, что это задача бизнеса. Среди наиболее значимых целей устойчивого развития опрошенные указали ЦУР № 11 «Устойчивые города и населенные пункты» (63%), ЦУР № 8 «Достойная работа и экономический рост» (61%), ЦУР № 4 «Качественное образование» (45%). Менее всего граждан волнуют ЦУР № 5 «Гендерное

равенство» (4%) и ЦУР № 13 «Борьба с изменением климата» (9%)¹⁶.

Очевидно, что ключевыми проблемами для большинства населения страны являются экономические проблемы, неравномерное распределение доходов, высокая степень дифференциации регионов по уровню жизни. В свою очередь, это порождает демографические проблемы [11]. Безусловно, ключевым фактором формирования уровня жизни являются доходы населения, поскольку именно наличие финансовых ресурсов определяет возможности людей

¹⁶ URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/celi-ustoichivogo-razvitiya-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya>

Таблица 2 / Table 2

Топ-15 регионов по степени вовлеченности в этап анкетирования, по состоянию на 05.06.2025 /
Top 15 regions by level of involvement in the survey stage, as of 06.05.2025

Регион / Region	Место в ранжире* / Place in the ranking*	Наличие регионального закона о развитии ответственного ведения бизнеса / The existence of a regional law on the development of responsible business conduct	Дата принятия регионального закона о развитии ответственного ведения бизнеса
Владимирская область / Vladimir region	1	+	05.12.2022
Смоленская область / Smolensk region	2	+	19.12.2024
Воронежская область / Voronezh region	3	+	01.12.2023**
Кемеровская область – Кузбасс / Kemerovo region – Kuzbass	4	–	–
Орловская область / Oryol region	5	+	05.11.2024
Курская область / Kursk region	6	+	18.12.2024
Тульская область / Tula region	7	+	28.02.2025
Тамбовская область / Tambov region	8	+	02.12.2024
Рязанская область / Ryazan region	9	+	25.12.2024
Костромская область / Kostroma region	10	+	13.12.2024
Тверская область / Tver region	11	–	–
Омская область / Omsk region	12	–	–
Липецкая область / Lipetsk region	13	+	28.12.2023***
Саратовская область / Saratov region	14	–	–
Пензенская область / Penza region	15	–	–

Источник / Source: составлено автором по данным экг-рейтинг.рф / compiled by the author according to экг-рейтинг.рф

Примечания / Notes: * Регионы ранжированы по показателю Численность участников анкетирования в регионе / Общее число участников рейтинга в регионе; ** Закон утратил силу в связи с принятием Закона Воронежской области от 21.10.2024 № 112-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса в Воронежской области»; *** Закон утратил силу в связи с принятием Закона Липецкой области от 25.12.2024 № 595-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса в Липецкой области» / * The regions are ranked by the number of survey participants in the region / The total number of rating participants in the region; ** The Law became invalid due to the adoption of the Voronezh Region Law No. 112-OZ dated October 21, 2024 "On the Development of Responsible Business in the Voronezh Region"; *** The law became invalid due to the adoption of the Lipetsk Region Law No. 595-OZ dated December 25, 2024 "On the Development of responsible business in the Lipetsk region"

в получении необходимых благ. Однако потенциал того или иного региона в предоставлении этих благ во многом определяется уровнем развития социальной инфраструктуры, включающей в себя множество взаимосвязанных сфер.

Исследователи из Финансового университета при Правительстве Российской Федерации предложили в 2024 г. новый методический подход к комплексной оценке уровня жизни населения в российских регионах, в котором помимо традиционных экономических используется ряд показателей социальной сферы [12]. Думается, что дальнейшее развитие инициатив бизнеса, направленных на повышение благосостояния регионов

присутствия, учитываемых при определении места компаний в ЭКГ-рейтинге, могло бы дать дополнительный импульс повышению качества жизни граждан, снижению социальной напряженности, уменьшению степени дифференциации регионов по уровню жизни населения, улучшению демографических показателей.

ВЫВОДЫ

Необходимость дальнейшего вовлечения российских хозяйствующих субъектов в продвижение курса на устойчивое развитие не вызывает сомнений, однако в условиях глобальных геополитических преобразований следует правильно определить вектор этого

движения. В центре процесса суверенизации повестки устойчивого развития в российских условиях должна быть установка на поиск конкретных решений в области демографии, повышения качества жизни населения, улучшения экологической обстановки, внедрения современных технологий, влияющих на рост эффективности использования ресурсов, наконец, должно быть налажено эффективное взаимодействие власти и бизнеса, способствующее развитию регионов присутствия.

Важным шагом на пути перехода к суверенной модели устойчивого развития стала работа над созданием действенных механизмов поддержки и продвижения со стороны государства представителей предприни-

мательского сообщества, демонстрирующих лучшие практики ответственного ведения бизнеса. Одним из таких механизмов является ЭКГ-рейтинг — рабочий инструмент, который с помощью системы объективной оценки деятельности хозяйствующих субъектов способствует их активному включению в заботу об экологическом благополучии, социальной поддержке граждан, развитию инфраструктуры и благоустройстве регионов присутствия. Полагаем, что практику поддержки лидеров ответственного бизнеса посредством финансовых и нефинансовых мер следует широко использовать в тех субъектах РФ, где уже приняты региональные законы об ответственном ведении бизнеса, а в перспективе — во всех регионах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022;13(2):185–201. DOI: 10.18184/2079–4665.2022.13.2.185–201
2. Pinheiro A.B., Prado N.B., Leite P.F.D. Do as I say, not as I do: Effects of national institutions on corporate greenwashing. *Sustainable Futures*. 2025;9:100624. DOI: 10.1016/j.sfsr.2025.100624
3. Cardillo M.A.R., Basso L.F.C. Revisiting knowledge on ESG/CSR and financial performance: A bibliometric and systematic review of moderating variables. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2025;10(1):100648. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100648
4. Xue R., Wang H., Yang Y., Linnenluecke M.K., Jin K., Cai C.W. The adverse impact of corporate ESG controversies on sustainable investment. *Journal of Cleaner Production*. 2023;427(15 Nov);139237. DOI: 10.1016/J.JCLEPRO.2023.139237
5. Перская В.В. Экологизация индустриализации как новый этап развития мировой экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):19–30. DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–2–19–30
6. Перов А.В., Симонов К.В. Увлечение ESG-тематикой как лакмусовая бумага российской системы госуправления. *Власть*. 2023;31(1):9–17. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9455
7. Измайлова М.А. ESG-рейтинги и устойчивое развитие: подходы к проведению оценки. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2025;2(70):50–59. DOI: 10.26456/2219–1453/2025.2.050–059
8. Безсмертная Е.Р., Гончаренко Л.И., Грихутин Ю.А. и др. Ответственное ведение бизнеса: технологии, стратегии, векторы устойчивого развития. Монография. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К°, 2024. 379 с.
9. Ниязметов А.К. Национальный стандарт оценки деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности на основе ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса и направления его развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):77–89. DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–2–77–89
10. Прокофьев С.Е. Финансовый университет — экспертный центр верификации данных ЭКГ-рейтинга. *Журнал Бюджет*. 2024;11(263):28–30.
11. Ткаченко А.А. Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):115–124. — DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–115–124
12. Строев П.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Методический подход к комплексной оценке уровня жизни населения в регионах России. *Регионоведение*. 2024; 126(1):71–89. DOI: 10.15507/2413–1407.126.032.202401.071–089

REFERENCES

1. Izmajlova M.A. Implementation of ESG of Russian companies under sanctions restrictions. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie)*=*MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2022;13(2):185–201. (In Russ.). DOI: 10.18184/2079–4665.2022.13.2.185–201

2. Pinheiro A.B., Prado N.B., Leite P.F.D. Do as I say, not as I do: Effects of national institutions on corporate greenwashing. *Sustainable Futures*. 2025;9:100624. DOI: 10.1016/j.sftr.2025.100624
3. Cardillo M.A.R., Basso L.F.C. Revisiting knowledge on ESG/CSR and financial performance: A bibliometric and systematic review of moderating variables. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2025;10(1):100648. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100648
4. Xue R., Wang H., Yang Y., Linnenluecke M.K., Jin K., Cai C.W. The adverse impact of corporate ESG controversies on sustainable investment. *Journal of Cleaner Production*. 2023;427(15 Nov):139237. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.139237
5. Perskaya V.V. Greening of industrialization as a new stage in the development of the global economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):19–30. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–2–19–30
6. Perov A.V., Simonov K.V. Passion for ESG topics as litmus paper of the Russian system of state governance. *Vlast' = Vlast'*. 2023;31(1):9–17. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9455
7. Izmajlova M.A. ESG-ratings and sustainable development: approaches to assessment. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economy and Management*. 2025;2(70):50–59. (In Russ.). DOI: 10.26456/2219–1453/2025.2.050–059
8. Bezsmertnaya E.R., Goncharenko L.I., Grihutik Yu.A. Responsible business conduct: Technologies, strategies, vectors of sustainable development. Monograph. Moscow: Izdatelsko-torgovaya korporaciya Dashkov i K^o; 2024. (In Russ.). 379 p.
9. Niyazmetov A.K. The national standard for assessing the business reputation of business entities based on the ECG rating of responsible business and the direction of its development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):77–89. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–2–77–89
10. Prokof'ev S.E. Financial University is an expert center for verification of ECG rating data. *Zhurnal Byudzheta = Budget*. 2024;11(263):28–30. (In Russ.).
11. Tkachenko A.A. Actual problems of development of Russian regions: Economics and demographics. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):115–124. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–115–124
12. Stroeve P.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Methodological approach to comprehensive assessment of living standards in Russian regions. *Regionologiya = Russian Journal of regional studies*. 2024; 126(1):71–89. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413–1407.126.032. 202401.071–089

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Рэмовна Безсмертная — декан факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ekaterina R. Bezsmertnaya — Dean of the Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-5238-0605>

ebezsmertnaya@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.07.2025; принята к публикации 28.08.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 07.07.2025; accepted for publication 28.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-69-78
УДК 339.94(045)
JEL F16

Совместные предприятия как инструмент повышения занятости населения в условиях трансформации экономики

Н.В. Сергеева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Процессы фрагментации мировой экономики, рост протекционизма и геополитическая нестабильность вынуждают компании искать наиболее эффективные организационные формы международного сотрудничества. **Предмет** исследования – совместные предприятия как один из инструментов повышения занятости населения в условиях трансформации экономики. **Цель** работы – определение перспективных зарубежных партнеров и стратегически важных направлений создания совместных предприятий в контексте современных трендов развития мировой экономики. Рассмотрены исторические аспекты зарождения института совместного предпринимательства в России, проблемы его правового регулирования и аспекты национальной безопасности. Проанализировано значение совместных предприятий для приграничных регионов России, в частности Калининградской области. Исследовано сотрудничество в рамках совместных предприятий с Республикой Беларусь как одним из ключевых партнеров по ЕАЭС. Представлены основные направления стратегического партнерства Российской Федерации и КНР, представляющие интерес с позиции создания совместных предприятий. Сделан **вывод** о необходимости развития института совместного предпринимательства в целях содействия инновационному развитию и повышению конкурентоспособности регионов и страны в целом.

Ключевые слова: совместное предприятие; занятость населения; конкурентоспособность регионов; международное сотрудничество

Для цитирования: Сергеева Н.В. Совместные предприятия как инструмент повышения занятости населения в условиях трансформации экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):69-78. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-69-78

ORIGINAL PAPER

Joint Ventures as a Tool to Increase Employment in the Context of Economic Transformation

N.V. Sergeeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The processes of fragmentation of the global economy, the growth of protectionism and geopolitical instability force companies to look for the most effective organizational forms of international cooperation. **The subject** of the research is joint ventures as one of the tools for increasing employment in the context of economic transformation. **The purpose** of the work is to identify promising foreign partners and strategically important areas for the creation of joint ventures in the context of modern trends in the development of the global economy. The historical aspects of the origin of the institution of joint entrepreneurship in Russia, the problems of its legal regulation and aspects of national security are considered. The importance of joint ventures for the border regions of Russia, in particular the Kaliningrad region, is analyzed. The cooperation within the framework of joint ventures with the Republic of Belarus as one of the key partners in the EAEU is studied. The main directions of the strategic partnership between the Russian Federation and China, which are of interest from the perspective of creating joint ventures, are presented. **It is concluded** that it is necessary to develop the institution of joint entrepreneurship in order to promote innovative development and increase the competitiveness of the regions and the country as a whole.

Keywords: joint venture; employment; regional competitiveness; international cooperation

For citation: Sergeeva N.V. Joint ventures as a tool to increase employment in the context of economic transformation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2025;18(5):69-78. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-69-78

© Сергеева Н.В., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Международное совместное предприятие (далее — СП) — это форма организации делового сотрудничества, при котором два или более отдельных субъекта совместно действуют в стратегическом альянсе для достижения общей цели. Субъектами могут быть отдельные лица, компании или другие организации [1], которые вносят в предприятие такие ресурсы, как капитал, технологии, экспертные знания, обеспечивают доступ к рынку, а также разделяют риски и выгоды бизнеса. Этот тип предприятия особенно выгоден для фирм, стремящихся выйти на новые рынки или расширить свое присутствие на существующих [2].

В числе основных преимуществ СП — доступ к новым рынкам, разработка новых продуктов и услуг, распределение рисков и выгод, приобретение новых технологий, развитие стратегических альянсов [3]. Выбор интеграционной формы для финансовых институтов и технологических компаний, которая позволила бы «достичь более эффективных результатов деятельности объединенной структуры», рассматривается в работе В. С. Крутякова, М. Г. Бича [4], где выделены различные по степени интеграции формы сотрудничества, в том числе совместные предприятия, и приведена методология выбора форм интеграции на основе динамической модели, которая может быть использована в практической деятельности российских финансовых институтов.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ

Становление института совместных предприятий в России восходит к истокам советского государства. Однако с конца 1920-х — начала 1930-х гг. данная форма международного сотрудничества отвергалась руководством нашей страны как не отвечающая целям и задачам советской власти. В частности, данные меры коснулись такого важного сегмента экономики страны, как добыча полезных ископаемых, прежде всего энергетических ресурсов и драгоценных металлов. В качестве примера можно привести отказ компаниям *Ford* и *General Motors* в ответ на их предложения о сотрудничестве и создании совместных предприятий в СССР [5].

Политика перестройки и ускорения, анонсированная правительством страны во второй половине 1980-х гг., коренным образом изменила данную ситуацию, открыв доступ иностранным инвесторам, круп-

ному и малому бизнесу в национальную экономику. Прежде всего это выразилось в нормотворчестве. Так, в 1987 г. были приняты два важнейших документа, узаконивших институт совместного предпринимательства и установивших для совместных предприятий льготный режим налогообложения и льготы по таможенным сборам: Указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление Совета министров СССР «О совместном предпринимательстве и совместных хозяйственных объединениях»¹. В этот же период были приняты документы, регламентирующие инвестиционную активность нерезидентов на территории республик Советского Союза: Указ Президента СССР «Об иностранных инвестициях в СССР»², Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР³, Закон «Об иностранных инвестициях в РСФСР»⁴. Либерализация национального законодательства привела к резкому росту числа совместных предприятий в нашей стране, причем в наибольшей степени этот процесс затронул нефте- и газодобычу. В рамках таких известных проектов, как «Сахалин-1» и «Сахалин-2», а также «Харьягинского» соглашения о разделе продукции, были созданы совместные предприятия с участием крупных иностранных компаний, таких как *Shell*, *ExxonMobil*, *Total*, *Mitsubishi*, *Mitsui* и других [5].

Деятельность СП в нефтегазовой отрасли можно оценивать двояко. С одной стороны, иностранные компании привнесли новейшие технологические решения и значительные финансовые инвестиции в важнейшую экспортно-ориентированную отрасль национальной экономики, что позволило увеличить объемы добычи и экспорта сырьевых ресурсов и способствовало росту доходов бюджета страны. Новые СП содействовали также росту занятости в регионах, что положительно сказалось на уровне безработицы

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.01.1987 «О совместном предпринимательстве и совместных хозяйственных объединениях». Ведомости Верховного совета СССР. 1987. № 26. Ст. 390.

² Указ Президента СССР от 26.10.1990. № УП-942 «Об иностранных инвестициях в СССР» (утр. силу). Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 31.10.1990. № 44. Ст. 944.

³ Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР (приняты Верховным Советом СССР 10.12.1990 № 1820–1) (утр. силу). Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. 1990. № 51. Ст. 1109.

⁴ Закон РСФСР от 04.07.1991 № 1545–1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР» (утр. силу). Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1008.

и доходах домохозяйств. С другой стороны, активность нерезидентов на российском рынке стала тормозом на пути развития национальных инновационных технологий, что привело в результате к серьезному технологическому отставанию. Вместе с тем деятельность СП в сфере туризма и гостеприимства, в легкой и пищевой промышленности, несомненно, имеет и сегодня как положительный потенциал, так и перспективы для развития [6].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СП В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Одним из приграничных регионов России является Калининградская область, в силу своего анклавного положения на побережье Балтийского моря. Для этого региона деятельность СП с момента распада СССР всегда имела приоритетное значение. Эти предприятия специализировались, в частности, на производстве мебели, продуктов питания, мелкооптовой и розничной торговле [7]. В силу исторически сложившихся деловых контактов основными бизнес-партнерами предприятий региона выступали фирмы из стран Евросоюза. Всего по состоянию на март 2022 г. в Калининградской области насчитывалось 227 предприятий с иностранным капиталом⁵. По данным Федеральной службы государственной статистики (далее — ФСГС), на 1 октября 2022 г. в регионе функционировало 768 организаций с иностранными инвестициями и 510 СП⁶. Для региона, численность населения которого на тот период составляла немногим более 1 млн человек⁷, это весьма значимые показатели. Поэтому руководство Калининградской области активно поддерживает повышение интереса иностранных предпринимателей к деятельности в регионе. Согласно данным ФСГС на территории Калинин-

градской области по состоянию на 1 июля 2023 г. осуществляли свою деятельность 816 организаций с иностранными инвестициями и 528 совместных российско-иностраннх предприятий⁸. Таким образом, за девять месяцев прирост составил 18 СП. Однако к середине 2025 г. показатели снизились: по данным ФСГС по Калининградской области, на 1 июля 2025 г. в регионе насчитывается только 442 организации, находящиеся в совместной российской и иностранной собственности, что составляет всего лишь 1,4% от общего числа организаций области⁹. Таким образом, за 2 последних года наблюдается сокращение числа СП Калининградской области на 16%. В контексте современной геополитической ситуации, к сожалению, это закономерное явление.

Очевидно, что при активной поддержке руководства области данный показатель может вырасти. Средняя численность работников таких предприятий также увеличивалась¹⁰, а уровень безработицы в регионе в течение 2024 г. постепенно снижался (согласно официальным данным, по итогам 2024 года среднегодовой уровень безработицы населения области в возрасте 15 лет и старше составил 2,5% по сравнению с 5,0% в 2021 г., налицо двукратное снижение показателя за 3 года)¹¹, в том числе вследствие роста численности населения, занятого в СП.

Одним из перспективных направлений международного сотрудничества предприятий Российской Федерации является сегодня создание СП с партнерами по ЕАЭС. Приоритетными отраслями в этом направлении выступают высокотехнологичные секторы

⁵ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с приостановкой Европейской комиссией российского участия в программах приграничного и трансграничного сотрудничества между Россией и государствами-членами Евросоюза. Сайт МИД России. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/rso/1803130

⁶ Распределение организаций в разрезе форм собственности на 1 октября 2023 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: https://39.rosstat.gov.ru/stor-age/mediabank/ЮЛ-ОКФС%2002_2023.pdf

⁷ Численность населения Калининградской области на 1 января 2024 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: 39.rosstat.gov.ru/publications_2/document/239947

⁸ Распределение организаций в разрезе форм собственности на 1 июля 2023 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: https://39.rosstat.gov.ru/stor-age/mediabank/ЮЛ-ОКФС%2002_2023.pdf

⁹ Распределение организаций, учтенных в территориальном разделе Статистического регистра хозяйствующих субъектов по Калининградской области, в разрезе форм собственности на 1 июля 2025 года. URL: https://39.rosstat.gov.ru/Enterprises_and_organizations

¹⁰ Средняя численность работников предприятий. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: https://39.rosstat.gov.ru/infogr_kdstat/document/237421

¹¹ Рынок труда, занятость. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D1%82%D1%8B%D1%85.pdf>

экономики, к которым можно отнести машиностроение, авиационную и космическую промышленности, энергетику, а также фармацевтическое производство [8]. Взаимовыгодное сотрудничество в указанных областях позволяет развивать производственные связи между предприятиями, способствует передаче новейших технологий и в целом расширению рынков сбыта для российских производителей.

Среди партнеров по ЕАЭС приоритет, безусловно, отдается Республике Беларусь, с которой у Российской Федерации в 1999 г. подписан Договор о создании Союзного государства¹². Одним из ключевых пунктов данного Договора стала ст. 20, согласно которой «в рамках объединения его участники создают единое экономическое пространство»¹³. По итогам 2023 г. Белоруссия заняла первое место среди внешнеэкономических партнеров России в Европе и третье в мире¹⁴. При этом доля России в белорусском импорте выросла за два года с 50 до 64%¹⁵. В 2023 г. товарооборот между Россией и Белоруссией достиг рекордных 3 трлн руб., или 53 млрд долл. США¹⁶. По сообщениям российских властей, товарооборот между Россией и Белоруссией за 2024 г. увеличился на 5,7% по отношению к 2023 г.¹⁷ В 2025 г. товарооборот между странами продолжает расти, достигнув величины в 50 млрд долларов и продолжая увеличиваться¹⁸. В 1-м квар-

тале текущего года был зафиксирован рост на 3% относительно аналогичного периода 2024 г.

Оба государства скоординированно отреагировали на санкционные ограничения западных стран и связанные с ними угрозы. Президент Белоруссии предложил российским властям совместные инвестиционные проекты для замещения критически необходимого импорта. Вскоре был утвержден согласованный перечень импортозамещающих проектов. Для реализации достигнутых соглашений Россия выделила Белоруссии кредит в размере 105 млрд руб. В 2024 г. реализовывались 25 импортозамещающих проектов. Еще 10 проектов находятся на согласовании у руководства стран¹⁹. Российской стороной было обозначено машиностроение и электроэнергетика в качестве приоритетных производственных отраслей реализации принятых программ²⁰. По оценке президента Белоруссии, СП станут между государствами реальными мерами, направленными на интеграцию стран — участниц Союзного государства²¹.

В частности, в 2022 г. на территории России были открыты белорусскими компаниями девять совместных сборочных производств и предприятий («АМКОДОР», МАЗ, МТЗ, «Гомсельмаш», «Белкоммунмаш») и 15 торговых предприятий (СВИТАНАК, BELARUS, «Беллепром», «Евроторг», «Верас», «Белорусский фермер», «Белорусский фирменный», торгово-сервисные центры МАЗ и МТЗ)²².

В 2023 г. активное создание совместных производств внутри Союзного государства продолжилось. В Уфе был запущен в работу завод белорусского холдинга «АМКОДОР», специализирующийся на производстве сельскохозяйственного оборудования. В Краснодарском крае начало работу сборочное производство комбайнов. Планируется локализация производств белорусской сельскохозяйственной техники также на территории Татарстана, Липецкой и Челябинской областей. Минский тракторный завод развивает в Рос-

¹² Двусторонние договоры. Правовой Департамент МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46990

¹³ Двусторонние договоры. Правовой Департамент МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46990

¹⁴ В ФТС рассказали о главных торговых партнерах России в Европе. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240310/torgovlya-1932119746.html>

¹⁵ В Минске сообщили, что годовой российско-белорусский товарооборот превысил \$ 45 млрд. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/895037>

¹⁶ Головченко: двусторонний товарооборот Беларуси и России в 2023 году составил около \$ 53 млрд. БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/economics/view/golovchenko-dvustoronnij-tovarooborot-belarusi-i-rossii-v-2023-godu-sostavil-okolo-53-mlrd-614527-2024>

¹⁷ Взаимный товарооборот РФ и Белоруссии вырос за 1-й квартал 2025 г. на 3%, доля нацвалют в расчетах превысила 95%. ИА «Финмаркет». URL: <https://www.finmarket.ru/database/news/6414552>

¹⁸ Товарооборот РФ и Белоруссии достиг \$ 50 млрд и продолжает расти. Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. URL: <https://belrus.ru/info/tovarooborot-rf-i-belorussii-dostig-50-mlrd-i-prodolzhaet-rasti-putin>

¹⁹ Лукашенко пообещал поддерживать Россию как союзника. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231214/rossiya-1915777840.html>

²⁰ Минск и Москва согласовали 24 импортозамещающих проекта, финансируемых РФ. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19752597>

²¹ Лукашенко назвал совместные предприятия альтернативой «болтовне» о союзе. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfrenews/62458b5a9a7947d05252d40a>

²² Организация взаимовыгодного сотрудничества с регионами России. Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/regions

сии сеть торгово-сервисных центров. В 26 регионах России открыты сборочные производства шасси МАЗ. Холдинг «АМКОДОР» запустил производство лесозаготовительной техники в Карелии. В 2024 г. на территории Республики Башкортостан завершено строительство комбината по производству коммунальной техники. В 2022 г. в Нижнем Новгороде белорусскими предприятиями ВКМ Holding, ООО «АМБ-Инжиниринг» и нижегородским заводом «Нижэкотранс» было запущено совместное производство трамваев, а в 2023 г. — электробусов «МиНиН». В настоящее время МАЗ и Уфимский трамвайно-троллейбусный завод ведут работы по запуску совместного производства троллейбусов. В Екатеринбурге в 2023 г. был открыт первый магазин белорусской сети товаров «Да дому». Всего минский концерн «Беллепром» планирует открыть 10 магазинов для дома на территории России. В Кемеровской области был развернут мультибрендовый центр белорусской техники на базе сервисного центра «БелАЗ». Ведутся работы по созданию восьми подобных центров на территории России. В России открыты учебные классы по подготовке специалистов по сервисному обслуживанию белорусской техники: «Гомсельмашем» — 6, «БелАЗом» — 10, МТЗ — 26²³. Данные проекты способствуют наращиванию производственных связей внутри Союзного государства.

Говоря о масштабах совместной деятельности, можно отметить, что в одной только Смоленской области в 2024 г. было зарегистрировано более 4,5 тысяч совместных белорусско-российских предприятий²⁴.

Каждая из сторон извлекает свою выгоду из реализации проекта российско-белорусских СП. Для России такими преимуществами являются укрепление сотрудничества и интеграции между странами, привлечение дополнительных инвестиций в российскую экономику, выстраивание новых производственных цепочек взамен российско-западных и, что немаловажно, создание новых рабочих мест в российских регионах. Для Белоруссии совместные предприятия позволяют укрепить сотрудничество и интеграцию между странами, создать прочные долговременные экономические связи с Россией, а также являются новым источником поступлений

в бюджет. Кроме того, данный проект способствует экспорту компетенций и технологий, купированию проблемы дефицита трудовых ресурсов, расширению производства и, соответственно, предложению товаров. Тем самым совместные предприятия России и Белоруссии оказывают значительный позитивный эффект на экономику обеих стран. В перспективе рассматривается вопрос о расширении представленности предприятий с совместным российско-белорусским капиталом в рамках Союзного государства. В 2024 г. разработана новая Стратегия технологического развития Союзного государства на период до 2035 г., содержащая конкретные меры по укреплению общего технологического суверенитета, включая запуск крупных совместных проектов по импортозамещению и созданию конкурентоспособных продуктов с высокой добавленной стоимостью²⁵.

Создание СП актуально также в регионах России, граничащих с Китаем. Общность национальных экономических интересов в приграничном сотрудничестве России и Китая проявляется, в частности, в заинтересованности стран в создании новых рабочих мест для местных жителей, включая повышение квалификации и приобретение новых профессиональных навыков [9]. Совместные предприятия как организационная форма ведения международного бизнеса как нельзя лучше соответствует решению этих задач. КНР является сегодня стратегически важным партнером России как в области торговли, так и в сфере инвестиций. Для расширения российско-китайского сотрудничества наиболее перспективными представляются такие направления, как искусственный интеллект, биотехнологии, совместные космические программы, создание совместного аудио- и видеоконтента²⁶. Трансфер технологий в Россию мог бы существенно повлиять на реализацию программы импортозамещения [10]. Совместное производство в высокотехнологичной сфере представляет для обеих стран несомненный

²³ Какие проекты реализуются сейчас в Союзном государстве. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/03/20/moshchnost-proektnaia.html>

²⁴ Беларусь и Россия создали 4,5 тыс совместных компаний в Смоленской области. Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. URL: <https://belrus.ru/info/belarus-i-rossiya-sozdali-4-5-tys-sovmestnyx-kompanij-v-smolenskoj-oblasti/>

²⁵ Постановление от 29.01. 2024 № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года». Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda>

²⁶ Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая: стратегия развития 2024. Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/materials/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-strategiya-razvitiya-2024>

интерес, в том числе и для повышения уровня занятости населения.

По данным официальной статистики, в 2023 г. потенциальная рабочая сила в возрасте 15 лет и старше в Дальневосточном федеральном округе сократилась незначительно по сравнению с другими регионами России — всего на 2%, в то время как снижение данного показателя по Российской Федерации в целом составило более 18%²⁷. Так, в Приморском крае потенциальная рабочая сила в 2023 г. выросла на 3,5%, а в Хабаровском крае — более чем на 24%. Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что кадровый потенциал для создания СП в регионах, ведущих наиболее активное сотрудничество с Китаем, в России большой.

По итогам 2024 г. суммарное количество компаний с китайским капиталом на российском рынке превысило 9 тыс. Это в 2,5 раза больше по сравнению с показателем за 2023 г. Такие данные в середине мая 2025 г. обнародовал председатель Союза китайских предпринимателей в России. По его словам, «многие из компаний с инвестициями из КНР в России ведут деятельность в сфере промышленности. Речь идет о производстве автомобилей, автозапчастей и другой продукции. Причем доля промышленных предприятий с китайским капиталом увеличивается по отношению к компаниям, занятым в торговой отрасли»²⁸. В качестве наиболее перспективных направлений для сотрудничества двух стран было названо производство высокотехнологичной продукции, а также такие направления как энергетика, внедрение искусственного интеллекта и трансграничная электронная торговля.

Как отмечается в исследовании «СПАРК-Интерфакс», количество среднемесячных регистраций юридических лиц с участием представителей КНР в России в 2022–2024 гг. выросло в 3,6 раза по отношению к 2020–2021 годам. В частности, до введения санкций в связи со сформировавшейся геополитической обстановкой в среднем в месяц регистрировались менее 40 таких предприятий. После введения ограничений показатель увеличился до 135–145²⁹.

В целом, согласно официальным данным Росстата по состоянию на 7 марта 2025 г., инвестиции в основ-

ной капитал в Российской Федерации в предприятия, находящиеся в совместной российской и иностранной собственности, составили 6,8 млрд руб.³⁰ На основе рассмотрения динамики данного показателя (рис. 1) можно сделать неутешительный вывод, что объем инвестиций в СП снизился на 10% по сравнению с уровнем 2021 г. И хотя 2024 г. показал рост на 0,3 млрд руб. (на 0,03%) по сравнению с 2023 г., этих вливаний в национальную экономику явно недостаточно.

В таблице приведена численность занятых в организациях, находящихся в иностранной и совместной формах собственности (по данным отчета ФГС «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024») ³¹. На рис. 2 эти данные представлены в виде диаграммы для большей наглядности.

Анализ официальной статистики показывает отрицательный тренд числа занятых в СП начиная с 2020 г. Но, как было отмечено выше, потенциал кадрового роста в регионах имеется. Кроме того, отсутствие официальной статистики по численности занятых в СП по итогам 2024 г. не дает возможность проследить рост данного показателя за последний год, несмотря на оптимистичные высказывания руководства Минэкономразвития России³².

СОЗДАНИЕ СП В ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ И НА ТЕРРИТОРИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Создание СП чрезвычайно актуально сегодня для особых экономических зон (далее — ОЭЗ) России и на территориях опережающего развития (далее — ТОР). Так, в рамках новой ОЭЗ в Вологодской области планируется создать 788 рабочих мест³³ в таких

³⁰ Структура инвестиций в основной капитал по формам собственности. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

³¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf

³² На коллегии Минэкономразвития подвели итоги работы за 2024 г. и обозначили задачи на перспективу. Министрство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/about/collegium/na_kollegii_minekonomrazvitiya_podveli_itogi_raboty_za_2024_god_i_oboznachili_zadachi_na_perspektivu.html

³³ Новые особые экономические зоны создадут в Новосибирской, Вологодской и Московской областях. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/novye_osoby_economicheskie_zony_sozdadut_v_novosibirskoy_vologodskoy_i_moskovskoy_oblastyah.html

²⁷ Потенциальная рабочая сила в возрасте 15 лет и старше за 2017–2023 гг. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force#

²⁸ Иностранные компании в России. ИП TADVISER URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>

²⁹ В России в 2024 году в 2,5 раза выросло число компаний с китайским капиталом. Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7734702>

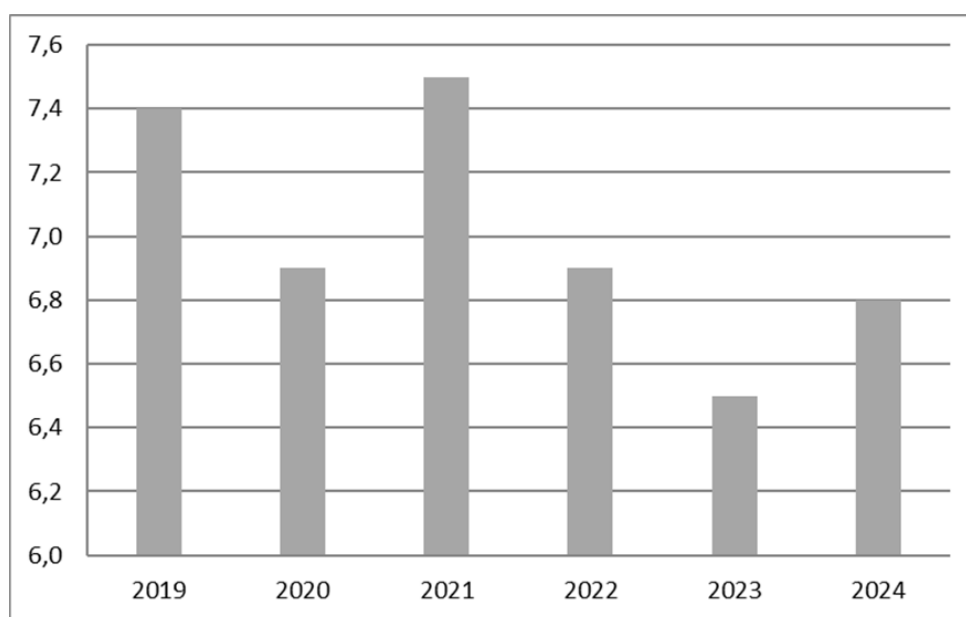

Рис. 1 / Fig. 1. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по форме собственности «совместная российская и иностранная собственность» (в фактически действовавших ценах, млрд руб.) / Investments in fixed capital in the Russian Federation by the form of ownership «joint Russian and foreign ownership» (in actual prices, billion rubles)

Источник / Source: построено автором по данным Росстата / compiled by the author based on Rosstat data URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

Таблица / Table

Численность занятых в организациях, находящихся в иностранной и совместной формах собственности, по федеральным округам РФ (тыс.чел.) / Number of people employed in organizations under foreign and joint ownership, by federal districts of the Russian Federation (thousand people)

Федеральный округ	2010	2020	2022	2023
Центральный	1001,9	1166,1	1045,1	887,2
Северо-Западный	373,6	386,1	329,3	249,8
Южный	134,9	172,4	123,1	95,6
Северо-Кавказский	20,9	22,2	18,5	14,8
Приволжский	510,5	457,7	339,7	276,9
Уральский	268,3	243,5	190,4	161,8
Сибирский	257,1	232,7	218,7	199,5
Дальневосточный	86,3	127,6	108,1	89,6

Источник / Source: построено автором по данным Росстата²⁹ / compiled by the author based on Rosstat data²⁹

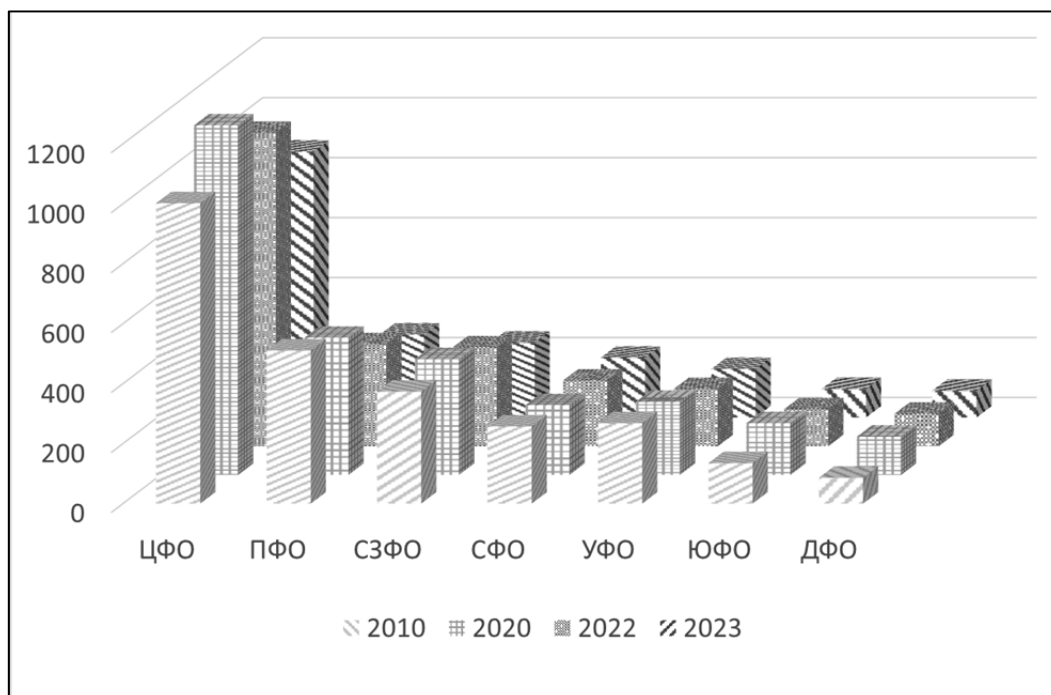

Рис. 2 / Fig. 2. Численность занятых в организациях, находящихся в иностранной и совместной формах собственности, по федеральным округам РФ (тыс. чел.) / Number of people employed in organizations under foreign and joint ownership, by federal districts of the Russian Federation (thousand people)

Источник / Source: построено автором по данным Росстата / compiled by the author based on Rosstat data URL: https://www.economy.gov.ru/material/about/collegium/na_kollegii_minekonomrazvitiya_podveli_itogi_raboty_za_2024_god_i_oboznachili_zadachi_na_perspektivu.html³⁰

отраслях, как металло- и деревообработка. На базе промышленно-производственной ОЭЗ «Новосибирск» предполагается создание пяти предприятий с привлечением более 700 человек. Расширение уже действующей ОЭЗ «Оренбуржье» позволит трудоустроить дополнительно свыше 160 человек. Новая, шестая по счету ОЭЗ создается в Московской области в черте наукограда Серпухов, где в кластере медицины и инноваций будет создано 896 рабочих мест на современных производствах. Как отмечается на сайте Минэкономразвития России, «всего в стране созданы 53 такие территории, благодаря их работе в 44 регионах реализуется свыше 1,3 тыс. уникальных проектов с портфелем инвестиций более 6,3 трлн руб., планами по созданию не менее 150 тыс. рабочих мест и ежегодным вкладом в ВВП на уровне 1,2 трлн руб., который каждый год увеличивается более чем на треть по сравнению с предыдущими периодами»³⁴. В целом в рамках проек-

тов ОЭЗ создано около 86 тыс. новых рабочих мест, немалая доля которых приходится на СП.

В рамках программы импортозамещения в ИТ-отрасли ИТ-холдинг Т1 планирует в течение 2025 г. создать совместные предприятия, ориентированные на производство ИТ-оборудования. По словам гендиректора Т1, речь идет о серверном оборудовании для критической информационной инфраструктуры. Объем инвестиций в создание и развитие этих СП, как и мощность планируемых производственных площадок компания пока не раскрывает. Директор департамента стратегии холдинга Т1 уточнил, что ИТ-оборудование собственного производства «компания планирует использовать при выпуске специальных программно-аппаратных комплексов для АСУ ТП промышленных предприятий, разработанных в рамках работы центра компетенций «Промышленной автоматизации». При этом он подчеркнул,

ство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/novye_osobye_ekonomicheskie_zony_sozdadut_v_novosibirskoy_vologodskoy_i_moskovskoy_oblastyah.html

³⁴ Новые особые экономические зоны создадут в Новосибирской, Вологодской и Московской областях. Министе-

что направление АСУ ТП компания считает очень перспективным. Так, по его словам, рынок АСУ ТП в России вырастет к 2027 году до 218 млрд рублей с 83 млрд рублей (среднегодовой темп роста ожидается на уровне 27%)»³⁵.

Вместе с тем исследователи отмечают в 2024 г. «нарастающие проблемы доступности рабочей силы» в экономике России, что не может не отразиться как на общем уровне занятости, так и на СП. Дефицит кадров был назван «главной проблемой, мешающей развитию экономической деятельности» 67% опрошенных участников национального проекта «Производительность труда», относящихся к несырьевому сектору экономики³⁶. По мнению исследователей ИМЭМО РАН, недостаток рабочей силы, с одной стороны, обусловлен ростом спроса на кадры в национальной экономике, но, с другой стороны, «имеет как минимум два дополнительных источника: во-первых, переток рабочей силы в сектор обороны и безопасности; во-вторых, спрос на нее со стороны новых сервисных секторов, связанных со сборкой, упаковкой и доставкой заказов населения и бизнеса».

³⁵ Т1 создаст совместные предприятия в области производства IT-оборудования. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2025/03/25/1100150-t1-sozdast>

³⁶ Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Москва: ИМЭМО РАН; 2024. 213 с.

ВЫВОДЫ

СП как форма международного сотрудничества позволяет компаниям не только разрабатывать инновационные продукты и услуги за счет объединения финансовых и интеллектуальных ресурсов и производственных мощностей, но и создавать новые рабочие места, содействуя росту занятости в регионах сотрудничающих стран.

В современных условиях Россия заинтересована в создании таких предприятий с дружественными странами. Приоритетными направлениями такого сотрудничества с Республикой Беларусь являются машиностроение, энергетика, сельскохозяйственное производство, легкая и пищевая промышленность. КНР выступает сегодня одним из крупнейших стратегических партнеров России в азиатском регионе. Поэтому создание СП с китайскими партнерами актуально во всех сферах экономики, в особенности в высокотехнологичных отраслях.

Особое значение приобретает создание новых рабочих мест в приграничных регионах России, где формат СП выступает наиболее привлекательной формой интеграционного взаимодействия.

Расширяя доступ к новым рынкам, совершенствуя инновации, снижая затраты и риски, повышая занятость населения, СП способствуют росту конкурентоспособности товаров и услуг и экономики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кастуев Д. Э. Совместные предприятия и особенности их функционирования. *Современные достижения научно-технического прогресса*. 2024;9(1):7–11. DOI: 10.18411/sdntp-01-2024-02
Kastuev D.E. Joint ventures and features of their functioning. *Sovremennye dostizheniya nauchno-tekhnicheskogo progressa = Modern Achievements of Scientific and Technological Progress* 2024;9(1):7–11. (In Russ.). DOI:10.18411/sdntp-01-2024-02
2. Nippa M., Reuer J.J. On the future of international joint venture research. *Journal of International Business Studies*. 2019;50:555–597. DOI: 10.1057/s41267-019-00212-0
3. Pothukuchi V., Damanpour F., Choi J., Chen C., Park S. National and organizational culture differences and international joint venture performance. *Journal of International Business Studies*. 2019;33:243–265. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8491015
4. Крутяков В. С., Бич М. Г. Выбор форм интеграции финансовых институтов и технологических компаний: динамическая модель программирования и ее применение. *Экономическая безопасность*. 2024;7(5):1115–1136. DOI: 10.18334/ecsec.7.5.121002
Krutyakov V.S., Bich M.G. Selection of forms of integration of financial institutions and technology companies: dynamic programming model and its application. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*. 2024;7(5):1115–1136. (In Russ.). DOI: 10.18334/ecsec.7.5.121002
5. Спиридонов Д. В. Трансформация участия зарубежных компаний в сфере российского недропользования. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023;103(13):92–100. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.092-100

- Spiridonov D.V. Transformation of participation of foreign companies in the sphere of Russian subsoil use. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;103(3):92–100. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311–5998.2023.103.3.092–100
6. Зыкова Ю. С. Реализация совместных проектов в рамках стратегического партнерства для обеспечения устойчивого развития российского бизнеса. *Научные исследования и разработки. Российский журнал управления проектами*. 2024;2:23–31. DOI: 10.12737/2587–6279–2024–13–2–23–31
Zykova Yu. S. Implementation of joint projects within the framework of strategic partnership to ensure sustainable development of Russian business. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Rossijskij zhurnal upravleniya proektami = Scientific Research and Development. Russian Journal of Project Management*. 2024;2:23–31. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587–6279–2024–13–2–23–31
 7. Белова А. В., Усенко А. А., Федина-Журбина И. В., Белов Н. С. Трансграничное сотрудничество Калининградской области в условиях геополитической трансформации. *Сервис в России и за рубежом*. 2024; 113 (4):36–43. DOI: 10.5281/zenodo.14511111
Belova A. V., Usenko A. A., Fedina-Zhurbina I. V., Belov N. S. Cross-border cooperation of the Kaliningrad region in the context of geopolitical transformation. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and Abroad*. 2024;113(4):36–43. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.14511111
 8. Оглоблина Е. В. Роль промышленно-технологической кооперации в развитии экономики России в условиях санкций. *Мировая экономика и мировые финансы*. 2024;3(5):21–26. DOI: 10.24412/2949–6454–2024–0390
Ogloblina E. V. The role of industrial and technological cooperation in the development of the Russian economy under sanctions. *World Economy and World Finance*. 2024;3(5):21–26. (In Russ.). DOI: 10.24412/2949–6454–2024–0390
 9. Мисько О. Н., Чжан Х. Перспективы трансграничного сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной республикой. *Вестник евразийской науки*. 2024;16(2). URL: <https://esj.today/PDF/81ECVN 224.pdf>
Misko O. N., Zhang H. Prospects for cross-border cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2024;16(2). URL: <https://esj.today/PDF/81ECVN 224.pdf> (In Russ.).
 10. Чжаоцзюнь Ю., Юаньюань Ф. Исследование политической среды и инновационной эффективности совместных инвестиций в российско-китайских совместных предприятиях. *Экономические науки*. 2024;231:334–342. DOI: 10.14451/1.231.334
Zhaoqun Yu., Yuanyuan F. Research of political environment and innovation efficiency of joint investments in Russian-Chinese joint ventures. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2024;231:334–342. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.231.334

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Сергеева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Natalia V. Sergeeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of World Economy and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<http://orcid.org/0000-0003-4625-8659>
nvsergeeva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.06.2025; принята к публикации 27.08.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 09.06.2025; accepted for publication 27.08.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90
УДК: 332.36:504(045)
JEL R19, R58

Рейтинг умных территорий: методологические основы и ключевые показатели

К.В. Харченко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования состоит в том, что с учетом реализуемой в настоящее время масштабной, всеобъемлющей и необратимой цифровизации различных сфер жизнедеятельности, включая муниципальное хозяйство, требуется расширение концептуальных рамок умного города, поскольку дальнейшее акцентирование данного понятия способно обострить и без того существенные диспропорции между мегаполисами и крупными городами, с одной стороны, и иными населенными пунктами, с другой. **Предмет** — факторы, влияющие на качество жизни населения периферии, учет которых и практическая реализация соответствующих мер позволят говорить о развитии умных территорий. **Цель** работы состоит в том, чтобы на основе концептуализации феномена умных территорий и высвечивания их специфики по сравнению с умными городами проанализировать подходы к конструированию соответствующего рейтинга, обосновать принципы его организации и предложить систему учитываемых показателей. Автором показана роль и значение рейтинга умных территорий как действенного инструмента косвенного управления, способного быть драйвером глубоких преобразований, а также обозначены и классифицированы следующие возможные виды умной территории: городские агломерации, умные регионы либо пространства, находящиеся в непосредственной близости от регионального центра либо иного крупного города. Отмечено, что на первом этапе в качестве потенциальных умных территорий могут рассматриваться, в первую очередь, «титульные» муниципальные районы и округа. В основу рейтинга умных территорий положены технократический, человекоцентричный, системный, стратегический и другие традиционные подходы к интерпретации и рейтингованию умных городов. Анализ зарубежных и российских рейтингов умных городов позволил выявить сопоставимые параметры. По **результатам** исследования были сформулированы принципы формирования рейтинга умных территорий — как общие по сравнению с умными городами, так и специфические, а также вспомогательные. Для построения варианта рейтинга был подобран 41 показатель, относящийся к восьми группам, отражающим базовые условия, развитость смарт-элементов и систем в отдельных сферах формирования умных территорий в целях обеспечения национальной безопасности, повышения их экономического и демографического потенциала.

Ключевые слова: умный город; умная территория; рейтинг; смарт-объекты; национальная безопасность; демографический потенциал

Для цитирования: Харченко К.В. Рейтинг умных территорий: методологические основы и ключевые показатели. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):79-90. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90

Smart Territories Rating: Methodological Foundations and Key Indicators

K.V. Kharchenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of the study lies in the fact that, taking into account the currently large-scale, comprehensive and irreversible digitalization of various spheres of life, including municipal economy, it is necessary to expand the conceptual framework of a smart city, since further emphasis on this concept can exacerbate the already significant imbalances between megacities and large cities, on the one hand, and other settlements, on the other hand. **The subject** is factors affecting the quality of life of the population of the periphery, taking into account which and the practical implementation of appropriate measures will allow us to talk about the development of smart territories. **The purpose** of the work is to analyze approaches to the design of the corresponding rating, substantiate the principles of its

© Харченко К.В., 2025

organization, and propose a system of indicators based on the conceptualization of the phenomenon of smart territories and highlighting their specifics in comparison with smart cities. The author shows the role and importance of the smart territory rating as an effective indirect management tool that can be a driver of profound transformations, and also identifies and classifies the following possible types of smart territories: urban agglomerations, smart regions, or spaces located in close proximity to a regional center or other large city. It is noted that at the first stage, "titular" municipal districts and districts can be considered as potential smart territories, first of all. The rating of smart territories is based on technocratic, human-centered, systemic, strategic and other traditional approaches to the interpretation and rating of smart cities. The analysis of foreign and Russian ratings of smart cities revealed comparable parameters. Based on the **results** of the study, the principles of forming a rating of smart territories were formulated – both general in comparison with smart cities, as well as specific, as well as auxiliary ones. In order to build a variant of the rating, 41 indicators were selected, belonging to eight groups, reflecting the basic conditions, the development of smart elements and systems in certain areas of the formation of smart territories in order to ensure national security, increase their economic and demographic potential.

Keywords: smart city; smart territory; rating; smart facilities; national security; demographic potential

For citation: Kharchenko K.V. Smart Territories rating: Methodological foundations and key indicators. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):79-90. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня по причине масштабной, всеобъемлющей и необратимой цифровизации практически всех сфер жизнедеятельности и экстерриториального принципа работы многих цифровых платформ концептуальные рамки умного города становятся довольно узкими, чтобы в полной мере отвечать стратегической задаче дальнейшего повышения качества жизни населения. Об этом говорит и тот факт, что ведомственный проект Минстроя России «Умный город», реализация которого завершилась в конце 2024 г., не был продлен как единое целое, а дальнейшее развитие получили отдельные его составляющие, не привязанные, собственно, к городу. В частности, речь идет в национальных проектах «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и «Инфраструктура для жизни».

Представляется, что в ближайшей перспективе важно уже не столько углубленное цифровое развитие крупных городов по точечному принципу, сколько распространение технологий на иные населенные пункты и транзитные пространства, в связи с чем актуальным представляется развитие концепции умных территорий.

Феномену собственно умного города посвящено множество научных работ, в которых реализован целый ряд оригинальных подходов к его осмыслению. Примечательно, что многие авторы противопоставляют умный город как некоторый идеальный тип обычным городам, которые, «занимая менее 2% поверхности Земли, ... потребляют более 75% энергии, образуя более 80% вредных выбросов» [1]. Между тем мировые практики создания умных городов в строгом смысле этого понятия, т.е. помимо всего прочего энер-

гетически самодостаточных, единичны и неоднозначно оцениваемы в части их успешности. Отсюда более продуктивным представляется не столько дальнейшее совершенствование механизмов функционирования города, сколько обращение к парадигме «умный город — умная территория».

Интерес исследователей к умным территориям еще только начинает проявляться. В этом плане заслуживает внимания работа О.С. Сухарева, содержащая, среди прочего, сравнительную характеристику данных сущностей по таким критериям, как цель развития, область приложения, издержки, временной фактор. Авторский подход состоит в том, чтобы способствовать преодолению структурного разрыва между умным городом и умной территорией посредством своевременного обнаружения и элиминирования дисфункций [2]. Исследование К.А. Семячкова посвящено публичному управлению урбанизированной территорией в рамках концепции умного города, однако в ней между городами и территориями фактически ставится знак равенства [3].

Перенос акцентов с умного города на умные территории требует формирования новых принципов и методов оценки эффективности систем управления их функционирования и, соответственно, новых критериев и показателей, которые легли бы в основу рейтингования более широких локаций, чем собственно город. По данному направлению наблюдается дефицит исследований. Так, статья Р.В. Шхагошева и А.А. Бахунова озаглавлена «Индикаторы оценки "умного" развития территории», однако в ней приведены лишь результаты анализа различных международных и российских рейтингов умных городов [4].

Цель же нашей работы — на основе концептуализации феномена умных территорий и высвечивания

их специфики по сравнению с умными городами проанализировать подходы к конструированию соответствующего рейтинга, обосновать принципы его организации и предложить систему учитываемых показателей.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые обосновывается конструкция рейтинга умных территорий, основанная на расчете интегрального показателя, учитывающего базовые условия, уровень цифрового развития среды жизнедеятельности и муниципального хозяйства, а также социальный эффект в виде повышения рождаемости и роста численности населения территории.

НАЗНАЧЕНИЕ РЕЙТИНГА УМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Построение рейтинга умных территорий должно начинаться с целеполагания, поскольку от осознанности и адекватности цели зависит как общая логика измерений, так и подбор подходящих показателей.

Прежде всего, следует исключить политическую подоплеку конструируемого рейтинга, поскольку реализация узких интересов оттесняет на второй план получение социального эффекта как смысла оценки эффективности управления. Политические цели, очевидно, состоят либо в том, чтобы заинтересованные управленцы получили статус лидеров через посредничество известных рейтинговых агентств, либо в том, чтобы, напротив, агентства укрепили свои позиции через высвечивание и без того авторитетных лидеров.

Обратим внимание, что за внешним фасадом рейтингов, имеющим политический окрас, может стоять и их глубинный, организационно-управленческий смысл. В этом плане рейтингование является мощным инструментом косвенного управления: достаточно задать определенные параметры и усилить конкуренцию за ресурсы, чтобы нижестоящие управленцы начали действовать желательным для вышестоящего субъекта образом даже без прямого на то указания. К сожалению, такое управление иногда осуществляется с деструктивным посылом — например, если кто-то заинтересован в ослаблении государства. В этом случае высокие баллы в рейтингах начисляются за реализацию либо бесполезных целей, в то же время поглощающих ресурсы, либо явно разрушительных начинаний, подаваемых в красивой упаковке.

Вместе с тем, широкие возможности косвенного управления посредством рейтингов следует использовать в конструктивном ключе. В этом плане через репрезентацию показателей локальных умных

территорий ценно, в частности, обратить внимание федеральных и региональных властей на необходимость политики сглаживания диспропорций между крупными городами и иными населенными пунктами. Что же касается уровня местного самоуправления, рейтингование умных территорий должно активизировать межмуниципальное сотрудничество и проявление гражданских инициатив по разработке и/или инициированию внедрения современных технологий и систем, направленных на повышение удобства среды жизнедеятельности. Также предполагается, что стремление субъектов управления улучшить свои позиции в рейтинге умных территорий позволит повысить интерес к заимствованию лучших управленческих практик, реализованных в ограниченных локациях, и тем самым будет способствовать повсеместному распространению инновационных технологий, например, в сфере общественного транспорта — автоматизированного контроля оплаты проезда, единой системы оплаты проезда на городских и межмуниципальных маршрутах и др.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА УМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ЦЕЛЯХ ИХ РЕЙТИНГОВАНИЯ

Полагаем, что концептуализация умных территорий (и их учет как целостностей в ходе рейтингования) в принципе применима для локаций трех типов. Во-первых, в качестве умных территорий могут выступать городские агломерации. Оперирование агломерациями сложнее в административном плане, поскольку их границы не совпадают с границами муниципальных образований, но больше соответствует потребностям населения, которое воспринимает и потребляет территорию агломераций как единое целое. Формирование рейтингов умных агломераций позволило бы сгладить диспропорции между городом-ядром и периферийными территориями; в такой рейтинг можно было бы заложить параметры, способствующие развитию полицентричных агломераций. Данная модель позволила бы сбалансировать не только транспортные потоки, но и маятниковую миграцию населения. Вместе с тем такой подход имеет и минусы: агломерации не представлены в российском правовом поле и по ним затруднен сбор статистических данных.

Во-вторых, объектом рейтингования гипотетически можно сделать умные территории на всем пространстве региона в границах входящих в него муниципальных районов и городских округов, сопо-

ставляя районы и округа в пределах одного субъекта РФ или регионы между собой. Такой подход, хотя и имеет преимущество в виде исключения субъективизма при выборе территорий для наблюдения, на данный момент представляется утопичным: очень многие районы и муниципальные округа пока еще не имеют даже базовых атрибутов цифровизации и, соответственно, именовать их умными территориями преждевременно.

В-третьих, к умным территориям как объектам рейтингования могут быть отнесены муниципальные образования, расположенные вблизи крупных городов. Это могут быть несколько сопредельных районов / округов, находящихся примерно в часовой удаленности от крупного города, либо один ближайший «титульный» — район (например, Белгородский район, Новосибирский район). В регионах, где действует одноруровневая модель местного самоуправления, кстати, закрепленная в качестве приоритетной в новом Федеральном законе о местном самоуправлении¹, это может быть «большой» городской / муниципальный округ².

Преимущества третьего подхода по формальной части состоят в четкости административных границ и доступности статистических данных, а по содержанию — в возможности реализации концептуального положения о трансфере цифровых технологий, реализованных в крупных городах, на сопредельные пространства в силу их территориальной близости. Такой трансфер технологий также должен быть измеряемым параметром в проектируемом рейтинге, поскольку ожидается, что его результатом станет повышение привлекательности жизни населения на периферии. Это, в свою очередь, может немного затормозить процесс концентрации населения в крупных городах и даже частично обеспечить обратный отток желающих жить в сельской местности по городским стандартам.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ.

² С учетом принятой и в прежнем, и в действующем законодательстве номенклатуры муниципальных образований здесь, к сожалению, сложно избежать двусмысленности. Так, Старооскольский городской округ Белгородской области является единым муниципальным образованием, включающим город Старый Оскол и окрестные сельские территории. Напротив, городской округ Нижневартовск (ХМАО-Югра) представляет собой город в традиционном его понимании, равно как и еще четыре городских округа, и все они окружены Нижневартовским районом — отдельным муниципальным образованием.

Итак, рейтинг умных территорий видится нам, в первую очередь, как рейтинг «титульных» муниципальных образований, примыкающих к крупным городам и имеющих с ними тесные агломерационные связи. В перспективе методология данного рейтинга может быть подстроена и под иные сопредельные муниципальные округа и районы.

ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕЙТИНГОВАНИЮ УМНЫХ ГОРОДОВ КАК ОСНОВА РЕЙТИНГА УМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Чтобы сформировать оптимальный набор показателей рейтинга умных территорий, обратимся, прежде всего, к принятым в научной литературе интерпретациям умного города.

В рамках исходной технократической трактовки умный город представал как вместилище современных технологий, а сторонами, заинтересованными в его развитии, выступали крупные ИТ-компании [5]. Приоритетность информационных технологий и устройств интернета вещей находила отражение и в первоначальных рейтингах умных городов. Позднее в модель умного города был добавлен человек как целевой ориентир и базовый ресурс преобразований городской среды. Также стало учитываться межсекторное взаимодействие власти, бизнеса и науки (университеты). Соответствующая конструкция получила название модели тройной спирали [6]. В ходе дальнейшего развития трактовок умного города было обращено внимание на такое упущение, как недооценка роли активного горожанина, человека-творца. Данный момент был учтен в модели четверной спирали [6].

Краткий обзор основных трактовок умного города в увязке с возможностями их адаптации к методологии рейтингования умных территорий представлен в *табл. 1*.

Итак, анализ подходов к трактовке умного города дает понимание того, какими должны быть отдельные необходимые элементы рейтинга умных территорий.

Проектируя новый рейтинг, следует опираться не только на теоретические подходы к описанию исследуемого явления, но и на практику разработки и использования аналогичных известных зарубежных рейтингов умного города: EasyPark Smart Cities Index, IESE Cities in Motion Index, Global Smart City Performance Index, Top 50 Smart City Governments (*табл. 2*).

В настоящей работе мы не ставим цель детально проанализировать зарубежные рейтинги, поскольку их обобщение уже стало предметом научного анализа

Таблица 1 / Table 1

Трактовки умного города и возможности их адаптации к методологии рейтингования умных территорий / Interpretations of a smart city and their adaptation to the methodology of rating smart territories

№	Подход к трактовке умного города / Approach to the interpretation of a smart city	Краткое содержание подхода / Summary of the approach	Возможность адаптации подхода при формировании рейтинга умных территорий / The possibility of adapting the approach when creating a rating of smart territories
1.	Технократический [7]	Акцент на использовании информационных (и с недавних пор цифровых) технологий	Доступность на периферийных территориях базового набора сервисов, которые в мегаполисах уже широко вошли в практику
2.	Датацентричный	Подчеркивается важность управления данными	Обеспечение единого пространства данных, в том числе за счет сопряжения информационных систем, их интеграции в виде цифровых двойников
3.	Экоориентированный	Важный признак умного города – современные экотехнологии, подразумевающие использование экологически чистых конструктивных материалов, возобновляемой энергии, рециклинга отходов	Расширение возможностей использования зеленых технологий за счет пространственного ресурса территорий за пределами крупных городов
4.	Человекоцентричный подход [8]	Подчеркивание важности гражданского участия в созидании умного города	Показатели использования современных партисипативных технологий в отдельных населенных пунктах и в целом по локации. В перспективе – экономия времени в результате повышения мобильности и производительности труда. Обратим внимание на то, что фактор экономии времени учитывается, например, в рамках Глобального индекса эффективности умных городов, рассчитываемого компанией Juniper Research при поддержке Intel.
5.	Системный и экосистемный [9]	Акцентирование взаимодействия между элементами, их взаимодополняемости	Показатели сопряженности систем и их отдельных элементов
6.	Стратегический [6]	Отражение развития умного города в муниципальных стратегиях	Отражение курса на формирование умных территорий в документах стратегического планирования

Источник/source: составлено автором / composed by the author.

[10], однако даже беглый взгляд на них позволяет заключить, что они заточены, прежде всего, лишь на крупные города.

Наиболее популярный российский рейтинг — IQ городов — включает 47 параметров, сгруппированных по 10 субиндексам³. Субиндексы выделены в соответ-

ствии со сферами жизнедеятельности, такими как управление, ЖКХ, транспорт, экология. Большинство показателей представляются убедительными в плане их способности измерять наблюдаемые явления. В частности, интеллектуальность городского управления справедливо определяется наличием плат-

³ Методика оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации

(IQ городов): Утверждена приказом Министра России от 31.12.2019 № 924/пр.

Таблица 2 / Table 2

Обзор компонентов известных зарубежных рейтингов умного города и оценка возможности их адаптации к рейтингованию умных территорий / Overview of the components of well-known foreign smart city ratings and assessment of their adaptability to smart territory ratings

№	Наименование рейтинга / Rating name	Компоненты / Components	Вывод в отношении рейтинга умных территорий / Conclusion regarding the Smart Territories rating
1.	EasyPark Smart Cities Index	Умная парковка, умная мобильность, зеленая энергетика, умное строительство, гражданское участие, цифровизация управления, распространенность и скорость интернета, экосистемы бизнеса, территориальное планирование	Группы показателей не упорядочены между собой
2.	IESE Cities in Motion Index	Человеческий капитал, социальная сплоченность (которая включает в себя занятость, положение женщин на рынке труда и т.д.), управление, устойчивое развитие, мобильность и транспорт, городское планирование, международное сотрудничество и технологии	Человеческий капитал в российских условиях трудноизмерим. Ценность представляет учет фактора территориального планирования
3.	Global Smart City Performance Index	Человеческий капитал. Социальная сплоченность. Экономика. Государственное управление. Окружающая среда. Мобильность и транспорт. Городское планирование. Международный охват. Технологии.	Человеческий капитал в российских условиях трудноизмерим. Технологии не самодостаточны, а относятся к конкретным сферам жизнедеятельности
4.	Top 50 Smart City Governments	10 критериев оценки эффективности работы властей в создании и управлении умным городом: видение, лидерство, бюджет, финансовые стимулы, программы поддержки, политика, готовность к талантам, ориентированность на людей, инновационные экосистемы, умная политика и послужной список	Более выражено оценивается роль субъекта управления

Источник/source: составлено автором на основе статьи [10] / composed by the author on the base of paper [10].

форм обратной связи, цифрового двойника города и интеллектуального центра городского управления. В отношении обозначенных платформ также учитывается их востребованность населением, а центра управления — доступность для городских служб. При этом не хватает показателя, который бы характеризовал промежуточный уровень цифровизации муниципального управления, т.е. степень приближения к цифровому двойнику как целевому ориентиру развития умного города.

Попытка измерять степень приближения населенного пункта к идеалу умного города, безусловно, имеет большое значение — как методологическое, делая измеримыми факты и тренды нашей повседневной

жизни, так и практическое, стимулируя субъектов управления к преобразованиям городской среды. В то же время отдельные позиции рейтинга «IQ городов» нуждаются в совершенствовании. Так, показатель № 38 «Наличие электронных карт жителя города и гостя города» не соответствует современным реалиям, когда население получает услуги через портал Госуслуг на принципах экстерриториальности, т.е. безотносительно того, житель ты или гость. К тому же, оплата проезда в общественном транспорте с помощью специальной карты, возможно, имеет преимущества для транспортных организаций (оплата поступает раньше факта оказания услуг), но для граждан создает, скорее, неудобства — тем более что современные технологии

позволяют записывать льготные проездные документы непосредственно на банковскую карту.

В рейтинге «IQ городов» человек фигурирует максимум как активный пользователь отдельных систем, но не как носитель интеллектуального потенциала и со-творец умного города, что позволяет говорить о невнимании к теоретической модели четверной спирали.

Итак, критический анализ зарубежных и российских подходов к формированию рейтингов умных городов позволяет создать основу для построения рейтинга умных территорий.

ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЙТИНГА УМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Обозначим принципы, следование которым позволит сформировать рейтинг, адекватный заданной проблематике и мотивирующий к опережающему развитию периферийных территорий.

Первая группа принципов относится к рейтингам как умных городов, так и умных территорий, поскольку, безусловно, в подходах к их оцениванию есть много общего.

1. Принцип учета базовых условий, необходимых для формирования смарт-среды. Территория не может считаться «умной» даже при относительно высоком уровне развития цифровых сервисов, если она не соответствует принятым представлениям о комфортном проживании, в основе которого лежат благоустройство общественных и дворовых территорий и доступность высокоскоростного Интернета, что, полагая, должно учитываться в структуре рейтинга.

2. Принцип динамизма (сбалансированности отражения структурных и динамических характеристик). Следует не только показать картину состояния умной территории в настоящем, но и предусмотреть возможность оценки наблюдаемых изменений, в основе которой могут лежать критерии скорости, полноты (глубины) реализации, распространенности на данный момент времени. Так, артефакты и информационные системы умного города/территории могут не просто присутствовать либо отсутствовать, но и быть реализованными в определенной степени.

3. Принцип соразмерности отражения текущей ситуации и потенциала развития объектов и явлений. Рейтинг должен обладать свойствами эвристичности и возможностями прогнозирования, учитывать ситуацию не только в настоящем, но и в ближайшем будущем, т.е. не столько то, что уже

имеется, но и то, что находится на стадии развития либо разработки.

4. Принцип необходимости учета пределов цифровой трансформации в отдельных сферах жизнедеятельности. Цифровую трансформацию далеко не всегда следует рассматривать как высшую на данный момент стадию развития общества. Отсюда в одних случаях оптимально достижение 100% (например, внедрение определенных систем и сервисов), в других подразумевается стремление к 100% (например, снижение преступности), в третьих, целесообразно допущение близкого к 100% «остатка» (например, тотальный охват отдельных категорий граждан госуслугами в электронном виде вряд ли имеет смысл, как и охват отдельных территорий высокоскоростным интернетом). В ряде же случаев цифровизация — это не бесспорное благо, а вынужденная замена «живого» социального взаимодействия, как, например, онлайн-технологии в образовании и медицине никогда не заменят личного контакта со специалистами.

5. Принцип направленности рейтинга не на эффективность и внешнюю эстетику смарт-объектов, а, в конечном счете, на повышение социальной эффективности: решение важнейших социально-экономических проблем (бедности, безработицы, преступности и прочих), в том числе за счет использования современных технологий.

Вторая группа принципов высвечивает специфику умных территорий по сравнению с умными городами.

1. Принцип ограниченного цифрового развития отдаленных территорий. Рейтинг умных территорий не может быть идентичен рейтингам цифровизации, хотя последняя, безусловно, является двигателем качественного преобразования городской, сельской и «транзитной» среды. Хотя и следует стремиться к сглаживанию диспропорций между развитием крупных городов и иных населенных пунктов, вряд ли целесообразно, например, полное покрытие территории муниципального округа либо района сетями 4 и 5G (даже не столько по причине экономической неэффективности такого решения, сколько потому, что люди могут сознательно выбирать жизнь на таких территориях, чтобы быть в гармонии с природой).

2. Принцип учета дополнительных возможностей периферийной территории района/округа по сравнению с городом. Если в концепциях умного города акцент делается преимущественно на обеспечении комфортности жизнедеятельности, то перенос фокуса внимания на развитие умных территорий позволяет, наряду с этим, учитывать степень реализации их

пространственного потенциала, который позволяет привлекать инвестиции в высокотехнологичные производства, а также строить мусороперерабатывающие заводы, обеспечивающие не только экономический, но и экологический эффект.

3. Принцип стремления к внутреннему балансу развития региона. Показатели в рамках индекса должны быть ориентированы на высвечивание соотношения уровня развития крупных городов и иных населенных пунктов в рамках одной локации, чтобы возможности первых автоматически не проецировались на всю территориальную единицу, а учитывались в соотношении с уровнем цифрового и иного развития периферийных территорий. Такой подход будет способствовать трансферу технологий между городами и окружающими их округами/районами.

Третья группа принципов имеет вспомогательный характер и относится не к содержанию показателей, а к способам их подбора и совершенствования.

1. Принцип соответствия между измеримостью и сензитивностью показателей. Как известно, одни данные более доступны, но при этом могут характеризовать измеряемые явления недостаточно точно; другие же, наоборот, трудно извлекать и/или рассчитывать, но они гораздо более полезны для достижения целей рейтингования. Отсюда целесообразно сначала идти по первому варианту, но не упускать из виду и второй, чтобы использование более адекватных измерителей было методологически обосновано и, возможно, вошло бы в практику после необходимых правовых, организационных и иных изменений.

2. Принцип динамизма содержательного наполнения рейтинга. Поскольку новые технологии — это понятие относительное во времени и их традиционализация является вполне естественным процессом, значимость факта их реализации на территориях постепенно убывает. Так, сегодня для рейтинга не актуальны показатели электрификации, наличия мобильных устройств у жителей. Отсюда вполне целесообразно периодически проводить экспертную оценку актуальности рейтинга, по результатам которой снижать весовые коэффициенты отдельных показателей, а то и вовсе их удалять и при необходимости добавлять новые.

Мы считаем, что рейтинг умных территорий должен:

1) строиться по аналогии с рейтингами умных городов с учетом необходимости совершенствования измерительных систем, отражающих отдельные направления: упрощения либо, напротив, дополнения отдельных параметров;

2) иметь направленность на обеспечение сбалансированного пространственного развития;

3) учитывать приоритетность социального эффекта по отношению к уровню цифровизации территорий и сфер жизнедеятельности.

ПОДБОР СОСТАВЛЯЮЩИХ РЕЙТИНГА УМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В рейтинге умных территорий предлагаем выделять восемь групп показателей.

Первая группа под названием «базовые условия» не относится к конкретной сфере, а призвана отражать общий контекст, в рамках которого реализуется задача развития умных территорий. Общий вес данной группы предлагаем считать равным 0,2 — это вдвое выше, чем совокупный вес, отражающий вклад в развитие умной территории отдельных сфер жизнедеятельности, поскольку без создания соответствующего фундамента внедрение интеллектуальных систем управления территорией будет фрагментарным и неустойчивым.

Базовые условия раскладываем по четырем координатам:

1) характеризующие уровень развития локальной экономики — с весом 0,1;

2) характеризующие комфортность среды жизнедеятельности — с весом 0,2;

3) характеризующие инновационную среду — с весом 0,3;

4) относящиеся к информатизации и цифровизации — с весом 0,4.

Уровень развития локальной экономики в нашем рейтинге характеризуется показателями объема инвестиций в основной капитал и доли успешно реализованных инвестиционных проектов. В самом деле, инвестиции можно рассматривать как пульс экономики, характеристику, скорее, ее будущего, чем сегодняшнего состояния.

В части комфортной среды были отобраны показатели реализации проектов в сфере благоустройства территории, качества уличного освещения и плотности маршрутной сети. В данном случае важен не факт наличия и распространенности умных устройств и систем, а именно база, без которой внедрять smart-объекты будет преждевременно. По замыслу, комфортная среда действует как эстетический фактор, стимулирующий население к использованию smart-объектов.

Инновационную среду [11] характеризуют, прежде всего, наличие на территории высокотехнологичных

производств, научной инфраструктуры, а также малых инновационных предприятий и ИТ-специалистов. Данный сегмент рейтинга отражает способность умной территории к самовоспроизводству инноваций как альтернативе потребительскому, пользовательскому подходу, ориентированному на закупку готовой продукции. Здесь предполагается активное участие местных жителей и бизнеса в разработке новых устройств и технологий.

Наконец, к условиям информатизации и цифровизации относятся активное использование гражданами интернета и его доступность в высокоскоростном мобильном режиме в небольших населенных пунктах с численностью населения от 100 человек. Последняя оговорка не случайна: в более мелких поселениях развитие беспроводных сетей может не соответствовать потребностям жителей, на что мы указывали, формулируя принципы построения рейтинга.

Вторая–седьмая группы показателей характеризуют умную территорию с позиции развитости смарт-элементов и систем в отдельных сферах жизнедеятельности.

Умную мобильность (вес — 0,1) отражают показатели возможности безналичной оплаты проезда в общественном транспорте, индикация движения маршрутных транспортных средств на онлайн карте; доступность прокатных средств индивидуальной мобильности на территории и качество инфраструктуры для них; доступность каршеринга; доля адаптивных светофоров и наличие действующей системы интеллектуального управления служебным транспортом. Подсистемы и функциональные элементы умного транспорта оказывают существенное влияние на устойчивое развитие городских агломераций [12].

Умное ЖКХ (вес — 0,1) характеризуется распространенностью умных приборов учета коммунальных ресурсов [13], внедрением единого платежного документа и реализацией модели цифрового управления в ресурсоснабжающих организациях. В рейтинге «IQ городов» имеется несколько показателей, относящихся к многоквартирным домам, однако мы не стали их включать в характеристику умных территорий, поскольку на периферии, как правило, преобладают индивидуальные дома.

Сфера общественной безопасности умных территорий (вес — 0,1) измеряется распространенностью камер видеонаблюдения (как показатель выполненных работ), раскрываемостью преступлений с их помощью (как показатель результативности), а также степенью внедрения АПК «Безопасный город» [14].

Умная окружающая среда (вес — 0,1) в предлагаемом рейтинге характеризуется степенью внедрения экомониторинга (в отличие от рейтинга «IQ городов» — без детализации по средам, в которых могут устанавливаться датчики), а также уровнем цифровизации процессов в сфере обращения с ТКО. Помимо этого, в данный сегмент рейтинга включен показатель наличия мусороперерабатывающего завода, в том числе в смежных районах, поскольку внедрение систем переработки и вторичного использования ТКО критически важно с учетом динамики накопления отходов (объем которых с 2003 по 2023 гг. увеличился более чем в 3,5 раза), и без них территория вряд ли может считаться умной.

Индикаторами умной территории с позиции гражданского участия (вес — 0,15) выступают активность поисковых запросов по тематике смарт-систем, доступность и востребованность платформ обратной связи, предложение гражданами и их объединениями инициативных проектов, а также инициативы либо проекты по развитию артефактов и систем умных территорий.

В качестве характеристик умного управления (вес — 0,1) предложены уровень кибербезопасности, правовая регламентация агломерационных отношений, представленность проблематики умного города и умной территории в стратегиях, наличие цифрового двойника, а также, как результат смарт-развития — наличие поселений, обладающих отдельными признаками экополиса.

Наконец, восьмая группа показателей подытоживает социальный эффект (вес — 0,15) от развития умных территорий и выражается показателями динамики численности населения и рождаемости. В нее же включен показатель динамики численности удаленных работников, поскольку считаем (и не без оснований), что данный целевой контингент станет значимой частью потребителей цифровых благ умных территорий и ресурсом их динамичного развития.

Итак, всего в формируемый рейтинг умных территорий включен 41 показатель. В рейтинге «IQ городов» показателей не намного больше — 47, однако наша позиция состояла не в копировании данного подхода, а в том, чтобы, перенимая ту или иную характеристику, примерять ее именно к периферийной территории, чтобы работа субъектов управления по обеспечению положительной динамики индикаторов означала повышение комфортности и качества жизни населения небольших городов и сел.

Принципиальное же отличие предложенного рейтинга от известных аналогов состоит в том, что в нем показатели представлены в двух ракурсах: абсолютном — распространенность факта/явления вообще и относительном — его распространенность на периферийной территории. Соответственно, рейтинг умных территорий будет характеризовать уровень их развития, с одной стороны, по отношению друг к другу, а с другой, — по отношению к городу-ядру. Предполагается, что именно такой подход будет способствовать преодолению пространственных диспропорций, учитывая важную роль рейтингов в обеспечении косвенного управления социально-экономическим развитием территорий.

ВЫВОДЫ

Сегодня мы являемся свидетелями всеобъемлющей, быстрой и необратимой цифровизации самых различных сфер жизнедеятельности, включая городскую среду (видимая часть айсберга, представленная смарт-объектами) и городское хозяйство (незамеченные для обывателя датчики состояния коммунальных сетей, «цифровой водоканал», системы диспетчеризации служебного транспорта). Между тем масштабы цифровизации и экстерриториальный характер современных информационных систем делают дальнейшее развитие концепта «умный город» недостаточно продуктивным. Более того, дальнейшая концентрация ресурсов в крупных городах чревата обострением социальных проблем. Отсюда задача сегодняшнего дня состоит не столько в дальнейшем совершенствовании устройства отдельных мегаполисов в рамках флагманских проектов умного города (например, в части повышения их экологичности), сколько в создании условий для децентрации населения — его рассредоточения, в том числе с учетом потенциала малых городов и сельских территорий. Этому и должны способствовать современные цифровые (блокчейн, интернет вещей и др.) и организационные (доставка, реципрокальный обмен) технологии. С учетом обозначенных факторов сегодня целесообразно переносить акцент с умного города на умные территории, что и было обосновано в настоящей работе.

Под умными территориями понимаем населенные пункты — малые города, поселки и села, находящиеся в непосредственной близости от крупных городов, а также транзитную зону, в которых смарт-объекты и информационные системы обеспечивают бесшовное, экстерриториальное удовлетворение широкого

круга потребностей человека — от материального обеспечения и безопасности до самореализации и самоактуализации. В прикладном значении, удобном для оценивания и управленческого воздействия, мы понимаем под потенциальными умными территориями муниципальные районы либо округа, находящиеся вблизи города-ядра. Как минимум, это «титульный» район, но в перспективе в это число можно включить и иные сопредельные районы, поэтапно расширяя фокус до всех муниципальных образований региона.

В качестве практико-ориентированного инструмента повышения скорости и эффективности внедрения смарт-объектов и систем в титульных и иных районах и округах рассматривается специальный рейтинг умных территорий, который учитывает эволюцию подходов к интерпретации умного города: от технократического и датацентричного — к экоориентированному, человекоцентричному и стратегическому.

Предполагается, что рейтинг умных территорий будет строиться, в первую очередь, на принципах, подходящих и для умного города, таких как внимание к базовым условиям, динамизм, видение потенциала развития объектов и систем, учет пределов цифровой трансформации, приоритетность социального эффекта. В качестве специфических для периферии выделены принципы ограниченного цифрового развития данных территорий, учета их дополнительных возможностей, стремления к внутреннему балансу пространственного развития региона. Наконец, к разряду вспомогательных отнесены принципы соответствия между измеримостью и сензитивностью показателей и динамизма содержательного наполнения рейтинга.

Собственно рейтинговый инструментарий представлен 41 показателем, относящимся к восьми группам: базовые условия (характеризующие уровень развития локальной экономики, комфортную среду, инновационную сферу и, наконец, информатизацию и цифровизацию), умная мобильность, ЖКХ, системы общественной безопасности, окружающая среда, гражданское участие и творческая активность, управление и, наконец, общий социальный эффект от развития умных территорий.

Большинство показателей рейтинга представлены в двух вариантах: применительно к рассматриваемой территории в целом и в отношении периферийной территории. Например, «доля адаптивных светофоров» и «доля адаптивных светофоров на периферийной

территории». Ожидается, что именно такой подход позволит высветить и постепенно преодолеть диспропорции между большими городами и иными населенными пунктами и транзитными зонами.

Значение рейтинга умных территорий видится нам в том, чтобы привлечь внимание различных стейкхолдеров к важности цифровизации среды жизнедеятельности и муниципального хозяйства (по аналогии с устоявшимися терминами «городская среда» и «городское хозяйство»). Также рейтингование округов и районов создаст конкурентную среду, что будет стимулировать местные власти быстрее и эффективнее внедрять смарт-объекты и информационные системы. Сглаживание диспропорций между крупными городами и иными населенными

пунктами, включая сельские территории, должно снизить нагрузку на городскую инфраструктуру, обеспечивая удовлетворение широкого круга потребностей граждан независимо от места их проживания. Итоги рейтингования обязательно повлияют на муниципальный маркетинг и брендинг, отразятся на уровне инвестиционной привлекательности соответствующих муниципальных образований. В конечном счете, ожидается, что развитие периферийных территорий будет способствовать укреплению национальной безопасности (решая сегодняшнюю проблему «пустоты» огромных пространств), а также реализации экономического (позволяя размещать новые предприятия на свободных землях) и демографического потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лясковская Е. А., Худякова Т. А., Шмидт А. В. Совершенствование рейтинга российских умных городов. *Экономика региона*. 2022;18(4):1046–1061.
2. Сухарев О. С. Умный город и территория: преодоление структурного разрыва. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022;1:68–84.
3. Семячков К. А. Особенности публичного управления урбанизированной территорией в рамках концепции умного города. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2023;46(2):454–460.
4. Шхагошев Р. В., Бахунов А. А. Индикаторы оценки «умного» развития территории. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022;2:50–61.
5. Trencher G. Towards the smart city 2.0: Empirical evidence of using smartness as a tool for tackling social challenges. *Technological Forecasting & Social Change*. 2019;142:117–128.
6. Костко Н. А., Печеркина И. Ф., Попкова А. А. Модели реализации концепции «Умный город» в стратегиях социально-экономического развития крупных городов Российской Федерации. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2022;4:197–223.
7. Trindade E., Hinnig M., Costa E., Sabatini-Marques J., Bastos R., Yigitcanlar T. Sustainable development of smart cities: A systematic review of the literature. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2017;11.
8. Nam T., Pardo T. A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions. *12th Annual International Digital Government Research Conference*. 2011:282–291.
9. Ben Letaifa S. How to strategize smart cities: Revealing the SMART model. *Journal of Business Research*. 2015;68(7):1414–1419.
10. Иванова С. А., Карагулян Е. А. Умный город через призму рейтингов. *Вопросы инновационной экономики*. 2021;11(2):641–656.
11. Конева Ю. А., Козырев А. А. Инновации, инновационная среда и их влияние на экономику. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2024;6:493–497.
12. Середин В. П., Гутман С. С., Середин Е. П. Исследование влияния подсистем и функциональных элементов «умного транспорта» на устойчивое развитие городов и городских агломераций. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024;493(11):18–27.
13. Недогарок В. В. Применение умных счётчиков в сфере ЖКХ. *Cognitio Rerum*. 2022;6:23–24.
14. Белоусов Р. А., Погребов С. А. Повышение эффективности работы системы «Безопасный город». *Научные вестники*. 2022;52(11):69–74.

REFERENCES

1. Lyaskovskaya E. A., Khudyakova T. A., Schmidt A. V. Improving the rating of Russian smart cities. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2022;18(4):1046–1061. (In Russ.).

2. Sukharev O.S. Smart city and territory: Bridging the structural gap. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* = *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022;1:68–84. (In Russ.).
3. Semyachkov K.A. Features of public management of an urbanized territory within the framework of the smart city concept. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* = *Natural sciences and humanities research*. 2023;46(2):454–460. (In Russ.).
4. Shkhagoshev R.V., Bakhunov A.A. Indicators for assessing the “smart” development of the territory. *Gosudarstvennoe i municipal’noe upravlenie. Uchenye zapiski* = *State and municipal administration. Scientific notes*. 2022;2:50–61. (In Russ.).
5. Trencher G. Towards the smart city 2.0: Empirical evidence of using smartness as a tool for tackling social challenges. *Technological Forecasting & Social Change*. 2019;142:117–128.
6. Kostko N.A., Pecherikina I.F., Popkova A.A. Models for the implementation of the “Smart City” concept in the strategies of socio-economic development of large cities of the Russian Federation. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal’nogo upravleniya* = *Issues of state and municipal management*. 2022;4:197–223. (In Russ.).
7. Trindade E., Hinnig M., Costa E., Sabatini-Marques J., Bastos R., Yigitcanlar T. Sustainable development of smart cities: A systematic review of the literature. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2017;11.
8. Nam T., Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions. *12th Annual International Digital Government Research Conference*. 2011:282–291.
9. Ben Letaifa S. How to strategize smart cities: Revealing the SMART model. *Journal of Business Research*. 2015;68(7):1414–1419.
10. Ivanova S.A., Karagulyan E.A. Smart city through the prism of ratings. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki* = *Issues of innovative economy*. 2021;11(2):641–656. (In Russ.).
11. Koneva Yu.A., Kozyrev A.A. Innovations, the innovation environment and their impact on the economy. *Aktual’nye voprosy sovremennoj ekonomiki* = *Current issues of the modern economy*. 2024;6:493–497. (In Russ.).
12. Seredin V.P., Gutman S.S., Seredin E.P. Investigation of the influence of subsystems and functional elements of ‘smart transport’ on the sustainable development of cities and urban agglomerations. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;493(11):18–27. (In Russ.).
13. Nedogarok V.V. Application of smart meters in the housing and communal services sector. *Cognitio Rerum*. 2022;6:23–24. (In Russ.).
14. Belousov R.A., Pogrebov S.A. Improving the efficiency of the ‘Safe City’ system. *Nauchnye vesti* = *Scientific News*. 2022;52(11):69–74. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Константин Владимирович Харченко — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Konstantin V. Kharchenko — Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Chair of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-3329-7755>

KVKharchenko@fa.ru

Конфликт интересов автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.06.2025; принята к публикации 21.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 23.06.2025; accepted for publication 21.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-91-101
УДК 332.14,336.22(045)
JEL R11, H3

Малые города как объекты региональной политики в контексте бюджетного федерализма

Е.С. Цепилова^а, О.И. Беляева^б

^а Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация;

^б РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность выбора малых городов как объекта исследования обусловлена тем, что улучшение жизни их жителей было объявлено стратегическим приоритетом для государства. Данная проблематика реализуется в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Инфраструктура для жизни». **Предмет** исследования — региональная политика в РФ в отношении малых городов в существующей модели бюджетного федерализма. **Цель** работы — анализ современных проблем малых городов как объектов региональной политики в контексте бюджетного федерализма и разработка рекомендаций по их нивелированию. В ходе исследования применялись **методы** систематизации, анализа нормативной правовой базы и динамики статистических показателей. В качестве информационной базы использованы глубинные экспертные интервью с ключевыми представителями различных сфер управления малых городов РФ. **В результате** изучения актуализированы проблемы развития малых городов в РФ, рассчитаны данные описательной статистики отдельных показателей, установлена первоочередная проблема в контексте бюджетного федерализма — недостаточность доходной части местного бюджета, выделены перспективные направления региональной государственной политики в отношении малых городов в рамках существующей модели бюджетного федерализма. **Практическая значимость** исследования состоит в разработанных рекомендациях по оптимизации региональной политики в отношении малых городов, которые могут быть использованы соответствующими органами власти. Сделан **вывод**: с учетом неравномерности распределения малых городов по территории РФ, их развитие позволит активизировать процесс экономического выравнивания регионов. **Ключевые слова**: малые города; региональная политика; бюджетный федерализм; фискальный федерализм; бюджетно-налоговые инструменты; региональное неравенство; диспропорции развития малых городов

Для цитирования: Цепилова Е.С., Беляева О.И. Малые города как объекты региональной политики в контексте бюджетного федерализма. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):91-101. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-91-101

ORIGINAL PAPER

Small Towns as Objects of Regional Policy in the Context of Fiscal Federalism

E.S. Tsepilova^а, O.I. Belyaeva^б

^а Sochi State University, Sochi, Russian Federation;

^б RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of choosing small towns as a research object is due to the fact that improving the lives of their residents has been declared a strategic priority for the state. This issue is being implemented within the framework of the federal project “Creating a comfortable urban environment” of the national project “Infrastructure for Life”. **The subject** of the study is the regional policy in the Russian Federation in relation to small towns in the existing model of fiscal federalism. **The purpose** of the work is to analyze the current problems of small towns as objects of regional policy in the context of fiscal federalism and to develop recommendations for their leveling. The research applied **methods** of systematization, analysis of the regulatory framework and dynamics of statistical indicators. In-depth expert interviews with key representatives of various spheres of management in small towns of the Russian Federation were used as an information base. As a **result** of the study, the problems of the development of small towns in the Russian Federation are actualized, descriptive statistics of individual indicators of small towns are calculated, the primary problem of small towns in the context of budgetary federalism is identified — the insufficiency of the revenue side of the local budget, promising areas

© Цепилова Е.С., Беляева О.И., 2025

of regional state policy in relation to small towns are identified within the framework of the existing model of budgetary federalism. **The practical significance** of the study lies in the developed recommendations for optimizing regional policy in relation to small towns, which can be used by the relevant authorities. **The conclusion** is made: taking into account the uneven distribution of small towns across the territory of the Russian Federation, their development will enhance the process of economic alignment of the regions.

Keywords: small towns; regional policy; budgetary federalism; fiscal federalism; fiscal instruments; regional inequality; imbalances in the development of small towns

For citation: Tsepilova E.S., Belyaeva O.I. Small towns as objects of regional policy in the context of fiscal federalism. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):91-101. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-91-101

ВВЕДЕНИЕ

Важность исследуемой темы определяется сложностью малых городов как объектов управления, а также ценностью полученных результатов для общественности. Разнообразие территорий требует рационализации пространства по различным характеристикам, тем самым происходит выделение опорных населенных пунктов и малых городов. Можно согласиться с отдельными экспертными мнениями, что необходимо выделить малые города как отдельный объект государственной политики регионального развития¹. В настоящее время важно провести работу по выявлению актуальных проблем, определению приоритетов развития, постановке задач по модернизации инфраструктуры, сохранению объектов культурного наследия, повышению финансовой устойчивости их бюджетов и пр. Рост инвестиционной привлекательности территории, развитие специальных отраслей будет благоприятно влиять на экономическую составляющую малого города.

Государственная политика регионального развития — это «система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»². Региональная политика, как и бюджетная, может осуществляться как на федеральном и региональном, так и муниципальном уровнях, в том числе — малых городов.

¹ Росконгресс. Малые города в региональном развитии Российской Федерации в постиндустриальный период. URL: https://roscongress.org/materials/malye-goroda-v-regionalnom-razviti-rossiyskoy-federatsii-v-postindustrialnyy-period/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

² Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/

Концептуальные основы регионального развития были заложены зарубежными классиками экономической науки А. Смитом и Д. Рикардо в 70-х гг. XVIII в. Проблематика региональной политики довольно полно представлена в научных трудах немецких ученых-экономистов: концепция «центрального места» — в исследованиях В. Кристаллера, теория размещения промышленности — в работах А. Вебера, теория размещения сельского хозяйства — в модели И. Тюнена, теория формирования экономического района — в статьях и книгах А. Лёша [1]. Согласно их представлениям малый город выполняет функцию связующего звена в сети населенных пунктов, обеспечивая социально-экономическое взаимодействие и поддерживая устойчивое развитие региона. Свой вклад внесли также Ф. Перру, Ж. Будвиль и другие французские ученые, разработавшие теорию полюсов и осей роста: в своих исследованиях представители этой школы ориентировались на возможности региона мобилизовать собственный потенциал и местные ресурсы, стимулировать предпринимательство и новые полюса роста. Они утверждали, что малые города могут развиваться благодаря близости к полюсам роста (более крупным городам), а также выступать в роли локального центра, способного стимулировать экономическое развитие прилегающих территорий [2].

Что касается вопросов бюджетного, налогового и фискального федерализма в Российской Федерации, то они подробно рассмотрены в работах Е. Ф. Киреевой [3], М. Р. Пинской [4] и др.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ

В Российской Федерации развитие малых городов имеет большое значение для страны, поскольку в настоящее время в 807 таких населенных пунктах с численностью до 50 000 человек проживает около 10% населения страны³. Если рассматривать малый город

³ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

как систему, то она состоит из следующих подсистем: населения, жизнеобеспечения, градообразующей и социально-экономической сфер [5]. Согласно одному из научных определений малого города, это город третьего уровня, выполняющий при этом важную роль среди прочих его окружающих сельских населенных пунктов: «малый город — это районный центр областного, краевого или республиканского подчинения; в подавляющем большинстве случаев этот город или (очень редко) поселок городского типа» [6].

События последних лет показывают, что в малых городах накопилось немало всевозможных проблем, мешающих их развитию, как говорится, «малые города — большие проблемы». Какие же из них в настоящее время являются наиболее актуальными? Мы полагаем, что одной из самых результативных научных попыток ответить на этот вопрос являются итоги исследования, осуществленного одним из соавторов данной статьи — Беляевой О.И.⁴, которая провела глубинные интервью с 18 экспертами из различных сфер управления — представителями бизнеса, некоммерческих организаций и ассоциаций малых городов, органов местного самоуправления малых городов и федеральных органов власти.

Как видно из *табл. 1*, одной из основных проблем развития малых городов эксперты считают недостаток собственных финансов. В числе прочих барьеров, с которыми сталкиваются малые города, указаны следующие: «недостаток вовлеченности местного населения», «отсутствие экономической базы», «необходимость найти команду сотрудников для работы», «отток населения, недостаток рабочих мест», «проблемы ЖКХ и инфраструктуры», «слабое участие населения в рабочих проектах и культурной деятельности», «недоступность современной медицинской помощи и образования», «управленческие полномочия не обеспечены людскими ресурсами» и др.

Результаты проведенного О.И. Беляевой глубинного интервью коррелируют с данными научных исследований малых городов другими авторами: «износ значительной части жилой и промышленно-производственной инфраструктуры, отсутствие (либо крайне малое количество) собственных финансовых ресурсов, демографическая деградация» [7]. Состояние депрессивности отдельных регионов страны, в которых географически расположены малые города, также

можно отнести к числу причин упадка социально-экономического развития таких городов [8].

В 2023 г. была проведена оценка индекса качества городской среды, формируемая Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, для всех малых городов, состоявшая из 36 факторов: от уровня жилья, инфраструктуры до уличных пространств и возможностей досуга. В десятку наиболее комфортных для проживания в 2023 г. малых городов входили⁵:

1. Можайск (Московская область).
2. Истра (Московская область).
3. Кингисепп (Ленинградская область).
4. Тутаев (Ярославская область).
5. Гусев (Калининградская область).
6. Протвино (Московская область).
7. Краснознаменск (Московская область).
8. Старая Русса (Новгородская область).
9. Аксай (Ростовская область).
10. Кировск (Ленинградская обл.).

Сравнительный анализ значений индекса качества городской среды в малых городах РФ представлен в *табл. 2*.

По результатам исследования можно установить, что в первой группе (города с населением от 25 до 50 тыс. человек) наблюдается наибольшее число городов с благоприятной средой — 73%. Средний индекс в этой группе составил 202, с максимальным значением 254, что свидетельствует о значительных успехах в формировании комфортной городской инфраструктуры. Вторая группа, включающая в себя наибольшее количество городов с населением от 5 до 25 тыс. человек, продемонстрировала меньший процент городов с благоприятной средой — 58%. Здесь средний балл составлял 193, с максимальным значением 259, указывая на наличие как успешных, так и проблемных примеров в градостроительной политике. Третья группа, состоящая из городов с численностью до 5 тыс. человек, показала наименьший процент (53%) городов с благоприятной средой, однако средний балл остался на уровне 193, что сопоставимо с показателем из предыдущей группы. Минимальный балл в данной категории такой же, как в первой группе — 132, что указывает на существование трудностей в благоустройстве отдельных населенных пунктов.

В текущей модели бюджетного федерализма бюджетные ресурсы сосредоточены в городах-миллион-

⁴ Беляева О.И. Комплексный подход к стратегическому планированию развития малых туристских городов. НИР ИГСУ РАНХиГС № 7.11–2024–2. 2024 г. 114 с.

⁵ Топ-10 самых благоприятных для жизни малых городов России. URL: <https://www.bfm.ru/news/522539/photo474071>

Таблица 1 / Table 1

**Актуальные проблемы развития малых городов РФ / Current issues of small town development
of the Russian Federation**

Проблема / Problem	Описание / Description	Причина / Reason	Инструмент развития, рекомендация / Development Tool, Recommendation
Недостаток собственных финансов / Lack of own finances	Бюджет города ограничен, поступление налоговых доходов минимально	Недостаточность ресурсов и зависимость от трансфертов из вышестоящих бюджетов	Программы привлечения частных инвестиций, перераспределение налогов между бюджетами (политическое решение в рамках бюджетного федерализма)
Невысокая компетентность команд на местах / Low competence of local teams	Недостаток профессиональных компетенций у специалистов	Невысокая оплата труда муниципальных госслужащих	Обучение и повышение квалификации кадров
Кадровый дефицит / Staff shortage	Недостаток квалифицированных специалистов	Отсутствие перспектив карьерного роста у муниципальных госслужащих	Совершенствование системы подготовки и мотивации персонала, программы материальной поддержки молодых специалистов
Шаблонные стратегии развития / Template strategies	Нереальность и неучет специфики города	Отсутствие индивидуального подхода	Предоставление вариантов алгоритмов для разработки программ развития
Проблемы инфраструктуры / Infrastructure problems	Плохое состояние дорог и коммунальных объектов	Недостаточное финансирование и промахи в планировании работ	Развитие инфраструктуры и создание комфортной городской среды
Опустение города / The emptying of the town	Заброшенные и пустующие здания, неиспользуемые территории	Недостаток финансирования, неэффективное использование земель и зданий	Выявление пустующих и заброшенных зданий, КРТ, реновация, джентрификация, ревитализация
Отток населения / Population outflow	Уменьшение численности жителей	Некомфортные условия жизни, возможностей трудоустройства, социальной сферы, досуга	Высокоскоростной Интернет, благоустройство города, создание современных мест обучения, лечения и отдыха населения

Источник / Source: составлено О.И. Беляевой / compiled by O.I. Belyaeva.

Таблица 2/ Table 2

Сравнительный анализ значений индекса качества городской среды в малых городах РФ / Comparative analysis of the values of the Urban Environment Quality Index in small cities of the Russian Federation

Параметр / Parameter	Группа 1 (25–50 тыс. человек) / Group 1 (25–50 thousand people)	Группа 2 (5–25 тыс. человек) / Group 2 (5–25 thousand people)	Группа 3 (0–5 тыс. человек) / Group 3 (0–5 thousand people)
Количество городов / Number of towns	246	502	51
Процент городов с благоприятной средой/ Percentage of towns with favorable environment	73	58	53
Минимальный балл/ Minimum score	132	110	132
Средний балл/ Average score	202	193	193
Максимальный балл/Maximum score	254	259	251

Источник / Source: составлено О.И. Беляевой на основе данных <https://индекс-городов.рф> / compiled by O.I. Belyaeva based on <https://индекс-городов.рф>

никах и региональных центрах, а финансовая обеспеченность большинства малых городов остается крайне низкой. В результате «города меньших размеров все больше начинают выглядеть рудиментарными дотационными образованиями», для решения же проблемы предлагается «развитие отдельных секторов экономики в малых городах в зависимости от имеющихся предпосылок и наличия ресурсов» [9].

РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ДИСПРОПОРЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Еще одной важной проблемой регионального развития можно назвать региональное и пространственное неравенство, в том числе диспропорции в развитии малых городов, что является крайне актуальным предметом научных исследований. Влиянию государственной политики на региональное развитие посвящены работы Бухвальда Е.М., Котова А.В., Владиславлевой Т.Б., в которых предлагаются меры и способы «выравнивания» развития удаленных от центра территорий. Так, Пилясов А.Н. в работе «Новая экономическая география» [10] не только поднимает вопрос влияния варьирования качества жизни населения от субъекта к субъекту, но и систематизирует проблему регионального неравенства, выявляя ее причины и следствия. К индикаторам регионального неравенства он относит факторы «первой природы» и «второй природы», включающие в себя широкий спектр различных условий, характеризующих тот или иной регион и город. Гранберг А.Г. в своих

работах уделял существенное внимание формированию межотраслевой кооперации, а также вопросам пространственного развития страны в целом [11]. Вопросы межрегионального взаимодействия и пространственного развития России отражены в трудах Кузнецовой О.В. и Зубаревич Н.В.

Основные методы оценки неравенства и социально-экономической дифференциации территорий (индекс Джини, кластерный анализ, факторный анализ, регрессионный анализ, индекс человеческого развития (ИЧР), многомерное шкалирование, сравнительный анализ и др.) были проанализированы Беляевой О.И. ранее [12].

Пространственной формой неравенства территорий является периферизация малых городов. Этот термин был введен немецким социологом Карлом-Дитером Кеймом в 2006 г., определившим «социально-пространственное обособление сельских районов от доминирующих процессов централизации и ослабление экономического потенциала как основные черты периферизации» [13].

Существуют разные модели государственной политики регионального развития (в том числе в отношении малых городов), включая политику: выравнивания, полюсов роста, стимулирования, сбалансированного развития, каждая из которых подкрепляется соответствующими нормативно-правовыми актами. Политика выравнивания в настоящее время доминирует во многих странах мира, она была популярной и на территории СССР. Политика полюсов роста в основном связана с развитием конкурентоспособности отдель-

Таблица 3/ Table 3

**Данные описательной статистики отдельных показателей малых городов России /
Descriptive statistics data of individual indicators of small towns in Russia**

Показатель / Indicator	Среднее значение / Average value	Медиана / Median	Минимальное значение / Minimum value	Максимальное значение / Maximum value
Численность населения (на 2021 г.) / Population (2021)	24 807,46	22 981	5429	49 716
Темп прироста населения 2022 г. по отношению к 2010 г. (%) / Population growth rate 2022 compared to 2010 (%)	-5,81	-6,43	-24,61	118,62
Бюджет (2021 г.), млн руб. / Budget (2021), million rubles	697,66	600	52	2963
Объем инвестиций в основной капитал, 2023 г. (млн руб.) / Volume of investments in main capital, 2023 (million rubles)	215,49	180	30	540

Источник / Source: составлено О.И. Беляевой на основе данных Росстата с помощью метода описательной статистики отдельных показателей 35 вышеуказанных малых городов / compiled by O.I. Belyaeva based on Rosstat data.

ных территорий и городов, формированием кластеров и особых экономических зон в России.

К стимулирующим мерам государственной поддержки регионов и муниципальных образований относятся: создание особых экономических зон с льготными налоговыми и таможенными режимами, принятие федеральных и региональных программ развития малого и среднего предпринимательства и др.; поддержка внешнеэкономической деятельности; бюджетные трансферты; получение гарантий (поручительств) под кредитные ресурсы; лизинг оборудования и факторинг; стимулирование реализации продукции, произведенной в регионе и др.

Политика сбалансированного развития направлена на снижение неблагоприятных последствий, в том числе экологических, а также на развитие опорных населенных пунктов. В 2024 г. Президент Российской Федерации в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» поручил: определить более 2 тыс. опорных населенных пунктов, расположенных во всех субъектах страны, и улучшить качество среды для жизни в них (включая малые города) на 30% к 2030 г. и на 60% — к 2036 г.⁶

В этот проект входят и 35 малых городов (Апатиты, Белая Калитва, Белокуриха, Богданович, Боровск, Великий Устюг, Верхний Уфалей, Верхотурье, Гаврилов

Посад, Городец, Гороховец, Железноводск, Зарайск, Звенигород, Зеленоградск, Ирбит, Истра, Кашин, Кингисепп, Костомукша, Медынь, Онега, Пионерский, Плёс, Покров, Светлогорск, Сортавала, Таруса, Темрюк, Торжок, Тотьма, Углич, Урюпинск, Чусовой, Шлиссельбург), для которых характерны диспропорции и в численности населения, и в темпах его прироста, бюджетах и объемах инвестиций (табл. 3).

Среднее значение и медиана численности населения указывают на то, что в данной выборке число горожан в большинстве этих населенных пунктов находится в диапазоне от 20 до 25 тыс. человек. Вместе с тем наблюдается значительное расхождение между минимальным и максимальным числом жителей в этих городах, что свидетельствует о наличии как очень малых поселений, например, Гаврилова Посада, так и достаточно крупных, таких как Кингисепп. В половине же городов из выборки численность населения — ниже 22 тыс. человек.

Отрицательный средний темп прироста населения свидетельствует о демографической стагнации или даже убыли населения в большинстве малых городов, что может означать, что они сталкиваются с миграцией в более крупные города, дефицитом рабочих мест, другими проблемами. Положительный максимум на уровне 118,62% указывает на наличие отдельных малых городов, в том числе в Московской и Калининградской областях, где население выросло за 11 лет.

Значительный разброс в бюджетной обеспеченности также подчеркивает различия в экономической

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

обеспеченности городов. Что касается инвестиций в основной капитал (у этого показателя главная роль в развитии инфраструктуры малых городов), то здесь наблюдается высокий уровень диспропорции: максимум превышает минимум в 18 раз.

БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации, бюджет — «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления»⁷. Бюджетный федерализм предполагает такую систему межбюджетных отношений, при которой местный бюджет формируется на основе собственных доходов и межбюджетных трансфертов из вышестоящих — регионального — бюджетов.

Вместе с тем, как отмечают специалисты, в этой схеме «выявлены свидетельства избыточного федерального регулирования и каналы появления обязательств субъектов, не обеспеченных финансовыми ресурсами», при этом перспективы разграничения полномочий в российской модели бюджетного федерализма «зависят и от остроты проблемы высокой межрегиональной дифференциации» [14]. В научной литературе также используются практически идентичные бюджетному федерализму термины — «фискальный федерализм» и «налоговый федерализм», более акцентированные на механизме администрирования фискальных (налоговых) доходов государственного бюджета.

Бюджетная политика играет значимую роль в регулировании социально-экономического развития государства. Для поддержания баланса между сохранением устойчивости бюджетной системы и финансированием государственных расходов всех уровней необходимо своевременное применение конкретных инструментов, способных отвечать потребностям государства и общества.

Бюджетные полномочия муниципальных образований установлены в ст. 9 Бюджетного кодекса РФ. В частности, малые города обладают полномочиями, касающимися составления и утверждения местного бюджета, осуществления контроля за его исполнением, а также составления отчетов о выполнении бюджета,

устанавливают порядок исполнения расходных обязательств, имеют право на осуществление муниципальных заимствований, предоставление бюджетных кредитов и управление собственными активами. Важной проблемой при этом является обеспечение эффективного распределения бюджетных средств между их получателями. В рамках проведенного О.И. Беляевой интервью с экспертами и представителями администраций малых городов проблема формирования доходов местного бюджета была выделена как первоочередная.

Не вызывает сомнения тезис, что «малые города — не особые субъекты налогово-бюджетных отношений; это — муниципалитеты; городские округа или городские поселения. Выделить для них особый налогово-бюджетный режим именно как «малых городов» и их хозяйствующих субъектов невозможно» [15]. Но добавим, что при мерах бюджетно-налоговой поддержки необходимо учитывать принцип адресности, основанный на типизации малых городов, ввиду их большой разнородности. Предпочтения общества (его граждан) в необходимых общественных благах относительно более однородные на муниципальном уровне, нежели на вышестоящих, так как они имеют ярко выраженную локальную специфику, в зависимости от типа города.

Перечислим основные аспекты бюджетного федерализма в отношении городов, в том числе малых:

- *Возможность формирования доходов.* Местные бюджеты формируются за счет собственных налоговых и неналоговых доходов, а также за счет поступлений из вышестоящих бюджетов в виде межбюджетных трансфертов (например, на строительство и ремонт дорог, школ, больниц и других объектов инфраструктуры в малых городах, на финансирование социальных программ, например, на поддержку малообеспеченных семей). Местные власти могут привлекать гранты из вышестоящих бюджетов для поддержки предпринимательской деятельности в малых городах.
- *Распределение расходов.* Местные органы власти самостоятельно определяют направления расходования средств местного бюджета исходя из потребностей города и приоритетов, установленных на федеральном и региональном уровнях.
- *Обеспечение сбалансированности бюджета,* то есть соответствие доходов и расходов, является одной из ключевых задач в рамках бюджетного федерализма.
- *Эффективность использования бюджетных средств.* Бюджетный федерализм направлен на по-

⁷ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/

вышение эффективности использования бюджетных средств на местном уровне, что способствует социально-экономическому развитию малых городов.

По данным Минфина России о результатах мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях в 2024 г., объем доходов местных бюджетов составил 8197,0 млрд руб. (выше уровня 2023 г. на 14,9%, или на 1060,1 млрд руб.), в том числе налоговые доходы — 2492,1 млрд руб. (+26,2%), неналоговые доходы — 397,0 млрд руб. (+12,9%), трансферты — 5307,9 млрд руб. (+10,3%). При этом основную долю доходов составляют налоги на доходы физических лиц (НДФЛ), которые занимают 67,1%⁸. Следом идут налоги на совокупный доход, составляющие 15,6%, земельный налог — составляют 6,9%, налог на имущество физических лиц 3,7%, акцизы на нефтепродукты — 2,7%. Остальные налоги и прочие доходы составляют небольшие доли, включая 1% налог на прибыль организаций и 3% — прочие налоги и другие категории. Эта структура свидетельствует о значительной зависимости муниципальных образований от НДФЛ как основного источника доходов. Отметим, что та часть НДФЛ, которая взимается со ставки выше 13%, поступает в федеральный бюджет; та часть, что по ставке 13% распределяется по месту регистрации компании-работодателя: 85% — в региональный бюджет, 15% — в местный бюджет.

Наибольший вклад в рост неналоговых доходов обеспечили сборы от использования имущества (+10,9%), составившие около половины всех поступлений, прирост доходов от продажи активов составил +12,2%, оказания платных услуг +21,5%, штрафов и санкций +13,7%. Значительную часть доходов местных бюджетов составляют межбюджетные трансферты (в 2024 г. — 64,6%). Наибольшую долю в общем объеме финансовой помощи местным бюджетам занимают субвенции (45,2%) и субсидии (31,2%). Снизилась доля трансфертов, связанных с финансовым обеспечением реализации собственных полномочий (на 1,4 п.п. до 54,8% в 2024 г.)⁹.

Наблюдается позитивная динамика в части:

- увеличения числа муниципальных образований, заключивших соглашение с финансовым органом

субъекта РФ о мерах по социально-экономическому развитию и оздоровлению муниципальных финансов (соглашения) (на 42 ед. до 4402 ед. 2024 г.);

- сокращения случаев установления и исполнения расходных обязательств, не связанных с решением вопросов, отнесенных к полномочиям органов местного самоуправления;
- применения ответных мер в отношении муниципальных образований — нарушителей (чаще и в большем числе регионов, чем в 2023 г.).

Минфином России разработаны методические рекомендации для органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления по регулированию межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях, которые предусматривают ряд обязательств: по осуществлению мер, направленных на снижение уровня дотационности муниципального образования и увеличение налоговых и неналоговых доходов местного бюджета; по осуществлению мер, направленных на бюджетную консолидацию; по повышению эффективности использования бюджетных средств и качества управления муниципальными финансами¹⁰.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ

В настоящее время требуется новый подход к региональной политике в отношении малых городов. Цель — с помощью эффективных методов управления, финансирования, другого инструментария попытаться раскрыть экономический потенциал населенных пунктов, уступающих в своем развитии более успешным малым городам. В этот пакет необходимых средств и инструментов региональной политики должны входить финансовые меры, связанные с денежным санкционированием деятельности региональных властей, административные — как на уровне законов, так и подзаконных нормативных правовых актов, а также инфраструктурные и др. Подход к каждому малому городу должен быть дифференцирован и адаптирован к конкретным

⁸ Минфин России. Обзор межбюджетных отношений на муниципальном уровне. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local

⁹ Минфин России. Обзор межбюджетных отношений на муниципальном уровне. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local

¹⁰ «Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления по регулированию межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях» (утв. Минфином России). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174663/52a88f12cba5969479a68ca60ac0a42a61275ed5/

уникальным особенностям и проблемам, с которыми он сталкивается.

Практика показывает, что наиболее эффективными стимулирующими мерами государственной поддержки малых городов являются:

- создание особых экономических зон с льготными налоговыми и таможенными режимами [16];
- разработка мастер-планов малых городов;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- поддержка внешнеэкономической деятельности;
- лизинг оборудования и факторинг;
- стимулирование реализации продукции локальных производителей.

Бюджетно-налоговые инструменты развития малых городов ограничены, так как распределение доходов бюджета в соответствии с действующими принципами бюджетного федерализма жестко централизовано, а предоставление налоговых льгот по местным налогам потенциально сокращает и без того небольшую налоговую базу.

В этой связи можно выделить следующие перспективные направления региональной государственной политики в отношении малых городов в контексте бюджетного федерализма:

- создание специализированных фондов по развитию малых городов (например, Фонд развития г. Сергиев Посад Московской области, некоммерческая организация «Фонд развития малых исторических городов», «Фонд развития городов» от ГК ВЭБ и др.);
- инструменты преференциального стимулирования бизнеса в малых городах: ОЭЗ «Иннополис» — в Татарстане, ОЭЗ «Доброград-1» — во Владимирской обл., ТОСЭР «Павловск» — в Воронежской области, технопарки — в Ногинске и Ноябрьске, индустриальный парк «Тутаев» — в Ярославской области и др. [17];
- открытие туристско-рекреационных кластеров в малых городах для привлечения инвестиций в туризм («Плёт» в Ивановской и «Раушен» в Калининградской областях);
- развитие концессий и ГЧП включает в себя модернизацию систем водоснабжения и теплоснабжения, строительство и эксплуатацию детских садов

и школ, развитие спортивной и транспортной инфраструктуры, а также создание туристских объектов (например, г. Губкинский в Ямало-Ненецком автономном округе в сфере строительства объектов дошкольного образования);

- развитие инфраструктуры и форм поддержки малого и среднего предпринимательства в малых городах в рамках предоставления им финансовой, информационной, организационной помощи [18] с обязательным включением в мастер-планы малых городов отдельных разделов, посвященных поддержке малого и среднего предпринимательства;
- развитие инициативного бюджетирования в малых городах. Общее количество инициативных проектов, реализованных на территории муниципальных образований, составило в 2024 г. 14 637 единиц стоимостью более 30 млрд руб., причем четверть этой суммы — собственные средства муниципалитетов¹¹;
- региональные проекты по преобразованию внешнего облика городов (парков, скверов, дорог и т.д.). Например, в Пермском крае это проект «Комфортный край», нацеленный на формирование единого водно-зеленого каркаса, с благоустройством долин малых рек, создание среды для отдыха¹²;
- включение малых городов в крупные федеральные проекты, например, в качестве участников Всероссийского конкурса малых городов и сельских поселений и др.;
- развитие креативных индустрий, традиционных промыслов, ремесленных (крафтовых) продуктов и изделий является конкурентным преимуществом малых городов и способствует сохранению национальной идентичности.

С учетом неравномерности распределения малых городов, их развитие придаст импульс для экономического выравнивания регионов России в целом.

¹¹ Минфин России. Обзор межбюджетных отношений на муниципальном уровне. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local

¹² Файзуллин И. В 2025 году Всероссийский форум «Развитие малых городов и исторических поселений» состоится в Перми. <https://minstroyrf.gov.ru/press/irek-fayzullin-v-2025-godu-vserossiyskiy-forum-razvitie-malykh-gorodov-i-istoricheskikh-poseleniy-so/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Е.С. Цепилова, О.И. Беляева, С.В. Ласковец и др. Туризм и культурное наследие. Москва: КНОРУС; 2024. 254 с.
2. Драйверы устойчивого развития туристских территорий. Монография. Гварлиани Т.Е., Воробей Е.К., ред. Москва: Директ медиа; 2023. 276 с.
3. Киреева Е.Ф. Фискальная интеграция: новые тренды современных реалий. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(6):6–16. DOI: 10.26794/1999–849x-2024–17–6–6–16

4. Пинская М.Р. Развитие налогового федерализма в России. М.: Социум; 2010. 178 с.
5. Бочаров С.Н., Рогальская Н.А. К вопросу о ресурсной обеспеченности развития малых городов Алтайского края. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2012;(1):77–81.
6. Байбаков Э.И., Рубцов В.А. Малые города России: становление, развитие, историческая судьба. *Экологический консалтинг*. 2015;59(3):2–6.
7. Сергеева М.Е. К вопросу о перспективах развития малых городов (по материалам малых городов Ивановской области). *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2025;251(1):306–326.
8. Хайдаров Ш.М., Рахматулин А.Р. Проблемы депрессивных регионов в Российской Федерации и возможные пути их решения. *Политика и Общество*. 2024;(1). DOI: 10.7256/2454–0684.2024.1.40753
9. Смирнов О.О., Безвербный В.А. Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции. *Социум и власть*. 2022;91(1):62–74.
10. Пилясов А.Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2011;(4):7–17.
11. Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации. *Вопросы экономики*. 2001;(9):15–27.
12. Комлева В.В., Беляева О.И., Голубченко И.В. Политические факторы регионального неравенства: сравнительные исследования. 2020; 56 с.
13. Wirth P. et al. Peripheralisation of small towns in Germany and Japan — Dealing with economic decline and population loss. *Journal of rural studies*. 2016;(47):62–75.
14. Климанов В.В., Тимушев Е.Н. Разграничение полномочий в российской системе бюджетного федерализма. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2025;(1):38–63.
15. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации: Доклад. Валентик О.Н., ред. М.: Институт экономики РАН; 2019. 44 с.
16. Гончаренко Л.И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28 (4):108–121.
17. Беляева О.И. Инструменты преференциального стимулирования бизнеса в малых городах. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования. Сборник научных статей 19 международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора С.А. Пелиха. Минск: 2025:559–564.
18. Цепилова Е.С., Беляева О.И. Меры государственной поддержки МСП в малых туристских городах. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(5):28–39. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–5–28–39

REFERENCES

1. Tourism and cultural heritage. E.S. Tsepilova, O.I. Belyaeva, S.V. Laskovets et al. M.: KNORUS. 2024; 254 p. (In Russ.).
2. Drivers of sustainable development of tourist territories: a monograph. Gvarliani T.E., Vorobey E.K., eds. M.: Direct Media; 2023. 276 p. (In Russ.).
3. Kireeva E.F. Fiscal Integration: New trends in modern realities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law*. 2024;17(6):6–16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849x-2024–17–6–6–16
4. Pinskaya M.R. Development of tax federalism in Russia. Moscow: Socium; 2010. 178 p. (In Russ.).
5. Bocharov S.N., Rogalskaya N.A. On the issue of resource security for the development of small towns in Altai Krai. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava — Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2012;(1):77–81. (In Russ.).
6. Baibakov E.I., Rubtsov V.A. Small towns of Russia: Formation, development, historical fate. *Ekologicheskij konsalting = Environmental consulting*. 2015;59(3):2–6. (In Russ.).
7. Sergeeva M.E. On the issue of the development prospects of small towns (based on materials from small towns in Ivanovo Oblast). *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2025;251(1):306–326. (In Russ.).
8. Khaidarov Sh.M., Rakhmatulin A.R. Problems of depressed regions in the Russian Federation and possible solutions. *Politika i Obshchestvo = Politics and Society*. 2024;(1). (In Russ.). DOI: 10.7256/2454–0684.2024.1.40753.

9. Smirnov O.O., Bezverbny V.A. Development potential of economic sectors of small towns in Russia: current trends. *Socium i vlast' = Society and power*. 2022;1(91):62–74. (In Russ.).
10. Pilyasov A.N. New economic geography: prerequisites, ideological foundations and applicability of models. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*. 2011;(4):7–17. (In Russ.).
11. Granberg A.G. Strategy for territorial socio-economic development of Russia: From idea to implementation. *Voprosy ekonomiki = Voprosy ekonomiki*. 2001;(9):15–27. (In Russ.).
12. Komleva V.V., Belyaeva O.I., Golubchenko I.V. Political Factors of Regional Inequality: Comparative studies. 2020. 56 p. (In Russ.).
13. Wirth P. et al. Peripheralisation of small towns in Germany and Japan — Dealing with economic decline and population loss. *Journal of rural studies*. 2016;(47):62–75.
14. Klimanov V.V., Timushev E.N. Delineation of powers in the Russian system of budgetary federalism. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Issues of public and municipal administration*. 2025;(1):38–63. (In Russ.).
15. Buchwald E.M., Kolchugina A.V. Small and single-industry cities in the spatial development strategy of the Russian Federation. Report. Valentik O.N., ed. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2019. 44 p. (In Russ.).
16. Goncharenko L.I. Tax preferences in the spatial development of the country: the terminological aspect of the study. *Finansy: teorija i praktika = Finance: theory and practice*. 2024;28 (4):108–121. (In Russ.).
17. Belyaeva O.I. Instruments of preferential stimulation of business in small towns. State regulation of the economy and increasing the efficiency of business entities. Collection of scientific articles of the 19th international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor S.A. Pelikha. 2025:559–564. (In Russ.).
18. Tsepilova E.S., Belyaeva O.I. Measures of state support for SMEs in small tourist towns. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*. 2024;17(5):28–39. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–5–28–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Сергеевна Цепилова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления и технологий в туризме и рекреации, Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Elena S. Tsepilova — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of Department of Management and Technology in Tourism and Recreation, Sochi State University, Sochi, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1982-4435>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

elenatsepilova@mail.ru

Ольга Игоревна Беляева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры регионального управления факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga I. Belyaeva — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Faculty of International Regional Studies and Regional Management, Institute of Public Administration and Management, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0951-9928>

belyaeva_klgd@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.06.2025; принята к публикации 03.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 14.06.2025; accepted for publication 03.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-102-111

УДК 336.02(045)

JEL F36, H6

Обеспечение фискальной устойчивости на территории Евразийского экономического союза: интеграционный подход

Е.Ф. Киреева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — фискальная устойчивость в экономическом союзе ЕАЭС. **Цель** работы — аналитическая оценка фискальной устойчивости на территории ЕАЭС, определение необходимости координации бюджетно-налоговой политики и предложение совместных финансовых механизмов для ее обеспечения. В процессе работы использовались как общенаучные, так и методы экономико-статистического анализа фискальных и макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития. **Практическое назначение и научная ценность результатов** исследования заключается в выявлении проблем фискальной устойчивости в ЕАЭС, выделении интеграционных фискальных рисков и обосновании применения финансовых механизмов стабилизации. Предложенный автором интеграционный подход в обеспечении фискальной стабильности подразумевает использование преимуществ координирующей интеграционной политики и применения совместных финансовых институтов на территории ЕАЭС. Сделан **вывод**: для обеспечения фискальной устойчивости и нивелирования интеграционных финансовых рисков на территории ЕАЭС необходима более тесная интеграция в рамках финансового сотрудничества и создания стабилизационных механизмов.

Ключевые слова: фискальная устойчивость; финансовая стабильность; экономический союз; бюджетно-налоговая политика; государственный долг; бюджетный дефицит (профицит); стабилизационные фонды и резервы

Для цитирования: Киреева Е.Ф. Обеспечение фискальной устойчивости на территории Евразийского экономического союза: интеграционный подход. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):102-111. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-102-111

ORIGINAL PAPER

Ensuring Fiscal Sustainability in the Territory of the Eurasian Economic Union: An Integration Approach

E.F. Kireeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the study is fiscal sustainability in the EAEU Economic Union. **The purpose** of the work is an analytical assessment of fiscal sustainability in the territory of the EAEU, determining the need for coordination of fiscal policy and proposing joint financial mechanisms to ensure it. In the course of the work, both general scientific and methods of economic and statistical analysis of fiscal and macroeconomic indicators that determine the sustainability of economic development were used. **The practical purpose and scientific value** of the research results is to identify problems of fiscal sustainability in the EAEU, identify integration fiscal risks and justify the use of financial stabilization mechanisms. The integration approach proposed by the author in ensuring fiscal stability implies using the advantages of a coordinating integration policy and the use of joint financial institutions on the territory of the EAEU. **It is concluded** that closer integration within the framework of financial cooperation and the creation of stabilization mechanisms is necessary to ensure fiscal stability and offset integration financial risks in the EAEU territory.

Keywords: fiscal sustainability; financial stability; economic union; fiscal policy; public debt; budget deficit (surplus); stabilization funds and reserves

For citation: Kireeva E.F. Ensuring fiscal sustainability in the territory of the Eurasian Economic Union: An integration approach. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):102-111. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-102-111

© Киреева Е.Ф., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Фискальная устойчивость является основополагающим элементом функционирования современного государства, играющим ключевую роль в обеспечении выполнения долгосрочных финансовых обязательств, контроле государственного долга и предоставлении основных социальных услуг. В условиях глобальной экономической нестабильности и возрастающей сложности финансовых рынков исследования в этой области приобретают особую значимость. Они позволяют оценить способность правительства эффективно управлять долговыми обязательствами, поддерживать бесперебойное предоставление государственных услуг и предотвращать экономические кризисы.

Экономическая теория и практика подчеркивают важность налогово-бюджетной политики как ключевого инструмента стимулирования экономического роста. В этом контексте исследования фискальной устойчивости предоставляют ценную информацию для политиков, инвесторов и широкой общественности, способствуя принятию обоснованных решений в области налогообложения, государственных расходов и обеспечения финансовой стабильности.

В последние десятилетия фискальная устойчивость стала одной из наиболее актуальных тем в экономической науке. Правительства по всему миру сталкиваются с необходимостью поддержания финансовой стабильности, обеспечения долгосрочной устойчивости государственных финансов и выполнения своих обязательств перед населением в условиях сложной экономической среды. В условиях глобализации и интеграции финансовых систем вопросы финансовой устойчивости приобретают междисциплинарный характер, требуя комплексного подхода и учета множества факторов, включая макроэкономические условия, институциональные особенности и глобальные финансовые тенденции.

В экономических союзах фискальная устойчивость подвергается дополнительным рискам. На нее влияют не только процессы замедления экономического роста в условиях экономических и гуманитарных кризисов, но и санкционное давление, переориентирующее страны на альтернативные торговые и финансовые потоки и поиск внутренних точек роста. С другой стороны, интеграционные структуры за счет объединения финансовых ресурсов и использования совместных фискальных институтов имеют больше возможностей для нивелирования глобальных угроз и регулирования национальных финансов.

Исследования фискальной устойчивости на территории экономических союзов становятся значимыми и актуальными в условиях углубления интеграции Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и возможного расширения за счет привлечения ассоциированных членов и новых стран-участниц.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В экономической науке вопрос определения фискальной устойчивости остается дискуссионным как с точки зрения определения самого понятия, так и инструментария, обеспечивающего ее регулирование. Ученые предлагают разнообразные дефиниции, которые, несмотря на имеющиеся различия, обладают общими чертами и разнятся либо временным горизонтом, либо индикаторами и применением методов их оценки.

Например, Крейг Бернсайд (экономист Всемирного банка и профессор Университета Дьюка) — один из ведущих экспертов в данной сфере в своем подходе к определению и оценке фискальной устойчивости сочетает эконометрическое моделирование, анализ долговой динамики и учет политических рисков. Определяя фискальную устойчивость как сложное экономическое явление, он указывает: «Фискальная устойчивость — не просто математика долга, а баланс между экономикой и политикой» [1]. В других исследованиях Бернсайд акцентирует внимание на роли налоговой политики в регулировании фискальной устойчивости [2]. Круз-Родригес подчеркивает важность динамики государственного долга как ключевого индикатора стабильности, используя подход к фискальной устойчивости не как к не статичному показателю, а динамическому процессу [3]. Отечественные ученые, изучающие проблемы устойчивости государственных финансов, используют либо методологию фискального пространства [4], либо акцентируются на региональной устойчивости через фискальные инструменты [5].

Многие страны и международные аналитические институты публикуют отчеты, в которых проводится оценка стабильности налогово-бюджетной политики на основе долгосрочных макроэкономических прогнозов. Проводимые аналитические исследования ориентированы на выявление необходимости и целесообразности внесения изменений в фискальную политику для обеспечения сбалансированности государственных финансов. С этой целью используются различные методы для оценки макроэкономических

индикаторов, в первую очередь для определения дефицита государственного бюджета и величины госдолга.

В последние годы и в научной литературе, и в практической деятельности утвердились три основных подхода к дефиниции финансовой устойчивости, каждый из которых учитывает определенные факторы.

В соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда (МВФ) фискальная устойчивость определяется способностью правительства поддерживать свою платежеспособность на долгосрочном временном горизонте [6]. Этому подходу придерживаются и другие исследователи [7], подразумевая, что фискальная устойчивость выражается наличием достаточных финансовых источников у государства для обслуживания долговых обязательств без риска дефолта.

В рамках второго подхода основной акцент делается на преобладающей роли фискальной политики в обеспечении финансовой стабильности [8]. Согласно данной концепции, реализация последовательной налогово-бюджетной стратегии за счет эффективного управления бюджетными расходами и доходами позволяет поддерживать финансовую дисциплину, предотвращать чрезмерный рост государственного долга и способствовать восстановлению базового уровня государственного долга к ВВП. Третий подход представляет собой интеграцию этих двух методов и был формализован в работах Альваро, который предложил учитывать как способность правительства выполнять свои финансовые обязательства, так и необходимость контролировать рост государственного долга [9]. Фискальная устойчивость рассматривается как динамический процесс, требующий сбалансированного управления государственными финансами и эффективного контроля за долговой нагрузкой.

Исследования фискальной устойчивости в интеграционных образованиях акцентируются на необходимости активизации совместных фискальных инструментов и усилении роли бюджетно-налоговой политики в противостоянии кризисам и угрозам [10–14].

Европейская комиссия (ЕК), как наднациональная структура наиболее интегрированного экономического союза, концептуализирует фискальную устойчивость как способность органов государственной власти обеспечивать устойчивое финансирование текущих расходов, налоговой и других видов политики на долгосрочной основе, при этом не подвергая угрозе платежеспособность государства и не допуская дефол-

та по долговым обязательствам или невыполнения заранее оговоренных бюджетных обязательств¹.

ЕК оценивает фискальную устойчивость стран, входящих в экономический союз, через комплексную систему правил, индикаторов и стресс-тестов, сочетая количественные критерии с качественным анализом. В качестве правовой основы рассматривается Пакт о стабильности и экономическом росте (SGP) и последующие правовые инициативы в его развитие и дополнение².

ПОЛИТИКА ФИСКАЛЬНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В ЕАЭС

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сформировался из государств, имеющих существенные различия в уровне социально-экономического развития, что усугубляет проблему устойчивости национальных финансов. Успешное решение этой задачи является одним из важнейших условий обеспечения стабильности и долгосрочной устойчивости функционирования интеграционного образования.

Для достижения этой цели в рамках ЕАЭС реализуется согласованная макроэкономическая и фискальная политика, цель которой — обеспечение сбалансированного развития экономик стран-участниц, включая координацию денежно-кредитных и бюджетных мер. Ее основные принципы и направления закреплены в ст. 63 раздела XIII «Макроэкономическая политика» Договора о Евразийском экономическом союзе³.

В качестве показателей макроэкономической устойчивости определены два основных фискальных показателя:

- годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления — не более 3% от ВВП;
- долг сектора государственного управления — не более 50% от ВВП.

Динамика показателей фискальной устойчивости в каждом государстве ЕАЭС характеризуется различными трендами в зависимости от проводимой

¹ Fiscal Sustainability Report 2021 — European Commission. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/publications/fiscal-sustainability-report-2021_en, Accessed 11.05.2025.

² Resolution of the European Council on the Stability and Growth Pact Amsterdam, 17 June 1997 Official Journal C 236, 02/08/1997 P. 0001–0002 URL: [https://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31997Y 0802\(01\): EN: HTML](https://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31997Y 0802(01): EN: HTML)

³ Договор о Евразийском экономическом союзе, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8a694e32a3a0ff7dea296f410d4b651ba8136f5c/

Таблица 1 / Table 1

**Динамика дефицита / профицита консолидированных бюджетов стран ЕАЭС за 2019–2024 гг., % к ВВП /
Dynamics of deficit/surplus of consolidated budgets of the EAEU countries for 2019–2024, % of GDP**

Год / Year	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
Дефицит/профицит бюджета (средний в ЕАЭС) / Budget deficit/surplus (average in the EAEU)	+0,84	–3,9	–1,2	–0,4	+0,1	–0,5
Армения / Armenia	–0,8	–5,1	–4,5	–2,2	–1,9	–3,5
Беларусь / Belarus	2,5	–1,6	0,3	–1,5	...	...
Казахстан / Kazakhstan	–0,5	–6,6	–3,6	1,8	1,0	–0,7
Кыргызстан / Kyrgyzstan	0,5	–2,6	0,6	0,6	2,7	3,5
Россия / Russia	2,5	–3,4	1,4	–0,8	–1,8	–1,2

Источник / Source: URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d2b/u6k8l1ik4vu2hykaec5cmqshs4ytfra1/Monitoring-pokazateley_opredelyayushchikh-ustoychivost.pdf?ysclid=m98iivcq8o25313272.

Примечание / Note: *рассчитано без данных по Беларуси / *calculated without data for Belarus.

фискальной политики. Так, например, анализируя величину бюджетного дефицита/профицита, следует отметить, что выполнение этого показателя наиболее часто не соблюдается в Армении. Превышение лимита допускалось также практически всеми странами блока в пандемийный период (табл. 1).

Тенденции изменения динамики второго фискального показателя — величины государственного долга по отношению к ВВП демонстрируют также оперативную реакцию на кризисные события: при наступлении пандемии все страны — члены ЕАЭС существенно увеличили свои долги, а Армения и Кыргызстан превысили установленные договором требования (рис. 1).

Неоднородна и структура формирования госдолга. Так, в России и Казахстане в 2024 г. превалировал внутренний долг. В нашей стране он составил 233,5 млрд долл. США — самый большой размер внутреннего госдолга в ЕАЭС (81,8%). Доля же внешнего долга России к ВВП была наименьшей среди четырех стран — 18,2%, тогда как в Армении она составила 50% (табл. 2).

По состоянию на 1 января 2025 г. наблюдается значительная динамика в изменении внешнего государственного долга. Тенденции для стран ЕАЭС различны. В Армении зафиксировано снижение данного показателя на 0,7%, что свидетельствует о положительной динамике в управлении долговыми обязательствами. В Кыргызстане также отмечается сокращение внешнего долга на 3,0%, что также отражает повышение эффективности фискальной политики и тренд на финансовую дисциплину. В России наблюдается более

существенное уменьшение внешнего государственно-го долга на 7,8%, что является важным индикатором экономической стабильности и финансовой устойчивости страны.

В то же время Казахстан демонстрирует рост внешнего государственного долга на 1,7%. Данный тренд может быть обусловлен различными факторами, как отрицательными, так и положительными. Например, активизацией инвестиционной активности и увеличением международных финансовых потоков.

Эти данные позволяют сделать вывод о разнонаправленной динамике изменения внешнего госдолга в этих странах, что требует дальнейшего исследования и анализа для выявления ключевых факторов, влияющих на финансовую устойчивость государств в условиях глобальной экономической нестабильности.

Государства — члены ЕАЭС обязаны соблюдать предельные значения ключевых фискальных показателей, обеспечивающих устойчивость системы государственных финансов, процедура подробно изложена в Протоколе о макроэкономической политике (Приложение № 14 к Договору о ЕАЭС)⁴.

Этот документ является ключевым для регулирования фискальной устойчивости союза, и в нем детализируются критерии, механизмы мониторинга

⁴ Протокол о проведении согласованной макроэкономической политики (приложение № 14 к Договору о Евразийском экономическом союзе) (Астана, 29 мая 2014 г.) (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70675098/>

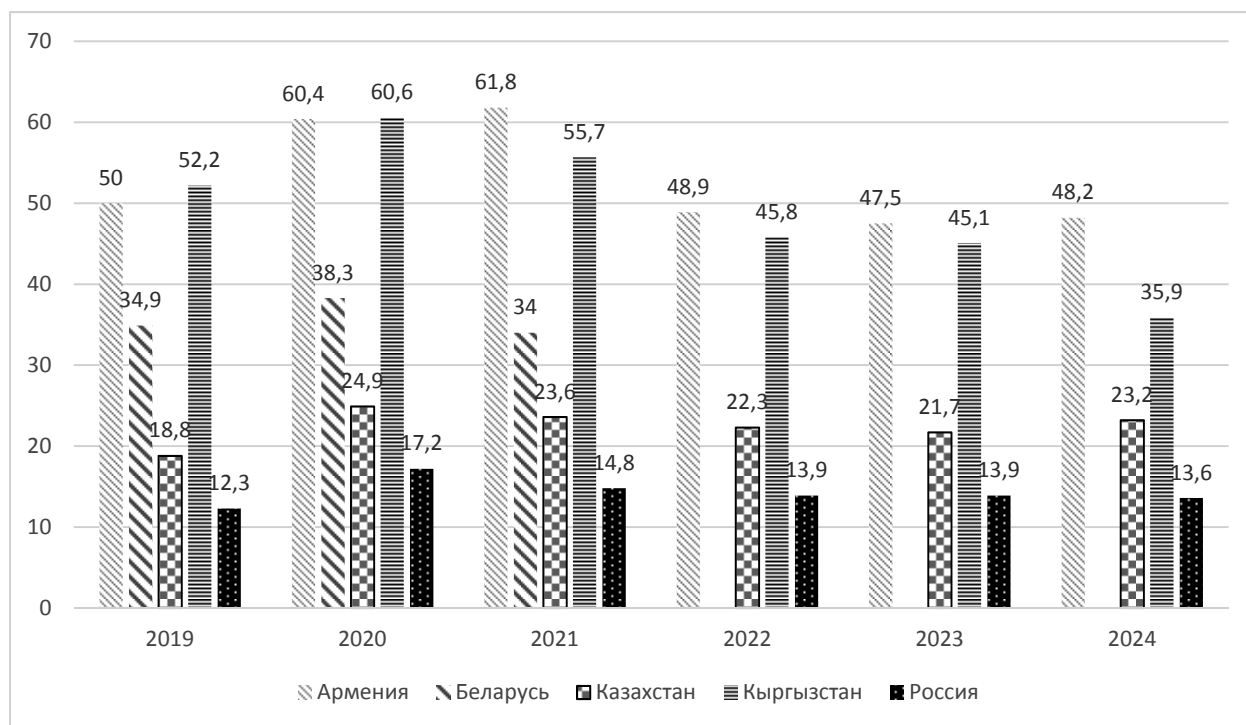

Рис. 1 / Fig.1. Долг сектора государственного управления стран ЕАЭС за 2019–2024 гг., % ВВП / Debt of the public administration sector of the EAEU countries for 2019–2024,% of GDP

Источник / Source: URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/express_information/budget/express_budget_4Q2024.pdf

Таблица 2 / Table 2

Государственный долг стран ЕАЭС в 2024 году* / The national debt of the EAEU countries in 2024*

Госдолг / Government debt	Всего / in total	Внутренний / domestic	Внешний / external	Всего / in total	Внутренний / domestic	Внешний / external
	Млрд. долларов США / Billion. US dollars			В % итору / As a percentage of the total		
Армения / Armenia	12,8	6,4	6,4	100	50	50
Беларусь / Belarus	...	...	...	...	...	...
Казахстан / Kazakhstan	60,8	44,9	15,9	100	73,8	26,2
Кыргызстан / Kyrgyzstan	6,6	2,1	4,5	100	68,2	31,8
Россия / Russia	285,6	233,5	52,1	100	81,8	18,2

Источник / Source: URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/express_information/budget/express_budget_4Q2024.pdf

Примечание / Note: *данные по Беларуси отсутствуют / *no data available for Belarus.

и последствия нарушений странами-членами указанных параметров. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) осуществляет ежеквартальный мониторинг выполнения государствами-членами критериев макроэкономической стабильности, который включает анализ финансовых отчетов, экономических индикаторов и других релевантных данных. Государства-члены обязаны предоставлять ЕЭК необходимую информацию в установленные сроки, что обеспечивает прозрачность и подотчетность в рамках интеграционного процесса. При выявлении отклонений от установленных показателей в целях предотвращения кризисных ситуаций и обеспечения устойчивого развития ЕЭК имеет право запросить у государства-члена программу корректировки экономической политики.

Последствия нарушений зафиксированных в Договоре фискальных показателей предусматривают следующий механизм регулирования и ответственности:

1. Предупреждение (уровень «желтый»): при приближении показателей к установленным лимитам (например, уровня государственного долга к 50% ВВП) ЕЭК направляет государству-члену рекомендации по стабилизации экономической ситуации. Это включает разработку и представление программы стабилизации макроэкономических показателей, что способствует своевременному реагированию на потенциальные угрозы.

2. Корректирующие меры (уровень «красный»): при превышении установленных лимитов (например, дефицит государственного бюджета более 3% ВВП) ЕЭК вводит усиленный контроль за экономической политикой государства-члена. В рамках корректирующих мер могут быть применены ограничения на предоставление льгот в рамках интеграционных программ ЕАЭС. Также ЕЭК может рекомендовать проведение консультаций с международными финансовыми организациями для обеспечения стабилизации экономической ситуации.

В исключительных случаях предусмотрены санкции. Как правило, при постоянном несоблюдении установленных показателей (например, при превышении уровня государственного долга более чем на 50% ВВП в течение нескольких лет подряд) ЕЭК может:

- приостановить предоставление финансовой поддержки из фондов ЕАЭС, что направлено на стимулирование ответственного экономического поведения;
- ограничить доступ государства-члена к общим рынкам ЕАЭС, включая дополнительные проверки товаров, что способствует поддержанию честной

конкуренции и защите интересов других участников интеграционного процесса;

- исключить государство-член из отдельных соглашений, заключенных в рамках ЕАЭС (например, по вопросам трудовой миграции), что обеспечивает соблюдение принципов взаимности и доверия.

Следует обратить внимание, что, в отличие от ЕС, в ЕАЭС установлены более жесткие требования к бюджетной дисциплине при наличии более «мягких санкций». Основной акцент по соблюдению параметров фискальной устойчивости в ЕАЭС сделан на проведение переговоров и разработку планов корректировки, а не на автоматические штрафные санкции. Это способствует более гибкому и адаптивному подходу к решению возникающих экономических проблем.

Кроме требований к соблюдению фискальных параметров, регламентирующих обеспечение фискальной устойчивости в ЕАЭС, каждое государство применяет собственные национальные бюджетные правила для поддержания макроэкономической стабильности и устойчивости финансовой системы. Несмотря на общую цель, правила различаются из-за специфики национальных экономик. Начало их применения в рамках национальных бюджетных законодательств пришлось на 2015–2018 гг. Правила закреплены на уровне бюджетных кодексов или нормативно-правовых актов, имеющих аналогичную юридическую силу.

Управление госдолгом — ключевой элемент правил, особенно в Армении, Беларуси и Киргизии, где бюджетные правила в первую очередь направлены на снижение долговой нагрузки и являются основными (якорными) правилами. В Беларуси применяется ограничение на рост налоговой нагрузки на экономику (правило доходов). Другие государства (за исключением Киргизии) используют правило расходов, устанавливающее предельный уровень госрасходов, что позволяет обеспечивать контроль за государственными финансами⁵. Государства, имеющие значительные сырьевые ресурсы, используют с этой целью (главным образом, в качестве регулятора колебаний нефтегазовых доходов) стабилизационные резервы и фонды: Россия — Фонд национального благосостояния, Казахстан — «Самрук-Казына». Уровень госдолга в этих странах остается низким благодаря успешной фискальной политике.

⁵ Бюджетные правила государств — членов ЕАЭС и мировой опыт применения бюджетных правил. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f18/Doklad-po-byudzhetnym-pravilam-EAES_-2020.pdf

В некоторых странах-участницах в состав фискальных параметров включены структурные индикаторы. Например, Армения использует показатели, учитывающие экономические циклы, Россия — индикаторы, основанные на долгосрочных нефтяных ценах. В Армении предусмотрена возможность временного приостановления действия бюджетных правил в условиях, когда наблюдаются значительные экономические спады, а также в случае природных бедствий и техногенных катастроф. Основные перспективы развития национальных бюджетных правил включают их сближение и унификацию, а также приближение к параметрам, установленным Договором о ЕАЭС, что позволит обеспечить стабильность государственных финансов в регионе.

Фискальная политика играет ключевую роль в гармонизации экономических потенциалов стран-участниц. Она включает координацию налоговых систем, гармонизацию налоговых ставок и льгот, а также совместные усилия по оптимизации бюджетных расходов и повышению эффективности управления государственными финансами. Основные направления фискальной политики определены в ст. 64 Договора о ЕАЭС.

Важным инструментом фискальной координации является гармонизация налоговых обязательств, что способствует созданию единого налогового пространства и снижению административных барьеров для бизнеса. Это также позволяет более эффективно перераспределять финансовые ресурсы между странами-участницами, обеспечивая поддержку менее экономически развитых государств и стимулируя экономическое развитие на всей территории Союза.

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ И ФИСКАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ЕАЭС

Экономические союзы обладают более значительными возможностями обеспечения фискальной устойчивости и макроэкономической стабилизации по сравнению со странами, не входящими в тесные интеграционные образования за счет создания совместных финансовых институтов, обладающих крупными финансовыми ресурсами и оказывающими помощь не только в виде кредитования инвестиционных и социальных проектов, но и их техническом и методологическом обеспечении. Это подтверждает вывод, что интеграция позволяет

воспользоваться ее преимуществами, в том числе и за счет общих финансовых фондов и резервов.

Для поддержки интеграционных инициатив и поддержания макроэкономической устойчивости в рамках Евразийского экономического союза были созданы специальные организации: Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР).

ЕАБР — это международная финансовая организация, созданная для углубления торгово-экономических связей и интеграции государств посредством инвестиционного финансирования. Банк был учрежден в 2006 г. по инициативе Российской Федерации и Республики Казахстан. В 2009 г. к учредителям присоединились Армения и Таджикистан, в 2010 г. — Беларусь, в 2011 г. — Кыргызская Республика.

ЕАБР представляет собой многонациональную структуру, объединяющую усилия государств — членов экономического союза для реализации совместных экономических инициатив. И хотя функционал банка в большей степени направлен на финансирование крупных инвестиционных проектов, обеспечивающих и (или) стимулирующих интеграционные процессы на пространстве ЕАЭС за счет процедур долгосрочного кредитования государственных и частных корпораций, участия в капитале акционерных обществ, эмиссии гарантий и поддержки инвестиционных фондов, этот институт финансирует реальный сектор и торговые операции, создавая тем самым устойчивую платформу для экономического развития и, как следствие, — макроэкономической и фискальной стабильности.

В 2008 г. глобальный финансовый кризис оказал деструктивное воздействие на экономические системы стран ЕАЭС и стал катализатором для создания Антикризисного фонда, который изначально формировался как стабилизационный фонд, средства которого должны были быть задействованы на мероприятия по минимизации негативных последствий кризиса и обеспечение экономической стабильности в регионе. В 2015 г. фонд был переименован в Евразийский фонд стабилизации и развития, что отражало его расширенные функции и задачи по поддержке макроэкономической устойчивости и социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС. Уставный капитал фонда составляет более 8,513 млрд долл., из которых 10% — денежные средства, а 90% — векселя стран-участниц.

Основной миссией фонда является содействие достижению долгосрочного устойчивого развития

и интеграции экономических систем стран-участниц⁶. ЕФСР финансирует страны без просроченных долгов. Кредиты зависят от ВВП на душу населения и предоставляются в пределах годовых лимитов. Решение о кредите принимается на основе анализа необходимости финансирования, платежеспособности страны, ее способности выполнять долговые обязательства, потенциала достижения целей ЕФСР и качества управления, включая антикоррупционные меры (оценки Всемирного банка, МВФ и других организаций). Для реализации данной стратегической цели фонд задействует следующие инструменты:

- Финансовые кредиты или бюджетозамещающие займы, направленные на решение проблем платежного баланса стран-членов.
- Инвестиционные кредиты, предназначенные для поддержки масштабных инвестиционных проектов в таких стратегически значимых секторах, как энергетика, транспортная инфраструктура и сельское хозяйство.
- Гранты на реализацию социальных проектов, представляющие собой проектное финансирование на безвозмездной основе.
- Операции по техническому содействию (ТС), которые направлены на повышение профессиональной компетенции и укрепление институционального потенциала для успешной реализации стратегических проектов.

Стабилизационную поддержку в регионе оказывают также многосторонние банки развития: Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Всемирный банк, Японское агентство по развитию JICA и др.

Объемы одобренного суверенного финансирования по странам ЕАЭС представлены на *рис 2*.

Фонд осуществляет стабилизационное финансирование, аналогичное практике МВФ, что является достаточно серьезным в плане поддержки фискальной стабильности в экономическом союзе. В 2024 г. стабилизационное финансирование было осуществлено в размере 3,6 млрд долл. США, что является второй по величине категорией операций в рамках утвержденного бюджета за рассматриваемый период. Основная часть этих средств предназначена для поддержки государственного бюджета, обеспечения стабильности платежного баланса, стабилизации

национальных валютных курсов и предоставления фискальной поддержки.

ВЫВОДЫ

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются интеграционные объединения, является обеспечение фискальной устойчивости как на уровне отдельных стран-участниц, так и на уровне всего объединения. В условиях тесных торговых и финансовых связей, общего экономического пространства и единого рынка финансовые дисбалансы и нестабильность в одной стране могут оказывать значительное влияние на стабильность всей интеграционной структуры. В ЕАЭС существуют значительные риски стабильности государственных финансов, связанные с асимметрией экономического развития и различиями в фискальных стратегиях стран-участниц.

Для обеспечения устойчивого развития и снижения последствий экономических и гуманитарных шоков экономические союзы могут воспользоваться преимуществами путем реализации интеграционного подхода к фискальному регулированию. Интеграционный подход подразумевает более тесное взаимодействие бюджетно-налоговой политики стран-участниц, установление обязательных требований к фискальным показателям, применение согласованных унифицированных бюджетных правил, а также создание специализированных финансовых институтов, которые должны целенаправленно способствовать взаимодействию в фискальной и долговой политике, отслеживать состояние государственных бюджетов и уровень задолженности стран-участниц, оказывать финансовую помощь государствам, испытывающим экономические проблемы и обеспечивать финансирование интеграционных проектов как основы повышения общего экономического уровня.

В рамках обеспечения фискальной устойчивости экономического союза реализуется и концепция фискальной конвергенции, которая базируется на гармонизации фискальных параметров интегрирующихся экономик, что способствует повышению уровня их экономической совместимости и устойчивости. Фискальная конвергенция не только минимизирует риски, обусловленные асимметрией экономического развития, но и создает благоприятные условия для более эффективного функционирования единого экономического пространства. Страны — участницы ЕАЭС в последние годы предпринимают активные

⁶ Евразийский фонд стабилизации и развития. URL: <https://efsd.org>

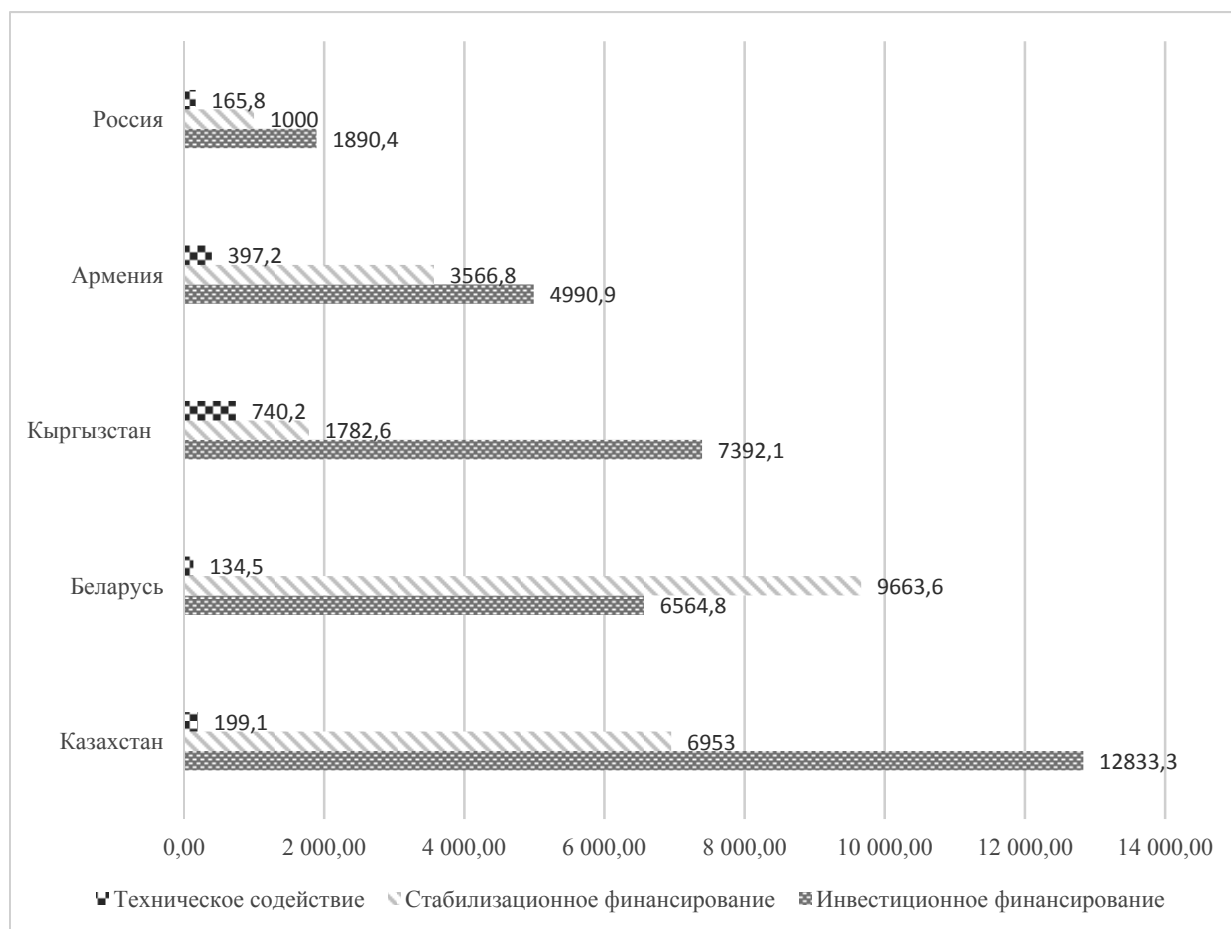

Рис. 2/ Fig.2. Суверенное финансирование в разрезе инструментов в странах ЕАЭС в 2024 г., млн долл. / Sovereign financing by instruments in the EAEU countries in 2024, USD million

Источник / Source: URL: https://efsd.org/one-page-02-04/2024_Annual_Report_RUS.PDF

действия по сближению своих фискальных параметров, включая координацию фискальной политики, синхронизацию бюджетных процессов и гармонизацию налогового законодательства [15].

Фискальная конвергенция, институциональное сотрудничество по созданию эффективных финансовых институтов, координация бюджетно-налоговой политики и меры по обеспечению

макроэкономической стабильности помогают минимизировать риски, укрепляют экономическую устойчивость и способствуют устойчивому развитию интеграционных объединений. В ЕАЭС уже достигнуты значительные успехи в этом направлении, но остаются вызовы, требующие постоянного внимания и усилий для дальнейшего укрепления экономической интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Burnside C. Fiscal sustainability in theory and practice: A handbook. *World Bank Publications*; 2005.
2. Burnside C. Assessing new approaches to fiscal sustainability analysis. *World Bank*; 2004.
3. Cruz-Rodriguez A. Assessing fiscal sustainability in some selected countries. *MPRA Paper*. No. 54975; 2014.
4. Мельникова Т.С. Оценка устойчивости федерального бюджета с использованием методологии фискального пространства. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2024;9(1):95–102. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3704>
Melnikova T.S. Assessment of the sustainability of the federal budget using the methodology of fiscal space. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024;9(1):95–102. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3704>

5. Троянская М.А., Вылкова Е.С. Налоговая устойчивость региона: индикаторы оценки. *Международный бухгалтерский учет*. 2022;25(7):819–844. DOI: 10.24891/re.17.1.121
Troyanskaya M.A., Vylkova E.S. Tax sustainability of the region: Assessment indicators. *Mezhdunarodny`j buxgalterskij uchet _ International accounting*. 2022;25(7):819–844. (In Russ.). DOI: 10.24891/re.17.1.121
6. IMF Assessing Sustainability. Policy paper prepared by the Policy Review and Development Department, May 28, Washington, DC, United States: IMF; 2002.
7. Croce E., Juan-Ramon H. Assessing sustainability: A cross-country comparison. *IMF Working Paper*. No. 03/145; 2003.
8. Buiter W.H., Persson T., Minford P. A guide to public sector debt and deficits. *Economic Policy*; 1985:14–79.
9. Alvarado C.D., Izquierdo A., Panizza U. Fiscal sustainability in emerging market countries with an application to Ecuador. *Inter-American Development Bank Working Paper*, no. 511; 2004.
10. Brooks P.K., Pradhan M. The mechanics of a strong Euro Area: *IMF Policy Analysis*; 2015.
11. Afonso A., Christophe R. What do we really know about fiscal sustainability in the EU? A panel data diagnostic. *Review of World Economics*; 2010.
12. Golpe A.A., Sánchez-Fuentes A. J., Vides J.C. Fiscal sustainability, monetary policy and economic growth in the Euro Area: In search of the ultimate causal path. *Economic Analysis and Policy* 78;2023:1026–45.
13. Glavaški O., Beker P.E. Heterogeneity of fiscal adjustments in EU economies in the pre- and post-crisis periods: Common correlated effects approach. *Eurasian Econ Rev* 11;2021:191–226. DOI: 10.1007/s40822-020-00164-z
14. Киреева Е.Ф. Фискальная устойчивость в интеграционных союзах. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2024;149(5):21–26.
Kireeva E.F. Fiscal sustainability in integration unions. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta =Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2024;149(5):21–26. (In Russ.).
15. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144–154.
Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144–154. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Федоровна Киреева — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena F. Kireeva — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Deputy Director of the Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2917-7347>
efkireeva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 09.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121

УДК 369.032(045)

JEL 118

Использование китайского опыта в управлении здравоохранением России

Ю.Н. Шедько, И.Ю. Ильина, И.А. Квасов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена необходимостью совершенствования системы здравоохранения России в ответ на новые внутренние и внешние вызовы и угрозы экономической безопасности. **Предмет** исследования — реформирование системы управления сферой здравоохранения в КНР. **Цель** работы — анализ опыта КНР в модернизации системы здравоохранения для выявления организационно-управленческих мероприятий, которые могут быть применены в деятельности государства, направленной на сохранение, укрепление и восстановление здоровья населения России. Установлена первостепенная важность раннего выявления и профилактики заболеваний в современной медицине и роль органов государственной власти в управлении этими процессами. Сделан **вывод** о том, что в КНР принят курс на дальнейшее углубление реформ и модернизацию системы здравоохранения с учетом китайской специфики, предусматривающий реализацию стратегии развития, ориентированной на улучшение системы общественного здравоохранения, интеграцию медицинской и профилактической деятельности; совершенствование системы мониторинга и раннего предупреждения заболеваний, реагирование на чрезвычайные ситуации. **Научная новизна** исследования и его отличие от подобных работ состоит в установленных особенностях реформирования системы управления сферой здравоохранения в КНР, в которой эффективно действуют учреждения государственной и частной медицины, которые работают под государственным контролем с использованием малозатратных механизмов и инструментов управления, сочетая традиционные и современные методы лечения.

Ключевые слова: государственное управление; система здравоохранения; традиционная китайская медицина; цифровизация в здравоохранении

Для цитирования: Шедько Ю.Н., Ильина И.Ю., Квасов И.А. Использование китайского опыта в управлении здравоохранением России. 2025;18(5):112-121. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121

ORIGINAL PAPER

Using Chinese Experience in Russian Healthcare Management

Yu.N. Shedko, I. Yu. Ilyina, I.A. Kvasov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of the work is determined by the need to improve the Russian healthcare system in response to new internal and external challenges and threats to economic security. **The subject** of the study is the reform of the healthcare management system in China. **The purpose** of the work is to analyze China's experience in modernizing the healthcare system in order to identify organizational and managerial measures that can be applied in government activities aimed at preserving, strengthening and restoring the health of the Russian population. The primary importance of early detection and prevention of diseases in modern medicine and the role of public authorities in managing these processes have been established. It is concluded that China has adopted a policy of further deepening reforms and modernizing the healthcare system, taking into account Chinese specifics, providing for the implementation of a development strategy focused on improving the public health system, integrating medical and preventive activities; improving the system of monitoring and early warning of diseases, responding to emergency situations. **The scientific novelty** of the study and its difference from similar works lies in the established features of the reform of the healthcare management system in the PRC, in which public and private medical institutions operate effectively, operating under state control using low-cost management mechanisms and tools, combining traditional and modern methods of treatment. **Keywords:** public administration; healthcare system; traditional Chinese medicine; digitalization in healthcare

For citation: Shedko Yu.N., Ilyina I. Yu., Kvasov I.A. Using Chinese experience in Russian healthcare management. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):112-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121

© Шедько Ю.Н., Ильина И.Ю., Квасов И.А., 2025

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. системы здравоохранения Российской Федерации и Китайской Народной Республики (далее — КНР) претерпевают большие изменения под влиянием цифровизации лечебного процесса через внедрение современных технологий в различные процессы медицинской отрасли как бюджетной, так и коммерческой медицины, делая медицинские услуги более привычными и удобными для населения благодаря возможности их получения путем использования специализированных медицинских сервисов. Кроме того, цифровые технологии позволяют усиливать профессиональные коммуникации между медиками, улучшать обмен знаниями внутри медицинских коллективов. Благодаря цифровым инновациям медицина становится ближе к человеку, трансформируя традиционные подходы к диагностике, лечению заболеваний и их профилактике, позволяя выявлять болезни на их ранней стадии развития.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вся система здравоохранения, функционирующая в динамично изменяющемся и труднопредсказуемом окружении, нуждается в стратегическом управлении, призванном помочь организациям определять долгосрочные цели и разрабатывать планы для их достижения, учитывая текущую ситуацию и внешние факторы и включая анализ рынка, определение конкурентных преимуществ и создание эффективной системы управления для реализации намеченных планов.

В деятельности по достижению желаемого социально-экономического результата в контексте российского здравоохранения наибольшую роль играют государственные амбулаторно-поликлинические учреждения, поскольку именно через них решаются задачи улучшения здоровья населения на основе повышения качества и доступности оказания медицинской помощи, приведения ее в соответствие с потребностями населения посредством внедрения новых идей, методов или технологий в медицину для улучшения качества окружающей среды, повышения ожидаемой продолжительности жизни, снижения смертности населения от болезней системы кровоснабжения, злокачественных новообразований, улучшения доступности медицинской помощи и ее приведения в соответствие с потребностями населения [1–4].

Изучение факторов, влияющих на отнесение субъектов Российской Федерации к конкретной модели территориального размещения медицинских организаций, способствует своевременной корректировке стратегических планов, которые являются обязательным условием обеспечения эффективности управления развитием здравоохранения [5].

В улучшении результатов общественного здравоохранения большое значение имеет государственное регулирование здравоохранения, предусматривающее профилактику и раннее выявление заболеваний с учетом растущей угрозы хронических неинфекционных заболеваний. Государство принимает меры по улучшению управления состоянием здоровья граждан и их образа жизни.

Профилактика населения от заболеваний складывается из различных составляющих: вакцинации, диспансеризации, продвижения здорового образа жизни (далее — ЗОЖ) и многого другого [6].

Для этого необходим преобразующий подход к интеграции электронного управления, охватывающего здравоохранение и другие отрасли социальной сферы, который предусматривает действия на основании единой и целостной информации [7].

При решении этих задач должно быть обеспечено эффективное взаимодействие власти, бизнеса, общества в целях устойчивого развития социальной сферы, в том числе достижения высокого уровня здравоохранения [8].

Благодаря расширению возможностей цифровизации электронное правительство приобретает новые формы, и государство, вступая на путь цифровой трансформации, трансформируется в качественно новую экосистему [9].

Обмен информацией, электронная двусторонняя коммуникация с использованием цифровых платформ позволяют органам публичной власти, бизнес-структурам оперативно реагировать на кризисы в краткосрочном периоде. Политика ускорения цифровизации государственного управления и предоставления государственных услуг в регионах, городах и сельской местности способствует минимизации или устранению последствий негативных явлений [10].

Причем и в России, и в КНР, и во многих других странах имеются научные, технические, экономические и социальные возможности для развития телемедицины [11].

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КНР

В 2024 г. в КНР определены следующие основные задачи по углублению реформы системы здравоохранения:

1) усиление руководства медицинской реформой, создание единого и эффективного механизма координации политики, информационной взаимосвязанности и нормативно-правовой связи медицинского страхования, медицинского обслуживания и фармацевтики — деятельности, связанной с производством лекарственных средств и лекарственных веществ на промышленных предприятиях;

2) продвижение опыта реформы здравоохранения в Саньмине (городском округе в провинции Фуцзянь КНР), повышение качества и расширение централизованных и объемных закупок лекарств и медицинских расходных материалов, а также углубление реформы цен на медицинские услуги, применение методов оплаты медицинского страхования и оплаты труда в государственных больницах;

3) строительство национальных и региональных медицинских центров, продолжение реформы медицинских союзов, содействие инновационному развитию традиционной китайской медицины, расширение возможностей медицинских кадров и проведение пилотных реформ высококачественных и эффективных систем медицинского обслуживания и здравоохранения;

4) качественное развитие государственных больниц всех типов;

5) совершенствование многоуровневой системы медицинского обеспечения и развитие коммерческого медицинского страхования;

6) углубление реформы фармацевтики, совершенствование системы проверки и утверждения лекарственных средств и улучшение механизма гарантированного снабжения лекарственными средствами;

7) усиление всестороннего надзора в области медицины и здравоохранения¹.

Проведение реформирования системы здравоохранения было подтверждено распоряжением Правительства КНР № 132 (2024)², которым объявлялось о проведении мероприятий «Года экономического управления государственными медицинскими

учреждениями» в период 2024–2025 гг., предусматривающих активное поощрение использования информационных технологий в управлении государственными медицинскими учреждениями и создание платформы интеграции операционной и управленческой информации на основе деловой и финансовой интеграции, ускорения взаимосвязи внутренних информационных систем и обмена данными.

Всем органам власти вменялось в обязанность содействие созданию систем эксплуатации и управления для государственных медицинских учреждений в пределах своих территорий, а также активное формирование платформы управления информацией для мониторинга, анализа, отслеживания и руководства экономической деятельностью различных подразделений. При этом ведущую роль в завершении создания платформы интеграции операционной и управленческой информации должны играть государственные медицинские учреждения и больницы, находящиеся под бюджетным управлением Национальной комиссии Китая по здравоохранению и Государственного управления традиционной китайской медицины.

Планируется, что к концу 2025 г. 50% государственных больниц третьего уровня³ страны должны перейти на использование платформ интеграции операционной и управленческой информации, позволяющих объединять данные, поступающие из разных источников в единую систему, удобную для принятия управленческих решений и операционного контроля, а к концу 2027 г. должен быть достигнут их полный охват этими платформами⁴.

Сфера информатизации в здравоохранении в КНР в 2024 г. претерпела глубокие изменения и развитие. Приведем нормативно-правовые акты КНР, касающиеся реформ в сфере медицины.

³ В Китае лечебные учреждения подразделяются на три уровня: первичные больницы, вмещающие, как правило, 100 коек, занимающиеся профилактикой болезней и предоставлением минимальной медицинской помощи и оказанием услуг по реабилитации; больницы второго уровня, расположенные в средних по размеру городах и округах, содержащие более 100 коек, но менее 500, которые отвечают за предоставление комплексных медицинских услуг, а также за проведение исследований на региональной основе; больницы третьего уровня с количеством коек, превышающим 500, которые оказывают специализированные медицинские услуги.

⁴ URL: <http://www.nhc.gov.cn/caiwusi/s7786k/202407/df1f6b2a90334d3291d94d22ea691f73.shtml>.

¹ URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11406/202406/content_6958073.html.

² URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11406/202406/content_6958073.html.

Осуществление мероприятий по дальнейшей оптимизации оказания государственных услуг, содействию «эффективному выполнению одной задачи» предусматривает инновационное применение таких новых технологий, как большие данные, блокчейн и искусственный интеллект. Трансформация государственных услуг заключается в переходе от человеческого обслуживания к взаимодействию человека с компьютером и от суждений, основанных на опыте, к анализу данных⁵.

Трехлетний план действий по строительству общественных больниц в КНР предусматривает расширение сети телемедицинских услуг на низовом уровне, увеличение числа удаленных консультаций по диагностике заболеваний со специалистами больниц более высокого уровня, взаимное признание результатов обследований на низовом уровне и диагнозов на более высоком уровне⁶.

Национальный план работы по проведению экстренных клинических испытаний инфекционных заболеваний предлагает принятие четырех мер по созданию общественной платформы для координации экстренных клинических испытаний: *во-первых*, создание и улучшение системы управления для обеспечения общей координации ресурсов экстренных клинических испытаний и координации ресурсов клинических испытаний; *во-вторых*, формирование сети клинических испытаний и библиотеки ресурсов клинических испытаний, изучение возможности учреждения библиотеки ресурсов доклинической оценки; *в-третьих*, создание единой и интегрированной информационной платформы клинических испытаний, укрепление связи и обмена клиническими испытаниями, мониторинг инфекционных заболеваний и другой информации; *в-четвертых*, постоянное улучшение управления и работы общественной платформы как основы для упорядоченного проведения экстренных клинических испытаний⁷.

В распоряжении медицинской администрации Национальной комиссии по здравоохранению № 65 (2024 г.) содержится информация о национальных методах оценки возможностей клинической специализации и мерах, предпринимаемых в этой области здравоохранения.

В этом документе выдвинуты основные требования к организационному управлению, объектам, принципам, направлениям, показателям, методам, циклам оценки, применению результатов оценки. Оно также содержит указания для центральных и местных органов власти по проведению оценок потенциала клинической специальности⁸.

В «Уведомлении о дальнейшем содействии электронному управлению информацией врачей» излагаются конкретные меры и требования к организациям здравоохранения всех уровней для дальнейшего содействия электронному управлению информацией врачей. *Во-первых*, подчеркивается важность электронного управления врачебной информацией и активного использования информационных технологий для улучшения управления врачебной информацией. *Во-вторых*, отмечается необходимость использования для усиления управления информацией, касающейся врачебной практики, таких инструментов, как «Приложение медицинской информационной службы», разработанное Национальной комиссией здравоохранения. При этом должны быть обеспечены взаимосвязь и совместное использование ресурсов с такими информационными платформами, как платформа «Интернет + государственные услуги» и система экзаменов на квалификацию врачей. *В-третьих*, подчеркивается необходимость параллельного использования электронных сертификатов врачей и текущих сертификатов и четко указывается на то, что они оба имеют одинаковую юридическую силу. Местные органы власти поощряются к постоянному расширению сфер применения электронных сертификатов и лицензий, а врачам рекомендуется вести соответствующие дела с помощью компьютерных и мобильных версий электронной системы регистрации врачей, чтобы оптимизировать государственные услуги и повышать уровень управления. *В-четвертых*, местные органы власти должны ориентироваться на усиление организационного руководства, применение проблемно-ориентированного подхода, расширение использования рекламы, продвижение электронной регистрации и управления информацией врачей⁹.

Национальный план действий по профилактике и контролю заболеваний на 2024–2025 гг. предлагает

⁵ URL: <http://www.nhc.gov.cn/jws/s7874/202401/67145c77e61b405eb83e27f96bb1efe4.shtml>.

⁶ URL: <http://www.nhc.gov.cn/qijys/s7945/202402/c3d6ba7db81449af971724bce8068014.shtml>.

⁷ URL: <http://www.nhc.gov.cn/zyygj/s7657/202403/890392a6cd4b4c35aa7ad25e0392dbd1.shtml>.

⁸ URL: <http://www.nhc.gov.cn/zyygj/s7655/202403/1152146dee16459bb4b80bee3843f922.shtml>.

⁹ URL: https://www.ndcpa.gov.cn/jbkzzx/c100012/common/content/content_1830409892000542720.html.

усилить построение информатизации контроля заболеваний; ускорить реализацию проекта по улучшению мониторинга инфекционных заболеваний, раннего оповещения и управления чрезвычайными ситуациями, а также содействовать созданию скоординированной региональной информационной платформы мониторинга инфекционных заболеваний, раннего оповещения и управления чрезвычайными ситуациями; ускорить разработку соответствующих стандартов информации по контролю заболеваний и содействовать обеспечению взаимодействия платформ¹⁰.

Национальная комиссия по здравоохранению разработала рекомендации по информатизации ключевых центральных городских медицинских центров, предусматривающие создание электронной системы медицинских карт, которая соответствует потребностям обслуживания больных. При этом стандартизируется клиническое использование и управление электронными медицинскими картами, облегчается их обмен. Совершенствование системы управления подготовкой, регистрацией, изменением, использованием, хранением, передачей и контролем качества электронных медицинских карт предполагает оценку уровня применения системы электронных медицинских карт. Взаимосвязь и совместимость данных электронных медицинских карт и медицинской информации позволяют повышать уровень создания, обновления, открытия и использования медицинских карт¹¹.

Важными составляющими управления здравоохранением в КНР являются формирование общественного мнения по поводу ЗОЖ и содействие качественному развитию потребления услуг. В частности, предполагается:

- развивать и расширять новые виды здорового потребления;
- содействовать развитию платформы «интернет + медицинское здоровье», реализовывать взаимосвязь и совместимость медицинских данных;
- совершенствовать политику оплаты медицинского страхования за медицинские услуги «интернет +»;
- поощрять разработку коммерческих продуктов медицинского страхования, отвечающих разнообразным и персонализированным потребностям в охране здоровья;

¹⁰ URL: <http://www.nhc.gov.cn/jws/s7874/202407/34a2626f1e0049cdb29951169cc8063a.shtml>.

¹¹ URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202408/content_6966275.htm.

• осуществлять дальнейшее содействие развитию интегрированных медицинских и сестринских услуг, а также реализовывать поддержку медицинских учреждений в предоставлении интегрированных медицинских и сестринских услуг; поддерживать развитие традиционных предприятий китайской медицины и повышать уровень услуг в сфере здравоохранения, реабилитации и выздоровления;

- усиливать функции розничных аптек по укреплению здоровья, питанию и охране здоровья¹².

Распоряжением о государственном надзоре за соблюдением законодательства о традиционной китайской медицине» предусмотрен план действий по стандартизации традиционной китайской медицины (2024–2026 гг.)¹³.

Предполагается поощрение медицинских учреждений традиционной китайской медицины (далее — ТКМ) за осуществление цифровой трансформации бизнес-процессов и создание цифровой модели оказания услуг ТКМ, которая объединяет профилактику, лечение, реабилитацию и управление личным здоровьем. Поощряется разработка интеллектуальных электронных медицинских карт, интеллектуальных систем предварительной диагностики и последующего наблюдения с характеристиками ТКМ для расширения возможностей интеллектуального сбора данных. Планируется построить ряд образцовых интеллектуальных больниц ТКМ и баз клинического обучения, сформировать цифровые медицинские сообщества ТКМ. Приоритеты будут отдаваться сбору, использованию и управлению данными на протяжении всего процесса диагностики и лечения по преимущественным специальностям и заболеваниям ТКМ, а также формированию демонстрационных примеров применения¹⁴.

Больницы ТКМ также должны предоставлять пациентам комплексные цифровые и интеллектуальные услуги.

С 8 по 9 января 2025 г. в Пекине прошла Национальная конференция директоров бюро ТКМ¹⁵. На

¹² URL: <http://www.natcm.gov.cn/fajiansi/zhengcewenjian/2024-07-30/34574.html>.

¹³ URL: <http://www.natcm.gov.cn/bangongshi/zhengcewenjian/2024-08-14/34672.html>.

¹⁴ URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202501/content_6997911.htm.

¹⁵ URL: <http://www.natcm.gov.cn/yizhengsi/zhengcewenjian/2024-09-12/34860.html>.

ней принято решение о создании национальных специализированных отделений и кластеров ТКМ, строительстве «флагманских» больниц и отделений для сотрудничества специалистов китайской и западной медицины по основным и сложным заболеваниям. Запланировано более осознанное интегрирование работы ТКМ в общую ситуацию построения здорового Китая в русле укрепления основ медицины и здравоохранения, использования уникальных преимуществ ТКМ в третичной профилактике, ускорении реформы государственных больниц ТКМ с ориентацией на обеспечение общественного благосостояния, совершенствование ценообразования в сфере медицинских услуг и политики оплаты медицинского страхования, чтобы ТКМ могла лучше поддерживать и улучшать здоровье людей.

На конференции была подчеркнута важность усиления координации деятельности в 2025 г. по таким направлениям, как углубление ключевых задач реформы ТКМ, постоянное совершенствование правовой системы и системы стандартов ТКМ, продолжение углубления работы ТКМ в сфере медицинской реформы, координация осуществления демонстрационных и пилотных работ по реформе ТКМ.

Среди задач, определенных в решениях данной конференции, также значатся усиление ответственности за безопасность, предотвращение потенциальных рисков, установление комплексного подхода к проведению традиционной китайской медицинской профилактики и лечению респираторных заболеваний зимой и весной¹⁶.

Большое внимание в КНР уделяется управлению качеством амбулаторного лечения. Регламент управления качеством включает три аспекта: *во-первых*, он разъясняет, что медицинские учреждения должны своевременно обобщать и сохранять информацию об амбулаторном медицинском лечении в четырех категориях, включая основную информацию о пациенте, информацию о медицинском процессе, информацию о лечении и информацию о расходах; *во-вторых*, проясняет конкретные требования к содержанию, сбору и сохранению соответствующих информационных элементов, а также формулирует соответствующие стандарты качества и интер-

фейса информации для обеспечения стандартизации и доступности информационных данных; *в-третьих*, формулирует рекомендации по использованию учреждениями здравоохранения соответствующей информации для улучшения качества амбулаторного (экстренного) лечения, диагностики и лечения¹⁷.

Национальная комиссия здравоохранения по развитию низовых структур сформировала систему показателей мониторинга для медицинских и оздоровительных сообществ на уровне округа, сгруппированных по пяти направлениям: сплоченность, однородность, обеспечение разделения труда, эффективность и уровень здоровья. Система показателей предназначена для самооценки на уровне уездов, а также для мониторинга и оценки на провинциальном и муниципальном уровнях. При этом органы центральной власти проводят динамический мониторинг состояния сообществ в каждой провинции. Органы власти провинциального и муниципального уровня ориентированы на то, чтобы создание медицинских сообществ в округах осуществлялось последовательно и достигало практических результатов¹⁸.

Письмо о планировании Национальной комиссии здравоохранения № 420 (2024 г.) информирует о возможных сценариях применения искусственного интеллекта в сфере здравоохранения. Предлагается повышать точность диагностики заболеваний, оптимизировать общение врача и пациента, сокращать время ожидания пациентов и улучшать качество медицинского обслуживания с помощью применения методов взаимодействия человека и компьютера, таких как изображения, текст и голос. Кроме того, подчеркивается важность применения интеллектуальных предварительных консультаций, которые помогают создавать электронные медицинские карты путем сбора информации из истории болезни пациента, повышая тем самым эффективность диагностики и лечения болезней, а также качество медицинской помощи¹⁹.

В письме Управления медицинского страхования № 99 (2024 г.) предлагаются меры по улучшению

¹⁶ URL: <http://www.nhc.gov.cn/zyygj/s7657/202409/f75b663e8eca4cccb64c2f256fec74dc.shtml>

¹⁷ URL: <http://www.nhc.gov.cn/jws/s7874/202410/30d065c0eba64205b50a4d9c528c998f.shtml>.

¹⁸ URL: <http://www.nhc.gov.cn/guihuaxxs/gongwen12/202411/647062ee76764323b29a1f0124b64400.shtml>.

¹⁹ URL: http://www.nhsa.gov.cn/art/2024/11/7/art_104_14592.html.

обмена информацией о получателях медицинской помощи в шести аспектах. *Во-первых*, усиливать управление обменом информацией о медицинской помощи; *во-вторых*, стандартизировать временные рамки для получения льгот по медицинской помощи; *в-третьих*, улучшать механизм работы по обмену информацией; *в-четвертых*, внедрять обязанности по обмену информацией; *в-пятых*, усиливать базовый мониторинг и проверку информации; *в-шестых*, хорошо координировать работу по обмену информацией²⁰.

Планируется создание к концу 2025 г. бесперебойной двусторонней системы направлений в рамках сплоченных медицинских объединений, а также системы направлений между медицинскими учреждениями на базе городов префектурного уровня; к 2027 г. формирование бесперебойной системы направлений между медицинскими учреждениями в пределах провинции. К 2030 г. запланировано образование стандартизированной и упорядоченной схемы медицинского лечения и многоуровневой системы диагностики и лечения [12].

Таким образом, органами государственного управления КНР был осуществлен ряд значительных политико-правовых и организационно-управленческих мер по реформированию системы здравоохранения, внедрению инноваций в медицине и развитию медицинских информационных технологий.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КНР В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

В отечественной практике здравоохранения может использоваться опыт КНР по координации деятельности больниц и учреждений первичной медико-санитарной помощи для повышения непрерывности и интеграции услуг.

При этом важен учет не только объема услуг, но и качественных результатов и удовлетворенности пациентов. Для достижения этой цели необходимо создание комплексной системы мониторинга качества лечения болезней.

Интересна для применения в условиях нашей страны практика реализации китайского плана действий по стимулированию потребления товаров, связанных со здоровьем, в соответствии с которым КНР будет работать над повышением здорового

питания людей и улучшением поставок на рынок специальных продуктов питания. План предусматривает усиление поставок высококачественной сельскохозяйственной продукции и борьбу с незаконными пищевыми добавками. Будет также развиваться спортивный туризм, расширяться спектр рыночных услуг для пожилых людей. Целесообразно использовать и китайский опыт профилактики заболеваний, заключающийся в увеличении количества медицинских обследований и консультаций, расширении сети реабилитационных больниц, домов престарелых и учреждений паллиативной помощи.

В России должны быть разработаны новые показатели мониторинга использования телемедицины, включающих такие индикаторы, как: процент отказов в проведении телеконсультации, среднее время ожидания телеконсультации, процент случаев лечения с применением дистанционных консультаций от общего количества случаев оказания медицинской помощи, чтобы отражать реальную, а не формальную картину использования дистанционных технологий.

ВЫВОДЫ

В КНР принят курс на дальнейшую модернизацию здравоохранения с учетом китайской специфики по следующим направлениям:

- реализация стратегии развития, ориентированной на здоровье граждан, улучшение системы общественного здравоохранения, содействие социальному управлению, координации медицинской и профилактической деятельности, интеграции медицинской и профилактической деятельности;
- совершенствование системы мониторинга и раннего предупреждения заболеваний;
- содействие скоординированному развитию и управлению медицинской помощью, медицинским страхованием и фармацевтикой, расширению и передаче высококачественных медицинских ресурсов и сбалансированному региональному планированию;
- ускорение создания многоуровневой системы диагностики и лечения, содействие созданию сплоченных медицинских альянсов;
- углубление реформы государственных больниц, ориентированной на общественное благосостояние, создание механизма взимания платы за оказание медицинских услуг;
- совершенствование системы оплаты труда и создание динамического механизма корректировки кадрового обеспечения;

²⁰ URL: <http://www.nhc.gov.cn/zyzgj/s3594q/202411/2618d666ac104fcaaa5e2e92548b6df3.shtml>.

- стандартизация развития частных больниц;
- внедрение инновационных методов медицинского и оздоровительного надзора, совершенствование механизма поддержки разработки инновационных лекарственных препаратов и медицинских изделий, совершенствование механизма наследования и инновационного развития традиционной китайской медицины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова Н.К., Калинина А.Р. Здравоохранение Китая и России. Общность, различия и сотрудничество. *Медицина и организация здравоохранения*. 2023;8(2):26–36. DOI: 10.56871/MHCO.2023.70.59.003
2. Ли Вэньчжэн. Сравнительный анализ систем здравоохранения в Китае и России на фоне социальной трансформации. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023;(6):40–45. DOI: 10.24158/spp.2023.6.5
3. Нанкин О.О. Стратегический анализ деятельности государственных амбулаторных медицинских организаций. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2024;15(4):348–359. DOI: 10.17747/2618–947X-2024–4–348–359
4. Адамская Л.В. Региональные особенности развития здравоохранения являются предметом современных управленческих дискуссий. М.: Прометей; 2021. 198 с.
5. Поликарпов А.В., Санькова М.В., Голубев Н.А. и др. Характеристики моделей территориального планирования в здравоохранении. *Профилактическая медицина*. 2023;26(7):45–52. DOI: 10.17116/profmed20232607145
6. Швец Ю.Ю., Швец Ю.Ю., Морковкин Д.Е., Зверева А.Д. Система менеджмента профилактических мер сохранения здоровья населения в России в современных условиях. *Вестник Евразийской науки*. 2023;15(5). URL: <https://esj.today/PDF/78ECVN523.pdf>.
7. Шедько Ю.Н., Зуденкова С.А. Финансирование цифровой экосистемы умного города на основе идей А.А. Богданова *Фундаментальные исследования*. 2024;(5):88–92. DOI: 10.17513/fr.43619
8. Кадырова Г.М., Шедько Ю.Н., Преснякова Н.Г. Взаимодействие власти, бизнеса и общества как платформа по обеспечению устойчивого развития в Дальневосточном федеральном округе. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(5):51–67. DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–5–51–67
9. Еремин С.Г. Применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):98–105. DOI: 10.26794/1999–849x-2024–17–1–98–105
10. Сергиенко Н.С. Зарубежный опыт использования цифровых инструментов в регионах и городах в условиях пандемии. *Вестник университета*. 2022;(5):22–28. DOI: 10.26425/1816–4277–2022–5–22–28
11. Рождественская И.А., Завалько Н.А., Беляев А.М. и др. Экономическое значение исторического развития инновационных медицинских технологий в социальной среде. *Вопросы истории*. 2021;(6–2):229–234. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi49
12. Ивашинников А.В. Телемедицина сегодня: тенденции использования телемедицинских консультаций на опыте регионов. *Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. 2024;10(3):7–20. DOI: 10.29188/2712–9217–2024–10–3–7–20

REFERENCES

1. Tikhonova N.K., Kalinina A.R. Healthcare in China and Russia: similarities, differences, and cooperation. *Medicina i organizacija zdravooohranenija = Medicine and Healthcare Organization*. 2023;8(2):26–36. (In Russ.). DOI: 10.56871/MHCO.2023.70.59.003
2. Li Wenzheng. Comparative analysis of healthcare systems in China and Russia in the context of social transformation. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2023;(6):40–45. (In Russ.). DOI: 10.24158/spp.2023.6.5
3. Nankin O.O. Strategic analysis of the activities of state outpatient medical organizations. *Strategicheskie reshenija i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2024;15(4):348–359. (In Russ.). DOI: 10.17747/2618–947X-2024–4–348–359

4. Adamskaya L.V., Komov V.E. Regional features of social sphere development. Moscow: Prometey; 2021. 198 p. (In Russ.).
5. Polikarpov A.V., Sankova M.V., Golubev N.A. et al. Characteristics of territorial planning models in healthcare. *Profilakticheskaja medicina = Preventive Medicine*. 2023;26(7):45–52. (In Russ.). DOI: 10.17116/profmed20232607145
6. Shvets Yu. Yu., Morkovkin D.E., Zvereva A.D. Management system of preventive measures for maintaining public health in Russia under modern conditions. *Vestnik Evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(5). URL: <https://esj.today/PDF/78ECVN523.pdf>. (In Russ.).
7. Shedko Yu.N., Zudenkova S.A. Financing of the smart city digital ecosystem based on the ideas of A.A. Bogdanov. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2024;(5):88–92. (In Russ.). DOI: 10.17513/fr.43619
8. Kadyrova G.M., Shedko Yu.N., Presnyakova N.G. Interaction of government, business, and society as a platform for ensuring sustainable development in the Far Eastern Federal District. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2023;16(5):51–67. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–5–51–67
9. Eremin S.G. Application of digital technologies in public administration at the federal level and directions for their improvement. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law. Law*. 2024;17(1):98–105. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849x-2024–17–1–98–105
10. Sergienko N.S. Foreign experience in using digital tools in regions and cities during the pandemic. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2022;(5):22–28. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816–4277–2022–5–22–28
11. Rozhdestvenskaya I.A., Zavalko N.A., Belyaev A.M. et al. The economic significance of the historical development of innovative medical technologies in the social environment. *Voprosy istorii = Issues of History*. 2021;(6–2):229–234. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi49
12. Ivashinnikov A.V. Telemedicine today: Trends in the use of telemedicine consultations based on regional experience. *Rossiiskij zhurnal telemeditsiny i jelektronnoho zdravoohranenija = Russian Journal of Telemedicine and E-Health*. 2024;10(3):7–20. (In Russ.). DOI: 10.29188/2712–9217–2024–10–3–7–20

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юрий Николаевич Шедько — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yuri N. Shedko — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof of Department of State and Municipal Management, Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-9179-3637>

Автор для корреспонденции / Corresponding the author:

ynshedko@mail.ru

Ирина Юрьевна Ильина — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Irina Yu. Ilyina — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof of Department of State and Municipal Management, Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-3697-7457>

plesheeva6@yandex.ru

Иван Андреевич Квасов — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ivan A. Kvasov — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof of Department of State and Municipal Management, Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-1386-3311>

iakvasov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Ю.Н. Шедько — концепция статьи, обзор источников литературы по теме исследования, установление организационно-управленческих мероприятий, осуществляемых и планируемых органами государственной власти КНР.

И.Ю. Ильина — установление особенностей реформирования системы управления сферой здравоохранения в КНР, анализ модернизации сферы здравоохранения КНР на основе информатизации.

И.А. Квасов — научное обоснование необходимости совершенствования механизма профилактики социально значимых заболеваний, формулирование выводов.

Authors Contribution Statement:

Yu.N. Shedko — the concept of the article, the review of literature sources on the research topic, the establishment of organizational and managerial measures implemented and planned by the state authorities of the People's Republic of China.

I. Yu. Ilyina — to establish the specifics of the reform of the healthcare management system in the People's Republic of China, to analyze the modernization of the healthcare sector of the People's Republic of China on the basis of informatization.

I. A. Kvasov — scientific substantiation of the need to improve the mechanism of prevention of socially significant diseases, formulation of conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2025; принята к публикации 25.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.05.2025; accepted for publication 25.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-122-132
УДК 336.2(045)
JEL H25, G30

Налогообложение юридических лиц и его влияние на финансовые результаты хозяйственной деятельности

Н.В. Рубан-Лазарева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — система налогообложения юридических лиц и ее влияние на ключевые финансовые показатели хозяйственной деятельности, включая чистую прибыль, рентабельность продаж и активов. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью нахождения баланса между фискальными интересами государства и финансовой устойчивостью бизнеса. **Цель** работы — выявление структурных взаимосвязей между налоговой нагрузкой и финансовыми результатами компаний и разработка рекомендаций для оптимизации налоговой стратегии при соблюдении «золотого правила» экономики. Рассмотрены особенности применения льготных налоговых режимов и риски, связанные с изменениями в налоговом законодательстве. Проведен анализ динамики налоговой нагрузки в различных отраслях экономики, включая сравнительную оценку налоговой нагрузки на бизнес по федеральным округам России. Осуществлены расчеты налоговой нагрузки через чистую рентабельность продаж и активов. Предложено использовать при исчислении налоговой нагрузки одинаковый метод признания выручки и налоговых обязательств через их начисление при общей системе налогообложения. Высокая налоговая нагрузка негативно сказывается на прибыльности компаний и снижает их инвестиционную привлекательность. Важный аспект получает обоснование оптимизации налогообложения не только чтобы минимизировать налоговые обязательства, но и использовать высвобожденные ресурсы в развитии, внедрении технологий и устойчивости на рынке. Сделан **вывод** о влиянии роста налоговой нагрузки на снижение чистой прибыли, рентабельности активов и критической важности оптимизации налоговой стратегии для устойчивого развития в условиях ежегодно изменяющегося налогового законодательства.

Ключевые слова: влияние; налогообложение; финансовые результаты; хозяйственная деятельность; юридические лица

Для цитирования: Рубан-Лазарева Н.В. Налогообложение юридических лиц и его влияние на финансовые результаты хозяйственной деятельности. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):122-132. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-122-132

ORIGINAL PAPER

Taxation of Legal Entities and its Impact on Financial Performance

N.V. Ruban-Lazareva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the study is the system of taxation of legal entities and its impact on key financial indicators of economic activity, including net profit, return on sales and assets. **The relevance** of the work is determined by the need to find a balance between the fiscal interests of the state and the financial stability of the business. **The aim** of the work is to identify the structural relationships between the tax burden and the financial results of companies and to develop recommendations for optimizing the tax strategy while observing the “golden rule” of economics. The features of the application of preferential tax regimes and the risks associated with changes in tax legislation are considered. The analysis of the dynamics of the tax burden in various sectors of the economy, including a comparative assessment of

© Рубан-Лазарева Н.В., 2025

the tax burden on businesses in the federal districts of Russia. The tax burden has been calculated through the net return on sales and assets. When calculating the tax burden, it is proposed to use the same method of recognizing revenue and tax liabilities through their accrual under the general taxation system. The high tax burden negatively affects the profitability of companies and reduces their investment attractiveness. An important aspect is the justification for tax optimization, not only to minimize tax liabilities, but also to use the released resources in the development, implementation of technologies and sustainability in the market. **The conclusion** is made about the impact of the growing tax burden on the reduction of net profit, return on assets and the critical importance of optimizing the tax strategy for sustainable development in the context of annually changing tax legislation.

Keywords: influence; taxation; financial results; business activities; legal entities

For citation: Ruban-Lazareva N.V. Taxation of legal entities and its impact on financial performance. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):122-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-122-132

ВВЕДЕНИЕ

Исследование посвящено комплексному анализу влияния налогообложения на финансовые результаты деятельности предприятий в условиях трансформации глобальных экономических процессов и фискального контроля. Актуальность работы обусловлена необходимостью балансирования между фискальными интересами государства и финансовой устойчивостью бизнеса. Налогообложение играет ключевую роль в формировании финансовых результатов предприятий, поскольку напрямую влияет на объем доступных ресурсов для развития бизнеса. В условиях трансформации экономических процессов важно понимать, как изменения в налоговом законодательстве сказываются на финансовых показателях компаний. Одним из основных факторов, определяющих эффективность налогообложения, является его соответствие современным экономическим реалиям и потребностям бизнеса.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ О ВЛИЯНИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРЛИЦ

Для глубокого понимания того, как налогообложение влияет на прибыльность компаний, для выявления существующих теоретических подходов и практик подобного влияния мы обратились к исследованиям известных ученых и экспертов по данной проблематике. Анализ научной литературы позволил убедиться в важности для хозяйствующих субъектов вопросов оценки получаемых выгод от уменьшения налоговых платежей с понесенными расходами в процессе планирования [1], поскольку бизнес, нацеленный на оптимизацию его налогообложения, желает получить выгоды, превышающие понесенные затраты без рисков

ошибок и потерь. Установлена зависимость уклонения от уплаты НДС и общей суммой неуплаченных налогов [2], которая объясняется тем, что высокая налоговая нагрузка стимулирует искать способы уменьшения налоговых обязательств, а увеличение неуплаченных налогов создает дополнительное давление на бизнес, вызывая необходимость в оптимизации налоговых расходов. Порою дополнительные контрольные мероприятия вынуждают бизнес прекращать деятельность [3] путем присоединения к правопреемнику¹. Причиной подобных практик являются длительные сложности судебных споров, значительное административное бремя, увеличивающее затраты на соблюдение требований, которые приводят к потере ресурсов, снижению прибыльности. Измерение ответственности компании перед государством через индексы налоговой нагрузки на активы и темп роста налогов [4] позволяет оценить уровень ее социальной ответственности. Высокие налоговые обязательства снижают чистую прибыль, оказывая значительное влияние на финансовые индексы рентабельности активов, собственного капитала. Ухудшение показателей рентабельности негативно сказывается на инвестиционной привлекательности бизнеса и способности привлекать новые капиталы. Одновременно отмечается положительное влияние налогов на финансовую деятельность через оптимизацию для снижения себестоимости продукции, влияющую на величину прибыли и системное налоговое планирование [5], которое (если оно эффективное) помогает не только минимизировать налоговые обязательства, но и использовать освободившиеся ресурсы для

¹ Постановление АС ЗСО от 15.10.2024 № Ф04-4018/2024 по делу № А46-19630/2023. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_82275298_85037667.pdf

инвестиций и развития, способствуя устойчивости на рынке. Управление налоговой базой и выбор оптимального налогового режима повышают финансовую устойчивость [6], позволяя контролировать налоговые обязательства и минимизировать издержки, повышая способность бизнеса адаптироваться к изменениям внешней среды. Грамотное налоговое планирование снижает риски финансовых потерь и способствует стабильному денежному потоку. Рассматривая финансовые результаты как итоги хозяйственной деятельности, характеризующиеся суммой прибыли или убытка, уровнем рентабельности [7], следует отметить, что направленность бизнеса на систематическое получение прибыли на свой риск законодательно регламентирована² и является ключевым индикатором грамотной работы компании. А уровень рентабельности позволяет оценить, насколько эффективно используются ресурсы для генерации прибыли, и служит важным показателем для инвесторов и руководства в принятии управленческих решений. При этом вопрос распределения отраслевых налоговых льгот продолжает оставаться одним из первоочередных, поскольку их конструкция далека от оптимальной [8]. Его актуальность обусловлена необходимостью создания справедливых конкурентных условий в различных секторах экономики. Снижение налоговой нагрузки под влиянием льгот увеличивает инвестиционные возможности, предоставляя дополнительные средства развития и улучшая финансовые показатели.

Практически все авторы в анализируемых нами научных работах [1–8] приходят к следующему выводу: эффективное управление налоговыми обязательствами и оптимизация налогообложения играют ключевую роль в повышении финансовых результатов и привлекательности бизнеса, поскольку высокие налоговые обязательства негативно сказываются на рентабельности и, как следствие, на способности привлекать новые капиталы, несмотря на новации в налогообложении. Обоснованным является утверждение о том, что эти изменения, включая исчисление налога на прибыль в 25%, уплаты компаниями на УСН косвенного НДС с доходов свыше 60 млн руб. [9] с обоснованием ими выбора

ставки НДС 5, 7, 20% [10], отвечают преимущественно интересам крупных субъектов, а не микропредприятий с меньшим потенциалом и ресурсами [11].

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Налоговая нагрузка не статична, она не имеет фиксированного состояния. Отсутствует и универсальный подход к расчету налоговой нагрузки [12]. Многообразие методов ее оценки приводит к различным результатам, усложняет сравнение налоговых обязательств между компаниями и секторами, создает неопределенность для бизнеса, затрудняет планирование финансовых потоков. Учеными Финансового университета отмечается, что «в научном сообществе не сложилось единого мнения о подходе к оценке уровня налоговой нагрузки как отражению избранного типа налоговой политики» [13], «целесообразно оценить различия между финансовым учетом доходов по правилам *GloBE Rules* и национальными правилами» [14], при этом «основным фактором достижения поставленных целей по привлечению инвестиций в инновационное развитие России выступает снижение налоговой нагрузки с расширением потенциала экономического развития» [15]. Подчеркивается важность выгод от налоговых льгот, когда «законом субъекта Российской Федерации о введении пониженной ставки налога на прибыль организаций будет предусмотрено в качестве обязательного условия применения льготы использование налогоплательщиком части полученной им налоговой выгоды на финансирование инвестиционных и инновационных проектов» [16].

Доступность сравнения налоговой нагрузки на разных субъектов, рассчитанной как процентное отношение уплаченных налогов к доходам (без доходов от участия в других компаниях) со среднотраслевыми значениями, позволяет оценить риски³. Определение налоговой нагрузки по видам осуществляемой субъектами деятельности как отношение уплаченных налогов по данным ФНС и выручки по данным Росстата⁴ затрагивает отчет-

² Пункт 1 статьи 2 и пункт 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

³ Информация ФНС России О расчете налоговой нагрузки с помощью специального калькулятора на сайте ФНС России. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318891/

⁴ Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012).

Таблица 1 / Table 1

Изменение налоговой нагрузки и объема ВВП / Change in tax burden and GDP volume

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Налоговая нагрузка (в % к ВВП) / Tax burden (in % of GDP)	23,42	23,4	22,3	20,1	20,5	26,8	22,2	30,4	27,7	25,7	27,7
Индекс физического объема ВВП	101,8	101,3	99,4	100,8	101,8	102,8	101,6	97,8	107,3	100,3	104,7

Источник / Source: составлено автором по данным Сводного налогового паспорта Российской Федерации / compiled by the author based on data from the Consolidated Tax Passport of the Russian Federation. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru>

ные данные разных ведомств с их корпоративными методами признания доходов и обязательств, что не придает прозрачности и оперативности расчету. В отчетности при общей системе налогообложения и существующем методе начисления налогов выручка компании фиксируется по отгрузке, тогда как уплата налогов предусматривает не начисление, а погашение налоговых обязательств. Мы полагаем, что было бы правильнее более разумно использовать при расчете величину налоговых обязательств, аналогично признаваемую, как и выручку при общей системе налогообложения по факту начисления. При этом сведения о величине налоговой нагрузки и применяемой хозяйствующим субъектом системе налогообложения в его годовой бухгалтерской отчетности не отражаются, что снижает, по нашему мнению, прозрачность финансовой информации, создавая неопределенности в принятии решений о сотрудничестве и инвестициях.

За 2014–2024 гг. прирост налоговой нагрузки по администрируемым доходам в консолидированный бюджет Российской Федерации составил 18,27%, а индекс физического объема ВВП увеличился лишь на 2,87% (табл. 1), что лишний раз свидетельствует о значительном росте фискального бремени на бизнес.

Обременительное для бизнеса и населения налогообложение негативно сказывается на экономическом росте и инвестиционной привлекательности, поскольку высокие налоговые обязательства тормозят устойчивое развитие предпринимательства. При этом «ответственность должна быть дифференцирована в зависимости от количества совершенных нарушений» [17], особенно в условиях, когда «создаются технологические и институциональные предпосылки выполнения налоговыми администрациями задачи обеспечения налоговых

поступлений без повышения налоговой нагрузки на налогоплательщиков при снижении административной нагрузки со стороны налоговых органов и обеспечении доступности передачи и получения налоговой информации» [18], «тренда на бесконтактное (проактивное налоговое администрирование» [19]. Сводная информация, отраженная в налоговом паспорте, не содержит данных о налоговой нагрузке по специальным налоговым режимам. Полученные результаты анализа нагрузки по видам налогов подтверждают ее смешанную динамику. Налог на прибыль организаций варьировался от 3,8% в 2017 г. до 6,5% в 2021 г. с некоторыми колебаниями в последующие годы, достигнув 5,1% в 2024 г. Налог на доходы физических лиц, снизившись с 4,8% в 2015 г. до 3,5% в 2017 г., затем вырос к 2024 г. до 5,3%. Снижение налога на добавленную стоимость до 3,4% в 2018 г. сменилось ростом до 5,6% к 2024 г. В последние годы динамика акцизов демонстрирует негативный тренд, снизившись в 2024 г. до отрицательного показателя — минус 0,7%. Относительно стабильной остается нагрузка налога на имущество организаций: ее ежегодное колебание происходит в пределах 1%. Налог на добычу полезных ископаемых показал наибольшие изменения, увеличившись с 5,37% в 2014 г. до 9,1% в 2022 г. и снизившись до 8,0% в 2024 г. Земельный и транспортный налоги остаются на низком уровне — до 0,3% (см. рисунок).

Изменения в налоговой нагрузке, связанные с экономическими условиями и изменениями в законодательстве продолжатся при введении с 2025 г. прогрессивной шкалы обложения доходов населения, повышения ставки по налогу на прибыль и начисления НДС при УСН с доходов от 60 млн руб., что, безусловно, расширит параметры налогового давления. Поскольку каждый вид налога имеет свою уникальную динамику, уровень его нагрузки может

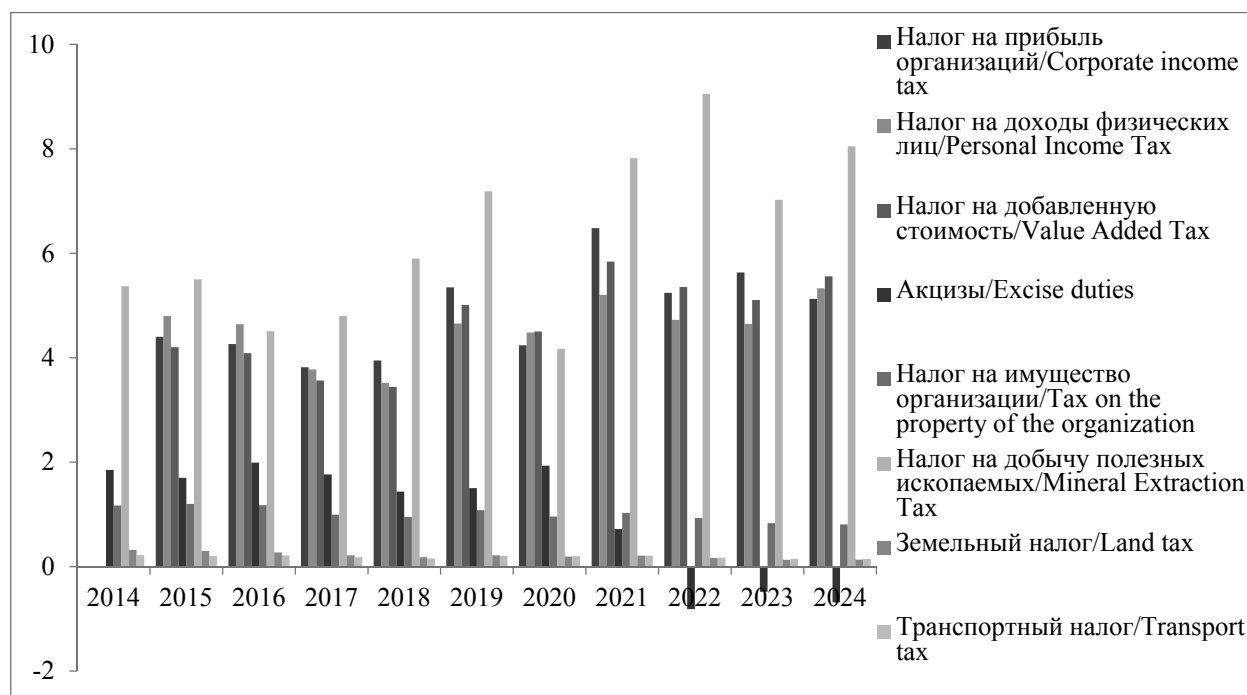

Рис. / Fig. Параметры налоговой нагрузки по видам налогов / Tax burden parameters by tax types

Источник / Source: составлено автором по данным Сводного налогового паспорта Российской Федерации / compiled by the author based on data from the Consolidated Tax Passport of the Russian Federation. <https://analytic.nalog.gov.ru>

изменяться в разную сторону: увеличения и уменьшения. Например, налоги на прибыль возрастают в условиях экономического подъема, а акцизы снижаются в ответ на изменения в потребительских предпочтениях и в экономической политике.

Что касается значений налоговой нагрузки по федеральным округам, то они заметно разнятся, подчеркивая разнообразие экономических условий в различных регионах России. Например, в Уральском и Приволжском федеральных округах зафиксированы самые высокие уровни нагрузки — соответственно, 45,23% и 35,92%. В Центральном федеральном округе она увеличилась с 19,01 в 2014 г. до 24,46 в 2024 г., в Северо-Западном ФО, напротив, снизилась — с 24,94% до 21,67%. В Южном ФО нагрузка демонстрирует умеренный рост, в отличие от Северо-Кавказского ФО, где она колеблется в диапазоне 9,33–11,84%. В Сибирском ФО этот показатель показывает «неустойчивый характер»: в 2014 г. — 20,74%, в 2022 г. — 38,23%, в 2024 г. — 24,31%. Не стабилен уровень нагрузки и в Дальневосточном ФО: 19,76% в 2014 г. и 16,88% в 2024 г. Показатели налоговой нагрузки по федеральным округам страны демонстрируют ее разнообразные тенденции: устойчивый рост в Центральном и Приволжском

округах, наивысший уровень в Уральском округе, нестабильность в Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном округах (табл. 2).

Налоговая нагрузка по видам деятельности также демонстрирует разнообразные изменения на протяжении последних 10 лет, отражая экономические и социальные условия. В 2024 г. в сельском хозяйстве она составляла до 5%, в обрабатывающей промышленности — до 8%, торговле оптовой и розничной — до 4%, транспортировке — 6%, гостиничном бизнесе и общепите — до 11%, операциях с недвижимостью — до 21% и добыче полезных ископаемых — более 46%.

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БИЗНЕСА

Тенденции к увеличению налоговой нагрузки бизнеса в отдельных отраслях указывают на рост их значимости в экономике, что, в свою очередь, требует всестороннего анализа и оценки влияния налогового давления на его финансовые результаты с помощью соответствующих расчетов.

Налоговая нагрузка, как доля выручки, обремененная налоговыми обязательствами:

Таблица 2 / Table 2

**Распределение налоговой нагрузки по федеральным округам, % /
Distribution of tax burden by federal districts, %**

Федеральный округ / Federal district	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Центральный/ Central	19,01	19,06	18,96	20,43	21,28	21,11	20,13	23,49	20,08	23,31	24,46
Северо-Западный/ Northwest	24,94	25,73	25,72	26,65	29,07	28,2	24,49	28,35	19,21	20,58	21,67
Южный/ Southern	15,64	16,04	17,14	18,94	19,4	18,71	16,84	19,97	19,14	17,8	18,23
Северо-Кавказский/ NorthCaucasus	10,43	9,33	10,06	10,51	11,18	11,84	9,91	11,36	11,7	10,9	11,03
Приволжский/ Volga	23,86	23,51	23,43	27,09	31,55	29,24	22,72	35,47	33,05	31,66	35,92
Уральский/ Uralsky	42,36	42,3	35,17	44,22	54,64	46,9	33,62	63,45	51,82	40,83	45,23
Сибирский/ Siberian	20,74	20,09	20,47	23,06	27,07	24,51	20,16	28,46	38,23	23,35	24,31
Дальневосточный/ FarEastern	19,76	21,85	18,59	16,61	19,49	19,08	16,2	19,45	22,22	17,74	16,88

Источник / Source: составлено автором по данным Сводного налогового паспорта Российской Федерации / compiled by the author based on data from the Consolidated Tax Passport of the Russian Federation. <https://analytic.nalog.gov.ru>

$$\text{Налоговая нагрузка} = \frac{\text{Налоговые обязательства}}{\text{Выручка}} * 100. \quad (1)$$

Определим выручку через налоговую нагрузку:

$$\text{Выручка} = \frac{\text{Налоговые обязательства}}{\text{Налоговая нагрузка}}. \quad (2)$$

Чистая рентабельность продаж показывает долю чистой прибыли в выручке компании:

$$\text{Чистая рентабельность продаж} = \frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Выручка}} * 100. \quad (3)$$

Определим выручку через чистую рентабельность продаж:

$$\text{Выручка} = \frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Чистая рентабельность продаж}}. \quad (4)$$

Выразим налоговую нагрузку через налоговые обязательства, чистую прибыль и чистую рентабельность продаж, используя формулы (1–4):

$$\frac{\text{Налоговые обязательства}}{\text{Налоговая нагрузка}} = \frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Чистая рентабельность продаж}}. \quad (5)$$

$$\text{Налоговая нагрузка} = \frac{\text{Чистая рентабельность продаж} * \text{Налоговые обязательства}}{\text{Чистая прибыль}} * 100. \quad (6)$$

Например, при 20%-й чистой рентабельности продаж, сумме налоговых обязательств — 100 ед., чистой прибыли — 20 ед. налоговая нагрузка составит 10%. Рост налоговых обязательств влечет рост налоговой нагрузки и снижение чистой прибыли. Темп роста чистой рентабельности продаж, превышающий темп роста чистой прибыли (при неизменной величине налоговых обязательств), также влечет рост налоговой нагрузки.

Финансовый показатель «рентабельность активов» показывает эффективность использования активов для генерации прибыли:

$$\text{Рентабельность активов} = \frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Активы}} * 100. \quad (7)$$

Выразим чистую прибыль через рентабельность активов и их стоимость:

$$\text{Чистая прибыль} = \text{Рентабельность активов} * \text{Активы}. \quad (8)$$

Например, при стоимости активов 1000 ед. и их 2%-й рентабельности чистая прибыль составит 20 ед.

Выразим налоговую нагрузку через налоговые обязательства, чистую рентабельность продаж, рентабельность активов и их стоимость, используя формулы (6) и (8):

$$\text{Налоговая нагрузка} = \frac{\text{Чистая рентабельность продаж} * \text{Налоговые обязательства}}{\text{Рентабельность активов} * \text{Активы}} * 100. \quad (9)$$

Например, при сумме налоговых обязательств 10 ед., стоимости активов 1000 ед., 20%-й чистой рентабельности продаж и 2%-й рентабельности активов налоговая нагрузка составит 10%.

Для устойчивого развития бизнеса необходимо соблюдать Золотое правило экономики:

$$T_{\pi} > T_{\text{в}} > T_{\text{а}}, \quad (10)$$

где T_{π} — темп роста прибыли; $T_{\text{в}}$ — темп роста выручки; $T_{\text{а}}$ — темп роста активов.

Выявленные структурные взаимосвязи налоговой нагрузки и финансовых результатов подтверждают: с ростом налоговой нагрузки и налоговых обязательств рентабельность активов и чистая прибыль снижаются. А поскольку капитал есть уменьшенная стоимость его активов на обязательства, то при росте налоговых обязательств и снижении рентабельности активов возникает риск снижения стоимости капитала.

Выбор вместо общей системы налогообложения специальных налоговых режимов влечет снижение налоговых обязательств, а значит и величину налоговой нагрузки при константе выручки. Рассмотрим особенности применения льготных режимов налогообложения юридических лиц и риски, связанные с изменениями в налоговом законодательстве (табл. 3).

Фискальная нагрузка трансформирует не только чистую рентабельность продаж, но и стратегические векторы развития бизнеса, создавая эффект домино. В контексте глобализации экономических процессов и внедрения автоматизированных систем налогового администрирования ключевым вызовом становится балансирование между соблюдением регуляторных требований и поддержанием конкурентного преимущества. Внедрение «зеленых» технологий и стремление к устойчивому развитию требуют принципиально новых подходов к оценке фискальной эффективности, где традиционные показатели дополняются коэффициентами экологической и социальной отдачи (отношением соответствующих выгод

Таблица 3 / Table 3

Особенности и риски применения льготных налоговых режимов/ Features and risks of applying referential tax regimes

Льготный налоговый режим	Особенности	Риски
ЕСХН	Кассовый метод; ставка 6% к «доходы-расходы»; аванс за отчетный период	Применение ОСН при несоблюдении ст. 346.2
УСН	Кассовый метод; на выбор 6% с доходов или 15% «доходы-расходы», но не меньше минимального налога; авансовые отчетные платежи	Применение ОСН при несоблюдении условий применения; начисление НДС с доходов > 60 млн руб.
АУСН	Эксперимент по 2027 г. с автоматическим расчетом налогов для доходов до 60 млн руб. в год до 5 человек; 8% с доходов или 20% «доходы-расходы», но > минимального	Сдача деклараций для налоговых агентов, потеря прав на АУСН при увеличении численности и несоблюдении условий

Источник / Source: составлено автором/ compiled by the author.

к затратам). Например, обеспечением роста экологической отдачи является превышение выгод от снижения выбросов и увеличения доли переработанных материалов над инвестициями в технологии и затратами на внедрение экологически чистых процессов, а примером роста социальной отдачи выступает превышение выгод от улучшения условий труда и уровня квалификации над расходами на обучение и инвестициями в социальные проекты.

Результаты исследования подтверждают необходимость пересмотра парадигмы налогообложения в эпоху цифровой экономики. Оптимизация налоговой нагрузки перестает быть исключительно приоритетной задачей для бизнеса, стремящегося к развитию, трансформируясь в стратегический инструмент управления бизнес-моделями. Синтез технологий Big Data и риск-ориентированного подхода позволяет бизнесу не только минимизировать налоговые платежи, но и формировать новые конкурентные преимущества на глобальных рынках.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ СТРАТЕГИИ КОМПАНИИ

Для устойчивого развития в условиях ежегодно изменяющегося налогового законодательства каждой компании критически важно иметь корпоративную налоговую стратегию, то есть комплекс мероприятий и принципов, направленных на оптимизацию налоговых выплат и минимизацию налоговых рисков при соблюдении налогового законодательства. Стратегия включает в себя разра-

ботку и реализацию конкретных планов и действий, ориентированных на законное снижение налоговой нагрузки. Понимание целей организации в области налогообложения приобретает особую важность для снижения налоговых расходов, оптимизации денежных потоков, улучшения финансовых результатов. В связи с чем следует определить наиболее подходящие налоговые инструменты, такие как налоговые режимы, льготы и вычеты, использование которых для снижения налоговых обязательств приоритетно. Оптимизация стратегии предусматривает составление конкретного плана мероприятий по ее реализации с установлением сроков, ответственных лиц и ресурсов. Постоянный мониторинг и корректировка плана позволяют оценить его эффективность и вносить изменения при соблюдении принципов законности, эффективности, прозрачности, оптимизации, комплексности налоговой стратегии, направленных на оптимизацию выплат, а не на уклонение от налогов. Налоговая стратегия, как важный инструмент управления бизнесом, позволяет оптимизировать налоговые выплаты, снизить налоговые риски, улучшить финансовые результаты с помощью выбора оптимальной системы налогообложения, использования налоговых льгот и вычетов, оптимизации структуры бизнеса, планирования сделок с минимизацией налоговых последствий.

Для реализации данного стратегического плана рекомендуется внедрить дифференцированный подход к налогообложению, учитывая

финансовые результаты деятельности и особенности выбранного налогового режима при адаптации его к региональным условиям. В ответ на рост налоговой нагрузки критически важно проводить регулярный анализ налоговых обязательств и выявлять возможности их снижения, например, используя налоговые льготы и вычеты, доступные для конкретной отрасли и региона. Стоит также рассмотреть возможность реорганизации структуры бизнеса, эффективно распределяя доходы и расходы подразделений, соблюдая «золотое правило» экономики. Вместе с тем при адаптации стратегии к изменениям в экономической среде и обеспечении ее соответствия актуальным требованиям нельзя только полагаться на автоматизированные системы учета и контроля. Как показывает практика, эта работа будет успешной только в тесном взаимодействии с экспертами, в непрерывных с ними консультациях.

ВЫВОДЫ

Современное налогообложение юридических лиц представляет собой динамичный механизм, оказывающий мультипликативный эффект на финансовые результаты предприятий. Исследование влияния налоговой нагрузки на ключевые финансовые показатели хозяйственной деятельности показало ее значительное воз-

действие на прибыль, рентабельность продаж и активов. Установлено, что существует прямая взаимосвязь между величинами налоговых обязательств, налоговой нагрузки и финансовыми результатами компаний. Увеличение налоговой нагрузки ведет к снижению чистой прибыли и рентабельности активов, что, в свою очередь, негативно сказывается на инвестиционной привлекательности бизнеса. Создают дополнительные риски и повышающие нагрузку изменения в налоговом законодательстве. Вместе с тем применение льготных режимов налогообложения позволяет компаниям оптимизировать налоговые обязательства. Сравнительный анализ налоговой нагрузки по федеральным округам России показал значительные различия, подчеркивая необходимость адаптации налоговых стратегий к региональным условиям ведения бизнеса. Особо отмечена важность мониторинга изменений в налоговом законодательстве, приводящих к значительным последствиям для финансового состояния организаций и их стратегического планирования. Результаты исследования в который раз приводят нас к следующему выводу: только разумная налоговая политика государства, существенно влияя на инвестиционные решения предприятий, улучшает их финансовую устойчивость и конкурентоспособность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербинина А. Г. Организация налогового планирования в системе корпоративного налогового менеджмента. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022;12(10):640–650. DOI: 10.34670/AR.2022.46.88.005
2. Федотов Д. Ю. Уклонение от уплаты налогов как институциональная ловушка. *Известия Байкальского государственного университета*. 2023;33(2):220–233. DOI: 10.17150/2500–2759.2023.33(2)
3. Брызгалин А. В. Судебная практика по налоговым и финансовым спорам. 2024 год. *Налоги и финансовое право*. 2025;4:7–98.
4. Фу Я. Ц., Лю Ф. Й., Чжан С. Л. Как корпоративная культура и корпоративная социальная ответственность влияют на процесс улучшения финансовых показателей компании? *Информационные технологии в управлении и экономике*. 2024;37(4):65–105.
5. Трубачева Н. В. Влияние налогообложения на результаты деятельности предприятия. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023;96(2):296–298. DOI: 10.24412/2411–0450–2023–2–296–298
6. Гугкаева С. С. Роль налоговой оптимизации в повышении финансовой устойчивости малых компаний. *Russian Journal of Management*. 2025;13(3):55–67. DOI: 10.29039/2500–1469–2025–13–3–55–67
7. Магомадова М. В. Финансовые результаты предприятия. *Экономика и предпринимательство*. 2022;148(11):1170–1173. DOI: 10.34925/EIP.2022.148.11.230
8. Громов В. В. Специфика и проблемы налогового стимулирования малых ИТ-компаний в России. *Финансовый журнал*. 2022;14(1):8–25. DOI: 10.31107/2075–1990–2022–1–8–25
9. Пансков В. Г. Налоговая реформа — 2025: продолжение следует. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):18–31. DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–1–18–31

10. Вылкова Е.С. Обоснование выбора ставки НДС налогоплательщиками упрощенной системы налогообложения. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):159–166. DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–1–159–166
11. Садыков А.М. Реформирование налоговой системы для малого предпринимательства в России: анализ и перспективы развития специальных налоговых режимов. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):148–161. DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–2–148–161
12. Мандрощенко О.В. Налоговая нагрузка на организацию: проблемы оценки и пути оптимизации. *Вопросы региональной экономики*. 2023;57(4):204–210.
13. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144–154. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–18–3–144–154
14. Полежарова Л.В. К вопросу о введении «минимального налога» в России в условиях международной налоговой реформы. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):138–146. DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–1–138–146
15. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):156–166. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–156–166.
16. Пансков В.Г. Проблемы и перспективы налоговой политики в целях устойчивого развития регионов. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):34–43. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–1–34–43
17. Батарин А.А., Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С. Уклонение от налогообложения в сфере торговли на розничных рынках: причины и пути преодоления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):119–132. DOI: 10.26794/2587–5671–2025–29–1–119–132.
18. Гончаренко Л.И., Богачев С.В. Налоговое администрирование как важный фактор обеспечения улучшения собираемости налогов. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(6):140–151. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–6–140–151
19. Богачев С.В., Вишневский В.П., Гончаренко Л.И. и др. Теоретические и прикладные аспекты формирования элементов мобилизационной налоговой политики. Москва: ООО «ИТК «Дашков и К°»; 2025. 290 с.

REFERENCES

1. Shcherbinina A.G. Organization of tax planning in the system of corporate tax management. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2022;12(10):640–650. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2022.46.88.005
2. Fedotov D. Yu. Tax evasion as an institutional trap. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Baikal State University*. 2023;33(2):220–233. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2023.33(2).220–233
3. Bryzgalin A.V. Judicial practice on tax and financial disputes. 2024. *Nalogi i finansovoe pravo = Taxes and financial law*. 2025;4:7–98. (In Russ.).
4. Fu Ya Q., Liu F. Y., Zhang S. L. How do corporate culture and corporate social responsibility affect the process of improving the company's financial performance? *Informacionnie tehnologii v upravlenii i ekonomike = Information technology in management and economics*. 2024;37(4):65–105. (In Russ.).
5. Trubacheva N. V. The impact of taxation on the performance of the enterprise. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2023;96(2):296–298. (In Russ.). DOI: 10.24412/2411–0450–2023–2–296–298
6. Gugkaeva S. S. The role of tax optimization in increasing the financial stability of small companies. *Russian Journal of Management*. 2025;13(3):55–67. (In Russ.). DOI: 10.29039/2500–1469–2025–13–3–55–67
7. Magomadova M. V. Financial results of the enterprise. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economy and entrepreneurship*. 2022;148(11):1170–1173. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2022.148.11.230
8. Gromov V. V. Specifics and problems of tax incentives for small IT companies in Russia. *Finansovii jurnal = Financial journal*. 2022;14(1):8–25. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075–1990–2022–1–8–25
9. Panskov V. G. Tax reform — 2025: To be continued. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*. 2025;18(1):18–31. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–1–18–31

10. Vylkova E.S. Justification of the choice of VAT rate by taxpayers of the simplified taxation system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law.* 2025;18(1):159–166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–1–159–166.
11. Sadykov A.M. Reforming the tax system for small businesses in Russia: Analysis and prospects for the development of special tax regimes. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law.* 2025;18(2):148–161. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2025–18–2–148–161
12. Mandroshenko O.V. Tax burden on an organization: Problems of assessment and ways of optimization. *Voprosy regionalnoi ekonomika = Issues of Regional Economics.* 2023;57(4):204–210. (In Russ.).
13. Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law.* 2025;18(3):144–154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2024–18–3–144–154
14. Polezharova I.V. On the issue of introducing a “minimum tax” in Russia in the context of international tax reform. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law.* 2025;18(1):138–146. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999_849X-2025–18–1–138–146
15. Goncharenko L.I. The constructive nature of preferential tax regimes as a determinant of attracting investment in Russia’s innovative development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law.* 2024;17(3):156–166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–3–156–166
16. Panskov V.G. Problems and prospects of tax policy for the sustainable development of regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law.* 2024;17(1):34–43. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–1–34–43
17. Batarin A.A., Goncharenko L.I., Advokatova A.S. Trade Tax Evasion in Retail Markets: Causes and Ways to Overcome. *Finansi: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice.* 2025;29(1):119–132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2025–29–1–119–132
18. Goncharenko L.I., Bogachev S.V. Tax administration as an important factor in improving tax collection. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law.* 2024;17(6):140–151. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–6–140–151
19. Bogachev S.V., Vishnevsky V.P., Goncharenko L.I. et al. Theoretical and applied aspects of the formation of elements of mobilization tax policy. Moscow: ООО «ИТК Дашков и К°»; 2025. 290 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Рубан-Лазарева — профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; профессор кафедры государственных и муниципальных финансов, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Natalia V. Ruban-Lazareva — Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Prof. of the Department of State and Municipal Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3110-1539>

rubanlazareva@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 07.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-133-145
УДК 336.221(045)
JEL H22, H25, O31

Налоговые льготы как инструмент стимулирования развития ИТ-отрасли

Л.А. Дьячкина, А.И. Кожакина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — актуальные меры налогового стимулирования информационно-технологических (далее — ИТ) компаний в условиях нестабильной экономической ситуации и трансформации цифрового рынка в РФ. **Актуальность** исследования обусловлена необходимостью интеграции ИТ-отрасли в мировые технологические процессы и следования современным тенденциям. **Целью** работы является разработка предложений по повышению инвестиционной привлекательности данной отрасли за счет фискальных инструментов поддержки, по созданию дифференцированного подхода к налоговым льготам для профильных компаний в зависимости от масштабов и специализации ИТ-бизнеса. В **результате** исследования представлены меры по совершенствованию системы налогового стимулирования субъектов ИТ-сектора в РФ, обусловлена необходимость разработки иного налогового режима для отрасли, способного нивелировать искусственное сдерживание роста средних компаний для сохранения льготных преференций. Отмечена необходимость внедрения более гибких механизмов налогового стимулирования технологических компаний для решения текущих проблем в отрасли, таких как: дефицит квалифицированных кадров, высокие административные барьеры для получения льгот, а также рост выпадающих доходов бюджета. Для модернизации налоговых стимулов поддержки бизнеса были рассмотрены обсуждаемые на государственном уровне корректировки налоговых льгот. Авторы приходят к **выводу** о положительном фискальном эффекте для бюджета от разработки и внедрения специального налогового режима для доходов от объектов интеллектуальной собственности и об эффективности внедрения инструментов поддержки небольших высокотехнологичных компаний в целях содействия развитию ИТ-отрасли.

Ключевые слова: налоговые льготы; ИТ-отрасль; налоговое стимулирование; НИОКР; IP-box

Для цитирования: Дьячкина Л.А., Кожакина А.И. Налоговые льготы как инструмент стимулирования развития ИТ-отрасли. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):133-145. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-133-145

ORIGINAL PAPER

Tax Incentives as a Tool to Stimulate the Development of the IT Industry

L.A. Dyachkina, A.I. Kozhakina

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the research is current measures of tax incentives for information technology (hereinafter referred to as IT) companies in an unstable economic situation and the transformation of the digital market in the Russian Federation. **The relevance** of the research is due to the need to integrate the IT industry into global technological processes and follow current trends. **The aim** of the work is to develop proposals to increase the investment attractiveness of this industry through fiscal support tools, to create a differentiated approach to tax benefits for specialized companies, depending on the scale and specialization of the IT business. As a **result** of the study, measures are presented to improve the system of tax incentives for IT sector entities in the Russian Federation, and it is necessary to develop a different tax regime for the industry that can offset the artificial restraint on the growth of medium-sized companies in order to preserve preferential preferences. It was noted that there is a need to introduce more flexible tax incentive mechanisms for technology companies to solve current problems in the industry, such as a shortage of qualified personnel, high administrative barriers to benefits, and an increase in budget revenue shortfalls. In order to modernize tax incentives to support businesses, adjustments to tax benefits

© Дьячкина Л.А., Кожакина А.И., 2025

discussed at the state level were considered. The authors **conclude** that there is a positive fiscal effect on the budget from the development and implementation of a special tax regime for income from intellectual property and the effectiveness of implementing tools to support small high-tech companies in order to promote the development of the IT industry.

Keywords: tax benefits; IT industry; tax incentives; R&D; IP-box

For citation: Dyachkina L.A., Kozhakina A.I. Tax incentives as a tool to stimulate the development of the IT industry. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):133-145. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-133-145

ВВЕДЕНИЕ

Сектор информационных технологий за последнее десятилетие стремительно развивается в контексте повсеместного внедрения инструментов цифровой экономики в рутинные процессы и задачи. ИТ-отрасль на текущий момент справедливо является одним из драйверов развития и стимулирования экономического роста и потенциала страны. Ее значимость особенно ощущается в последние годы в силу ухода крупных зарубежных игроков с российского рынка, санкционных ограничений и изолированности экономики России от мирового сотрудничества. В подобной ситуации возникла острая необходимость создания и/или замещения цифровых продуктов, услуг, облачных хранилищ и других инструментов, доступ к которым был ограничен после 2022 г.

На текущий момент в стране разработаны разнообразные налоговые льготы для ИТ-бизнеса, однако преимущественно со схожим фискальным эффектом. Вместе с тем они носят избирательный характер, ограничивая равный доступ к льготам, например, для малых компаний.

Продуктивность налогового регулирования снижается ввиду отсутствия единого механизма оценки эффективности налоговых льгот на всех уровнях, что затрудняет мониторинг совокупного результата для бюджета страны, имеющего значительный дефицит. Каждый регион внедряет методические рекомендации Министерства финансов по оценке эффективности налоговых льгот с учетом своих региональных особенностей, отклоняясь от общей концепции. Таким образом, совершенствование налоговых льгот для ИТ-компаний является, в том числе, способом увеличения фискального эффекта, наращивания инвестиционного потенциала отрасли. Налоговые льготы должны оказывать положительный совокупный эффект как для ИТ-бизнеса, являясь инструментом его поддержки, так и для государства — способствуя рациональному распределению налоговых расходов бюджета.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сущность налоговых льгот как меры поддержки бизнеса рассматривалась в научных работах российских исследователей, например, в статье Пинской М.Р., Стешенко Ю.А., Цаган-Манджиевой К.Н. [1], отмечающих способность налоговых льгот создавать условия для технологического развития, а также в научном труде зарубежных экспертов — Cotrut M., Munyandi K. [2], характеризующих льготы как инструмент налогового стимулирования. В последние годы многие специалисты, в частности Якушева Е.Е. [3], Колотовкин И.В. и Полежарова Л.В. [4], уделяют особое внимание изучению механизмов налогового стимулирования высокотехнологичного и инновационного сектора экономики как системно значимого направления. В работе Баландиной А.С. и Резниковой А.Д. [5] анализируется текущее состояние и эффективность применения налоговых льгот в ИТ-секторе РФ. Болтинова О.В. и Сорокин А.А. [6] исследуют основные проблемы практического применения льгот налогового маневра ИТ-компаниями, указывая на необходимость расширения и доработки нормативных неточностей. Дискуссионным вопросом является избирательный характер налоговых льгот и неравный доступ малых ИТ-компаний к существующим налоговым послаблениям по сравнению с более крупными компаниями, на что обращает внимание Громов В.В. [7]. Пономарева К.А. и Голованёв М.А. [8] отмечают необходимость совершенствования налогового законодательства в части стимулирования ИТ-сектора, что также отражено и в исследовании Зверевой Т.В. [9], указывающей на необходимость систематической оценки эффективности налоговых льгот. Эти и другие работы учёных говорят о том, что комплексные подходы к анализу социального и экономического эффекта от налоговых льгот являются ключевыми для улучшения системы налогового стимулирования.

Важным аспектом также является сопоставление российской практики с зарубежным опытом [10;11], что позволяет выделить перспективные направления

для имплементации эффективных налоговых инструментов в национальное законодательство.

Специалистами справедливо отмечается необходимость доработки действующих мер налогового стимулирования, имплементации международной практики налоговых льгот в отношении IT-компаний [12;13], в том числе в условиях действия санкций [14]). Немаловажным фактором в работах Milani S., Neumann R. [15], Худякова П.А. [16] являются сделанные ими акценты на необходимость совершенствования налогового законодательства, соответственно, для стимулирования IT-сектора и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР), для роста инвестиций и увеличения патентов, для устранения правовой неопределенности в нормативной базе.

Крохина Ю.А. [17] акцентирует внимание на терминологической неопределенности в налоговом законодательстве относительно IT-бизнеса, что, по ее мнению, затрудняет применение компаниями налоговых льгот. Тимофеев С.Ю. [18] делает упор на модернизацию налоговой системы для поддержания занятости в компаниях высокотехнологического сектора в условиях нестабильной экономики и санкционного давления.

В дополнении к вышесказанному, в работе Баландиной А.С. и Рюминой Ю.А. [19] подчеркивается важность внедрения мониторинга эффективности налоговых льгот для наиболее точного прогнозирования и пересмотра их действенности. Таким образом, несмотря на постоянную трансформацию фискальной системы и налоговых льгот, бизнесу необходимо учитывать совокупность различных особенностей и существующих ограничений для разработки мер, направленных на развитие инновационного потенциала компаний и адаптации их к экономическим реалиям.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания. Сопоставление действующих налоговых льгот осуществлялось при помощи методов анализа и синтеза, а ранжирование налоговых преференций в зависимости от масштаба бизнеса — сравнительным методом. Фактологические данные были получены из форм налоговой статистической отчетности Федеральной налоговой службы (далее — ФНС), а для расчета объемов выпадающих доходов бюджетной системы РФ применялись эмпирические методы прогнозирования динамики налоговых поступлений от внедрения специального налогового режима объектов интеллектуальной собственности по данным

с портала «Прозрачный бизнес». В качестве информационно-аналитических материалов были использованы также данные статистических отчетов ОЭСР и рейтинговых агентств RAEX и FIRA PRO.

РЕЗУЛЬТАТЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Среди многочисленного перечня фискальных послаблений компании в секторе ИТ сегодня имеют право претендовать на налоговые льготы, предоставляемые:

- в экономических зонах (например, в особых экономических зонах технико-внедренческого типа (далее — ОЭЗ ТВТ));
- в виде статуса резидента инновационного научно-технического центра (далее — ИНТЦ);
- для резидента технопарков (техно-кластеров);
- для малой технологической компании (далее — МТК).

При соблюдении лимита по выручке (до 450 млн руб.) компания может зарегистрировать бизнес с льготными ставками по упрощенной системе налогообложения (далее — УСН), устанавливаемыми в зависимости от объекта налогообложения (УСН «Доходы» или УСН «Доходы минус расходы»). Основные преимущества данного режима заключаются в отсутствии условия о получении IT-аккредитации для применения льготных ставок, которые устанавливаются на усмотрение региональных властей в размере от 1 и от 5% соответственно. Однако с 2025 г. компании с выручкой свыше 60 млн руб. уплачивают НДС в размере 5% — при выручке менее 250 млн руб. и 7% — при выручке от 250 до 450 млн руб. без права на налоговый вычет по НДС или на общих основаниях (со ставкой 20%). В совокупности упомянутые льготные налоговые зоны предоставляют схожий перечень налоговых послаблений IT-бизнесу при выполнении условий по резидентству, доле выручки, коду ОКВЭД, а именно: пониженные ставки по основным налоговым платежам, по страховым взносам, а также освобождение от уплаты НДС исключительных прав на программы, изобретения, ноу-хау и др. объектов, внесенных в реестр российского программного обеспечения (далее — РРПО) или реестр НИОКР. При этом помимо основной деятельности в сфере ИТ, компании могут заниматься НИОКР для проведения предварительных исследований, получения патента на разработанные продукты и т.д.

Для небольших IT-стартапов с выручкой до 1 млн руб. доступны лишь региональные послабления по налогу на прибыль, предоставляемые либо на основе отнесения к МТК, либо за счет включения в регио-

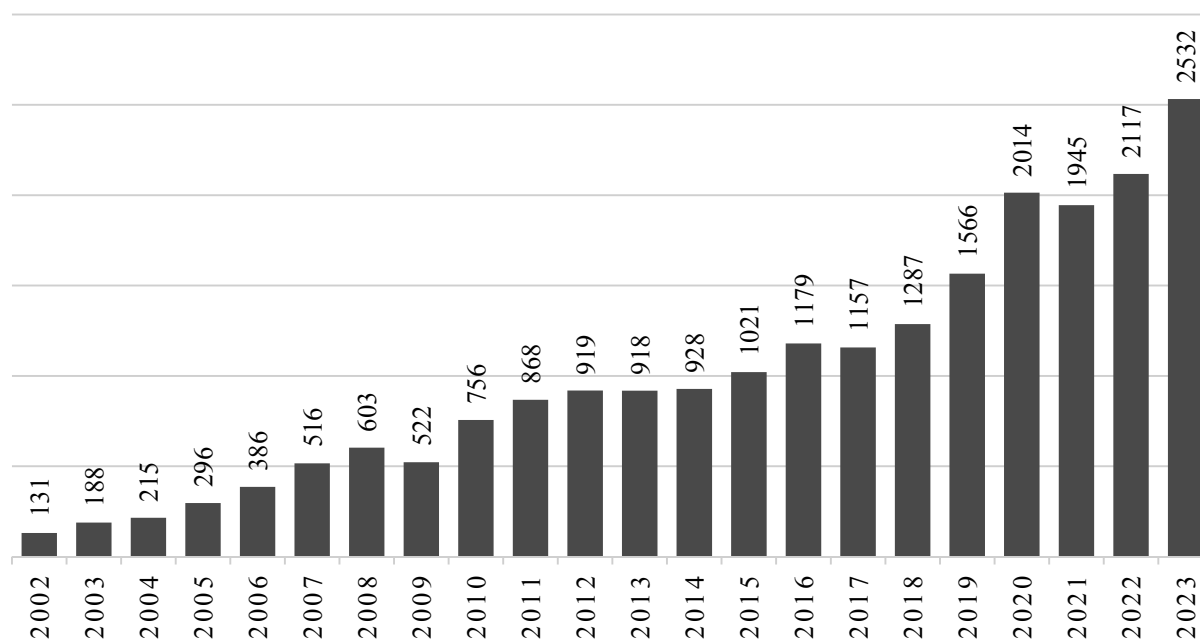

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика выручки крупнейших российских IT-компаний за 2002–2023 гг., млрд руб. / Earnings dynamics of the largest Russian IT companies in 2002–2023, bln rub.

Источник / Source: составлено авторами по данным CNews Analytics / authoring, compiled by CNews Analytics. URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2023/articles/zapiska (дата обращения: 03.07.2025) / (accessed on 03.07.2025).

нальный реестр стартапов (например, в Республике Татарстан, Москве, Челябинской области и в нескольких других регионах), что в сравнении с преференциями для более крупных развитых компаний является не-существенным налоговым стимулом и поддержкой бизнеса.

Малые компании могут воспользоваться либо режимом УСН с пониженными ставками НДС, либо статусом малой технологической компании (при выручке компании от 300 млн руб. до 2 млрд руб.) с соответствующими региональными льготами по налогу на прибыль и льготным кредитованием IT-компаний по ставке 3%.

Наиболее значимые льготы доступны средним и крупным компаниям: при выручке до 1 млрд руб. (помимо льгот для МТК) можно стать резидентом Сколково и претендовать на пониженную ставку по страховым взносам (в размере 15%), получить освобождение от НДС и налога на имущество на 10 лет и нулевую ставку по налогу на прибыль при выполнении условий резидентства. Компании с выручкой свыше 1 млрд руб. могут быть резидентами либо ОЭЗ ТВТ, либо ИНТЦ, либо технопарка: данные льготные налоговые зоны предоставляют послабления по налогу на прибыль (снижение общей ставки налога с 25

до 16,5%), по налогу на имущество (0% на 10 лет), по земельному налогу (0% на 10 лет) и по страховым взносам (в размере 15,1% или до 7,6%) при выполнении условий регистрации.

Модернизация мер налогового стимулирования и развитие отрасли за последние годы в совокупности повлияли и на общую динамику объемов IT-рынка в РФ (рис. 1).

Отмечается, что за последнее десятилетие развитие рынка информационных технологий имеет волатильный характер, что связано, прежде всего, с экономическими санкциями, изолированностью от мировых информационных технологий (с 2022 г.) и уходом крупнейших зарубежных IT-компаний, что и сказалось на совокупном объеме выручки в этом секторе. На текущий момент основными игроками российского рынка IT являются такие компании, как: Холдинг Т1, МТС и ГК Softline, значительно опережающие по доле выручку конкурентов из топ-10 за 2024 г. (согласно данным агентства RAEX)¹.

¹ Рэнкинг крупнейших российских групп и компаний в области информационных и коммуникационных технологий (2024 год). Рейтинговое агентство RAEX. URL: https://raex-rr.com/b2b/IT/biggest_it_corp_rating/2024/ (дата обращения: 28.06.2025).

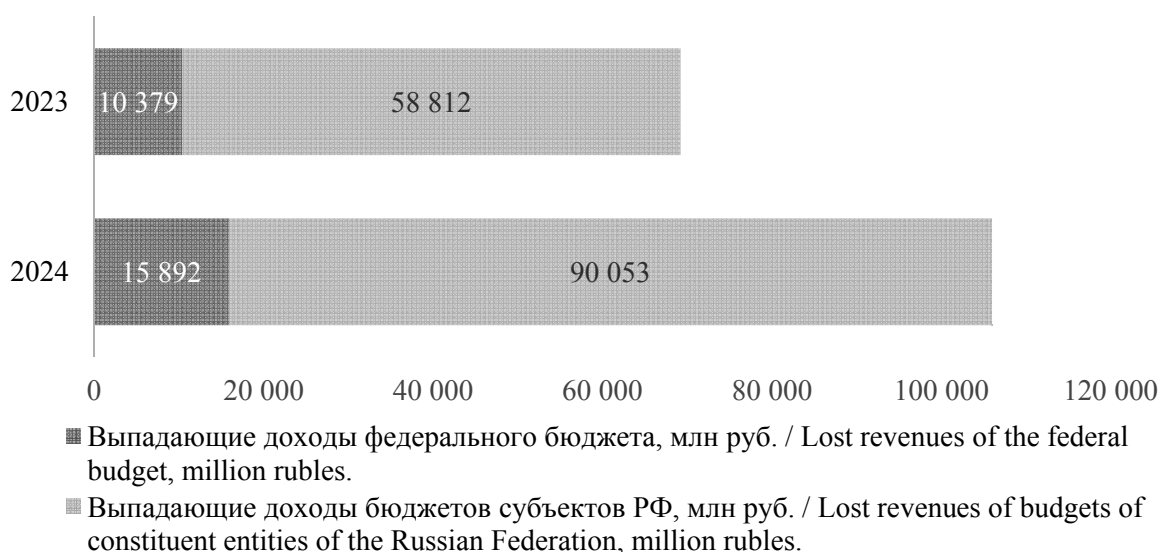

Рис. 2 / Fig. 2. Выпадающие доходы по налогу на прибыль, млн руб. / Lost income tax revenue, mln rub.

Источник / Source: составлено авторами по данным формы 5-П статистической налоговой отчетности / authoring, based on 5-P form of statistical tax reporting. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15034262/ (дата обращения: 01.07.2025) / (accessed on 01.07.2025).

Несмотря на умеренный рост рынка в РФ в текущих экономических реалиях, отрасль сталкивается с трудностями, среди которых наиболее существенны: дефицит специалистов и зависимость от иностранных комплектующих. С другой стороны, наблюдается рост налоговых расходов бюджета, связанный с предоставлением льгот для ИТ-сферы. Нарастание фискального дефицита, вызванного отсутствием компенсационных источников поступлений в бюджет по налогам, связано с убытками ИТ-бизнеса по итогам 2024 г. (например, потери Ozon составили 59 млрд руб., VK — 94 млрд руб. и т.д.).

Проблема роста выпадающих доходов бюджета требует более тщательного анализа действующих налоговых мер поддержки сектора ИТ с точки зрения их эффективности, так как объем недополученных налогов ежегодно увеличивается, пагубно влияя на состояние бюджета страны (рис. 2).

На основе данных налоговой отчетности ФНС по форме 5-П (на 1 октября 2023 и 1 октября 2024 гг.) совокупный объем потерь бюджета регионального и федерального уровней в связи с предоставлением налоговых послаблений в ИТ-сфере вырос до 105 945 млн руб. (+53,12% к 2023 г.). Аналогичная динамика и по страховым взносам (форма 8-СВ) (рис. 3).

Совокупная сумма выпадающих доходов государственных внебюджетных фондов системы на начало

2025 г. составила более 314 170 млн руб. (+215% к апрелю 2024 г.). То есть бюджетная система РФ ежегодно теряет в среднем около 420 115 млн руб. только лишь по наиболее востребованным льготам, что в значительной степени обостряет вопрос соразмерности действующих налоговых послаблений и достигаемого социально-экономического эффекта в условиях кризиса и бюджетного дефицита.

С 2025 г. в качестве фискальной меры для пополнения федерального бюджета было принято решение об увеличении ставки по налогу на прибыль на 5%, в том числе и для ИТ-компаний (в период с 2022 по 2024 г. для сектора ИТ она составляла 0%). Данное нововведение не приведет к увеличению налоговых поступлений в бюджет и сокращению возникшего дефицита: поскольку оно сопровождается обратным денежным потоком — предоставлением средств в рамках реализации федерального проекта «Развитие цифровых и информационных проектов на территории субъектов РФ» (рис. 4). Данные за 2025 и 2026 гг. были получены на основе экстраполяции налоговых поступлений (с учетом инфляции) от крупнейших профильных компаний — Холдинг Т1, МТС, ГК Softline, Группа Астра и Позитив Технолоджис.

Согласно приведенным данным, расходы на реализацию проекта кратно превышают налоговые поступления в бюджет от крупных российских ИТ-компаний, что

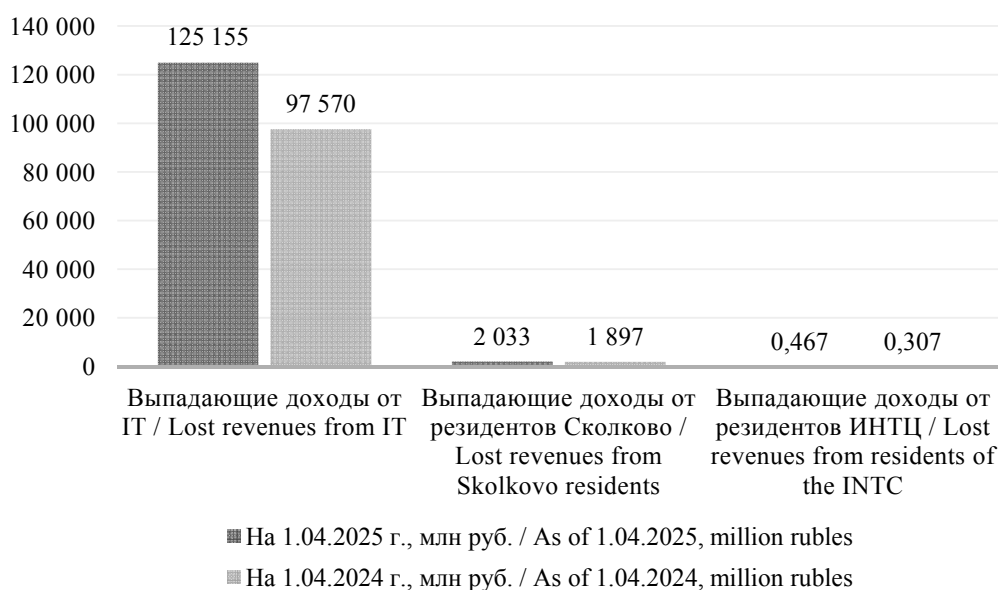

Рис. 3 / Fig. 3. Сумма выпадающих доходов по страховым взносам, млн руб. / Amount of lost tax revenue, mln rub.

Источник / Source: составлено авторами по данным формы 8-СВ статистической налоговой отчетности / authoring, based on 8-SV form of statistical tax reporting. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/16416088/ (дата обращения: 01.07.2025) / (accessed on 01.07.2025).

свидетельствует об отсутствии фискального эффекта от повышения налоговой ставки по налогу на прибыль до 5% — поступающие денежные средства будут направлены на субсидирование ИТ-компаний в рамках реализации федерального проекта. Иными словами, дополнительные налоговые поступления не позволят компенсировать дефицит бюджета, но значительно повлияют на уровень инвестиционной активности в ИТ-бизнесе вследствие роста налогового бремени. Вкупе с жесткими требованиями по доле профильной выручки для получения аккредитации (не менее 70%), а также по получению налоговых льгот малыми компаниями — это создает дополнительные препятствия для эффективного развития и стимулирования экономики.

Для преодоления названных барьеров и повышения результативности налоговых льгот предлагается рассмотреть опыт зарубежных юрисдикций, имплементирующих различные механизмы налоговой поддержки для ИТ-сферы (в части НИОКР-деятельности). В странах ОЭСР в качестве инструмента налоговой поддержки ИТ-бизнеса преобладают налоговые кредиты, в странах Евросоюза — налоговые вычеты (рис. 5)².

Как отмечалось ранее, для многих компаний в сфере информационных технологий НИОКР является составляющей частью цифровых разработок (создание алгоритмов и тестирования архитектурных решений), исследований и последующей их коммерциализации. В трудах российских [20] и зарубежных [21–23] исследователей отмечается, что для стимулирования инновационной деятельности и поддержки ИТ-компаний многие европейские страны расширяют перечень предоставляемых налоговых льгот для НИОКР.

Наиболее востребованным налоговым инструментом поддержки ИТ-бизнеса в международной практике является применение *налогового вычета* (*super-deduction*), позволяющего компаниям вычитать из налогооблагаемой базы сумму, значительно превышающую объем понесенных расходов (пионером в данном решении являлась Великобритания).

Иной мерой поддержки ИТ-сектора за рубежом является *предоставление налоговых кредитов* на реализацию НИОКР — деятельности: *R&D Tax Credit* (в Канаде, Австрии, Ирландии и др. странах), позволяющее уменьшать уплачиваемый налог пропорционально затратам на исследования и разработки.

Во многих странах наряду с перечисленными налоговыми инструментами имплементирован *IP-Box* (*Intellectual Property Box*): льготный режим налогообло-

² Tax Incentives and Investments in the EU. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/ECTI_STU\(2025\)772636](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/ECTI_STU(2025)772636)

Рис. 4 / Fig. 4. Сравнение прогнозных налоговых поступлений и расходов на федеральный проект* / Difference in projected tax revenues and expenditures for federal project

Источник / Source: расчеты авторов / author's calculations.

* Составлено авторами на основе данных Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025). СПС «Консультант.Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/

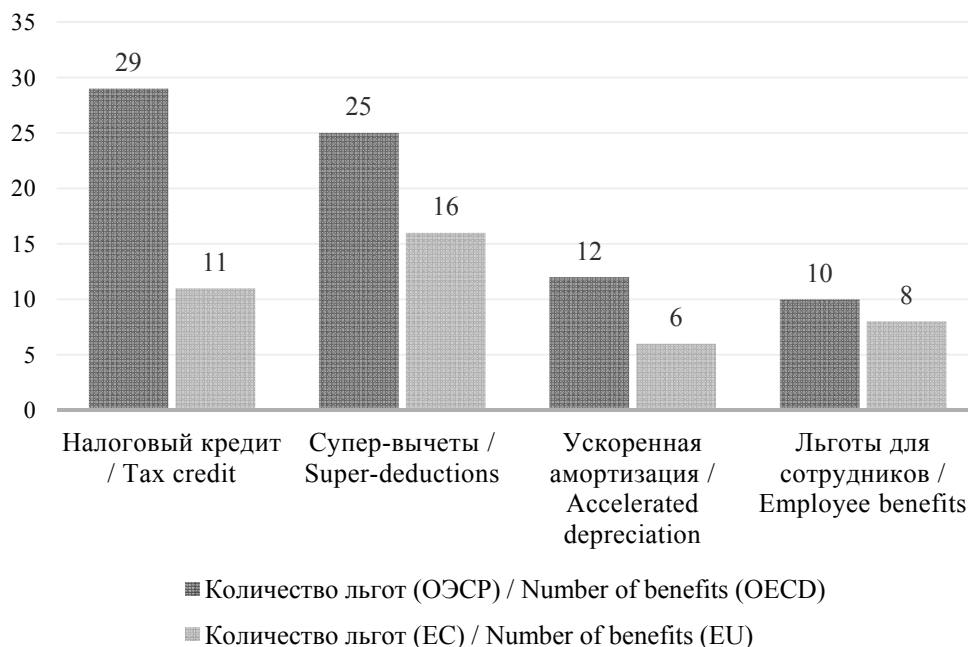

Рис. 5 / Fig. 5. Налоговая поддержка инновационной деятельности (НИОКР) в ОЭСР и ЕС на 2024 г., шт. / Tax support for innovation (R&D) in the OECD and EU, 2024, pp.

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Европейского Парламента / authoring, based on European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/ECTI_STU\(2025\)772636](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/ECTI_STU(2025)772636) (дата обращения: 03.07.2025) / (accessed on 03.07.2025).

жения объектов интеллектуальной собственности (далее — ИС) с пониженной ставкой корпоративного налога в зависимости от страны (до 12,5%) и обложением квалифицированного дохода, предполагающего взаимосвязь между понесенными расходами и результатами от ИС. Режим *IP-box* на сегодняшний день действует в 13 из 27 стран — членов ЕС, а также не входящих в ЕС — Албании, Сербии, Швейцарии, Турции и Великобритании)³.

Стоит отметить, что вопрос эффективности и корректировки действующих налоговых льгот обсуждается на государственном уровне. Например, проект изменений Министерства цифрового развития в Постановление Правительства № 1729 в части создания федерального реестра стартапов в перспективе позволит устранить неравный доступ к налоговым льготам для малых компаний по сравнению со средними и крупными для более сбалансированного инновационного развития ИТ-отрасли⁴.

Любопытным для осмысления является перечень поручений по итогам встречи с членами «Деловой России» (утв. Президентом РФ 23.06.2025 № Пр-1387⁵) в вопросе доработки и корректировки текущих налоговых стимулов для технологических компаний. В частности, прорабатываются вопросы: совместного применения федерального и регионального инвестиционных налоговых вычетов (далее — ИНВ) от расходов на НИОКР для достижения максимальной эффективности; расширения перечня ОКВЭД, попадающих под применение федерального ИНВ (пп. а п. 2 Пр-1387), а также преобразования реестра МТК в реестр технологических компаний (для последующего выхода на IPO) с адресной поддержкой малых ИТ-компаний (пп. а п. 3 Пр-1387). Совмещение применения регионального ИНВ с введенным с 1.01.2025 г. федеральным ИНВ имеет сомнительный характер, поскольку региональный ИНВ по основным средствам и НИОКР изначально предусматривают уменьшение федеральной части налога на 10% понесенных

расходов, тогда как федеральный ИНВ предполагает сокращение только лишь в размере 3%. Региональный ИНВ в части разработки, тестирования адаптации или модификации ПО в соответствии с подп. 7 п. 2 ст. 286.1 НК сразу предусматривает 100%-й вычет для соответствующей суммы расходов. Подобная замена с 10%-го уменьшения федеральной части до 3%-й не представляется экономически целесообразной. Что касается государственной поддержки выхода технологических компаний на IPO — данное поручение не выглядит перспективным, поскольку его выполнение ограничивается изолированным внутренним фондовым рынком, что практически исключает возможность привлечения иностранного капитала и ставит отечественные компании в неравное положение на международном рынке. Такие декларативные поручения требуют более тщательной проработки со стороны ведомств, в том числе согласования с региональными органами власти.

Большинству российских технологических компаний доступны два варианта налогообложения: применение льготной ставки по налогу на прибыль в размере 5% в рамках налогового маневра при условии получения аккредитации и достижения доли выручки от деятельности в сфере ИТ не менее 70%, или сохранение общего режима налогообложения со ставкой 25%. Первый вариант сопровождается высоким порогом для входа и избирательным подходом в отношении малых и средних компаний, второй — не предусматривает специальных механизмов поддержки со стороны государства, что влечет значительное налоговое бремя.

Компромиссным вариантом могло бы стать введение гибкой ставки налога на прибыль для ИТ-компаний, не выполняющих требований по выручке или не соответствующих иным критериям. Так, в ближайшее время может быть ужесточена регистрация программ в РРПО для получения ИТ-аккредитации: для ее получения нужно будет подтвердить отсутствие аналогов ПО в реестрах РРПО и ЕАЭС, обеспечить совместимость с несколькими операционными системами и выполнить иные требования⁶. Введение дифференцированной ставки налога позволит устранить искусственное сдерживание доходов средними компаниями (которые

³ Patent Box Regimes in Europe, 2024 Tax foundation. URL: <https://taxfoundation.org/data/all/eu/patent-box-regimes-europe-2024/>

⁴ О внесении изменений в Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2022 г. № 1729: Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 № 1729. Федеральный портал нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=153100>

⁵ Перечень поручений по итогам встречи с членами «Деловой России» (утв. Президентом РФ 23.06.2025 № Пр-1387. СПС «Консультант.Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508393/

⁶ Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий: Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 № 1729 (ред. от 26.08.2024). СПС «Консультант.Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427955/

Таблица / Table

**Сравнение фискального эффекта налоговых режимов, тыс.руб. /
Comparison of the fiscal effect of tax regimes, thousand rubles**

Ранжирование / Ranking	Кол-во компаний, шт. / Number of companies, pcs.	Прибыль (доход x маржинальность 13%), тыс. руб. / Profit (income x margin 13%), thousand rubles	Налоговые поступления / Tax revenues		
			при ОСНО (25%), тыс. руб. / under the general tax system (25%), thousand rubles	при IT-маневре (5%), тыс. руб. / during an IT maneuver (5%), thousand rubles	при IP-box (5/8/12%), тыс. руб. / with an IP-box (5/8/12%), thousand rubles
Небольшие (TR<5 млн руб.) / Small (TR<5 million rubles)	65 312	21 226 400	5 306 600	1 061 320	1 061 320
Развивающиеся (5<TR<10 млн руб.) / Developing (5<TR<10 million rubles)	11 457	11 170 575	2 792 644	558 529	893 646
Устойчивые (TR>10 млн руб.) / Stable (TR>10 million rubles)	47 246	307 099 000	76 774 750	15 354 950	36 851 880
ИТОГО / TOTAL	124 015	339 495 975	84 873 994	16 974 799	38 806 846

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сейчас, возможно, злоупотребляют налоговыми льготами) и поможет компенсировать бюджетные потери за счет роста налоговой базы.

В качестве другого варианта налогового стимулирования отрасли можно использовать режим IP-box в отношении квалифицированных доходов от ИС российских ИТ-компаний (аналог IP-box и патентной системы налогообложения, адаптированной для юридических лиц). За счет гибкой шкалы ставки налога на прибыль (5–12% в зависимости от размера компании), исключения требования по доле ИТ-выручки и условия о внесении объекта ИС в расширенный и открытый перечень таких объектов можно нарастить фискальный эффект, что было доказано эмпирическим путем.

За основу для прогнозирования налоговых поступлений (см. таблицу) были приняты компании (по кодам ОКВЭД 62, 63, 71) со статусом действующих организаций, классифицированные на три типа: небольшие стартапы (с выручкой до 5 млн руб.), развивающиеся (до 10 млн руб.) и устойчивые (с объемом

выручки свыше 10 млн руб.)⁷. Средняя маржинальность рассчитана на основе усредненного показателя рентабельности по прибыли до налогообложения на основе данных рейтингового агентства FIRA PRO⁸.

Введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов от ИС с возможностью комплексного применения льготных инструментов (включая пониженные ставки по страховым взносам) позволит нивелировать искусственные ограничения, включая дробление бизнеса, предпринимаемые бизнесом для получения налоговых льгот.

Предложенная мера позволит также нарастить налоговые платежи в бюджет страны, покрыв около 1,02% ожидаемого дефицита на 2025 г. (увеличенного

⁷ Расширенный поиск по юридическим лицам на портале «Прозрачный бизнес». Электронный сервис ФНС. URL: <https://pb.nalog.ru/qa.html#all>

⁸ Отраслевые данные по кодам ОКВЭД: 62, 63, 71. Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/index.html#industry>

до 3,8 трлн руб. согласно пп. е п. 1 ст. 1 № 152-ФЗ от 24.06.2025 «О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов»). Фискальный эффект от налогового маневра при наличии аккредитации (с пониженными ставками по страховым взносам в размере 7,6% и по налогу на прибыль в размере 5%) значительно ниже, а дефицит бюджета удастся покрыть всего на 0,4%. За счет расширения мер налоговой поддержки ИТ-компаний можно достичь более равномерного распределения налоговой нагрузки в этой отрасли, исключив искусственное сдерживание роста для выполнения условия по доле профильной выручки, тем самым увеличив стимулирование всей отрасли.

Стоит оговориться, что подобное предложение в целом закономерно ведет к увеличению налоговой нагрузки в ИТ-секторе. Приведенный гипотетический расчет не учитывает всех нюансов распределения налогового бремени в отрасли, поэтому для дальнейшего исследования потребуются более точные детализированные данные (отсутствующие в открытых источниках).

На основе зарубежного опыта поддержки ИТ-компаний целесообразно рассмотреть и внедрить следующие меры совершенствования налогового стимулирования:

- провести консолидацию множественных реестров (реестры российского ПО, НИОКР, РЭП) в один объединенный реестр объектов ИС, куда бы входили все субъекты, осуществляющие ИТ-деятельность и применяющие налоговые льготы (упрощение администрирования льгот);
- расширить сферу применения инвестиционного налогового кредита (далее — ИНК), предполагающего уменьшение суммы налоговых платежей (не более половины суммы налога и в пределах суммы ИНК) с дальнейшей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов по перечню приоритетных отраслей (пп. 1 п. 1 ст. 67 НК РФ): на данный момент налоговые кредиты доступны только для целей НИОКР;
- внедрить механизм поддержки *R&D Tax Relief*, действующий в Великобритании, подразумевающий применение налогового вычета с дополнительным коэффициентом для кратного увеличения понесенных расходов. В РФ таким инструментом для снижения налогооблагаемой базы является повышающий коэффициент к норме амортизации, равный 2-м для принятия расходов по ст. 262 НК РФ, п. 1 и п. 3 ст. 257 НК РФ и — 3-м для амортизационных отчислений для НМА (пп. 6 п. 2 ст. 259.3 НК РФ). Согласно механизму

R&D Tax Relief, ИТ-компании могут также претендовать на налоговый кредит (*payable tax credit*) при убытках в целях стимулирования инноваций и разработок;

- упростить условия налогообложения малых ИТ-компаний путем расширения периметра действия налоговых инструментов для обеспечения равного доступа к налоговым мерам поддержки и стимулирования отрасли ИТ;

- улучшить условия льготного кредитования ИТ-компаний (на разработку ПО и иных цифровых решений — до 3–5% годовых), распространив его действие на весь ИТ-сектор без необходимости наличия аккредитации, а также уравнивать ставки для всех профильных компаний (для МТК доступно кредитование в размере текущей ключевой ставки минус 7%), что менее выгодно по сравнению с первым вариантом кредитования;

- расширить перечень затрат (по п. 2 ст. 286.1 НК РФ), по которым применяется региональный инвестиционный налоговый вычет, нивелировав тем самым избирательный подход для ИТ-компаний: на примере аналогичного налогового инструмента (*super deduction*), действующего в Великобритании, Китае и иных странах, суть которого — в учете всех капитальных вложений в новое оборудование;

- улучшить функционал действующей системы мониторинга «Эффективность льгот» (запущена в 2022 г. ФНС России совместно с Министерством финансов для оценки влияния налоговых льгот на финансовые показатели деятельности), обеспечив возможность оперативного отслеживания отраслевой динамики и предварительных прогнозов.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования подтверждают необходимость модернизации системы налогового стимулирования ИТ-отрасли в текущих экономических реалиях для нивелирования дисбаланса в распределении налоговой нагрузки между профильными компаниями различного масштаба деятельности и достижения более равномерного распределения налогового бремени за счет более гибких налоговых механизмов поддержки бизнеса.

Разработка специального налогового режима для доходов от интеллектуальной собственности с прогрессивной шкалой налогообложения с возможностью совмещения с иными льготными инструментами поддержки ИТ-бизнеса позволит сократить долю искусственного сдерживания всестороннего развития бизнеса для сохранения налоговых льгот. Эта мера

поддержки также способна обеспечить положительный фискальный эффект для бюджета, снизив выпадающие доходы и компенсировав его дефицит за счет более гибких ставок и расширения перечня объектов интеллектуальной собственности. Усовершенствовать систему налогового стимулирования поможет также имплементация успешных зарубежных практик поддержки развития высокотехнологичного бизнеса

и проведение систематического мониторинга эффективности действующих налоговых льгот. Реализация вышеназванных и других предложенных мер направлена на усиление и развитие инновационного потенциала отрасли, снижение административных барьеров для получения льгот компаниями в ИТ-сфере, наращивание фискального эффекта и достижение баланса между интересами государства и бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пинская М.Р., Стешенко Ю.А., Цаган-Манджиева К.Н. Оценка эффективности инвестиционных налоговых льгот в России. *Journal of Applied Economic Research*. 2023;22(3):522–550. DOI: 10.15826/vestnik.2023.22.3.022
2. Cotrut M., Munyandi K. Tax Incentives in the BEPS Era. IBFD Tax Research Series. IBFD; 2018. 332 p.
3. Якушева Е.Е. Налоговые льготы для высокотехнологичных компаний: особенности и перспективы. *Российский юридический журнал*. 2023;(2):143–152. DOI: 10.34076/20713797. 2023. 2. p143
4. Колотовкин И.В., Полежарова Л.В. Результативность налоговых льгот для организаций сферы информационных технологий в России. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(2):71–81. DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–2–71–81
5. Баландина А.С., Резникова А.Д. Налоговые льготы для ИТ-сектора в РФ: современное состояние и перспективы развития. Вестник Тюменского государственного университета. *Социально-экономические и правовые исследования*. 2025;11(1):155–173. DOI: 10.21684/2411–7897–2025–11–1–155–173
6. Болтинова О.В., Сорокин А.А. Актуальные проблемы применения налоговых льгот для организаций ИТ-отрасли. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2024;(7):120–128. DOI: 10.17803/2311–5998.2024.119.7.120–128
7. Громов В.В. Специфика и проблемы налогового стимулирования малых ИТ-компаний в России. *Финансовый журнал*. 2022;14(1):8–25. DOI: 10.31107/2075–1990–2022–1–8–25
8. Пономарева К.А. Голованёв М.А. Правовая определенность как условие применения норм о налоговых льготах (на примере ИТ-отрасли). *Правоприменение*. 2025;9(1):24–33. DOI: 10.52468/2542–1514.2025.9(1).24–33
9. Зверева Т.В. Анализ эффективности применения налоговых льгот для ИТ-отрасли в Российской Федерации. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022;246(3):100–108. DOI: 10.24412/2072–4098–2022–3246–100–108
10. Седаш Т.Н., Тютюкина Е.Б. Использование зарубежного опыта налогового стимулирования инноваций в России. *Финансы и кредит*. 2018;24(12):2863–2875. DOI: 10.24891/fc.24.12.2863
11. Перепелица М.А., Мирончуковская В.В., Ёркина Т.Н. Особенности налогового регулирования ИТ-отрасли в России и государствах Евразийского Экономического Союза. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023;16(4):183–205. DOI: 10.17323/2072–8166.2023.4.183.205
12. Самохвалова К.В. Режим «Patent box»: возможности применения в российской практике налогообложения прибыли. *Налоги и налогообложение*. 2021;(3):1–15. DOI: 10.7256/2454–065X.2021.3.34837
13. Голубцова Е.В. Меры повышения результативности государственной налоговой политики в отношении ИТ-отрасли. *Аудиторские ведомости*. 2025;(1):196–200. DOI: 10.24412/1727–8058–2025–1–196–200
14. Дербенева В.В. Налоговые меры поддержки ИТ-сектора в условиях санкций как условие инновационного развития территорий. *Вестник Академии знаний*. 2022;52(5):358–364. DOI: 10.24412/2304–6139–2022–52–5–358–364
15. Milani S., Neumann R. R&D, patents, and financing constraints of the top global innovative firms. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2022;(196):546–567. DOI: 10.1016/j.jebo.2022.02.016
16. Худяков П.А. Правовая оценка соответствия практики применения мер налогового стимулирования ИТ-сектора целям и задачам государственной политики: выявление неопределенностей модели налогообложения. *Юридическая наука*. 2023;(1):62–68.
17. Крохина Ю.А. Особенности правового положения ИТ-компаний в налоговых отношениях. *Экономика. Право. Общество*. 2023;8(1):94–99. DOI: 10.21686/2411–118X-2023–1–94–99

18. Тимофеев С.В. Налоговые льготы как способ сохранения занятости в IT-секторе: правовой аспект. *Наука и искусство управления*. 2023;(1):126–138. DOI: 10.28995/2782–2222–2023–1–126–138
19. Баландина А.С., Рюмина Ю.А. Социальный аспект эффективности налоговых льгот и государственных мер поддержки для IT-сектора Российской Федерации. *Сибирская финансовая школа*. 2025;(2):80–86. DOI: 10.34020/1993–4386–2025–2–80–86
20. Качур О.В. Налоговые льготы на НИОКР как инструмент стимулирования инвестиций. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2023;157(1):118–130. DOI: 10.17308/meps/2078–9017/2023/1/118–130
21. Appelt S., Bajgar M., Criscuolo C., Galindo-Rueda F. How effective are R&D tax incentives? Reconciling the micro and macro evidence. *Centre for Economic Performance Discussion Paper*. 2025; URL: <https://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp2071.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).
22. Melnik W., Smyth A. R&D tax credits and innovation. *Journal of Public Economics*. 2024;(236):105–157. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2024.105157
23. Wang K.T., Walpola S., Zhu N.Z., Ulima I. R&D Tax incentive reforms around the world: The impact on firm value. *European Accounting Review*. 2024;1–29. DOI: 10.1080/09638180.2024.2433231

REFERENCES

1. Pinskaya M.R., Steshenko Yu.A., Tsagan-Mandzhieva K.N. Evaluation of the Effectiveness of Investment Tax Incentives in Russia. *Journal of Applied Economic Research*. 2023;22(3):522–550. (In Russ.). DOI: 10.15826/vestnik.2023.22.3.022
2. Cotrut M., Munyandi K. Tax Incentives in the BEPS Era. IBFD Tax Research Series. IBFD; 2018. 332 p.
3. Yakusheva E.E. Modern tax incentives for high-tech companies: Features and prospects. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal = Russian Legal Journal*. 2023;(2):143–152. (In Russ.). DOI: 10.34076/20713797. 2023. 2. p143
4. Kolotovkin I.V., Polezharova L.V. Effectiveness of tax benefits for information technology organizations in Russia. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2024;28(2):71–81. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–2–71–81
5. Balandina A.S., Reznikova A.D. Tax benefits for the IT sector in the Russian Federation: current state and development prospects. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and Legal Studies*. 2025;11(1):155–173. (In Russ.). DOI: 10.21684/2411–7897–2025–11–1–155–173
6. Boltinova O.V., Sorokhin A.A. Current problems of applying tax incentives for organizations in the IT industry. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;(7):120–128. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311–5998.2024.119.7.120–128
7. Gromov V.V. Features and problems of tax incentives for small software companies in Russia. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2022;14(1):8–25. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075–1990–2022–1–8–25
8. Ponomareva K.A., Golovanov M.A. Legal certainty as a condition for the application of regulations on tax benefits (using the example of the IT industry). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Practice*. 2025;9(1):24–33. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542–1514.2025.9(1).24–33
9. Zvereva T.V. Analysis of the effectiveness of the application of tax benefits for IT-industry in the Russian Federation. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2022;246(3):100–108. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072–4098–2022–3246–100–108
10. Sedash T.N., Tyutyukina E.B. Using the international practices to encourage innovations in Russia: A Tax Aspect. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2018;24(12):2863–2875. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.24.12.2863
11. Perepelitsa M.A., Mironchukovskaya V.V., Yerkina T.N. Peculiarities of tax regulation of IT industry in Russia and EAEU States. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023;16(4):183–205. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072–8166.2023.4.183.205
12. Samokhvalova K.V. “Patent box” regime: Possibilities of applying profit taxation in Russian practice. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2021;(3):1–15. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454–065X.2021.3.34837
13. Golubtsova E.V. Measures to improve the effectiveness of state tax policy in relation to the IT industry. *Auditorskije vedomosti = Audit journal*. 2025;(1):196–200. (In Russ.). DOI: 10.24412/1727–8058–2025–1–196–200

14. Derbeneva V.V. Tax measures to support the IT sector under sanctions as a condition of innovative development of territories. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022;52(5):358–364. (In Russ.). DOI: 10.24412/2304–6139–2022–52–5–358–364
15. Milani S., Neumann R. R&D, patents, and financing constraints of the top global innovative firms. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2022;(196):546–567. DOI: 10.1016/j.jebo.2022.02.016
16. Khudyakov P.A. Legal assessment of compliance of the application of tax incentives measures in the IT sector with the goals and objectives of public policy: Identification of uncertainties of taxation models. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2023;(1):62–68. (In Russ.).
17. Krokhina Y.A. Features of the legal position of IT-companies in tax relations. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economy. Law. Society*. 2023;8(1):94–99. (In Russ.). DOI: 10.21686/2411–118X–2023–1–94–99
18. Timofeev S.V. Tax benefits as a way to maintain employment in the IT sector: Legal aspect. *Nauka i iskusstvo upravleniya = Science and management art*. 2023;(1):126–138. (In Russ.). DOI: 10.28995/2782–2222–2023–1–126–138
19. Balandina A.C., Ryumina Y.A. Social aspect of the effectiveness of tax benefits and state support measures for the IT sector of the Russian Federation. *Sibirskaya finansovaya shkola = Siberian Financial School*. 2025;(2):80–86. (In Russ.). DOI: 10.34020/1993–4386–2025–2–80–86
20. Kachur O.V. Tax relief on R&D as a tool to stimulate investment. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economy: Problems and Solutions*. 2023;157(1):118–130. (In Russ.). DOI: 10.17308/meps/2078–9017/2023/1/118–130
21. Appelt S., Bajgar M., Criscuolo C., Galindo-Rueda F. How effective are R&D tax incentives? Reconciling the micro and macro evidence. *Centre for Economic Performance Discussion Paper*. 2025; URL: <https://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp2071.pdf> (accessed on 27.07.2025).
22. Melnik W., Smyth A. R&D tax credits and innovation. *Journal of Public Economics*. 2024;(236):105–157. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2024.105157
23. Wang K.T., Walpolo S., Zhu N.Z., Ulma I. R&D Tax incentive reforms around the world: The impact on firm value. *European Accounting Review*. 2024;1–29. DOI: 10.1080/09638180.2024.2433231

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ли́ка Александровна Дьячки́на — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Lika A. Dyachkina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of Department of Finance, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0000-4605-7270>

e-mail: auditor.lad@mail.ru

Ангели́на Игоре́вна Кожаккина́ — студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Angelina I. Kozhakina — Student, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0003-1090-9058>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

e-mail: aaangelisha@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.07.2025; принята к публикации 27.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.07.2025; accepted for publication 27.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-146-153

УДК 336.221(045)

JEL E63, F38, H22, H26, H87

XVII международный симпозиум «Теория и практика налоговых реформ»

И.А. Майбуров^а, Д.В. Куницын^б, Ю.В. Леонтьева^а^а Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация;^б Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предметом обсуждения на XVII международном симпозиуме «Теория и практика налоговых реформ», состоявшемся с 29 июня по 5 июля 2025 г. в Новосибирске на базе Новосибирского государственного университета экономики и управления, стали теоретические и практические аспекты противодействия уклонению от уплаты налогов юридическими и физическими лицами. В нем приняли участие 100 ученых, представляющих налоговые школы 40 университетов из 22 городов России, Беларуси и Азербайджана. Организаторами симпозиума выступили Новосибирский государственный университет экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт экономических стратегий Китайской академии общественных наук, Белорусский государственный экономический университет, Фискальный институт при Государственном Налоговом Комитете Республики Узбекистан. **Цель** симпозиума – обсуждение актуальных проблем реформирования налоговых систем, выработка новых теоретико-методологических подходов к теории и политике налогообложения, а также к формированию творческих коллективов для проведения совместных профильных исследований. В рамках симпозиума были проведены пленарное заседание, круглый стол, четыре тематические секции, мероприятия по повышению квалификации участников. Рассмотрены теоретические и практические аспекты противодействия уклонению от уплаты налогов юридическими и физическими лицами в контексте повышения эффективности налоговой политики.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов; налоговая политика; эффекты и эффективность; налоговый симпозиум

Для цитирования: Майбуров И.А., Куницын Д.В., Леонтьева Ю.В. XVII международный симпозиум «Теория и практика налоговых реформ». *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):146-153. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-146-153

ORIGINAL PAPER

XVII International Symposium “Theory and Practice of Tax Reforms”

I.A. Mayburov^а, D.V. Kunitsyn^б, Yu.V. Leontieva^а^а Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation;^б Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of discussion at the XVII International Symposium “Theory and Practice of Tax Reforms”, held from June 29 to July 5, 2025 in Novosibirsk at the Novosibirsk State University of Economics and Management, was the theoretical and practical aspects of countering tax evasion by legal entities and individuals. It was attended by 100 scientists representing tax schools of 40 universities from 22 cities of Russia, Belarus and Azerbaijan. The symposium was organized by Novosibirsk State University of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Financial University under the Government of the Russian Federation, St. Petersburg State University, Institute of Economic Strategies of the Chinese Academy of Social Sciences, Belarusian State University of Economics, Fiscal Institute under the State Tax Committee of the Republic of Uzbekistan. **The purpose** of the symposium is to discuss topical issues of tax system reform, develop new theoretical and methodological approaches to the theory and policy of taxation, as well as to form creative teams to conduct joint specialized research. The symposium included

© Майбуров И.А., Куницын Д.В., Леонтьева Ю.В., 2025

a plenary session, a round table, four thematic sections, and professional development activities for participants. The theoretical and practical aspects of countering tax evasion by legal entities and individuals in the context of increasing the effectiveness of tax policy are considered.

Keywords: tax evasion; tax policy; effects and effectiveness; tax symposium

For citation: I.A. Mayburov, D.V. Kunitsyn, Yu.V. Leontieva. XVII International Symposium “Theory and Practice of Tax Reforms”. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):146-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-146-153

ВВЕДЕНИЕ

С 29 июня по 5 июля 2025 г. в Новосибирске на базе Новосибирского государственного университета экономики и управления прошел XVII международный симпозиум «Теория и практика налоговых реформ». В его работе приняли участие 100 ученых, представляющих налоговые школы 40 университетов из 22 городов России, Беларуси и Азербайджана.

Предмет обсуждения — теоретические и практические аспекты противодействия уклонению от уплаты налогов юридическими и физическими лицами. Цели симпозиума — обсуждение актуальных проблем реформирования налоговых систем, выработка новых теоретико-методологических подходов к совершенствованию налоговой политики и налогообложения, формированию творческих коллективов для проведения совместных исследований, связанных с налоговой проблематикой. Организаторы — Новосибирский государственный университет экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт экономических стратегий Китайской академии общественных наук, Белорусский государственный экономический университет, Фискальный институт при Государственном Налоговом Комитете Республики Узбекистан.

В рамках симпозиума были проведены пленарное заседание, круглый стол, четыре тематические секции, занятия по повышению квалификации участников.

ОБЗОР ПЛЕНАРНЫХ ДОКЛАДОВ

(модератор: д-р экон. наук И.А. Майбуров)

Заместитель начальника Контрольного управления Федеральной налоговой службы России, д-р экон. наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации **К.В. Новоселов** посвятил свое выступление анализу эффек-

тов реализации отраслевых проектов налогового контроля. Докладчик акцентировал внимание на смещении акцентов в контрольно-аналитической работе ФНС: количество выездных налоговых проверок продолжает снижаться с 10,2 тыс. ед. в 2022 г. до 4,9 тыс. ед. в 2024 г. При этом по результатам выездного налогового контроля в 2024 г. в бюджет поступило 150 млрд руб., а по итогам аналитической работы — 258 млрд руб. Таким образом, выездная налоговая проверка становится крайней мерой реагирования. Одним из основных принципов организации контрольной работы ФНС становится отказ от выявления рисков в одной компании и переход к оценке рисков в том или ином сегменте рынка (отрасли). Главная целевая установка — создание среды с равными конкурентными условиями в целом по отраслям, в которой операции всех участников и игроков рынка в том или ином сегменте для налоговых органов прозрачны. При этом прозрачность рынка оценивается не только налоговым органом, но и всеми его участниками. Докладчик подробно остановился на реализации концепции отраслевого налогового контроля, суть которой состоит в выявлении отраслей и сегментов рынка, характеризующихся высоким налоговым риском с последующим отбором основных представителей отраслей, установлением системных способов уклонения от уплаты налогов и налаживанием системного диалога с бизнесом с целью его побуждения к добровольному исполнению налоговых обязательств. В противном случае — назначается выездной налоговый контроль, а бизнес привлекается к налоговой ответственности. **К.В. Новоселов** обратил внимание на отрасли, формировавшие по данным Банка России в 2024 г. наибольший спрос на теневые финансовые услуги: строительство (34%), торговля (26%), услуги (23%), производство (15%). Раскрыв и проанализировав нелегальные схемы производства табачной продукции и реализации медицинского спирта, он также рассказал о практике оперативного реагирования налоговой службы на эти схемы и способах их блокировки.

Руководитель УФНС России по Новосибирской области **Г.Г. Морозов** раскрыл территориальную специфику реализации отраслевых проектов. В частности, докладчик подчеркнул, что по наиболее проблемной строительной отрасли в результате системной работы с бизнесом удалось добиться роста налоговых поступлений в области на 47,7%: с 28,4 млрд в 2023 г. до 41,9 млрд в 2024 г. На 38,2% выросли налоговые поступления и от пивоваренной отрасли: с 11 млрд в 2023 г. до 15,2 млрд в 2024 г. Эти и другие успехи достигнуты на фоне постоянного снижения выездных налоговых проверок: с 307 в 2020 г. до 85 в 2024 г. При этом сумма доначислений на одну налоговую проверку непрерывно возрастает: с 4 млн в 2020 г. до 74,8 млн в 2024 г. По мнению **Г.Г. Морозова**, выездной налоговый контроль — безусловно, крайняя мера налогового реагирования, которая должна применяться лишь в случаях выявления агрессивных схем уклонения от уплаты налогов и отказа налогоплательщика менять свою модель налогового поведения.

Заместитель начальника Межрайонной инспекции ФНС по крупнейшим налогоплательщикам № 3 **Ю.О. Макарова** остановилась на анализе предотвращенной инспекцией схемы уклонения от уплаты налогов группой компаний при приобретении нефтяного бизнеса, использующей в ходе этой сделки денежные средства аффилированного банка, переводы долговых обязательств на приобретаемое общество, векселя, не обеспеченные имуществом. При применении авансовой схемы применения вычетов по НДС группа компаний применяла 100%-е авансирование сделок со значительной отсрочкой поставок. При этом отсутствовали документы о транспортировке и хранении, наблюдалась несопоставимость закупаемых объемов с фактической потребностью. Докладчик указала на основные признаки схемных операций, применяемых этой группой компаний: низкая налоговая нагрузка, взаимозависимость и подконтрольность участников, единые центр принятия решений, бухгалтерия, IP-адреса и доменные имена, «технические» поставщики и подрядчики, транзитные операции внутри группы, вывод денежных средств в интересах бенефициара.

Вопросы эффективности автоматизации налогового контроля по НДС — тема выступления **Д.В. Куницына**, проректора по научной работе и дополнительному образованию Новосибирского государственного университета экономики и управления. Проанализировав процесс функциониро-

вания НДС в рамках 3-х этапов: учетного периода в 1991–1997 гг., счет-фактурного — в 1997–2014 гг. и периода автоматизированного контроля — с 2015 г. по настоящее время, он констатировал: внедрение системы АСК НДС-2 с 01.01.2015 г. позволило кардинально изменить систему налогового контроля по НДС, поскольку появилась возможность установления разрывов, свидетельствующих о возможных проблемах при оформлении счетов-фактур и отражении их в книгах покупок и продаж, а также в налоговых декларациях по НДС. Докладчик систематизировал виды налоговых расхождений, разделив их на техническое, «методологическое» и «схемное». Последний вид расхождения приводит к разрыву и более всего нуждается в контрольной проверке. По мнению **Д.В. Куницына**, внедрение автоматизированной системы контроля НДС привело к изменению подходов к организации контрольной работы и приоритетов во взаимодействии с налогоплательщиками при проведении камеральных проверок, предпроверочного анализа, а также в ходе выездных налоговых проверок. Наличие сведений, а также видимость цепочки взаимоотношений и признаков потенциальных нарушений позволили сконцентрировать контрольную работу на наиболее существенных нарушениях, характеризующихся возникновением разрывов, с ориентацией на сбор информации и доказательств еще до начала выездных налоговых проверок посредством предварительных запросов налогоплательщикам, контрагентам, а также иным лицам, обладающим необходимой информацией. Все это привело к повышению результативности контрольно-аналитической работы налоговых органов и позволило существенно снизить количество проведенных выездных проверок. Информационная прозрачность НДС повысила эффективность побуждения налогоплательщиков к добровольному отказу от применения налоговых схем через представление уточненных налоговых деклараций, увеличивающих суммы налоговых обязательств и уменьшающих налоговые вычеты. Доля добровольной уплаты по результатам контрольно-аналитической работы увеличилась с 11,7% в 2016 г. до 56,0% в 2024 г. При этом усиление налогового контроля привело к повышению транспарентности цепочек добавленной стоимости и увеличению налоговой нагрузки на бизнес. Обращено внимание на изменение форм ведения предпринимательской деятельности, обусловленное новыми подходами в организации

контрольной работы. Так, активизация налоговых органов по очистке бизнес-среды от проблемных и транзитных налогоплательщиков, а также наличие большего количества контролируемых рисков у юридических лиц, привело к их сокращению в общем количестве субъектов предпринимательской деятельности с 56,8% в 2014 г. до 41,5% в 2024 г., однако, как следствие, увеличилось число малых и средних предприятий — с 70,8% в 2016 г. до 84,6% в 2024 г.

Управляющий партнер юридического партнерства «Курсив» **М.В. Ильященко** затронула вопросы обеспечения налогового согласия в обществе с минимальными издержками. По ее мнению, реализация налогового согласия необходима при урегулировании налоговых разногласий, определении размера ущерба и при погашении недоимки. Все эти три процедуры требуют четкой, согласованной всеми участниками нормативно-законодательной регламентации.

Председатель Федеральной Ассоциации бухгалтеров-аутсорсеров, руководитель ООО «Практикум» **А.О. Лобанова** посвятила свой доклад анализу влияния профессиональных сообществ на повышение налоговой грамотности предпринимателей. Данная ассоциация в 2025–2026 учебном году объявила конкурс для студентов, к которому присоединились уже более 20 высших и средних специальных учебных заведений по всей стране. Студентам предстоит разработать бизнес-план под руководством опытных предпринимателей и экспертов — членов ассоциации. В мае 2025 г. была успешно проведена демоверсия конкурса в Тюменском госуниверситете. По мнению докладчика, программа сотрудничества ассоциации с вузами и колледжами, в том числе проект конкурса «Платиновый бизнес-план», а также практики и стажировки для студентов, мастер-классы и вебинары позволяют существенно повысить налоговую грамотность будущих предпринимателей.

Завершил пленарную работу доклад «Проблемы налогового стимулирования технологического суверенитета» главного научного сотрудника Института экономических исследований, д-ра экон. наук, профессора **В.П. Вишневского**, по мнению которого, каждая технология, в том числе критическая, имеет свой жизненный цикл, который условно можно разбить на стадии: инноваций и развития; роста и диффузии; зрелости и стандартизации; устаревания и упадка. Соотношение затрат в развитие технологии и получаемых результатов отличается на каждой из этих стадий. Жизненный цикл технологии обычно

изображают в виде S-образной кривой, а замену старой технологии на новую представляют как своего рода технологический скачок, связанный с преодолением разрыва, переход с одной S-образной кривой на другую, но уже более высокого уровня. Государственная поддержка в виде специализированных налоговых стимулов важна на протяжении всего жизненного цикла технологии, но некоторые его стадии требуют явно большего внимания. Раскрыв основные типы специализированных налоговых стимулов по стадиям жизненного цикла технологии, докладчик аргументированно доказал, что большая специализированная государственная поддержка обычно требуется на стадии инноваций и развития, поскольку высокие затраты на НИОКР, необходимость прохождения «долины смерти» и длительное время выхода на рынок препятствуют частным инвестициям, а также на стадии роста и диффузии, меньшая — на стадиях зрелости и устаревания (упадка) ранее освоенной технологии.

ОБЗОР ДОКЛАДОВ КРУГЛОГО СТОЛА

(модератор: канд. экон. наук Д.В. Куницын)

В рамках проекта «ДНК России» был проведен круглый стол с повесткой «Развитие экономического образования в России и противодействие уклонению от уплаты налогов», цель которого — обсуждение значимости налогового образования и налоговой культуры как важных ценностей для формирования гражданской позиции современной молодежи.

Заведующий кафедрой региональной экономики и управления Новосибирского государственного университета экономики и управления, д-р экон. наук **В.В. Мельников** представил на обсуждение результаты исследования взаимосвязей экономического развития и экономического мировоззрения российского студента, сфокусировав внимание на системе нарративов, формальных и неформальных правилах, знаниях о ресурсах и альтернативных инструментах хозяйственной адаптации, то есть тех аспектах, которые очень важны при принятия экономических решений и должны быть учтены при модернизации экономического образования. Докладчик сформулировал концептуальные подходы к современному экономическому образованию в рамках историко-институциональной парадигмы, а также рассказал о ходе подготовки учебного пособия «Экономика» для студентов неэкономических специальностей.

О характерных особенностях и взаимосвязи ценностей современной молодежи, налоговой культуры и российской государственности шла речь в докладе проректора Новосибирского госуниверситета экономики и управления, канд. экон. наук **Д.В. Куницына**. Опираясь на результаты социологического исследования, проведенного среди студентов 1 курса в регионах Сибирского федерального округа, докладчик утверждал, что студенты имеют более выраженные индивидуалистические ценностные установки по сравнению со взрослыми. При этом у них более выраженная долгосрочная ориентация на стабильное будущее с «постоянным доходом».

Заведующий кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления, д-р социол. наук, проф. **С.А. Ильных** презентовала результаты социологического обследования 1500 жителей Новосибирска разных возрастов на предмет налоговой грамотности и наличия у них элементов налоговой культуры.

Профессор кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета, д-р экон. наук **Д.Ю. Федотов**, анализируя социальные факторы влияния на налоговое поведение физических лиц, считает, что индивид, принадлежа к определенной социальной группе, принимает и копирует сложившиеся в этой группе социальные нормы. Если уплата налогов является социальной нормой для той группы, к которой принадлежит индивид, то он будет склонен уплатить налог в ситуации, когда имеется возможность выбора — платить налог или нет.

По мнению доцента кафедры финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, канд. экон. наук **Ю.В. Леонтьевой**, занимающейся исследованием факторов, обуславливающих естественный и индуцированный оппортунизм налогоплательщиков, профилактика проявлений естественного оппортунизма налогоплательщиков должна быть основана на способах противодействия уклонению от налогов, которые минимизируют личную выгоду налогоплательщика. Что же касается профилактической работы с индуцированным оппортунизмом налогоплательщиков, то она должна включать не только методы, минимизирующие личную выгоду, но и повышения значимости моральных факторов.

Доцент кафедры региональной экономики и управления Новосибирского государственного университета

экономики и управления, канд. экон. наук **Н.С. Епифанова** акцентировала внимание на честности как ключевой ценности экономического поведения. Становясь коллективной ценностью, она превращается в фактор экономического развития, что особенно актуально для современной российской цивилизации.

Директор ООО ИТ-Консалтинг **И.В. Тимофеева** подняла проблему соблюдения этики в профессии бухгалтера. По мнению докладчика, этика — это не «дополнительная тема», а часть профессии, это то, что студенты должны «взять с собой» после окончания вуза. При этом роль университета состоит не только в том, чтобы дать студентам знания, умения и навыки, но и привить им этические ценности: ответственность, честность, доверие.

ОБЗОР СЕКЦИОННЫХ ДОКЛАДОВ

Оживленные дискуссии состоялись в 4 тематических секциях, посвященных различным аспектам противодействия уклонению от уплаты налогов.

Секция 1 «Поведенческие аспекты в уклонении от уплаты налогов» (модератор: д-р экон. наук **А.П. Кириченко**).

В рамках секции рассмотрены и обсуждены доклады:

И.И. Огородниковой, к.с.н., доцента, доцента кафедры экономики и финансов Тюменского государственного университета «Методологические основы влияния социальных факторов на налоговое поведение физических лиц»;

Ю.Е. Лабунец, к.э.н., доцента кафедры экономической безопасности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники «Поведенческие аспекты анализа уклонения от уплаты налогов юридическими лицами»;

Л.И. Гончаренко, д.э.н., профессора, научного руководителя кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации «Эффекты использования маркировки товаров в противодействии уклонению от уплаты налогов»;

А.Н. Шулекина, к.э.н., старшего преподавателя кафедры экономической теории и прикладной экономики Новосибирского государственного технического университета «Миграция налогоплательщиков и дробление бизнеса как значимые формы уклонения от уплаты налогов»;

К.А. Захаровой, к.э.н., заведующей кафедрой экономики и финансов Тюменского государственного

ного университета «Проблематика противодействия уклонению от уплаты налогов физическими лицами, занимающимися индивидуальным предпринимательством»;

А.И. Гутман, аспиранта Новосибирского государственного университета экономики и управления «Влияние налоговой политики на место регистрации индивидуальных предпринимателей»;

В.В. Житаева, аспиранта Новосибирского государственного университета экономики и управления «Дробление бизнеса как фактор экономической нестабильности государства».

Секция 2 «Теоретико-методологические проблемы противодействия уклонению от уплаты налогов» (модератор: д-р экон. наук **Е. Ф. Киреева**).

В рамках секции рассмотрены и обсуждены доклады:

Н.Г. Викторовой, д.э.н., профессора Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого «Особые экономические зоны: налоговая нагрузка и налоговые риски»;

С.И. Чужмаровой, д.э.н., заведующей кафедрой банковского дела Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина «Причины и последствия уклонения от уплаты налогов юридическими лицами: теория и практика»;

М.А. Троянской, д.э.н., доцента, заведующей кафедрой государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета «Теоретико-методологические основы оценки уклонения от уплаты налогов самозанятыми лицами в территориальном разрезе»;

И.А. Майбурова, д.э.н., профессора, заведующего кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина «Фискальное стимулирование инноваций: аналитический обзор позитивных и негативных эффектов»;

Ю.И. Калюжной, аспиранта Новосибирского государственного университета экономики и управления «Механизм предотвращения уклонения от уплаты налогов фондоемких организаций»;

А.С. Зверевой, старшего преподавателя кафедры бизнес-аналитики, учета и статистики Сибирского института управления — филиала РАНХиГС «Обеспечение должной осмотрительности как эффективный инструмент противодействия уклонению от уплаты налогов»;

И.А. Панишева, аспиранта Новосибирского государственного университета экономики и управления «Методические подходы по организации проверки контрагентов и проявления должной осмотрительности налогоплательщиками».

Секция 3 «Роль административных сервисов и налоговых режимов в противодействии уклонению от уплаты налогов» (модератор: д-р экон. наук **Л.И. Гончаренко**).

В рамках секции рассмотрены и обсуждены доклады:

Р.А. Петуховой, к.э.н., доцента, профессора кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Влияние офшорных юрисдикций и территорий на уклонение от уплаты налогов»;

Е.А. Лаврентьевой, д.э.н., профессора, заведующей кафедрой организационно-экономического обеспечения деятельности транспортных организаций, проректора Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова «Влияние офшорных юрисдикций и территорий на уклонение от уплаты налогов (на примере морского судоходного бизнеса)»;

А.С. Адвокатовой, к.э.н., доцента кафедры налогов и налогового администрирования Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации «Роль налогового контроля и штрафных санкций в противодействии уклонению от уплаты налогов»;

Е.Ф. Киреевой, д.э.н., профессора, заместителя директора Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации «Роль налоговых амнистий в минимизации уклонения от уплаты налогов»;

А.П. Киреев, д.э.н., профессора, директора Байкальского института БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета «Специальные налоговые режимы и уклонение от уплаты налогов в малом бизнесе»;

Е.В. Ядренниковой, к.э.н., доцента, доцента кафедры финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина «Роль упрощенной системы налогообложения в противодействии уклонению от уплаты налогов»;

Е.С. Сеницыной, к.э.н., доцента, преподавателя кафедры общественных финансов Новосибирского государственного университета экономики и управ-

ления «Платформенная занятость и фискальный интерес государства».

Секция 4 «Лучшие практики противодействия уклонению от уплаты налогов» (модератор: д-р экон. наук **Д.Ю. Федотов**).

В рамках секции рассмотрены и обсуждены доклады:

А.А. Пугачева, к.э.н., доцента, научного сотрудника кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им П.Г. Демидова «Риски уклонения от НДС в рамках налоговой реформы 2025 года»;

А.И. Александровой, к.э.н., доцента, ординарного доцента Национального исследовательского университета ИТМО «Система налогового комплаенса как инструмент противодействия уклонению от уплаты налогов»;

Л.П. Королевой, к.э.н., доцента, доцента Департамента экономической безопасности и управления рисками Финансового университета при Правительстве РФ «Роль финансового мониторинга в противодействии уклонению от уплаты налогов и сборов»;

О.С. Беломытцевой, д.э.н., профессора кафедры финансов и учета Национального исследовательского Томского государственного университета «Роль налогового мониторинга в противодействии уклонению от уплаты налогов»;

Ю.Г. Тюриной, д.э.н., доцента, профессора кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ «Практика противодействия уклонению от уплаты налога на имущество организаций».

ВЫВОДЫ

Симпозиум продемонстрировал высокий научный и практический уровень обсуждения актуальных проблем теории и методологии противодействия разным процессам уклонения от уплаты налогов. Каждый участник почерпнул для себя что-то новое, наметил направление дальнейших исследований. Общим же итогом симпозиума «Теория и практика налоговых реформ» следует считать бесценный опыт контактной научной дискуссии, скрупулезный анализ последних научных разработок и лучшего зарубежного опыта, согласование будущих совместных исследовательских проектов в сфере налогообложения. Почти все участники симпозиума говорили о необходимости формирования налоговой культуры и налоговой грамотности, которые надо прививать со школьной скамьи, углубляя

и усиливая эти аспекты в сфере экономического и юридического высшего образования.

В ряде выступлений прозвучала озабоченность, связанная с дефицитом квалифицированных кадров, который отмечается в большинстве налоговых инспекций, что, по мнению ученых и практиков, требует скорейшего принятия образовательных стандартов профильного направления в специалитете «Налоги и налогообложение» и образовательного стандарта профильного направления в магистратуре «Налоговое администрирование и консалтинг». По этим программам следует выделять государственный заказ на подготовку кадров в приоритетном порядке. Появление профильных стандартов налогового образования приведет к возрождению профильных налоговых кафедр и исследовательских лабораторий (центров) в федеральных, национальных исследовательских и опорных университетах страны. Коллеги убеждены: возрождение высшего образования в налоговой сфере во многом зависит от позиции Федеральной налоговой службы, которая должна быть максимально заинтересована в его становлении и развитии.

* * *

Программный комитет подготовил две коллективные монографии, основные положения которых обсуждались на симпозиуме:

- Уклонение от уплаты налогов юридическими лицами. Проблемы и перспективы противодействия: монография для магистрантов. Под ред. И.А. Майбунова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2025. 303 с.
- Уклонение от уплаты налогов физическими лицами. Проблемы и решения: монография для магистрантов. Под ред. И.А. Майбунова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2025. 231 с.

Монографии также доступны на сайте налогового симпозиума: https://taxsymposium.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=162&Itemid=1149&lang=ru

* * *

Презентации всех докладов доступны на сайте налогового симпозиума: <https://taxsymposium.ru/index.php?lang=ru>

* * *

XVIII симпозиум «Теория и практика налоговых реформ» состоится в июле 2026 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого. Адрес оргкомитета: 5symposium@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Игорь Анатольевич Майбуров — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Igor A. Mayburov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Department of Financial and Tax Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-8791-665X>

Автор для корреспонденции/Corresponding the author:
i.a.mayburov@urfu.ru

Дмитрий Валерьевич Куницын — кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе и дополнительному образованию, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация

Dmitry V. Kunitsyn — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Vice-Rector for Research and Additional Education, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0007-6585-871X>
d.v.kunicyn@nsuem.ru

Юлия Владимировна Леонтьева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансового и налогового менеджмента, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Yulia V. Leontieva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of Financial and Tax Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-4676-9926>
uv.leonteva@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И.А. Майбуров — научное обоснование и анализ пленарных докладов.

Д.В. Куницын — научно-практический анализ общих данных по симпозиуму, общее редактирование статьи.

Ю.В. Леонтьева — составление аннотации, представление отдельных выступлений.

Authors Contribution Statement:

I.A. Mayburov — scientific justification and analysis of the plenary reports.

D.V. Kunitsyn — scientific and practical analysis of the general data on the symposium, general editing of the article.

Yu. V. Leontieva — compilation of annotations, presentation of individual presentations.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 12.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-154-164
УДК 336.025,336.1.07,339.72,339.73(045)
JEL F33, G15, G18, G28, G29

Государственное регулирование рынка цифровых активов: подходы и практика

С. В. Шурина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Стремительное развитие рынка цифровых финансовых активов (далее — ЦФА) в мире требует их государственного регулирования. Поставлена **задача** изучить и определить положительные стороны в опыте передовых стран по регулированию рынка цифровых активов, рассмотреть российскую практику, ее достоинства и недостатки. **Предмет** исследования — государственное регулирование рынка цифровых активов в странах мира и России. **Цель** работы — обобщение зарубежного опыта регулирования рынка цифровых активов и определение приоритетов регулирования ЦФА в России. В процессе изучения применялись сравнительный анализ и системный подход, другие общенаучные **методы**. Базу исходных данных составили федеральные законы и подзаконные акты, включая нормативные акты Банка России, иные статистические данные. Изучена практика регулирования в ряде развитых стран. Рассмотрен опыт Евросоюза, где продвигаются законодательные инициативы по упрощению трансграничного расширения и смягчения регулятивного арбитража, что позволит ЕС сформировать крупнейший в мире рынок цифровых активов с максимальной правовой и нормативной ясностью. В **результате** исследования установлено, что криптовалюты являются законными не во всех юрисдикциях. Треть государств не имеет цифровых активов и не планирует их регулировать, а половина всех стран хочет создать индивидуальное регулирование. Отмечено, что вступивший недавно в действие российский закон, регулирующий цифровые финансовые активы, вводит значительные ограничения на использование ЦФА с одновременными перспективами их использования для тех, кто находится в реестре Банка России. Сделан **вывод**: активное развитие рынка цифровых активов требует новых подходов к обеспечению цифровой безопасности и снижению рисков от внедрения новых правовых норм, более совершенного государственного регулирования, которое бы учитывало опыт передовых стран мира.

Ключевые слова: цифровые активы; цифровые финансовые активы; криптовалюта; государственное регулирование; финансовый рынок; цифровая безопасность

Для цитирования: Шурина С. В. Государственное регулирование рынка цифровых активов: подходы и практика. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):154-164. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-154-164

ORIGINAL PAPER

Government Regulation of the Digital Asset Market: Approaches and Practice

S. V. Shchurina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The rapid development of the digital financial assets market (hereinafter referred to as CFA) in the world requires their government regulation. The **task** is to study and identify the positive aspects in the experience of advanced countries in regulating the digital asset market, to consider Russian practice, its advantages and disadvantages. **The subject** of the research is the state regulation of the digital asset market in the countries of the world and Russia. **The purpose** of the work is to summarize the foreign experience of regulating the digital asset market and to determine the priorities of CFA regulation in Russia. In the course of the study, comparative analysis and a systematic approach, as well as other general scientific **methods**, were used. The source data base consists of federal laws and by-laws, including regulations of the Bank of Russia, and other statistical data. Regulatory practices in a number of developed countries have been studied. The experience of the European Union is reviewed, where legislative initiatives are being promoted to simplify cross-border expansion and mitigate regulatory arbitration, which will allow the EU to form the world's largest digital asset market with maximum legal and regulatory clarity. As a **result** of the study, it was found that cryptocurrencies are not legal in all

© Шурина С. В., 2025

jurisdictions. One third of countries do not have digital assets and do not plan to regulate them, and half of all countries want to create individual regulation. It is noted that the Russian law regulating digital financial assets, which recently came into force, imposes significant restrictions on the use of CFAs with simultaneous prospects for their use for those who are in the register of the Bank of Russia. **The conclusion is drawn:** the active development of the digital asset market requires new approaches to ensuring digital security and reducing risks from the introduction of new legal norms, more advanced government regulation that would take into account the experience of advanced countries of the world.

Keywords: digital assets; digital financial assets; cryptocurrency; government regulation; financial market; digital security

For citation: Shchurina S.V. Government regulation of the digital asset market: Approaches and practice. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):154-164. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-154-164

ВВЕДЕНИЕ

Поскольку цифровые активы стали частью финансового рынка во всем мире, возникает необходимость их государственного регулирования в целях обеспечения финансовой стабильности и защиты интересов инвесторов и потребителей финуслуг. Несмотря на то, что далеко не все развитые страны придерживаются одинаковых подходов к регулированию цифровых активов, отличаются по срокам и правилам создания и внедрения соответствующих нормативных актов, в последние годы был достигнут определенный прогресс в этом направлении. Вместе с тем самостоятельность каждой юрисдикции угрожает отсутствием общей координации на глобальном уровне. Поэтому все острее ощущается необходимость более тесного сотрудничества всех заинтересованных сторон для обеспечения безопасной и справедливой среды регулирования.

Быстроразвивающаяся индустрия цифровых финансовых активов (далее — ЦФА) требует разработки четких руководящих принципов своей деятельности. В этой связи уникальный опыт каждого подхода и обнаружение непреднамеренных последствий, возникающих в силу различных нормативных рамок, позволяет разработать общий конструктивный подход к решению проблемы. Подобный анализ сможет помочь ответственным лицам и организациям в разных странах предвидеть влияние своих решений, позволит быстро и качественно создать эффективные правила, которые отвечают их целям и задачам.

На глобальном уровне политика и правила в отношении цифровых активов могут различаться в соответствии с потребностями каждого государства, основанными на различиях в целях и склонности к риску. Более того, не все цифровые активы созданы равными, а потому их квалификация существенно влияет на их оценку, использование и регулирование. Важным риском выступает отсутствие общей таксономии к пространству цифровых активов для обеспечения последовательного регулирования. Это связано с неимением консенсуса

по определениям цифровых активов в разных странах мира. Поэтому в настоящее время термин «цифровой актив» используется как всеобъемлющая категория.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024 г. стал поворотным в сфере регулирования цифровых активов в мире, что связано со стремлением экспертов Всемирного экономического форума (далее — ВЭФ) провести глубокий анализ и обобщить опыт разных стран в вопросе регулирования цифровых активов в специальном Отчете¹. Согласно этим данным на начало сентября 2024 г. общая рыночная капитализация криптовалют одного типа цифровых активов составляла около 2,01 трлн долл., стейблкоинов — 8,5% данного рынка, или 171 млрд долл. Согласно исследованиям Банка международных расчетов (далее — BIS), 2/3 из 86 изученных стран уже регулируют либо будут регулировать цифровые активы. Полномасштабное регулирование в Регламенте о рынках криптоактивов (далее — MiCA)². Европейского союза создаст для всех стран прецедент для всестороннего государственного контроля.

Атлантический совет³ заявляет, что криптовалюты являются законными лишь в 33 юрисдикциях⁴, находятся под частичным запретом в 17 странах мира,

¹ Digital Assets Regulation: Insights from Jurisdictional Approaches. October 2024. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Digital_Assets_Regulation_2024.pdf

² MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation) — Регламент о рынках криптоактивов; устанавливает единые правила для рынка криптоактивов в ЕС. Он охватывает криптоактивы, которые в настоящее время не регулируются существующим законодательством о финансовых услугах.

³ Атлантический совет (англ. Atlantic Council) — аналитический центр США при Организации Североатлантического договора, работает как форум для политических и деловых кругов с 1961 года.

⁴ Digital Assets Regulation: Insights from Jurisdictional Approaches. October 2024. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Digital_Assets_Regulation_2024.pdf

а в 10 юрисдикциях они полностью запрещены⁵. Согласно анализу Банка международных расчетов (далее — BIS) чуть более 60% государств имеют или уже разрабатывают собственную нормативную базу под цифровые активы, а 48% таких стран хотят разработать индивидуальное регулирование для своей страны и охватить в нем цифровые активы⁶. Так собственную нормативную базу для стейблкоинов разрабатывают в Соединенном Королевстве, Гонконге и Сингапуре. На этом фоне Европейский союз (далее — ЕС) ставит задачу в создании общего для всех стран мира подхода к регулированию рынка цифровых активов. Следует отметить, что в настоящее время только в 9% государств цифровые активы находятся под контролем финансового регулирования⁷. В то же время примерно в 33% государств регулирование цифровых активов полностью отсутствует и не планируется к разработке⁸.

В этой связи в Отчете Всемирного экономического форума продвигается тонкий подход к регулированию, а не метод «один размер для всех».

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ЕС

Европейский союз относится к крупнейшему рынку с передовым регулированием цифровых активов. В 2023 г. ЕС выполнил разработку комплексного регулирования рынков криптоактивов, что стало важной частью большой работы в регулировании цифровых активов по достижению правовой ясности в вопросе их прозрачности, конфиденциальности и безопасности, которая не включает невзаимозаменяемые токены (далее — NFT) и децентрализованные цифровые активы. Поэтому важно различать криптоактивы, которые подпадают под действие MiCA и прочие финансовые инструменты из цифровой среды, которые могут регулироваться иными правилами для ценных бумаг, в частности Директивой ЕС «О рынках финансовых инструментов» (далее — MiFID⁹). 30 декабря 2024 г. MiCA вступил в полную силу.

Закон о цифровой операционной устойчивости (далее — DORA)¹⁰, вступивший в действие 17 января 2025 г., направлен на укрепление цифровой безопасности учреждений ЕС с акцентом на то, как финансовые институты и их партнеры в сфере информационно-ком-

муникационных технологий управляют собственными кибер-рисками. Согласно DORA все криптовалютные организации в ЕС с лицензией MiCA обязаны вести полный реестр своих договорных отношений со сторонними поставщиками IT-услуг. Это сделано с целью обеспечения безопасной инфраструктуры и усиления в управлении рисками. Также надлежит обеспечить мониторинг своих IT-систем с выявлением потенциальных уязвимостей и угроз с возможным привлечением независимых экспертов в области кибербезопасности. DORA требует строгого контроля за руководством криптокомпаний и включения их в единую систему управления рисками, а также ведения регулярно обновляемых протоколов реагирования при кибератаках и других подобных ситуациях. Ответственность за соблюдение правил, установленных DORA, возложена как на компанию, так и на ее руководство. Штраф за нарушение DORA составляет до 2% годового дохода. За нештатные ситуации руководители криптокомпаний могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности либо штрафу в размере до 1 млн долл. Таким образом проактивный подход, внедренный в DORA, должен обеспечить повышение операционной устойчивости всего криптосектора в ЕС. Недостатком нового закона можно считать финансовую недоступность для малого и среднего бизнеса, заключающуюся в дополнительных финансовых инвестициях и обучении персонала.

Пилотный режим технологии распределенного реестра (далее — DLT) ЕС разработан для предоставления временных исключений по ряду законодательных правил работы с денежными средствами и ценными бумагами для торговли и расчетов. В частности, право использовать токенизированные ценные бумаги в цифровом пространстве, например токены электронных денег (стейблкоины). Началом пробного действия режима DLT на территории ЕС считается март 2023 г.

DORA и DLT работают в ЕС в соответствии с MiFID II, ставящей цель дальнейшего повышения уровня защиты инвесторов и прозрачности рынка. Для этого введено требование о необходимости устанавливать правила для разработки, утверждения и маркетинга ценных бумаг. В обязанности инвестиционных компаний включается обязательная процедура оценки соответствия выбранной маркетинговой стратегии целевой группе предполагаемых инвесторов; детальное регулирование вопросов в отношении конфликта интересов и пр. Подобные законодательные инициативы (DORA и DLT) призваны облегчить трансграничное расширение и смягчить регулятивный арбитраж в ЕС, что, в свою очередь, будет способствовать созданию в ЕС

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ MiFID (англ. The Markets in Financial Instruments Directive)

¹⁰ DORA (англ. Digital Operational Resilience Act)

крупнейшего в мире рынка с предельной правовой и нормативной ясностью для цифровых активов.

В 2021 г. в ЕС был создан новый орган — Управление по борьбе с отмыванием денег и противодействию финансированию терроризма (далее — *AMLA*). Работа по совершенствованию возможностей новой структуры продолжается по настоящее время. ЕС является также членом Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее — *FATF*)¹¹. Кроме того, в ЕС было пересмотрено Положение о переводе средств (далее — *TFR*), согласно которому в 2025 г. вводятся новые правила по использованию банковских кредитных и дебетовых карт, криптовалют, а также в отношении функционирования криптовалютных бирж. Отдельные карты могут подвергнуться ограничениям или дополнительной проверке на соответствие требованиям *TFR*, которое требует собирать и предоставлять информацию о транзакциях, независимо от размера, с пороговым значением в 1000 евро для кошельков с собственным хостингом. Для поставщиков услуг криптоактивов (далее — *CASP*) предусмотрено требование о получении, сохранении и предоставлении контрагенту перевода виртуальных активов, а также по требованию компетентных органов ЕС информации об отправителе и получателе средств. Новое правило применяется к переводам при посредничестве различных поставщиков платежных услуг и криптоактивов, а также посредников в лице брокеров и кастодианов, действующих в ЕС.

Согласно новым правилам ЕС в рамках общего регламента по защите данных (далее — *GDPR*) будет осуществляться регулирование обработки персональных данных в отношении финансовых активов и криптопередач активов. *CASPs* должны гарантировать соответствие стандартам *GDPR* любых персональных данных, передаваемых в результате транзакций. Стандарты *GDPR* требуют от поставщиков криптоуслуг принятия мер по защите личной информации всех участвующих сторон от случайной потери, несанкционированного изменения либо несанкционированного раскрытия. Данные правила не распространяются на переводы криптоактивов от человека к человеку (далее — *P2P*), которые, с точки зрения закона, являются транзакциями между лицами, действующими как потребители, без посредничества *CASP*.

С введением новых правил работать на территории ЕС смогут только те криптовалютные биржи, кото-

рые одобрены Регламентом (*MiCA*), обеспечивающим тщательную проверку клиентов из стран с высоким уровнем рисков и требующим от поставщиков услуг криптоактивов соблюдать правила *KYC*¹² и *AML*¹³.

Регулятивные¹⁴ и технические «песочницы» *MiCA* поддерживают нормативные и технические «песочницы». В 2023 г. в ЕС была запущена собственная Европейская нормативная «песочница» блокчейна, которая планирует работать на протяжении трех лет, будет сотрудничать с разными компаниями, в том числе юридическими и консалтинговыми, в целях достижения диалога между блокчейн-компаниями и регуляторами финансового рынка. Финансирование «песочницы» происходит за счет программы «Цифровая Европа» и будет действовать вплоть до 2026 г.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ГИБРАЛТАРЕ

Передовым центром для блокчейна и цифровых активов является Гибралтар, который в начале 2018 г. стал первым государством, принявшим законодательство для DLT. Чтобы работать на территории Гибралтара, криптовалютным компаниям необходима лицензия Комиссии по финансовым услугам Гибралтара (далее — *GFSC*) в соответствии с Законом о финансовых услугах 2019 г. В этой стране установлены четкие нормативные рамки, в частности Правила финансовых услуг, принятые в 2020 г. и регулирующие криптовалютные биржи и поставщиков кошельков. Налогообложение происходит в соответствии с Законом о компаниях 2014 г., который освобождает от уплаты налога дивиденды, прирост капитала и доход, образующийся в результате транзакций с цифровыми активами за пределами Гибралтара. Такой налоговый подход выгоден компаниям и инвесторам, чья деятельность связана с блокчейном, поскольку снижает налоговую нагрузку на трансграничные транзакции с цифровыми активами.

¹² *KYC* (англ. *Know Your Customer*) — означает «знай своего клиента», предполагает проверку личности клиента, его документов и источников происхождения дохода.

¹³ *AML* (англ. *Anti-Money Laundering*) — означает противодействие отмыванию денег, содержит набор принципов противодействия отмыванию денег, которые получены преступным путем, финансированию терроризма и созданию оружия массового уничтожения.

¹⁴ Регулятивная песочница (англ. *Regulatory Sandbox*) — представляет собой особый правовой режим, дающий юрлицам в сфере разработки новых финансовых продуктов и услуг возможность проведения экспериментов в ограниченной среде по их внедрению без нарушения законодательства.

¹¹ *FATF* (англ. *Financial Action Task Force*) — межправительственная комиссия по финансовому мониторингу. Учреждена в Париже (Франция) в 1989 году главами правительств стран «Большой семерки».

AML и KYC (*GFSC*) требуют от компаний вести записи, контролировать системы и сообщать о подозрительных фактах. Таким образом, нормативный подход Гибралтара представляет собой разумный баланс эффективного надзора в сочетании с инновациями и ростом в финансовом секторе. Регулятивные «песочницы» Гибралтара дают возможность компаниям тестировать новейшие продукты в контролируемой государством среде с гарантией их соответствия и снижения рисков перед выходом на рынок. В рамках регулирования проектами децентрализованных финансов (далее — *DeFi*) Гибралтара *GFSC*, соблюдая конфиденциальность, избегает чрезмерной опеки, что позволяет обеспечить гибкость, безопасность, прозрачность блокчейн-бизнеса, защиту данных и потребителей, а также соответствие международным стандартам *GDPR*. Безопасность и конфиденциальность бизнеса обеспечивает также Закон Гибралтара о доходах от преступной деятельности (содержащий рекомендации по управлению рисками, защите активов клиентов, недопущению утечки данных и несанкционированного доступа), что создает стабильность на коммерческом рынке.

Таким образом, в Гибралтаре сформирована благоприятная регулирующая среда, которая способствовала притоку компаний в экосистему цифровых активов страны. В то же время следует отметить отсутствие гармонизации нормативного законодательства в Гибралтаре с юрисдикциями других стран и потребность в трансграничном сотрудничестве по вопросам регулирования цифровых активов.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ГОНКОНГЕ

Значительных успехов в регулировании виртуальных активов достиг Гонконг — специальный административный район Китая. В октябре 2022 г. управление по финансовым услугам и казначейство (далее — *FSTB*) правительства Гонконга выпустило Заявление о политике по развитию виртуальных активов, в котором была дана следующая установка в области регулирования деятельности цифровых активов: «та же деятельность, те же риски, то же регулирование».

Правительством Гонконга в июне 2023 г. была сформирована Целевая группа высокого уровня для развития *Web3*, основной задачей которой стала разработка рекомендаций по развитию цифровых активов и *Web3*. Управление денежного обращения (далее — *HKMA*¹⁵)

¹⁵ HKMA (англ. *Hong Kong Monetary Authority*) — государственное учреждение САР Сянган (Гонконг) с отдельны-

ми функциями центрального банка, а именно валютного совета.

и Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам (далее — *SFC*¹⁶) создают условия, обеспечивающие меры безопасности для сглаживания фактических и потенциальных рисков с учетом международных стандартов.

SFC выполняет важную функцию в установлении правил для *KYC* и *AML/CFT* в деятельности с цифровыми активами. Деятельность *SFC* базируется на Законе о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (далее — *AMLO*) и законом о ценных бумагах и фьючерсах (далее — *SFO*). Так, корпорации с лицензией *SFC*, а также лицензированные *SFC* платформы для торговли цифровыми активами должны придерживаться правил *AML/CFT*, которые созданы для цифровых активов, и гарантировать полное соответствие установленным нормам. Они также проводят оценку знаний цифровых активов у каждого розничного клиента. *SFC* разрабатывает и дает рекомендации по безопасному хранению активов, избеганию конфликта интересов, допуску высоколиквидных и крупных цифровых активов для розничной торговли и предотвращению манипуляций на рынке, по управлению рисками и кибербезопасности, бухгалтерскому учету и аудиту. Рекомендации *SFC* обязательны к применению, поскольку их назначение — обеспечение прозрачности рынка цифровых активов на территории Гонконга.

Нормативная «песочница», представленная *SFC* в 2017 г., предлагает ограниченную нормативную базу для квалифицированных компаний в целях осуществления регулируемой деятельности до того времени, когда финтех будет применяться в развернутом масштабе. В частности, проект *Ensemble* Гонконгского валютного управления дает возможность инноваторам в тестовом режиме проверять различные сценарии использования цифровых активов и получать обратную связь от регулирующих органов.

Для *HKMA* «песочница» для эмитентов стейблкоинов запущена в марте 2024 г. в целях сообщения надзорных ожиданий и рекомендаций компаниям, планирующим выпуск стейблкоинов в Гонконге, а также обратной связи от участников процесса. Посредникам предлагается обращаться в *SFC* за разъяснениями нормативных требований. В ближайшее время планируется принять

¹⁶ *SFC* (англ. *Securities and Futures Commission*) — комиссия по ценным бумагам и фьючерсам в Гонконге, является независимым органом. Создана в 1989 году. Цель создания — регулирование рынка ценных бумаг и фьючерсов; является независимой от правительства, финансируется от сборов с подотчетных компаний.

законодательство в сфере регулирования стейблкоинов. Регуляторы в Гонконге критически оценивают децентрализованные финансы. Деятельность *DeFi* проверяется на соответствие действующей нормативной базы и требований в соответствии с *AMLO* и *SFO*, относящейся к регулируемой финансовой деятельности. Такой подход защищает инвесторов, поскольку уравновешивает инновации с нормативной целостностью.

Банковский сектор проявляет повышенный интерес к *DLT*, лежащую в основе экосистемы виртуальных активов (далее — *VA*) для ее включения в стандартные операции на финансовом рынке. Гонконг один из первых в мире ввел конкретные рамки лицензирования для платформ по торговле виртуальными активами (далее — *VATP*). Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам к настоящему времени выдала 10 лицензий *VATP*. В 2024 г. Гонконг разрешил спотовые биржевые инвестиционные фонды (далее — *ETF*) на виртуальные активы. Таким образом, Гонконг, сочетая традиционные финансы с инновациями в сфере криптовалют, что обеспечивает лидерские преимущества, представляет собой один из крупнейших рынков виртуальных активов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Конфиденциальность персональных данных в Гонконге защищена Постановлением о персональных данных (конфиденциальности), согласно которому создано Управление комиссара по защите персональных данных как независимого законного органа для наблюдения за защитой конфиденциальности данных, а также принятия мер воздействия в случае необходимости. Для цифровых активов Гонконг предпочитает защиту данных потребителей по стандартам *FATF*. Правительством поощряется совершенствование и адаптация технологий кибербезопасности, что гарантирует устойчивость цифровых активов к меняющимся угрозам. Посредники в Гонконге могут сотрудничать лишь с лицензированными *SFC* платформами для торговли цифровыми активами. *SFC* и *HKMA* используют обязательные стандарты хранения цифровых активов на лицензированных торговых платформах виртуальных активов и в банках, которые отвечают самым высоким международным стандартам.

Для эмитентов стейблкоинов лицензиаты должны иметь резервные активы, обеспечивающие их обращение, и давать возможность держателям выкупать стейблкоины по номиналу в любое время, защищая интересы пользователей финансового продукта.

Таким образом, Гонконг выступает за ответственное применение новых технологий. Однако выгоды от децентрализованных сетей в сочетании с искусственным

интеллектом могут порождать алгоритмическую предвзятость, дипфейки и киберугрозы, поэтому Гонконг видит необходимость в создании барьерных механизмов или рамок для защиты всех заинтересованных сторон с одновременным поощрением инновационной деятельности. Гонконг поддерживает многосторонний подход, в котором правительства разных стран, регулирующие органы, участники рынка должны выступать сплоченной командой для продвижения *Web3*.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ЯПОНИИ

В Японии выстроены предсказуемые взаимоотношения между государством и частным сектором в сфере цифровых активов. Формирование политики и обеспечения соблюдения нормативных требований выполняет национальное агентство по финансовым услугам (далее — *FSA*). Кроме этого, японские ассоциации рынка кибервалюты (далее — *JVCEA*) и по размещению токенов акций (далее — *JSTOA*) сфокусированы на своих узких регуляторных задачах по контролю рынка цифровых активов. Что касается правового статуса для токенов, то его определяет Закон о платежных услугах (далее — *PSA*). В стране функционирует созданный впервые в мире международный режим паспортизации стейблкоинов, который поддерживает нормативную эквивалентность в отношении регулируемых иностранных стейблкоинов.

В отношении цифровых биржевых активов и компаний Япония применяет правила *KYC* и *AML*, а их соблюдение обеспечивается регистрацией по требованиям *PSA*. В стране используются нормативные и технические «песочницы» с упором на стейблкоины, для эмитентов которых открыт доступ прямого сотрудничества с регулирующими органами. Структура «песочниц» доступна и прозрачна для всех.

Компании *DeFi* на территории страны обязаны получать лицензию *FSA*, чтобы платформы *DeFi* имели стандарты традиционных финансовых институтов. В целях конфиденциальности и безопасности, а также уменьшения потерь от нарушений и неплатежеспособности активы инвесторов должны быть отделены от активов бирж.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В СИНГАПУРЕ

Эффективная денежно-кредитная политика страны в сочетании с низкими налоговыми ставками и развитой финансовой инфраструктурой превратили Сингапур в нового лидера в сфере регулирования рынка

цифровых активов в Азии. Главным регулятором цифровых активов в Сингапуре является денежно-кредитное управление страны (далее — MAS). В соответствии с принятыми в 2019 г. и 2022 г. Законом о платежных услугах (далее — Закон PS) и Законом о финансовых услугах и рынках в целях защиты клиентов MAS разработала нормативы для поставщиков услуг цифровых платежных токенов (далее — DPT), в том числе и для криптовалютных бирж. Теперь поставщики услуг DPT должны иметь лицензию в Сингапуре. Платформам запрещается разрешать розничным клиентам вести маржинальную торговлю. Для прохождения листинга криптоактива платформы обязаны обнаруживать потенциальные конфликты интересов и критерии, регулирующие листинг, регламентировать процедуры разрешения споров с клиентами.

С 1992 г. Сингапур — член FATF и выполняет требования по борьбе с отмыванием денег и препятствованию финансированию терроризма. Согласно KYC в Сингапуре необходимо раскрывать отправителем и бенефициаром лично идентифицируемую информацию (далее — PII) для транзакций, которые равны или больше 1500 сингапурских долл., либо составляют 1130 долл. США. Также действует национальная программа цифровой идентификации Singpass для компаний и населения. MAS также регулирует операции со стейблкоинами для эмитентов в Сингапуре (согласно требованиям AML и CFT) и обладает финтех-регуляторной «песочницей», допускающей блокчейн-технологии.

Закон о регулировании DeFi находится в процессе разработки, поэтому в настоящее время его деятельность (точнее ее отдельные виды и стороны) регулируется Законом о ценных бумагах и фьючерсах и Законом о платежных услугах.

Придерживаясь принципов конфиденциальности и безопасности, MAS, в частности, сдерживает спекулятивные инвестиции с помощью проверки знаний своих клиентов и профилей риска пользователей до предложения цифрового продукта. Запрещается реклама криптовалют в общественных местах Сингапура, а также на веб-сайтах. Своеобразной защитой инвесторов являются требование хранения активов определенных клиентов в трасте, а также запрет для поставщиков услуг «содействовать кредитованию и размещению DPT их розничными клиентами».

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ШВЕЙЦАРИИ

В Швейцарии нет комплексного и автономного регулирования цифровых активов, поскольку швей-

царскому законодательству свойственна принципиальная независимость от технологий, а швейцарская нормативная база рассматривает сферу цифровых активов с точки зрения гражданского права. В стране введена специальная рамка для торговой площадки DLT. Разработано руководство по обращению с виртуальными активами в пределах швейцарской правовой базы специальным ведомством — органом по надзору за финансовым рынком (далее — FINMA), который, разъясняя действия Закона о банковской деятельности FINMA, ввел ограничения для виртуальных активов в закон о финансовых услугах (далее — FinSA), закон о финансовых учреждениях (далее — FinIA), закон о борьбе с отмыванием денег (далее — AMLA), закон об инфраструктуре финансового рынка (далее — FMIA) и в руководящие принципы для первичных предложений монет (далее — ICO).

Швейцария поддерживает правила KYC и AML. В стране действуют нормативные и технические «песочницы» FINMA для стартапов и компаний. Государство занимает технологически нейтральную позицию по DeFi, ставя на первое место соблюдение законов, нормативную прозрачность, безопасность и AML. Все платформы DeFi обязаны придерживаться FINMA и FinSA. Конфиденциальность и безопасность инвесторов гарантируется швейцарским законом о защите данных (далее — DPA). Компании должны использовать криптографические методы и безопасные протоколы на основе умных контрактов и децентрализованных сетей.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ

Центральный банк ОАЭ не лицензирует криптовалюты, они также не являются законным платежным средством в стране. Однако владеть и осуществлять с их помощью торговлю в ОАЭ разрешается. В эмирате Дубай функционирует Дубайский международный финансовый центр (далее — DIFC), регулируемый Управлением финансовых услуг Дубая (далее — DFSA). Дубайское управление по регулированию виртуальных активов (далее — VARA) в 2022 г. инициировало разработку Закона «О регулировании виртуальных активов в эмирате Дубай» (принят в марте 2024 г.) с целью развития рынка цифровых активов и его безопасности, решения нормативных проблем и четкого определения понятия виртуальных активов.

Для эмирата Абу-Даби Abu Dhabi Global Market (далее — ADGM) стал первым регулятором в мире, который потребовал от уполномоченных бирж осуществлять

предварительную проверку у регулятора всех токенов, вносимых в листинг, до их допуска к пользователям.

Центральный банк ОАЭ, совместно с другими регулирующими органами, издал общее для всех эмиратов руководство по *AML*. *VARA* придерживается протоколов *KYC* и *AML*, в связи с чем необходимо лицензировать компании-посредники между цифровыми и фиатными активами, либо оказывает услуги по заимствованию и кредитованию цифровых активов. Также *VARA* требует от поставщиков услуг виртуальных активов (далее — *VASP*) придерживаться актуальных протоколов *AML* и *CFT* в сфере виртуальных активов. В ОАЭ функционируют нормативные и технические «песочницы» для рыночных игроков и диалога между государственным и частным секторами, планирующими работать на рынке цифровых активов в стране. Созданы все условия для размещения в ОАЭ штаб-квартир компаний *DeFi*, применяются меры по их защите и предотвращению возможных нарушений и несанкционированного доступа. Все эти и другие принимаемые властями ОАЭ действия позволили создать в стране благоприятный климат для развития рынка цифровых активов и превратить ОАЭ в крупнейший региональный криптовалютный центр.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В Великобритании регулирование цифровых ценных бумаг, необеспеченных криптоактивов и стейблкоинов происходит по отдельности. В частности, Управление по финансовому поведению (далее — *FCA*) осуществляет надзор за цифровыми активами в рамках более широких законодательных инициатив и документов в сфере финансовых услуг. Правовая комиссия Великобритании в октябре 2023 г. инициировала создание отдельной категории собственности для цифровых активов, их технический надзор и одобрила существующее общее право по отношению к ним. Казначейство Его Величества (далее — *HMT*) разработало и опубликовало консультационный ответ в отношении регулирования финансовых услуг и криптоактивов в будущем, стремясь создать предсказуемость для участников рынка. Так, для обеспечения безопасной цифровой среды все компании должны выполнять соответствующие проверки *KYC* и *AML*.

В Великобритании действуют нормативные «песочницы», позволяющие компаниям внедрять инновации на основе тестирования и создания новых виртуальных продуктов. Цифровая «песочница» и цифровая «песочница» ценных бумаг Великобритании формируют контролируемую среду на рынке, в том числе таких

технологических продуктов, как *DLT*. Благодаря этому все участники рынка могут без посредников взаимодействовать с представителями *FCA* и Банка Англии.

HMT стремится стать ведущей регулируемой юрисдикцией в сфере *DeFi* продвижением сбалансированного подхода к вопросам регулирования, в том числе устранения регулятивного арбитража.

Конфиденциальность и безопасность рынка цифровых активов Великобритании обеспечивается сотрудничеством *FCA* и Управлением пруденциального регулирования Великобритании (далее — *PRA*) для создания прозрачности нормативных требований для хранителей цифровых продуктов, стейкинга и кредитования, с идентификацией рисков и защитой потребителей.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В США

Для США очевидна необходимость в создании комплексной нормативной базы для регулирования рынка цифровых активов и ликвидации правовой неопределенности у инвесторов. Пока же в стране действует фрагментарный подход к регулированию рынка цифровых активов, включающий работу Комиссии по ценным бумагам и биржам (далее — *SEC*), Комиссии по торговле товарными фьючерсами (далее — *CFTC*), Федеральной корпорации по страхованию депозитов (далее — *FDIC*) и Министерства финансов.

В целях формирования нормативной базы для стейблкоинов (эмитенты которых должны, в том числе, создавать дочерние компании исключительно для выпуска стейблкоинов, а также работать с токенами, обеспеченными долларами США), а в конечном счете — укрепления и расширения зоны доминирования доллара США и американского влияния в области финансовых инноваций, был разработан законопроект Ламмиса — Джиллибранда «О платежных стейблкоинах» (далее — Закон *GENIUS*). Однако документ попал под критику демократов из-за криптовалютных предприятий Дональда Трампа и был отклонен Сенатом.

Министр финансов США Скотт Бессент высказал мнение о том, что для стейблкоинов и других цифровых активов «для процветания во всем мире миру необходимо американское лидерство»¹⁷. Сенат, по его мнению, упустил такое лидерство, отклонив Закон *GENIUS*. Без этого документа, по мнению министра, стейблкоины

¹⁷ Сайт *block-chain24* URL: <https://www.block-chain24.com/news/novosti-regulirovaniya/zakonoproekt-ssha-o-steyblkoinah-zablokirovan>

окажутся в подчинении лоскутного одеяла государственных нормативных актов, а не оптимизированной федеральной структуры. В результате произошедшего инновации в сфере цифровых активов из США могут перетекать в другие страны.

Недавно Палата представителей США одобрила Закон «О финансовых инновациях и технологиях для 21-го века» (далее — *FIT 21*), цель которого — определение аспектов регулирования криптовалют в рамках комиссии по ценным бумагам и биржам (далее — *SEC*) и Комиссии по торговле товарными фьючерсами (далее — *CFTC*) для ликвидации двойного регулирования криптовалют со стороны конкурирующих ведомств. Законопроект передан для утверждения в Сенат.

В январе 2025 г. *SEC* выпустил вместо старого руководства по бухгалтерскому учету SAB 121 (далее — *SAB*) новое — *SAB 122*, предназначенное для отчитывающихся компаний, хранящих и обязанных защищать криптоактивы клиентов от технологических, правовых и нормативных рисков.

Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (далее — *FinCEN*), входящая в Минфин США, регламентирует биржи и администраторов цифровых активов регистрироваться в качестве компаний, предоставляющих денежные услуги (далее — *MSB*), и придерживаться требований *AML*, в том числе процедур *KYC* по проверке личности клиентов. США соблюдают рекомендации ФАТФ, устанавливающие международные стандарты по *AML* и *KYC* для *VASP*. В свою очередь, *SEC*, *FinCEN* и *CFTC* гарантируют защиту данных пользователей на рынке цифровых активов.

Нормативные «песочницы» функционируют в Аризоне, Флориде, на Гавайях, в Неваде, Северной Каролине, Юте, Западной Вирджинии и Вайоминге. На федеральном уровне Бюро по защите прав потребителей в финансовой сфере (далее — *CFPB*) разработало цифровую «песочницу», которая пока не получила широкого использования.

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РОССИИ

Регулирование цифровых активов в России осуществляется на основании Закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. и Закона № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» от 02.08.2019 г. Документ «носит компромиссный характер, обеспечивая баланс публичных и частных интересов» [1]. «... его несомненным достоинством является подробное описание процедур выпуска ЦФА с предоставлением значительных возможностей пользователям систем, в которых будут обращаться ЦФА» [2].

В российском гражданском праве «отсутствуют объекты, к обороту которых можно было бы приравнять все цифровые финансовые активы (токены и криптовалюты)», но их ценность для гражданского оборота очевидна [3].

Финансовый рынок как вид финансовых отношений регулируется правовыми актами, являющимися источниками правового регулирования, анализ которого «свидетельствует о превалировании нормативных актов Банка России в качестве источников правового регулирования технологий на финансовом рынке» [4].

Профессиональное сообщество считает, что Закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 г. «вводит существенные ограничения на использование ЦФА», но в то же время «появляются перспективы использования ЦФА при соблюдении установленных требований со стороны операторов информационной системы и операторов обмена цифровыми финансовыми активами, находящихся в реестре Банка России» [5].

Правовые проблемы связаны с тем, что в России «невозможно конвертировать непубличным акционерным обществом акции в виде ЦФА в обычные акции для торговли на фондовой бирже» [6], что приводит к сложностям преобразования компаний в публичное акционерное общество, а также проблемам торговли на бирже. Таким образом, в российском праве к ЦФА относятся лишь «права участия в капитале непубличного акционерного общества» [5]. Права участия в иных хозяйственных обществах, в частности, в публичном акционерном обществе и обществе с ограниченной ответственностью, которое зарегистрировано в РФ, не могут быть отнесены к цифровым финансовым активам [5]. Кроме этого, «цифровыми финансовыми активами являются не все цифровые права». Например, «Утилитарные цифровые права ... к ЦФА не относятся» [6].

При создании «правового режима в отношении цифровых активов возникает дополнительная необходимость регулирования смежных правоотношений, включая технологии блокчейн и так называемые крипто-кастодиальные услуги — хранение, администрирование и защиту криптоактивов или частных криптографических ключей» [7]. Законодательство должно учитывать инновационную и постоянно раз-

вивающуюся сущность криптоактивов без территориальной привязки, а значит их правовое регулирование должно стать экстерриториальным.

«Выбираемый конкретным государством метод правового регулирования обращения криптовалют — это вопрос не только права, но и политики» [2].

Порядок отражения ЦФА в бухгалтерском учете остается дискуссионным. В этой связи Банк России проводит публичные обсуждения с профессиональным сообществом о будущих законодательных инициативах в этой сфере. Консультационную поддержку бизнесу оказывает негосударственный регулятор — «Фонд развития бухгалтерского учета «Национальный негосударственный регулятор бухгалтерского учета «Бухгалтерский методологический центр» (далее — Фонд «НРБУ «БМЦ»»¹⁸.

С 1 января 2024 г. принят новый принцип бухгалтерского учета ЦФА. В финансовых организациях действуют новые счета в целях учета ЦФА, символы вида дохода и расхода¹⁹ для операций с ЦФА²⁰. Подход к цифровым активам в бухгалтерском учете меняется. Теперь на счетах возможен обособленный учет ЦФА с разными способами оценки, что подтверждает новые принципы их оценки, поскольку раньше оценка стоимости проводилась только для самостоятельных объектов. Недостатком нововведений является отсут-

ствие методологии для новых принципов учета ЦФА. Поэтому важно ответственное отражение финансовых операций с цифровыми активами в учетных системах компании (бухгалтерского, банковского, налогового и прочих системах управления учетными записями). Компаниям нужен обоснованный выбор счетов учета, т.е. правильное определение балансового счета при транзакции с ЦФА; отражение в учетной системе совершенной операции; подтверждение транзакции через документы, доказывающие оплату с их сохранением в бухгалтерских архивах; учет комиссий и платежей с отражением в бухгалтерском учете; соблюдение налоговых требований в соответствии с налоговым законодательством [8].

ВЫВОДЫ

Поскольку глобальный консенсус по определению цифровых активов сегодня отсутствует, термин «цифровой актив» используется как всеобъемлющая категория. Российская экономика столкнулась с вызовами, тормозящими ее развитие, в том числе рынок ЦФА. Необходимо обеспечить увеличение ликвидности рынка цифровых активов через повышение его привлекательности у инвесторов на основе расширения перечня доступных активов и роста числа участников, сняв ограничения для неквалифицированных инвесторов. Нужен допуск к организованным торгам цифровыми активами профессиональных участников финансового рынка посредством классической инфраструктуры и планомерного ее развития. Требуется уточнение порядка работы с цифровыми активами при выходе оператора из реестра Банка России, а также в случае приобретения подобных активов неквалифицированными инвесторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;115(6):43–54. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.043-054
Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Digital financial assets: Problems and prospects of legal regulation. *Aktual'nyye problem rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2020;115(6):43–54. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.043-054
2. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Реализация подходов ФАТФ к регулированию виртуальных активов в законодательстве Российской Федерации: перспективы развития. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020;9:138–147. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.138-147
Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Implementation of FATF approaches to regulation of virtual assets in the legislation of the Russian Federation: Development prospects. *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;9:138–147. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.138-147

3. Белых В.С., Болобонова М.О. Перспективы правового регулирования цифровых финансовых активов в России: спорные вопросы теории и практики. *Бизнес, менеджмент и право*. Екатеринбург. 2019;1:18–23.
Belykh V.S., Bolobonova M.O. Prospects for legal regulation of digital financial assets in Russia: Controversial issues of theory and practice. *Biznes, menedzhment i pravo = Business, management and law*. Ekaterinburg. 2019;1:18–23. (In Russ.).
4. Рождественская Т.Э., Карташов А.В. Источники правового регулирования технологий на финансовом рынке России. *Вопросы российского и международного права*. 2024;14 (8):14–25.
Rozhdestvenskaya T.E., Kartashov A.V. Sources of legal regulation of technologies in the financial market of Russia. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2024;14(8):14–25. (In Russ.).
5. Староверова О.В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты. *Цивилист*. 2022;3:6–15.
Staroverova O.V. Legal regulation of digital financial assets and digital currency. *Tsivist = Civilist*. 2022;3:6–15. (In Russ.).
6. Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах. *Вестник международных организаций*. 2022;17(4):176–192. DOI: 10.17323/1996–7845–2022–04–07
Girich M., Ermokhin I., Levashenko A. Comparative analysis of the legal regulation of digital financial assets in Russia and other countries. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy = International Organisations Research Journal*. 2022;17(4):176–192. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2022–04–07
7. Абдуллаева З.Ю. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и странах Европейского Союза. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022; (8):131–140. DOI: 10.17803/2311–5998.2022.96.8.131–140
Abdullaeva Z. Yu. Legal Regulation of digital financial assets in the Russian Federation and the European Union. *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;(8):131–140. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311–5998.2022.96.8.131–140
8. Лазарева Н.А. Отражение цифровых финансовых транзакций в российском бухгалтерском учете. *Учет. Анализ. Аудит*. 2024;11(1):58–66. DOI: 10.26794/2408–9303–2024–11–1–58–66
Lazareva N.A. Reflection of digital financial transactions in Russian accounting. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Audit*. 2024;11(1):58–66. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Светлана Валентиновна Шурина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Svetlana V. Shchurina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-6864-4281>
sv-valentinovna@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 12.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177

УДК: 339.97.346.7(045)

JEL F42, O38

Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию

Л.С. Ревенко^а, Н.С. Ревенко^б^а МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация;^б Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – причины, предпосылки и состояние регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в многосторонних форматах. **Цель** работы – выявить подходы к регулированию ИИ на многостороннем уровне и проанализировать текущий статус регуляторного процесса. **Актуальность** обусловлена быстрым развитием технологий ИИ и сопровождающими этот процесс всевозможными рисками. **Методология** исследования включает использование общенаучных методов, а именно: статистических и экспертных оценок, анализ эмпирических данных, классификацию, структурирование и систематизацию объектов. В **результате** исследования определен уровень мирового рынка технологий ИИ, выявлены концептуальные подходы к многостороннему регулированию в различных структурах. Рассмотрены основные направления регулирования ИИ в рамках деятельности международных организаций (ООН, ОЭСР, Совет Европы, ВТО), ЕС и объединений неинтеграционного типа, а также неформальных дискуссионных клубов (Хиросимский процесс, Глобальное партнерство по ИИ). Сделан **вывод** о том, что, несмотря на массу решений и документов, разрабатываемых в многосторонних форматах, «правила игры» для разработчиков и распространителей ИИ отстают от развития технологий в этой сфере. Установлено, что решения, принимаемые на многостороннем уровне, не носят обязательного характера для субъектов мировой экономики за исключением нормативных актов интеграционных группировок. Отмечен рост регуляторной активности международных структур в последние годы в связи с повышением уровня коммерциализации технологий ИИ, а также инновационных товаров, произведенных с использованием ИИ или содержащих его в качестве неотъемлемой части. Обозначена роль многостороннего регулирования ИИ в формировании тенденций развития мировой экономики.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровизация; регулирование; многосторонний формат; ООН; ОЭСР; Совет Европы; ВТО; ЕС; Хиросимский процесс; Глобальное партнерство по ИИ

Для цитирования: Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):165-177. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177

ORIGINAL PAPER

Artificial Intelligence: Modern Approaches to Multilateral Regulation

L.S. Revenko^а, N.S. Revenko^б^а MGIMO University, Moscow, Russian Federation;^б Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the research is the causes, prerequisites and the state of regulation of artificial intelligence (AI) in multilateral formats. **The aim** of the work is to identify approaches to AI regulation at the multilateral level and analyze the current status of the regulatory process. **The relevance** is due to the rapid development of AI technologies and the various risks associated with this process. The research **methodology** includes the use of general scientific methods, namely statistical and expert assessments, analysis of empirical data, classification, structuring and systematization of objects. As a **result** of the research, the level of the global AI technology market has been determined, and conceptual approaches to multilateral regulation in various structures have been identified. The main directions of AI regulation within the framework of international organizations (UN, OECD, Council of Europe, and WTO), the EU and non-integration type associations, as well as informal discussion clubs (Hiroshima Process, Global Partnership on AI) are considered. **It is concluded** that despite the mass of solutions and documents being developed in multilateral formats, the “rules of the

© Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., 2025

game” for AI developers and distributors lag behind the development of technologies in this area. It has been established that decisions taken at the multilateral level are not binding on subjects of the global economy, with the exception of regulatory acts of integration groupings. There has been an increase in the regulatory activity of international structures in recent years due to an increase in the level of commercialization of AI technologies, as well as innovative products produced using AI or containing it as an integral part. The role of multilateral regulation of AI in shaping global economic development trends is outlined.

Keywords: artificial intelligence; digitalization; regulation; multilateral format; UN; OECD; Council of Europe; WTO; EU; Hiroshima Process; Global Partnership on AI

For citation: Revenko L.S., Revenko N.S. Artificial intelligence: Modern approaches to multilateral regulation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):165-177. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивное развитие научно-технического прогресса (НТП) не только приносит в человеческое общество новые возможности, но и ставит острые проблемы использования результатов достижений высокотехнологичных отраслей. В мировом научном дискурсе тематика влияния искусственного интеллекта (ИИ) на мировую экономику в последнее десятилетие была вплетена в анализ цифровизации в целом, под которой понимается внедрение и использование информационных технологий во всех звеньях воспроизводственного процесса страны и мира. Соответственно, регулирование ИИ на многостороннем и национальном уровнях является одним из направлений регуляторной деятельности в сфере цифровизации.

Исследовательская проблема многостороннего регулирования ИИ предполагает определение основной дефиниции, поскольку в научном сообществе не существует общепринятых подходов. Важно отметить, что в различных науках и отраслях экономики складываются разные определения одних и тех же процессов и явлений. В основе этого лежит факт, что развивающиеся цифровые технологии изменяют характер промышленного и сельскохозяйственного производства, предоставления услуг и других сфер экономики. Научный аппарат в каждой из них отличается своеобразием при едином предмете изучения.

Однако, поскольку общей тенденцией современного этапа можно считать сближение и совмещение технологических решений, то есть стирание четких границ между технологиями, применяемыми в различных секторах экономики, при проведении данного исследования мы взяли за основу следующее определение ИИ, принятое в Организации экономического сотрудничества и развития: «Система ИИ — это машинная система, которая для явных или неявных целей делает выводы из получаемых ею

входных данных о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду»¹.

В России ИИ относится к сквозным цифровым технологиям, которые применимы в экономике в целом и в ее отдельных отраслях. В концепции, содержащей основные направления технологического развития страны до 2030 г., обозначено, что это — «перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков»². В этой связи проблематика многостороннего регулирования ИИ имеет важное значение для России в контексте технологического суверенитета и технологического обмена.

Особый интерес к регулированию объясняется феноменальной особенностью ИИ — способностью к саморазвитию и самообучению. Как справедливо отмечается в коллективной научной работе российских и китайских авторов, «...системы, многократно превосходящие человеческий интеллект, становятся движущей силой мирового развития, способной влиять на внутрисполитический курс страны, а также корректировать контуры международного сотрудничества» [1, с. 201]. Это ставит перед обществом принципиально новые задачи не только в экономи-

1 Explanatory Memorandum on the Updated OECD Definition of an AI System. OECD Artificial Intelligence Papers. 2024, No. 8. P. 4. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/03/explanatory-memorandum-on-the-updated-oecd-definition-of-an-ai-system_3c815e51/623da898-en.pdf.

² Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/?ysclid=m8d576286q71129461>.

ческой плоскости, но и в этической, политической, стратегической.

Данные аспекты проблемы регулирования ИИ в глобально-стратегическом преломлении рассматриваются во всех структурах, в компетенцию которых входит тематика создания и использования ИИ, а также во многих научных исследованиях.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Развитие ИИ подразделяют на три этапа. Первый этап (1950–1980-е гг.) характеризуется использованием набора заранее определенных «правил выбора» для принятия решений. Второй этап (1990–2010-е гг.) основывается на статистическом обучении посредством анализа больших данных. При этом ИИ был в основном ограничен конкретными задачами и не был способен заменить человека.

В 2020-х гг. начался третий этап, когда появились системы, основанные не только на правилах, но и на поиске контекстной адаптации и объяснении решений. После 2010 г. получил развитие генеративный ИИ, который в отличие от предиктивного, анализирующего и классифицирующего данные для получения конкретных результатов, выявляет взаимосвязи в больших объемах данных и использует их для создания нового контента³. Причем технологии его отдельных направлений развиваются очень быстро, массово используются бизнесом и простыми людьми. Так, число пользователей *ChatGPT*, запущенного 30 ноября 2022 г., составило 100 млн в августе 2023 г., 300 млн в декабре 2024 г. и 800 млн в апреле 2025 г.⁴

Однако наравне с несомненными выгодами ИИ несет в себе большие риски, связанные с концентрацией власти в крупных корпорациях, где сосредоточена основная доля разработок в сфере ИИ, и отсутствием прозрачности в системах ИИ, особенно в моделях глубокого обучения. Применение ИИ усиливает неравенство между развитыми и развивающимися странами, усугубляет проблему конфиденциальности вследствие анализа больших

объемов персональных данных. Использование хакерами и злоумышленниками «искусственного ума» создает дополнительную угрозу кибербезопасности, а автоматизация на основе ИИ влечет за собой массовое сокращение рабочих мест и, соответственно, увольнение занятых на них работников, большей частью — низкоквалифицированных.

Создаваемый с помощью ИИ контент потенциально может оказывать негативное воздействие на общество, а внедрение этой технологии в системы вооружений чревато потенциально пагубными последствиями для мира. Наконец, системы ИИ из-за своей сложности при недостаточном человеческом контроле могут непредсказуемо себя повести или принять решение с непредвиденными результатами.

Так, основным риском генеративного ИИ считается его способность выдавать фальсифицированные или неверные результаты, что может создать серьезные проблемы в таких сферах, как оборона, здравоохранение и юриспруденция [2, с. 3]. Кроме того, системы генеративного ИИ собирают большой объем данных и на их основе производят свой контент более высокого качества. В этой связи возникает вопрос, относящийся к праву интеллектуальной собственности [3, с. 24]. Однако наибольшие риски несет искусственный интеллект общего назначения (GPAI)⁵, способный привести к непреднамеренным и потенциально катастрофическим последствиям [4].

Эти риски ставят перед правительствами и обществом задачу постановки под контроль развитие ИИ, рассматривая ее с экономической, политической и этической точек зрения.

В контексте анализа регуляторных тенденций как на многостороннем, так и на национальном уровнях, исследовательский интерес не может не коснуться состояния рынка самих технологий ИИ как товара. В этой связи возникает необходимость привести некоторые показатели, на которые ссылаются международные организации и специализированные аналитические структуры. При этом ряд оценок дается для так называемого «сильного» ИИ, который комплексно имитирует интеллектуальную деятельность человека, другая их часть — для «слабого», моделирующего отдельные когнитивные функции [1, с. 199].

Следует отметить, что до настоящего времени не существует унифицированных методологических

³ 2025 Technology and Innovation Report. Inclusive Artificial Intelligence for Development. Geneva: United Nations Publications; 2025. P. 13–14. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf

⁴ ChatGPT Statistics (2025): DAU & MAU Data Worldwide. April 16, 2025. URL: <https://www.demandsage.com/chatgpt-statistics/>

⁵ Система ИИ, обладающая общими интеллектуальными способностями человека или превосходящая их.

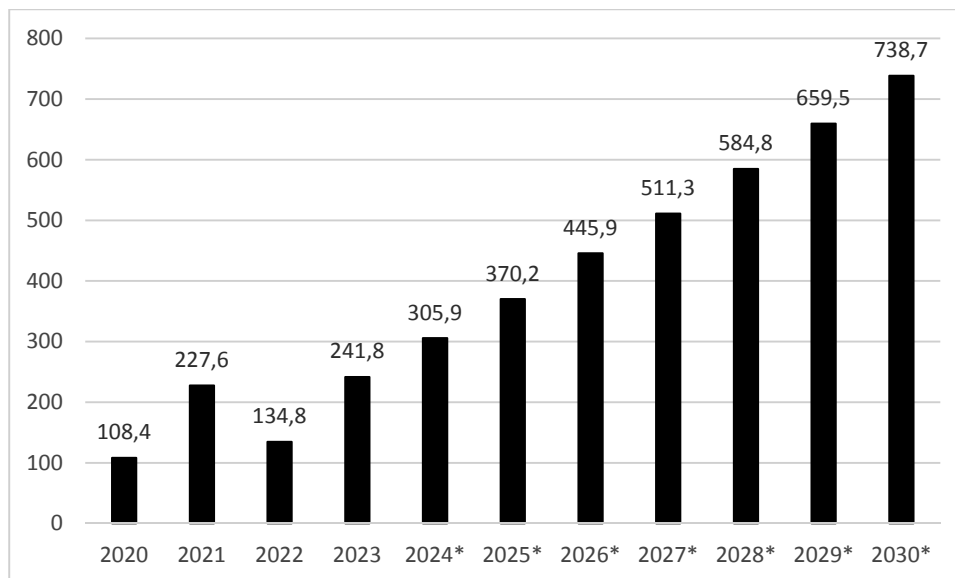

Рис. 1 / Fig. 1. Объем рынка технологий искусственного интеллекта, млрд долл. США / Volume of AI Market, billions of US dollars

Источник / Source: составлено авторами по: Artificial Intelligence Statistics 2025. URL: <https://aistatistics.ai/> / compiled by the authors on: Artificial Intelligence Statistics 2025. URL: <https://aistatistics.ai/>

Примечание / Note: * Оценка и прогноз / Assessment and forecast.

подходов к оценке показателей развития ИИ ни в международных организациях, ни в аналитических агентствах. По этой причине статистические данные из разных источников могут отличаться. Как отмечается в методическом пояснении статистической службы ОЭСР, «в настоящее время предпринимаются усилия по разработке четких определений, таксономий и классификаций, а также усилия по составлению точных и сопоставимых показателей»⁶.

Один из индикаторов — объем рынка ИИ. По данным экспертов аналитического подразделения *Forbes*, к 2030 г. он достигнет 1339 млрд долл. США, испытывая существенный рост по сравнению с оценкой дохода в 214 млрд в 2024 г. [5]. Согласно *AI Statistics*, в 2020 г. объем мирового рынка технологий ИИ составил 108,4 млрд долл., в 2024 г. он оценивался в 305,9 млрд а в 2030 г. по прогнозам увеличится до 738,7 млрд (рис. 1).

Такая ситуация с количественными оценками показателей рынка, безусловно, создает серьезные проблемы для анализа, однако четко демонстрирует вектор развития коммерциализации технологий ИИ. При этом на исследователей накладывается

ответственность за качественную оценку компонентов, входящих в общий показатель, что при отсутствии четких научно обоснованных методик создает основу для высокой степени субъективизма.

Основными каналами проникновения ИИ в экономику, также как и трансфера технологий в целом, являются ТНК, МНК, международные институты и крупные национальные компании. Реальностью современного этапа является повышенная концентрация на рынке поставщиков услуг ИИ с потенциальным доминированием нескольких компаний в отдельных развитых странах [6, с. 42].

О высокой концентрации разработки и использования ИИ свидетельствуют оценки ЮНКТАД, согласно которым 100 компаний профинансировали 40% исследований и разработок (R&D) в 2022 г. Все они расположены в развитых странах и Китае. На США и Китай приходится примерно третья часть публикаций по тематике ИИ и 60% соответствующих патентов⁷.

Это повышает опасность сосредоточения основного ресурса цифровой экономики — больших данных в крупнейших корпорациях, что создаст (и уже

⁶ Live Data. OECD.AI Policy Observatory. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=investments-in-ai-and-data&selectedVisualization=vc-investments-in-ai-by-country>.

⁷ 2025 Technology and Innovation Report. Inclusive Artificial Intelligence for Development. Geneva: United Nations Publications; 2025. P. 8, 23. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf.

создает) не только угрозу появления новых форм рыночной конкуренции, но и усугубления экономической и социальной безопасности в целом.

Внедрение ИИ меняет все отрасли экономики, но динамика использования и получения ожидаемых эффектов весьма неоднородна. Прежде всего она зависит от размера и особенностей инвестирования. По оценкам консультационных агентств, в 2023 г. инвестиции в технологии, связанные с ИИ, составили во всех отраслях 154 млрд долл., причем лидировал банковский сектор — 20,6 млрд долл., далее следовала розничная торговля — 19,7 млрд долл. За десятилетие с 2013 по 2023 гг. инвестиции в ИИ выросли в 9 раз⁸. Считается, что в некоторых отраслях потребуются годы и десятилетия на внедрение ИИ из-за нехватки инвестиционных ресурсов.

Трансформируется также инвестиционное сотрудничество стран мира. Изменения касаются как инвестирования в сферы активного применения ИИ, так и в исследовательскую деятельность по его созданию.

В условиях быстрого развития ИИ и повышения уровня создаваемых им рисков внимание международных организаций и объединений различного типа неизбежно стало фокусироваться в регуляторной деятельности на проблематику выработки «правил игры» разработки и использования ИИ. Однако, как и в ряде других направлений цифровизации мировой экономики, в данной сфере наблюдается отставание регулирования от развития ИИ.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Вопрос о необходимости регулирования ИИ возник давно, но серьезно эту проблему стали обсуждать лишь во второй половине второго десятилетия XXI в. Одним из первых представителей бизнеса, затронувших эту тему, стал генеральный директор компании «Tesla» И. Маск, заявивший в 2017 г., что ИИ — самая страшная проблема, и если не начать работу сейчас, то в будущем это будет слишком поздно⁹.

К настоящему времени в государственных органах и в экспертном сообществе сформировалось

мнение о необходимости регулирования ИИ как для его развития, так и для противодействия вызываемым им рискам, поскольку сквозной характер ИИ предопределяет его широкое использование, а автономность систем ИИ позволяет им самостоятельно совершать действия и принимать юридически значимые решения [7, с. 110–111]. При этом в экспертном сообществе высказывается мысль о необходимости разработки общих норм и стандартов, внедрения передового опыта и создания механизмов для решения трансграничных проблем регулирования и избегания нормативной фрагментации. Совместные дипломатические усилия и разработка международных соглашений могли бы содействовать повышению глобальной стабильности и помочь сосредоточиться на решении проблемы дисбаланса сил в развитии ИИ [2, с. 9].

Можно выделить два подхода к регулированию ИИ: де-юре и де-факто. Первый подход предполагает применение какого-либо нормативного документа, например закона ЕС об ИИ, в качестве стандарта в других юрисдикциях, второй — применение этого документа компаниями-экспортерами по причине их заинтересованности в продвижении своей продукции на конкретный рынок [8, с. 71–72]. Эксперты высказывают и другие точки зрения относительно того, как это делать.

Так, К. Игнасио Гутierrez и Г. Марчант выделяют два подхода в виде жесткого и мягкого права. К первому они относят нормативные акты, обязывающие физических и юридических лиц исполнять их посредством угрозы наказания или штрафа. По их мнению, до момента принятия жесткого нормативного акта предпочтение должно отдаваться так называемому «мягкому праву» [9, с. 4], которое существует в виде программ, не подлежащих прямому исполнению правительствами.

М. Буитен полагает, что, поскольку для ИИ характерны автономность систем или «человекоподобные» интеллектуальные результаты, данная технология является непригодной основой для регулирования [10, с. 43]. А. Каплан и М. Хэнляйн предложили не регулировать саму технологию, а разработать общие нормы, включающие требования к тестированию и прозрачности алгоритмов [11, с. 22].

Е. Папагианнидис, П. Микалеф и К. Конбой делают акцент на ответственном управлении ИИ [12], а Х. Домин — на саморегулировании при должном организационном и техническом контроле [13].

⁸ Статистика искусственного интеллекта. Инклиент. URL: <https://incli.ru/ai-stats/?ysclid=m8d6ayx5ra500286828>

⁹ Elon Musk Warns Governors: Artificial Intelligence Poses 'Existential Risk'. July 17, 2017. URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2017/07/17/537686649/elon-musk-warns-governors-artificial-intelligence-poses-existential-risk>

И. Линков, Б.Д. Трамп, К. Пойтсатте-Джонс и М.-В. Флорин продвигают идею адаптивной политики, под которой они понимают партнерство правительств с промышленностью, академическими кругами, неправительственными организациями и широкой общественностью для совершенствования политики, чтобы сбалансировать технологические достижения с потенциалом возможных нарушений и внешних факторов [14]. В свою очередь Г. Марчант полагает, что свойства ИИ выводят его из существующего регуляторного поля и по этим причинам в ближайшее время сформировать правила всеобъемлющего традиционного регулирования ИИ не получится [15, с. 3].

И. Улникане выдвинула идею перехода к полицентрической системе управления, под которой понимается наличие множественных независимых друг от друга центров принятия решений на разных уровнях, которые находятся в отношениях сотрудничества и одновременно конкуренции друг с другом [16, с. 928]. По ее мнению, это необходимо сделать для повышения инклюзивности усилий с учетом таких преимуществ полицентрических систем, как механизмы взаимного мониторинга, обучения и адаптации, повышающие надежность, уровень инноваций и сотрудничества [17, с. 74].

Работа по разработке мер регулирования ИИ ведется в международных форматах и отдельными странами на национальном уровне. О ее продвинутиости свидетельствует тот факт, что в 2023 г. ИИ упоминался в законодательных документах 49 стран мира, а количество упоминаний почти удвоилось по сравнению с 2022 г. (соответственно, 2175 и 1247)¹⁰.

Что касается глобального уровня, то отдельные аспекты регулирования ИИ становятся предметом обсуждения в рамках структур ООН, Организации экономического сотрудничества и развития, Хирсимского процесса по ИИ, Глобального партнерства по искусственному интеллекту и Совета Европы. Кроме того, с целью обсуждения данной проблемы состоялись два саммита по ИИ — 1–2 ноября 2023 г. в Блетчли-Парке (Великобритания) и 10–11 февраля 2025 г. в Париже.

¹⁰ Artificial Intelligence Index Report 2024. Stanford, CA: Stanford University Publ.; 2024. P. 24. URL: https://hai-production.s3.amazonaws.com/files/hai_ai-index-report-2024-smaller2.pdf.

РОЛЬ ООН В ФОРМИРОВАНИИ РЕГУЛЯТОРНОГО КЛИМАТА В СФЕРЕ РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

На протяжении последнего десятилетия Организация Объединенных Наций (ООН) и ее функциональные структуры вносят свой вклад в исследование вопросов регулирования ИИ и внедрения в жизнь результатов этой работы. Координационный совет руководителей системы ООН (КСР) на своей сессии в 2017 г. приступил к изучению рисков и возможностей для устойчивого развития, связанных с новыми технологиями, включая ИИ. В 2019 г. Комитет высокого уровня по программам (КВУП)¹¹ завершил работу по темам ИИ и инновационного образования, а в 2020 г. КСР одобрил Принципы этичного использования ИИ в системе ООН. В 2022 г. КСР обсудил тему управления и использования ИИ для общего блага.

Для углубления понимания этой проблемы созданной в 2020 г. межведомственной рабочей группе по ИИ КВУП (МРГ-ИИ) под председательством ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Международного союза электросвязи было поручено разработать аналитический документ по моделям и структурам системы ООН, связанным с управлением ИИ. В 2024 г. МРГ-ИИ подготовила Белую книгу по управлению ИИ, в которой собраны и проанализированы все имеющиеся институциональные модели и международные нормативные акты в системе ООН, которые могут быть использованы для международного управления ИИ¹².

Особая роль в этой работе принадлежит ЮНЕСКО. В ходе генеральной конференции 2019 г. ей было поручено поддержать разработку носящей необязательный характер Рекомендации по этическим аспектам ИИ, которая была принята генеральной конференцией в 2021 г.¹³ В 2022 г. она была одобрена

¹¹ КВУП несет ответственность перед КСР за содействие согласованности, сотрудничеству и координации по программным аспектам стратегических вопросов, стоящих перед системой ООН.

¹² United Nations System White Paper on Artificial Intelligence Governance: An Analysis of Current Institutional Models and Related Functions and Existing International Normative Frameworks Within the United Nations System That Are Applicable to Artificial Intelligence Governance. CEB/2024/1/Add.1. URL: <https://unsceb.org/sites/default/files/2024-04/United%20Nations%20System%20White%20Paper%20on%20AI%20Governance.pdf>

¹³ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2021. 43 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381133/PDF/381133eng.pdf.multi.page=3>

КВУП и КСР в виде Принципов этичного использования ИИ в системе ООН.

В этом документе отмечены преимущества, которые ИИ приносит обществу, и возникающие под его воздействием риски. В нем подчеркивается важность соблюдения принципов прозрачности, подотчетности и конфиденциальности, предлагаются действия в области управления данными в целях гарантирования того, чтобы цифровые преобразования способствовали соблюдению прав человека и достижению Целей устойчивого развития ООН [18, с. 93].

В 2024 г. ООН провела Саммит будущего, на котором были выработаны принципы по укреплению международного управления ИИ и приняты Пакт во имя будущего¹⁴ и Глобальный цифровой договор¹⁵. В этих документах содержатся предложения по устранению всех цифровых разрывов и созданию для этого глобальной регуляторной структуры. К приоритетам международного сотрудничества в этом формате отнесены открытость данных и инноваций, создание системы подотчетности использующих ИИ компаний, инклюзивность управления ИИ, формирование государством и частным сектором общей цифровой инфраструктуры. Однако уровень реалистичности достижения этих декларируемых задач в ближайшие годы вызывает большое сомнение.

ПОДХОДЫ ДРУГИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, СОЮЗОВ И ОБЪЕДИНЕНИЙ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Регуляторная работа в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по ИИ началась в 2016 г., когда был проведен Форум по технологическому прогнозированию в области ИИ. В 2017 г. состоялась международная конференция по ИИ, а в 2018 г. была сформирована группа экспертов по ИИ, подготовившая Рекомендацию по искусственному интеллекту¹⁶. Это документ, содержащий общие принципы ответственного

управления ИИ и рекомендации по формированию политики в этой сфере, был принят в 2019 г. (рис. 2).

С помощью данного документа предпринята попытка поставить под контроль развитие ИИ, и это, пожалуй, является его главным достоинством. Среди его слабых сторон эксперты отмечают необязательный характер и отсутствие механизма его соблюдения, и это, по их мнению, ослабляет правовую сторону Принципов, а их излишняя широта может помешать их практическому применению. Кроме того, они не затрагивают вопросы сокращения рабочих мест и проблему концентрации власти в руках нескольких компаний [18, с. 101].

После принятия Рекомендации произошло стремительное развитие ИИ: в девять раз увеличились венчурные инвестиции в стартапы генеративного ИИ и на 130% вырос спрос на специалистов в области ИИ. Также в среднем по ОЭСР почти удвоилась доля крупных фирм, использующих ИИ. Одновременно обострилась проблема обеспечения конфиденциальности и безопасности. Большой вред стали наносить создание и распространение ложной информации, а также искажение общественного мнения¹⁷.

По этим причинам в 2023 г. в документе было уточнено определение «системы ИИ» посредством разъяснения целей этих систем, подчеркивания роли входных данных, разъяснения, что Рекомендация применяется к производящим контент генеративным системам ИИ, которые могут продолжать развиваться после их проектирования и внедрения.

В 2024 г. документ был актуализирован, и одним из ключевых внесенных в него изменений было положение о создании надежных механизмов безопасного отключения или вывода из эксплуатации систем ИИ в случае возникновения риска нанесения ими неоправданного вреда или проявления нежелательного поведения. Кроме того, в контексте генеративного ИИ в Рекомендации указано на растущую важность борьбы с дезинформацией, необходимость защиты целостности информации и недопущения использования системы не по назначению или непреднамеренной неправильной ее эксплуатации, подчеркнута обя-

¹⁴ Пакт во имя будущего. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/pact-for-the-future>

¹⁵ Глобальный цифровой договор. URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact>

¹⁶ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/LEGAL/0449. URL: <https://oecd.ai/en/assets/files/OECD-LEGAL-0449-en.pdf>

¹⁷ OECD updates AI Principles to stay abreast of rapid technological developments. 2024, May 3. URL: <https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/05/oecd-updates-ai-principles-to-stay-abreast-of-rapid-technological-developments.html>

Рис. 2 / Fig. 2. Принципы ответственного управления ИИ и рекомендации по национальной политике и международному сотрудничеству / Principles for responsible stewardship and recommendations for national policy and international co-operation

Источник / Source: Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/LEGAL/0449. Paris: OECD; 2019. 12 p. URL: <https://oecd.ai/en/assets/files/OECD-LEGAL-0449-en.pdf>

зательность ответственного ведения бизнеса на протяжении всего жизненного цикла системы ИИ. Также дано разъяснение о системах ИИ, обеспечивающих прозрачность и ответственное раскрытие информации. В связи с ростом числа инициатив по использованию ИИ признано необходимым сделать акцент на совместную работу юрисдикций для продвижения совместимых сред управления и политики для ИИ. Сделана ссылка на экологическую устойчивость, важность которой в последнее время существенно возросла.

По состоянию на середину июня 2025 г. участниками Рекомендации были 38 членов ОЭСР и 10 стран, не входящих в эту организацию¹⁸.

По сути, Рекомендация представляет собой принятое на межправительственном уровне политическое и моральное обязательство. Ее участники признали, что кроме большой пользы, которую может принести внедрение ИИ, он создает трансграничные

риски, для противодействия которым необходимо развивать многостороннее сотрудничество. О значимости этого документа свидетельствует тот факт, что на его основе были разработаны принципы «Группы двадцати» в области развития ИИ.

Международная значимость Рекомендации определяется прежде всего геополитическим контекстом, характерной чертой которого является соревнование ведущих стран за лидерство в разработке систем ИИ, результатом которого должно стать получение победителями весьма существенных экономических выгод. Национальные подходы стран существенно отличаются, и этим прежде всего объясняются содержащиеся в документе весьма мягкие принципы и отсутствие его обязательной юридической силы [19, с. 28].

Из других многосторонних форматов для обсуждения вопроса регулирования ИИ следует отметить созданное в 2020 г. по инициативе премьер-министра Канады Дж. Трюдо и президента Франции Э. Макрона Глобальное партнерство по искусственному интеллекту (ГПИИ), которое было объявлено международной инициативой, призванной объе-

¹⁸ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Adherents. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449#adherents>.

динить усилия стран и экспертов для поддержки ответственного развития и использования ИИ, основанного на правах человека, инновациях, гендерном равенстве, экономическом росте, экологической и общественной выгоде в качестве вклада в Цели в области устойчивого развития ООН. В июле 2024 г. ОЭСР и ГПНИ объединили свои усилия под брендом ГПНИ на основе Рекомендации по ИИ ОЭСР.

По состоянию на середину июня 2025 г. участниками ГПНИ являлись 44 страны¹⁹. Его основные рабочие органы — Совет ГПНИ на уровне министров, который два раза в год проводит пленарные заседания, и руководящая группа, готовящая предложения к пленарным заседаниям и осуществляющая координацию работы между ними. Ядро экспертного сообщества представлено центрами экспертной поддержки в Канаде, Франции и Японии, деятельность которых финансируется принимающими их странами. На них возложена задача по разработке и предложению практических проектов для рассмотрения пленарным заседанием, управлению лабораториями, инкубаторами, а также организации и проведению семинаров в поддержку конкретных проектов сотрудничества.

Своеобразным дискуссионным клубом высокого уровня является Хиросимский процесс по ИИ (ХП), старт которому был дан в мае 2023 г., когда страны Группы семи договорились сделать сотрудничество в области ИИ одним из своих приоритетов. На саммите в октябре 2023 г. в Хиросиме участники одобрили международные руководящие принципы для разработчиков ИИ²⁰, которые легли в основу разработанного кодекса их поведения²¹.

Этими документами на разработчиков ИИ возложена обязанность выявлять риски и принимать меры для их снижения на протяжении всего жизненного цикла ИИ. Они также должны выявлять случаи ненадлежащего использования ИИ, публично о них сообщать и создать механизмы аутентификации контента, созданного с помощью ИИ. Кроме того, им поручено оказывать содействие в разработке международных технических стандартов и обеспечить

защиту персональных данных и интеллектуальной собственности.

Появление ХП обусловлено общим признанием правительствами и компаниями необходимости установления основополагающих принципов регулирования для предотвращения путаницы, возникающей из-за наличия разрозненных национальных правил [20]. О его международной поддержке свидетельствует тот факт, что по состоянию на 19 июня 2025 г. в состав «группы друзей» ХП входят 55 стран, ЕС и 19 компаний, в том числе Amazon, Google, Microsoft, Oracle, OpenAI, а также ОЭСР, Всемирный банк, Программа развития ООН и Международный экономический форум²².

По мнению экспертов, ХП соответствует целям политики стран Группы семи, но ему не хватает материальной конкретики, в том числе единого понимания ключевых терминов и определений, четких правил по оценке и снижению рисков, связанных с передовыми системами ИИ на протяжении всего жизненного цикла. Кроме того, в рамках ХП следовало бы принять меры к сближению подходов участников по вопросам взаимодействия, разработать стандарты прозрачности и содействовать гармонизации механизмов сертификации, методологий надзора, механизмов аудита и других практик регулирования жизненного цикла. В его рамках также необходимо согласовать меры, нацеленные на поддержание демократических ценностей и защиту прав человека в контексте разработки и развертывания ИИ [21, с. 20–21].

Упомянутые форматы можно рассматривать как создаваемые западными странами структуры, посредством участия в которых другим государствам навязываются стандарты и правила. Это ведет к политизации процесса регулирования ИИ в ущерб развитию справедливого и открытого для всех стран международного сотрудничества [1, с. 239].

Важным нормативным документом считается Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права от 05.09.2024 г.,²³ нацеленная на обеспечение того, чтобы деятельность в рамках жизненного цикла систем ИИ полностью соответст-

¹⁹ About the Global Partnership on Artificial Intelligence (GPAI). URL: <https://oecd.ai/en/about/what-we-do>.

²⁰ Hiroshima Process International Guiding Principles for Organizations Developing Advanced AI Systems. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100573471.pdf>.

²¹ Hiroshima Process International Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems. <https://www.mofa.go.jp/files/100573473.pdf>.

²² Member countries of the Hiroshima AI Process Friends Group. URL: <https://www.soumu.go.jp/hiroshimaai/ai-process/en/supporters.html>.

²³ Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. URL: <https://rm.coe.int/1680afae3c>.

вовала правам человека, демократии и верховенству права. В работе над ней приняли участие 46 членов СЕ, все государства-наблюдатели²⁴, Европейский союз, 6 стран-нечленов²⁵, а также представители гражданского общества, академических кругов, промышленности и международных организаций.

Ст. 5 Конвенции на каждую сторону возлагается задача принимать меры, направленные на обеспечение того, чтобы системы ИИ не использовались для подрыва независимости и эффективности демократических институтов и процессов, а также на защиту своих демократических процессов, включая доступ и участие отдельных лиц в публичных дебатах и свободу формирования мнения.

В соответствии со ст. 11 Конвенции каждая сторона должна на протяжении жизненного цикла систем ИИ принимать меры для обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан и защиты их персональных данных, а со ст. 16 — выявлять, проводить оценку, предотвращать и снижать риски, создаваемые системами ИИ. Ст. 26.1 предписывает участникам создать или назначить один или несколько эффективных механизмов для надзора за соблюдением обязательств по конвенции.

В то же время ст. 32 предоставляет любой стороне право посредством заявления, направленного генеральному секретарю СЕ, распространить применение Конвенции на любую другую территорию, что можно рассматривать как легализацию вмешательства во внутренние дела других государств без разрешения их компетентных властей.

Конвенцию можно оценить как важную веху в усилиях по внедрению общих стандартов управления ИИ. Ее сильные стороны заключаются в глобальном охвате, обосновании соблюдения основополагающих демократических ценностей и всеобъемлющем подходе к жизненному циклу. К числу недостатков Конвенции эксперты относят отсутствие надежных механизмов обеспечения ее соблюдения и риск различного толкования ее отдельных положений, результатом которого может стать подрыв гармонизированных международных стандартов и фрагментация регулирования. Кроме того, для выполнения Конвенции необходимо установление тесного международного сотрудничества, что, учитывая современную международную ситуацию, может оказаться непростой задачей [22, с. 97; 23].

²⁴ Канада, Мексика, Святой Престол, США, Япония.

²⁵ Австралия, Аргентина, Израиль, Коста-Рика, Перу, Уругвай.

В рамках Всемирной торговой организации (ВТО) не существует отдельных соглашений, регулирующих торговлю технологиями ИИ, товарами и услугами с элементами ИИ или произведенных на его основе. При этом в самой организации и в научном сообществе ведутся многочисленные дискуссии о том, какие нормы и меры существующих соглашений могут и должны применяться в конкретных случаях трансграничного перемещения таких продуктов. Первый вопрос, который обсуждают в этой связи, заключается в том, можно ли отнести международную торговлю с использованием ИИ к категории товаров или услуг [23; 24, с. 16].

К первым применяется Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), ко вторым — Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС). Кроме того, к регулированию ряда проблем, связанных с цифровыми технологиями, в том числе ИИ, применяются нормы Соглашения по техническим барьерам в торговле (СТБТ)²⁶ и других действующих соглашений ВТО.

К пакету соглашений ВТО, затрагивающих регулирование ИИ, необходимо также отнести Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ), Соглашение о государственных закупках (СГЗ).

В контексте регулирования ИИ в рамках международной торговой системы важную роль играют региональные торговые соглашения (РТС) и соглашения о партнерстве в цифровой экономике, содержащие положения о потоках и локализации данных, конкуренции на цифровых рынках, таможенных пошлинах на электронные передачи и другие. К концу 2022 г. 33% всех существующих РТС включали положения, связанные с цифровой торговлей [24, с. 13].

В ВТО до 2024 г. не было торговых споров по ИИ, но рассматривались споры, связанные с различными аспектами цифровой экономики²⁷. Можно предпо-

²⁶ Trading with intelligence. How AI shapes and is shaped by international trade. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 8. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trading_with_intelligence_e.pdf.

²⁷ Trading with intelligence. How AI shapes and is shaped by international trade. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 9. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trading_with_intelligence_e.pdf.

ложить, что множественный характер растущих проблем, связанных с активным развитием ИИ, заставит структурировать подходы к регулированию с целью минимизации таких споров в будущем.

В интеграционных группировках работа по регулированию ИИ находится на разных стадиях. Наиболее активно она ведется в Европейском союзе. В 2024 г. в ЕС был принят Закон об ИИ²⁸, фактически единственный принятый в многостороннем формате нормативный акт, являющийся обязательной для исполнения первой в мире нормативной базой, призванной поставить под контроль разработку технологий ИИ для устранения возникающих при этом рисков и обеспечить защиту безопасности, здоровья и основных прав людей.

В этом документе определены четыре уровня рисков от внедрения ИИ — неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный, на основе которых выработаны правила и возможности применения этого вида технологий — от запрета до добровольного соблюдения кодекса поведения [25, с. 6]. Для контроля за выполнением закона создана специальная структура — Управление ИИ.

Фактически в ЕС институционально завершено создание многоуровневой системы регулирования ИИ. Ее особенностью является требование применения самых строгих мер контроля к системам ИИ с высоким уровнем риска с одновременной свободой действий с системами с более низким уровнем риска.

Из других многосторонних форматов, в которых обсуждаются вопросы регулирования ИИ, следует упомянуть Агентство развития Африканского союза, опубликовавшее в 2023 г. Белую книгу, в которой предлагаются варианты политики в целях содействия внедрению ИИ и устранения рисков, связанных с его использованием²⁹.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) выпустила руководство по управлению

и этике ИИ, предназначенное для организаций, разрабатывающих и внедряющих технологии ИИ в коммерческих невоенных целях, для повышения согласованности их действий. В нем также содержатся рекомендации по инициативам на национальном и региональном уровнях для обеспечения ответственного проектирования и внедрения систем ИИ³⁰.

Наконец, в 2023 г. в рамках БРИКС была достигнута договоренность о создании группы по изучению ИИ, а в 2024 г. создано Агентство ИИ БРИКС, выступающее в качестве площадки для поддержания контактов между участниками и разработки нормативной базы использования ИИ³¹.

ВЫВОДЫ

Искусственный интеллект является одним из ключевых элементов НТП на современном этапе. Его внедрение смещает инновации в сторону наукоемких секторов, позволяет улучшать бизнес-процессы, разрабатывать и производить продукцию с меньшими затратами, повышать производительность труда и эффективность хозяйственной жизни, оказывая мощное воздействие на трансформацию всех отраслей экономики. В силу своих технологических особенностей ИИ стал одним из важнейших факторов НТП, оказывающим влияние на мировые общественные процессы — как политические, так и экономические.

В этих новых условиях в разных форматах идет активная выработка правил регулирования экономической и других сфер общественной жизни, связанных с использованием ИИ. На международном уровне регуляторная активность в последние годы усилилась и привела к выработке принципов возможного «глобального регулирования» ИИ. Однако рассмотренные выше документы международных организаций и многосторонних структур носят преимущественно декларативный, рекомендательный характер. Исключением является закон Европейского союза об ИИ — фактически единственный принятый в многостороннем формате нормативный акт, являющийся обязательным для исполнения входящими в ЕС странами.

С самого начала своего распространения одновременно как общественного блага и средства

²⁸ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401689

²⁹ AUDA-NEPAD White Paper: Regulation and Responsible Adoption of AI in Africa Towards Achievement of AU Agenda 2063. African Union Development Agency; 2023. 234 p. URL: <https://onedrive.live.com/?authkey=%21AKJcwcXeRGANKQ&cid=14DDAD979C3656DF&id=14DDAD979C3656DF%2145406&parId=14DDAD979C3656DF%2145404&o=OneUp>

³⁰ ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. ASEAN; 2024. 86 p. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics-beautified_201223_v2.pdf

³¹ About Us. URL: <https://bricsai.org/about-us/>

достижения конкурентных преимуществ, искусственный интеллект не должен был оставаться вне регуляторного поля, однако сегодня налицо — все более заметное и опасное отставание «правил игры» от появления все новых и новых возможностей ИИ, несущих как прогресс, так и не до конца выявленные этические, правовые, политические, экономические и другие риски.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира. Мельникова О.А., ред. М.: Издательство «Аспект Пресс»; 2024. 542 с.
Information and Communication Technologies for Global World. Melnikova, O.A., ed. Moscow: Aspekt Press Publ.; 2024. 542 p. (In Russ.).
2. Taeiagh A. Governance of Generative AI. *Policy and Society*. 2025;00(00):1–22. DOI: 10.1093/polsoc/puaf001
3. Chesterman S. Good Models Borrow, Great Models Steal: Intellectual Property Rights and Generative AI. *Policy and Society*. 2025;44(1):23–37. DOI: 10.1093/polsoc/puae006
4. Marr B. The 15 Biggest risks of artificial intelligence. June 2, 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/06/02/the-15-biggest-risks-of-artificial-intelligence/>.
5. Haan K., Holzniekemper L. 22 Top AI statistics and trends. October 16, 2024. URL: <https://www.forbes.com/advisor/business/ai-statistics/>
6. Filippucci F., Gal P., Jona-Lasinio C., Leandro A., Nicoletti G. The impact of artificial intelligence on productivity, distribution and growth: Key mechanisms, initial evidence and policy challenges. *OECD Artificial Intelligence Papers*. 2024;15:1–63. URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-impact-of-artificial-intelligence-on-productivity-distribution-and-growth_8d900037-en.html.
7. Neznamov A. V. Impact of the concept of “Technoscience” on the genesis features of the legal regulation of artificial intelligence and robotics technology. *State and Law*. 2022;3:108–116. DOI: 10.31857/S 102694520019169–6
8. Современная система международных экономических отношений: между глобализацией и фрагментацией. Исаченко Т.М., Платонова И.Н., Ревенко Л.С., ред. М.: КНОРУС; 2025. 218 с.
Current system of international economic relations: Between globalization and fragmentation. Isachenko T.M., Platonova I.N., Revenko, L.S., eds. Moscow: KNORUS Publ.; 2025. 218 p. (In Russ.).
9. Gutierrez C. I., Marchant G. A Global perspective of soft law programs for the governance of artificial intelligence. Phoenix: Sandra Day O'Connor College of Law, Arizona State University, AZ; 2021. 62 p.
10. Buiten M. C. Towards intelligent regulation of artificial intelligence. *European Journal of Risk Regulation*. 2019;10(1):41–59. DOI: 10.1017/err.2019.8
11. Kaplan A., Haenlein M. Siri, Siri, in my hand: Who's the fairest in the land? On the interpretations, illustrations, and implications of artificial intelligence. *Business Horizons*. 2019;62(1):15–25. DOI: 10.1016/j.bushor.2018.08.004
12. Papagiannidis E., Mikalef P., Conboy K. Responsible Artificial intelligence governance: A review and research framework. *Journal of Strategic Information Systems*. 2025;34:101885. DOI: 10.1016/j.jsis.2024.101885
13. Domin H. AI Governance trends: How regulation, collaboration and skills demand are shaping the industry. September 5, 2024. URL: <https://www.weforum.org/stories/2024/09/ai-governance-trends-to-watch/>.
14. Linkov I., Trump B. D., Poinsatte-Jones K., Florin M–V. Governance Strategies for a sustainable digital world. *Sustainability*. 2018;10:440. DOI: 10.3390/su10020440
15. Marchant G. “Soft Law” governance of artificial intelligence. UCLA: The Program on Understanding Law, Science, and Evidence (PULSE). 2019:1–19. URL: <https://escholarship.org/uc/item/0jq252ks>
16. Carlisle K., Gruby R. K. Polycentric systems of governance: A theoretical model for the commons. *Policy Studies Journal*. 2019;47(4):927–952. DOI: 10.1111/psj.12212
17. Ulnicane I. Governance fix? Power and politics in controversies about governing generative AI. *Policy and Society*. 2025;44(1):70–84. DOI: 10.1093/polsoc/puae022
18. Morandín-Ahuerma F. Principios normativos para una ética de la inteligencia artificial. Puebla, México: Consejo de Ciencia y Tecnología de Puebla (CONCYTEP); 2023. 212 p.

19. Yeung K. Introductory note to recommendation of the council on artificial intelligence (OECD). *American Journal in International Law*. 2020;59(1):27–34. DOI: 10.1017/ilm.2020.5
20. Takemi A. Global AI Governance and Japan's science diplomacy: The G7 Hiroshima AI Process and its global implications. September 01, 2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=5121469>. DOI: 10.2139/ssrn.5121469
21. Habuka H., Socol de la Osa D.U. Enhancements and next steps for the G7 Hiroshima AI Process: Toward a common framework to advance human rights, democracy and rule of law. *Cambridge Forum for AI: Law and Governance*. 2025;1(e15):1–26. DOI: 10.1017/cfl.2024.5
22. Chang C–C.K. The first global AI treaty: Analyzing the framework convention on artificial intelligence and the EU AI Act. *University of Illinois Law Review*. 2024;86:86–99. DOI: 10.2139/ssrn.5069335
23. Sekine T. EU's AI regulation and international economic law: The Complex impact of the EU AI Act on global economic governance. *SSRN Electronic Journal*. 2024; October:1–42. DOI: 10.2139/ssrn.4997043
24. López-González J., Sorescu S., Kaynak P. Of Bytes and Trade: Quantifying the Impact of digitalisation on trade. OECD Trade Policy Paper № . TAD/TC/WP(2022)11/FINAL. Paris: OECD; 2023. 57 p. URL: [https://one.oecd.org/document/TAD/TC/WP\(2022\)11/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/TAD/TC/WP(2022)11/FINAL/en/pdf)
25. Krause D. The EU AI Act and the future of AI governance: Implications for U.S. firms and policymakers. *SSRN Electronic Journal*. 2025; March:1–29. DOI: 10.2139/ssrn.5181797

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Лилия Сергеевна Ревенко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Lilia S. Revenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1519-1183>

l.revenko@inno.mgimo.ru

Николай Сергеевич Ревенко — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Nikolay S. Revenko — Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-0359-5201>

Автор для корреспонденции / Corresponding the author:

reni100@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2025; принята к публикации 28.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.05.2025; accepted for publication 28.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-178-186

УДК 342.924(045)

JEL K10, K23, K15

Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации

Д. В. Шахов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Экспериментальные правовые режимы (далее — ЭПР) являются ключевым звеном цифровой трансформации экономики, а также играют важную роль в эпоху быстрых технологических преобразований. Автором поставлена **задача** определить функции ЭПР в условиях введения различных инноваций, оценить их эффективность и определить ключевые препятствия на пути их реализации. **Цель** работы — подготовка рекомендаций по развитию ЭПР в Российской Федерации и формирование гарантий для их участников в целях распространения правовых норм на всю территорию страны, что, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему развитию цифровых технологий. В этих целях проведен углубленный анализ законодательства РФ, регулирующего различные ЭПР, судебной практики, а также рассмотрены действующие ЭПР. В качестве основных **методов** исследования использовались сравнительно-правовой анализ, системный подход, статистическая обработка данных и казуальное изучение судебных решений. В базу исходных для изучения данных вошли федеральные законы и иные подзаконные акты, отчеты о реализации ЭПР, материалы судебной практики и иные статистические данные. В **результате** исследования подтверждена эффективность ЭПР в сокращении бюрократических барьеров и стимулировании инноваций. Вместе с тем выявлены и системные проблемы — «рамочность» режимов, правовая неопределенность при их завершении, отсутствие гарантий для участников при их окончании. Сделан **вывод** о необходимости внедрения страхования инвестиций, отмены временных и территориальных ограничений при регулировании успешных экспериментов, а также налоговых льгот для участников ЭПР. **Результаты** исследования могут быть использованы законодательными и исполнительными органами власти для совершенствования правовой системы, снижения рисков при апробации новых норм права в условиях цифровой трансформации и привлечения инвестиций в инновационные проекты.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим; цифровая трансформация; экономическое развитие; страхование инвестиций; правовой эксперимент

Для цитирования: Шахов Д. В. Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):178-186. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-178-186

ORIGINAL PAPER

Introduction of Experimental Legal Regimes in the Context of Digital Transformation

D.V. Shakhov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Experimental legal regimes (hereinafter referred to as ELR) are a key link in the digital transformation of the economy, and also play an important role in the era of rapid technological transformation. The author has set the **task** to determine the functions of ELR in the context of the introduction of various innovations, evaluate their effectiveness and identify key obstacles to their implementation. **The purpose** of the work is to prepare recommendations on the development of ELR in the Russian Federation and the formation of guarantees for their participants in order to spread legal norms throughout the country, which, in turn, will contribute to the further development of digital technologies. To this end, an in-depth analysis of the legislation of the Russian Federation regulating various ELR, judicial practice, and the current ELR were conducted. The main research **methods** used were comparative legal analysis, a systematic approach, statistical data processing and the casual study of court decisions. The database of initial data for the study includes Federal laws and other by-laws, reports on the implementation of the ELR, materials of judicial practice and other statistical data. The study confirmed the effectiveness of ELR in reducing bureaucratic barriers and stimulating innovation. At the same

© Шахов Д. В., 2025

time, systemic problems have also been identified, such as the «framework» of the regimes, legal uncertainty at their completion, and lack of guarantees for participants at their completion. **It is concluded** that it is necessary to introduce investment insurance, the abolition of time and territorial restrictions in regulating successful experiments, as well as tax benefits for ELR participants. The research **results** can be used by legislative and executive authorities to improve the legal system, reduce risks when testing new legal norms in the context of digital transformation and attract investment in new innovative projects.

Keywords: experimental legal regime; digital transformation; economic development; investment insurance; legal experiment

For citation: Shakhov D.V. Introduction of experimental legal regimes in the context of digital transformation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):178-186. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-178-186

ВВЕДЕНИЕ

В условиях постоянных санкций, внешних вызовов и кризисов, которые, несомненно, являются стимулами развития как экономики, так и права в Российской Федерации, поэтапно применяются и вводятся меры быстрого реагирования на такие ситуации в целях стабильного и планомерного прогресса страны, в том числе адаптации российского законодательства к новому времени.

В настоящее время наблюдается стремительное развитие различных общественных институтов технологий и экономики. Нередко прогресс опережает законодателя, например, в области искусственного интеллекта: многие вопросы его развития и применения, как известно, в российском правовом поле до сих пор не урегулированы. Более того, на презентации национального проекта «Экономика данных» заместитель председателя Правительства РФ, руководитель аппарата Правительства РФ Д. Григоренко заявил, что государство и не планирует в ближайшей перспективе нескольких лет законодательно регулировать развитие и применение технологий искусственного интеллекта¹.

Исходя из этого, можно предположить, что государство в лице исполнительной и законодательной ветвей власти не всегда может оперативно реагировать на те или иные вызовы в условиях цифровой трансформации, поскольку законодательное регулирование тех или иных областей или направлений может остановить их прогресс.

Вместе с тем для поэтапного апробирования различных отраслей и направлений развития экономики, промышленности, технологий, государство использует так называемый экспериментальный правовой режим (далее — ЭПР), под которым следует понимать применение в определенных условиях

и в определенный временной период в отношении субъектов эксперимента специального правового регулирования, направленного на развитие сервисов и механизмов цифровой среды государства и общества.

Юридическая наука объясняет подобный подход тем, что каждая реформа правового регулирования неизбежно сопровождается конкурирующими точками зрения. Аргументы о положительном или прорывном эффекте нового регулирования часто встречают оппозицию, основанную на опасениях возможного ухудшения сложившейся ситуации. Эти опасения подкрепляются не менее убедительными доводами, что замедляет принятие решений.

Юридическая наука объясняет подобный подход тем, что каждая реформа правового регулирования неизбежно сопровождается конкурирующими точками зрения. Аргументы о положительном или прорывном эффекте нового регулирования часто встречают оппозицию, основанную на опасениях возможного ухудшения сложившейся ситуации. Эти опасения подкрепляются не менее убедительными доводами, что замедляет принятие решений.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Прежде чем рассмотреть преимущества данного подхода, необходимо четко определиться в правильном использовании таких терминов, как «правовой эксперимент», «правотворческий эксперимент», «экспериментальный правовой режим» и «специальный правовой режим».

«Правовой эксперимент» представляет собой более широкое понятие, чем «правотворческий эксперимент» (который является его частным видом) и отличается введением экспериментальных

¹ <https://tass.ru/ekonomika/23251435?ysclid=m7niln9psd165702668>

правовых норм, которые апробируются в пилотном режиме. Для того чтобы изучить их эффективность на практике, эти нормы применяются в ограниченных временных, территориальных или субъектных рамках. Однако «правовой эксперимент» может осуществляться и без экспериментальных норм, например — в форме мониторинга нормативных актов или тестирования эффективности уже действующего законодательства [1].

«Экспериментальный правовой режим» представляет собой правовую возможность временного или полного отказа от действия определенных норм, предусмотренных законодательством, чтобы провести тестирование новых технологий или форм общественных отношений [2].

В частности, суды при рассмотрении исков указывают, что требования отдельных нормативных актов могут не применяться к участникам ЭПР в сфере цифровых инноваций. Например, Свердловский областной суд по делу от 07 декабря 2022 г. № 72-1367/2022 указал, что требования ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» в части того, что юридические лица, индивидуальные предприниматели, осуществляющие эксплуатацию транспортных средств, обязаны, в числе прочего: обеспечивать соответствие технического состояния транспортных средств требованиям законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения и о техническом регулировании, а также требованиям международных договоров РФ и не допускать транспортные средства к эксплуатации при наличии у них неисправностей, при которых эксплуатация транспортных средств запрещена, могут быть изменены или отменены в отношении участников экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в соответствии с программой экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, утверждаемой в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»².

Правильно организованный правовой эксперимент может стать надежным инструментом для предотвращения ошибок в нормотворчестве, что, в свою очередь, минимизирует риски возникно-

вения негативных социально-экономических последствий, вызванных введением непродуманных или несвоевременных правовых норм. Одним из перспективных решений для ответа на этот вызов является внедрение экспериментальных методов в правотворчество. Такой подход предоставляет возможность тестирования новых правовых механизмов в условиях реальной правоприменительной практики.

В последние годы наблюдается рост интенсивности законотворческой деятельности. Так, в 2022 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Госдума) было принято 653 федеральных закона, что на 147 федеральных законов больше, чем годом ранее. В 2023 г. было принято 694 федеральных закона, что явилось рекордом по количеству принятых законов за все 8 созывов Госдумы. Стоит отметить, что по мере увеличения числа принимаемых федеральных законов увеличивается доля законов прямого действия: в 2024 г. — 68% из 564 законодательных актов, принятых Госдумой³.

Факт кратного увеличения количества принимаемых федеральных законов свидетельствует как о прямом диалоге исполнительной и законодательной власти, нацеленной на получение конечного результата, так и о том, что с увеличением количества принимаемых законодательных инициатив поднимается вопрос о качестве и целесообразности принятых законов, поскольку частные изменения затрагивают не только одни и те же законы, но и идентичные нормы.

Кроме вышеперечисленных предпосылок введения экспериментальных правовых режимов, можно также выделить следующие цели их апробации:

- тестирование новых технологий, в частности блокчейн, майнинг и другое;
- стимулирование экономического развития посредством создания территорий с преференциальными экономическими режимами;
- нивелирование рисков при введении новых правовых конструкций, например, регулирование деятельности самозанятых;
- стимулирование регионального развития; тестирование новых инструментов в сфере государственного управления и иные причины [3].

В течение последних лет стабильно просматривается стремление государства в лице Правительства

² Решение Свердловского областного суда от 07.12.2022 по делу N 72-1367/2022.

³ <http://duma.gov.ru/news/60617/>

Российской Федерации к введению правовых экспериментов [4]. Данный процесс можно разделить на 7 условных этапов [5].

СОЗДАНИЕ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН

С 2005 г. на территории РФ действует Федеральный закон № 116-ФЗ (далее — Федеральный закон), регулирующий правовые отношения в сфере создания, управления и упразднения особых экономических зон (далее — ОЭЗ). Данный Федеральный закон был направлен на гармоничное развитие субъектов Российской Федерации в условиях дифференциации экономического развития путем создания экономических центров в процессе ввода преференциальных правовых режимов (налоговых, таможенных и иных) на отдельных территориях региона. Основной задачей данного закона, в том числе и в 2025 г., является развитие высокотехнологичных производств в целях импортозамещения продукции различного назначения [6].

На текущий момент действует 59 ОЭЗ различного типа (см. *таблицу*), однако несмотря на то, что они играют существенную роль в экономическом развитии субъектов Российской Федерации, где они функционируют, а также обеспечивают приток инвестиций в регионы, ОЭЗ сталкиваются с рядом проблем, среди которых основными являются бюрократические барьеры, неравномерность развития (различные преференциальные режимы), отсутствие инфраструктурной обеспеченности ОЭЗ.

СОЗДАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

В отличие от ОЭЗ, где развиваются отдельные отрасли экономики, создание территорий опережающего развития (далее — ТОР) направлено на развитие моногородов или отдельных территорий, не являющихся таковыми. При этом был учтен значительный опыт функционирования ОЭЗ, где в качестве экспериментального правового режима вводились различные преференции для резидентов [7].

В Российской Федерации по состоянию на 31 декабря 2023 г. действовало более 100 ТОР, создание которых способствовало развитию правовой базы, адаптированной под развитие предпринимательства и инвестиций в наиболее отстающих регионах, а также стало драйвером экономического развития, что в свою очередь привело к выравниванию эко-

номических показателей субъектов РФ, преимущественно расположенных на Дальнем Востоке⁴.

ВВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В СФЕРЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Данный инструмент был разработан в целях апробации новых налогов и механизмов их применения для поэтапного введения на всей территории РФ, а также снижения рисков их негативного влияния при централизованном внедрении. В связи с этим государство вводит систему пилотных регионов, в которых на начальном этапе новый налоговый режим вводится в наиболее развитых субъектах [8].

Так, например, в 2018 г. был принят Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», который был в первую очередь направлен на «обеление» сферы фриланса — граждан, имеющих сравнительно небольшие доходы, но при этом их экономический вклад в экономику страны был нулевым, кроме того такая деятельность регламентировалась административным законодательством, предусматривающим санкции за незаконное ведение предпринимательской деятельности.

Начинался эксперимент на территории четырех субъектов РФ — Москвы, Московской и Калужской областей, Республики Татарстан, однако в виду его успешного применения и вывода большого количества предпринимателей из «серой» зоны было принято решение распространить его на всю территорию Российской Федерации. Закон № 422-ФЗ, безусловно, стал важным шагом в правовом поле, поскольку его реализация позволила успешно распространять новые налоговые режимы на всей территории РФ [9].

ВНЕДРЕНИЕ ПРАВОВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных режимах в сфере цифровых

⁴ Территория опережающего развития // Министерство экономического развития Российской Федерации URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/?ysclid=m6zbz7nwyy191137038 (дата обращения: 10.02.2025).

Типы особых экономических зон / Types of special economic zones

Тип ОЭЗ	Цель создания	Резиденты ОЭЗ
Промышленно-производственные	Для производства, переработки товаров и их реализации на земельных участках общей площадью не более чем шестьдесят квадратных километров	Индивидуальный предприниматель, коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия
Технико-внедренческие	Для развития инновационной деятельности, создания научно-технической продукции, доведения ее до промышленного применения, включая изготовление, испытание и реализацию опытных партий, а также создание программных продуктов, систем сбора, обработки и передачи данных, систем распределенных вычислений и оказание услуг по внедрению и обслуживанию таких продуктов и систем	Индивидуальный предприниматель, коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия
Туристско-рекреационные	Для развития и оказания услуг в сфере туризма на одном или нескольких участках территории	Индивидуальный предприниматель, коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия
Портовые	Для создания площадки для организации судостроительной и судоремонтной деятельности, предоставления логистических услуг, а также базы для новых маршрутов, находящейся в непосредственной близости основных транспортных путей	Коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия

Источник / Source: составлено автором/ compiled by the author.

инноваций в Российской Федерации» продолжил политику законодательной власти и исполнительной власти в части введения экспериментального правового режима. Так, согласно Федеральному закону № 258-ФЗ под экспериментальным правовым режимом в сфере цифровых технологий понимается применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций. Данная деятельность может быть в сфере медицинских технологий, проектирования, производства и эксплуатации транспортных средств, в сфере сельского хозяйства, финансового рынка и т. д. [10]. Исходя из проведенного анализа можно выделить основные маркеры или признаки мест проведения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций: инициирование экспериментальных правовых режимов только на определенной террито-

рии, проведение в нормативные сроки, ограниченный круг участников эксперимента, закрепление области разработки, в отношении которой проводится разработка и апробация цифровых инноваций, закрепление статуса проведения эксперимента на основе решения Правительства Российской Федерации, закрепление контролирующего и надзорного органа, мониторинг программы правового режима⁵.

Вместе с тем при законодательном закреплении экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых технологий и инноваций могут возникнуть проблемы, связанные:

- с завершением экспериментального правового режима, поскольку субъекты предпринимательской деятельности несут риски инвестиционного и экономического характера;

⁵ Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ. Российская газета. 2020. № 173. С изм. и дополн. в ред. от 31.07.2025.

- отсутствием гарантий продолжения правового эксперимента в будущем, а также сохранения правовых и иных предпочтений.

ПРАВОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Инкорпорирование правовых экспериментов в сфере регулирования инновационных финансовых инструментов в законодательство Российской Федерации — сегодня весьма актуально в силу происходящих стремительных преобразований в финансовой сфере.

В первую очередь это касается разработки нормотворческой базы для применения цифровых финансовых активов, криптовалюты, а также новых финансовых инструментов, например исламского банкинга [11]. Примерами таких правоустанавливающих нормативно-правовых актов могут быть федеральные законы, определяющие порядок пользования и обращения цифрового рубля (в настоящий момент в эксперименте участвует ограниченное количество банков). В частности, Правительством РФ принято решение о проведении эксперимента по использованию технологии цифрового профиля, который в будущем позволит моментально передавать информацию для оказания каких-либо услуг между государством, бизнесом и отдельно взятым гражданином⁶.

АПРОБИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В последнее время наблюдается увеличение количества «экспериментальных правовых режимов» в сфере экологии и устойчивого развития. Например, в соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» была введена возможность применения региональных экологических экспериментов, которые, в свою очередь, устанавливались нормативно-правовыми актами субъектов РФ. Также согласно Федеральному закону от 4 мая 1999 г. «Об охране атмосферного воздуха» было установлено квотирование на выбросы для некоторых

территорий, в частности в рамках федерального проекта «Чистый воздух» национального проекта «Экология».

ЭПР как инструмент правового регулирования является важным механизмом для внедрения новых правовых решений в сфере устойчивого развития и экологии, который направлен на защиту и гармоничное развитие общества, экологии и экономики государства.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ»

Особенности современного периода доказывают, что в условиях цифровой трансформации мировой экономики «экспериментальные правовые режимы», направленные на апробацию и внедрение инновационных цифровых технологий, являются не только одним из ключевых направлений развития финансовой системы, но и наиболее эффективным механизмом применения правовых режимов, поскольку ЭПР предоставляют возможность тестировать цифровые технологии в контролируемых условиях без риска нарушить действующее законодательство.

При этом государство и ранее применяло ЭПР для тестирования правовых механизмов в ограниченном пространстве и временном промежутке.

Например, Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 258-ФЗ) и Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 331-ФЗ) образуют правовую основу для реализации ЭПР, направленных на регулирование цифровых инноваций. Эти законы имеют взаимодополняющий характер, направленный на адаптацию правовой системы к современным вызовам цифровой трансформации [12].

Федеральный закон № 258-ФЗ был разработан с целью создания гибкой правовой среды, которая позволяет тестировать цифровые технологии в условиях временного правового режима, не нарушая общих правовых принципов и норм. Закон выделяет

⁶ Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 гг. Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_488280/ (дата обращения: 10.02.2025).

следующие основные направления регулирования, отражающие стратегические приоритеты цифровизации экономики России [13]:

- искусственный интеллект;
- блокчейн и распределенные реестры;
- робототехника;
- квантовые технологии;
- большие данные.

Федеральный закон № 331-ФЗ расширяет правовое поле для реализации ЭПР, внося изменения в ряд законодательных актов, таких как Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Эти изменения устраняют правовые барьеры для внедрения инноваций и обеспечивают согласованность правоприменительной практики.

Необходимость совершенствования данного закона была обозначена Президентом РФ в ходе совещания с членами Правительства РФ 19 июля 2023 г. В рамках совещания глава государства отметил, что существующие механизмы ЭПР требуют упрощения доступа к таким режимам, а также введения страхования ответственности за ущерб, связанный с использованием инновационных технологий, включая искусственный интеллект. Он призвал завершить работу над соответствующими изменениями в законодательстве в течение осенней парламентской сессии.

Работа над новым законом была проделана в сжатые сроки. В принятом в 2024 г. Федеральном законе от 08.07.2024 № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁷ (далее — Федеральный закон № 169-ФЗ) был закреплен ряд норм, регулирующих:

- создание условий для разработки и внедрения цифровых инноваций;
- повышение уровня конкуренции и улучшение качества предоставляемых услуг;
- снижение издержек предпринимательской деятельности;
- ускорение процесса совершенствования нормативного регулирования;

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 08.07.2024 № 169-ФЗ. Российская газета. 2024. № 152.

- привлечение инвестиций в развитие инновационных технологий.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Результаты исследования доказали выдвинутую нами гипотезу: ЭПР становятся ключевым инструментом адаптации российского законодательства к вызовам цифровой трансформации. «Экспериментальные правовые режимы» подтвердили свою эффективность при внедрении налога на профессиональный доход (самозанятые) и цифрового рубля, тестировании технологии блокчейн и ИИ. Применение ЭПР позволило не только успешно преодолевать бюрократические барьеры, но и стимулировать инновации и, что очень важно, — «обезвреживать» риски масштабных реформ, т.е. избегать больших рисков при внедрении тех или иных государственных решений в «широкие» массы.

Однако анализ выявил и серьезные системные проблемы: отсутствие гарантий стабильности для участников ЭПР (особенно малого бизнеса), правовые коллизии при завершении режимов, а также несоответствие жестких нормативных рамок скорости технологических изменений. Судебная практика (например, решение Свердловского областного суда от 07.12.2022) подтверждает, что существующие законы зачастую не учитывают специфику цифровых экспериментов, что создает правовую неопределенность.

В целях совершенствования применения «экспериментальных правовых режимов» и обеспечения основных гарантий участникам ЭПР предлагается:

- создать систему страхования инвестиций, которая снизит риски при досрочном сворачивании ЭПР;
- внести изменения в Федеральный закон № 258-ФЗ в части перехода на «безрамочный» механизм регулирования с условием успешного внедрения технологии, что предполагает снятие ограничений на срок и территорию проведения эксперимента;
- ввести специальные налоговые режимы для участников ЭПР любых форм в течение первых 2–3 лет;
- обеспечить гласность и открытость при проведении и завершении ЭПР: обязательное обнародование всех показателей и результатов, публикация соответствующих отчетов.

Предложенные меры помогут распространению правовых норм на всей территории страны, что, в свою

очередь, будет способствовать дальнейшему развитию цифровых технологий.

Результаты исследования могут использоваться законодательными и исполнительными органами

власти для совершенствования правовой системы, снижения рисков при апробации новых норм права в условиях цифровой трансформации и привлечения инвестиций в инновационные проекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова М.Л., Дундукова С.А., Макаров В.О., Миронова С.М., Чагин И.Б., Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежная практика и опыт становления в современной России. Монография. Давыдова М.Л., Макаров В.О., ред. М.: Русайнс; 2023. 186 с.
2. Макаров В.О. Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт. *Legal Concept*. 2021;(3):36.
3. Терехова Е.В., Финансовое право (конспект лекций). Т 2. М.: «Русайнс»; 2024. 238 с.
4. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИНФРА-М; 2020. 176 с.
5. Чупшева С.В., Абдрахманов Д.В., Артамонов А.А., Дотоль Н.Н. Концепция формирования новой организационно-правовой модели установления экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации. URL: <https://asi.ru/library/research/200471/?ysclid=mab42bh0kf111578897>
6. Гасников К.Д., Оболонкова Е.В. Правовое регулирование территорий с особыми условиями экономического развития в Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2017;1:101–109.
7. Угурчиева Л.М. Особые экономические зоны как инструмент реализации государственного регулирования регионального развития в РФ. *Научные исследования и разработки молодых ученых*. 2016;9(2):178.
8. Батайкин П.А., Зарезнов Д.А. Специальные налоговые режимы как инструменты государственного регулирования и механизмы стимулирования экономического развития. *Вестник экономики, права и социологии (ВЭПС)*. 2022;(4):17.
9. Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С. Налог на профессиональный доход: риски и потенциал. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;13(5):131–140.
10. Громова Е.А. Модели экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий. М.: 2023. 96 с.
11. Черешнева И.А. Система территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности. *Юрист*. 2018;(3):49.
12. Ефремов А.А., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. М.: ИД «Дело»; 2020. 126 с.
13. Савченко А.И. Комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (постатейный). М.: «Деловой двор»; 2021. 8 с.

REFERENCES

1. Davydova L., Dundukova S. A., Makarov V. O., Mironova S. M., Chagin I. B. Experimental legal regimes (regulatory sandboxes): Foreign practices and the experience of establishment in modern Russia. Monograph. edited by Davydova M. L., Makarov V. O., eds.: Moscow: Rusains; 2023. 186 p. (In Russ.).
2. Makarov V. O. Classification of regulatory sandboxes (experimental legal regimes): Russian and foreign experience. *Legal Concept*. 2021;(3):36. (In Russ.).
3. Terekhova E. V. Financial law (lecture notes). Vol. 2: Textbook. Moscow: Rusains; 2024. 160 p. (In Russ.).
4. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. The future of law: The legacy of academician V. S. Stepin and Legal Science. Moscow: INFRA-M; 2020. 172 p. (In Russ.).
5. Chupsheva S. V., Abdrakhmanov D. V., Artamonov A. A., Dotol N. N. Concept of forming a new organizational-legal model for establishing experimental legal regimes in the Russian Federation. Retrieved from URL: <https://asi.ru/library/research/200471/?ysclid=mab42bh0kf111578897> (In Russ.).

6. Gasnikov K.D., Obolonkova E.V. Legal regulation of Territories with special conditions for economic development in the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2017;1:101–109. (In Russ.).
7. Ugurchieva L.M. Special economic zones as a tool for state regulation of regional development in the Russian Federation. *Nauchnyi issledovaniya i razrabotki molodyh uchenykh = Scientific Research and Development of Young Scientists*. 2016;9(2):178. (In Russ.).
8. Bataikin P.A., Zareznova D.A. Special tax regimes as tools of state regulation and mechanisms for stimulating economic development. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sociologii = Bulletin of Economics, Law and Social Research (VEPS)*. 2022;(4):17. (In Russ.).
9. Goncharenko L.I., Advokatova A.S. Tax on professional income: risks and potential. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2020;13(5):131–140. (In Russ.).
10. Gromova E.A. Models of Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations and Technologies. Moscow: 2023. 96 p. (In Russ.).
11. Cheresheva I.A. The system of territories with a special regime of entrepreneurial activity. *Yurist = Lawyer Magazine*. 2018;(3):49. (In Russ.).
12. Efremov A.A., Dobrolyubova E.I., Talapina E.V., Yuzhakov V.N. Experimental legal regimes: Foreign experience and the Russian start. Moscow: ID “Delo”; 2020. 126 p. (In Russ.).
13. Savchenko A.I. Commentary on the Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ “On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation” [Article-by-Article Commentary]. Moscow: “Delovoy Dvor”; 2021. 8 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Даниил Владимирович Шахов — заместитель руководителя Аппарата Финансового университета — руководитель секретариата, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Daniil V. Shakhov — Deputy Chief of Staff of the Financial University — Head of the Secretariat, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
dvshakhov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 18.04.2025; принята к публикации 28.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 18.04.2025; accepted for publication 28.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.